

STALKER

A movie poster for the video game 'S.T.A.L.K.E.R.: Shadow of Chernobyl'. The central figure is a man in a dark jacket with a white hood and dark pants, standing on a wooden bridge over a body of water. He is looking back over his shoulder. The background is a desolate, post-apocalyptic landscape with dead trees and a small wooden building. A bright blue, glowing energy field is visible in the distance. The sky is dark and cloudy, with birds flying. The overall tone is somber and mysterious.

Дмитрий Григоренко

[Я ИЗ ЗОНЫ]
НЕБО БЕЗ НАС

Дмитрий Владимирович Григоренко
Я из Зоны. Небо без нас
Серия «Апокалипсис-СТ»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11817507

Я из Зоны. Небо без нас. Фантастический роман: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-982657-6

Аннотация

Кузьма, молодой солдат, по приказу начальства направляется в Зону. После столкновения с бандитами он становится их «отмычкой» и начинается игра на выживание. Только уверенность в своих силах, изучение аномалий и мутантов Зоны и повышение уровня боевых навыков помогают ему вернуться живым. Живым – но совершенно другим человеком.

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	16
3	24
4	33
5	38
6	50
7	61
8	68
9	78
10	84
11	92
12	99
Часть вторая	105
1	105
2	113
3	123
4	135
5	148
6	157
7	168
Часть третья	181
1	181

2	191
3	202
4	213
Часть четвертая	223
1	223
2	234
3	246
4	256
5	268
6	278
Часть пятая	288
1	288
2	299
3	309
4	319
5	329
6	339
7	349
8	359
Часть шестая	370
1	370
2	380
3	391
4	402
5	413
6	423

7	433
Часть седьмая	443
1	443
2	453
3	464
4	475
5	484
6	493
7	503
8	518
9	529

Дмитрий Владимирович Григоренко

Я из Зоны Небо без нас

Фантастический роман

«Я – из Зоны!»

Небо без нас

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но

и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д. Григоренко, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

Трофимыч

1

Я в Зону не хотел. Категорически. Особенно когда вспоминал невезучего солдатика. Его лицо обглодали собаки. Как каждый человек в этом мире, я обладал врожденным чувством самосохранения. Видимо, природа посмеялась надо мной и уравновесила этот положительный дар, вручив чрезмерный азарт. Помню, во время учебы в медицинском колледже постоянно торчал в букмекерской конторе, делая ставки на футбольные матчи. Проблема оказалась в отсутствии терпения, хотелось за трояк сразу выиграть «штуку». Как показал опыт, экспрессы рассчитаны на неудачников вроде меня.

Я служил уже полгода, когда Зона пришла и по мою душу. В тот день ветер бил в стекла. Наступил весенний вечер. Лучи солнца только набирали силу и не грели. Прохладный ветер в это время года вел себя особенно коварно, так и норовил залезть под одежду.

Сержант Баранов спустил штаны и повернулся ко мне задом.

– Пробирка, если больно уколешь, то в зубы дам, – пообещал он.

– Меня зовут Кузьма, – ответил я. Шприц брызнул в воздух струей цефтриаксона. Баранов умудрился заболеть перед самым отпуском и теперь старался сорвать злость на любом молодом солдате. Он вроде собирался поступать в войска особого назначения, чем очень гордился и много раз рассказывал в курилке. Хвастался, сколько килограммов жмет от груди и пробегает двадцать километров без всякой одышки. Трепло.

– Ух, сволочь! – вырвалось у Баранова, когда стальная игла проникла в тело.

– Рот закрой! – раздался крик из соседней комнаты. Стенки между кабинетом начальника медицинского пункта и манипуляционной не сильно защищали от звука, и даже позволяли рассмотреть, что происходит в соседней комнате. Шутка, конечно, хотя с долей правды. – А то распоясался, – продолжил начмед, – еще раз услышу про зубы, ты у меня ведро наперстками будешь набирать. Услышал, Баранов?

– Да, – сипло ответил тот.

– Да, товарищ капитан! – гаркнул начмед. Стена затряслась, как бумажный лист от порыва сильного ветра.

– Да, товарищ капитан, понял. Я знаю, с красными крестами лучше не ссориться. Вы же понимаете, он сам виноват, – сказал Баранов и натянул штаны. Ватка с кровью упала на пол. Он сделал вид, что не заметил. Это не его дембельское

дело убирать за собой, хотя мог просто мне отдать вату.

– Иди уже, сегодня последний раз укололи. Завтра на блокпост готовься заступать, а через недельку в отпуск. – Начмед зашел в манипуляционную комнату и встал возле окна, за которым становилось все темнее и темнее. Высокий, лет тридцати, он выглядел выжатым, как прокрученный в блендере лимон.

Дождался, пока хлопнет дверь за сержантом, и продолжил:

– Новиков, я с ним согласен. Конечно, в грубой форме, все же он прав. Знаешь, почему тебя не уважают в части?

– У меня фамилия русская, а внешность нет, – ответил я и посмотрел в зеркало, висящее на стене, обложенной белым кафелем. Так получилось, судьба дала больше от матери – черные волосы, характерный нос, изогнутый как у хищной птицы клюв, худощавое телосложение. Хотя с начмедом мы роста одинакового, так сказать, не низкие.

Конечно, я так не думал и понимал, куда он клонит.

– Не вижу проблемы в том, что у тебя смешанная кровь. У тебя мама, вроде, армянка? – начмед прислонил ладонь к стеклу.

Ветер усиливался, ветки рябины начали сильно раскачиваться. Темные тучи уверенно ползли из Зоны в сторону военной части. Она мне напоминала мать-старушку. Часть, обнесенная забором из бетонных плит, которые уже посерели и заимели пробоины размером с мяч. Ряд старых деревьев, вы-

саженных еще при другом политическом строе, здания, которые пережили распад страны. Все они покрыты каким-то налетом обреченности. Возможно, близость Зоны Отчуждения передавала этот настрой каждому человеку и на всю часть в целом, или она повидала столько горя на своем веку, что уже не ждала ничего хорошего. Будто в подтверждение моих мыслей нервно залаяла собака.

– Азербайджанка, – ответил я, выкидывая использованный материал: шприц, вату. Иголку я предусмотрительно сломал. Зная удалцов, приходилось предугадывать самые невероятные события, например, повторное использование шприца. Мне рассказывали случай, еще до моего появления в части, дембеля решили сделать наколки. Сколько раз в Зону ходили, череп мутанта с костями, автомат, патрон-таш. Показать крутость, увековечить на всю жизнь знаменитую службу в армии. Чернила где-то достали, на мусоре шприцы натырили, которые недальновидно выкинули из медицинского пункта, и начался процесс создания шедевра на коже.

Самое интересное, одному получилось сделать размытое черное пятно, а вот его друг загремел с заражением руки в госпиталь. Хотели даже ампутировать, однако удача оказалась на стороне дембеля.

– Они познакомились, когда отец в командировку в Сумгаит ездил. Женился, привез маму и девятнадцать лет тому назад появился я. Учился в средней школе, потом на фельд-

шера в училище номер два, закончил с красным дипломом. Ну, а потом попал в армию и теперь служу возле Зоны, – начал рассказывать историю жизни. План простой, заболтать начмеда, отвлечь его, переведя в разговор в другое русло.

– Ты от темы не отклоняйся, – произнес начмед, – скажу прямо, Кузьма, без обид. Ты у нас в части полгода уже фельдшером служишь. Нет, претензий по работе нет. Умешь колоть в мышцу и по вене, знаешь, как правильно наложить шину, какую дать таблетку. Хвалю. Однако за полгода другие уже несколько раз в Зону смотались. Для них сходить за Границу, это не только добыть артефакт или принести на обмен рухлядь, а это знак смелости. Знак того, что у тебя яйца не в тарелке на завтрак, а в штанах. Понимаешь? Они тебя держат за труса!

– Угу, – кивнул я.

– Что, угу? – нахмурился начмед. – Вот смотри...

Он приблизился к старому сейфу, стукнул его по крыше и провернул ключ. В нем лежали сильнодействующие лекарства, стояла бутылка коньяка и кусок застывшей грязи. Вот его и достал мой начальник.

– Это самый простой артефакт. Назначение: впитывает всякую гадость. Мне его принесли в оплату за больничный лист. На, держи. – Начмед кинул мне артефакт.

Я не успел среагировать, он упал на пол и закатился под кушетку. Пришлось лезть, доставать. Кусок грязи на ощупь оказался теплым и зеленоватым.

– Кузьма, своим сидением в медпункте ты общую репутацию медиков портишь.

– Понимаю. – Раз на чистоту разговор, то признаюсь. – Понимаю! Помните паренька? Я, когда только начал служить, его тело принесли из Зоны. Собаки погрызли так, что по лицу не узнать, лишь по одежде вычислили. А Крыса? Который неделю тому рванул в Зону? Что теперь с ним? Уже объявили в розыск, как дезертира!

Начмед кивнул:

– Кузьма, страх перед Зоной – это нормально. Кто без мозгов, уже давно удобряет землю. Все же ты боец, военнослужащий и должен переступить через страх. Никто тебя не заставляет артефакты искать самостоятельно. Бог с тобой! Сходи погуляй по ближнему району, выпей сто грамм и назад!

Я сжал в кулаке артефакт. Все же настроен начмед запустить меня в эту чертову Зону.

– Давай, Кузьма, пари заключим. Я тебе даю шесть дней больничного. Заметь: бесплатно! Этого времени сталкеру с головой хватит до центра Зоны дойти и вернуться. Другие вон, платят артефактами. За это время тебя никто не будет искать. Ты прогуляешься по краю, поспишь ночь и назад в часть. В центр не иди – это я пошутил. Только смотри, чтобы реально побывал.

– Почему? – спросил я наивно.

– Ребята потом вопросами засыпят, а они там не раз хо-

дили. Любят они байки потравить, кто на Границе больше настрелял мутантов, кто больше насобирал артефактов и выпил водки, – начмед поднял палец вверх, призывая к вниманию, – ты тоже байку принеси, чтобы мог рассказывать в курилке.

– В чем суть пари? – удивился я.

– Если сходишь, то подарю тебе артефакт и с меня магарыч. По секрету, начальники поляны подчиненным редко накрывают. Пригласишь дембелей, тебя зауважают, – предложил начмед.

Пальцами он барабанил по стеклу и с другой стороны капли дождя отвечали ему взаимностью. Ветер уже ломал рябину, нагибая ветки к земле. Тучи закрыли все небо, и темнота воцарилась над частью. Лишь огоньки на столбах размазывали желтые лучи, создавая нереалистичную картину.

Я молчал. Облизал пересохшие губы. Предложение дельное и он правду говорит: без самоволки в Зону у нас не уважают. Каждый «дед» имел правило поучать молодых, превознося себя как настоящего боевика, который мутантов кладет штабелями. Мне никогда не нравились эти байки, и я старался в них не вникать. Теперь же решил: почему бы и нет? Я долго думал, и начмед продолжил:

– Если нет, Новиков, то не обессудь, ищи себе другое место. Я для медпункта фельдшера разыщу посмелее.

Эту угрозу он мог не произносить. Я загорелся желанием, как костер, в который подлили бензин.

– Согласен, – сказал я и протянул руку.

Начмед крепко ее пожал.

– Договор дороже денег, – произнес он.

Через минуту ударила молния, расколов темное небо на-
пополам.

В Зоне начался Всплеск.

2

Землю корежило. Я не могу подобрать лучшего слова для описания Всплеска. Небеса извергались, как рвота из инфекционного больного. Потоки воды падали на ночную землю, холодными струями стекались в огромные лужи. Молнии чертили световые линии в темноте, непонятная тревога наполняла все вокруг.

Всплеск происходил вдалеке, километров в десяти от нас, там, где пролежала граница со страшной и непонятной для меня Зоной. Наша часть стояла в отдалении, занималась материально-техническим оснащением военных сталкеров и обеспечивала охрану на нескольких блокпостах.

Я смотрел в окно, дежурство по медицинскому пункту подходило к концу. Тщательно взвесив все «за» и «против», принял решение – к черту начмеда и Зону! Скажу, что заболел, а если надо, то и повторю прикол с татуировкой. Так, сегодня достану чернила, а вечером буду колоть. День, другой, и рука покраснеет. Лучше я в госпитале проведу несколько месяцев!

Зло гавкающая на перемену погоды собака давно замолчала, видимо забилась в будку. Так что, я дурнее собаки?

Дверь открылась, и зашел начмед. Капли дождя стекали с его плаща.

– Новиков, собирайся! – радостно крикнул он.

– Куда? – удивленно спросил я вместо приветствия.

– Как куда? В Зону конечно. Ты ж не передумал, боец? – сказал начмед и посмотрел мне в глаза.

Я удивленно почесал затылок. Блин! Все планы разрушились. Не ожидал, что поход произойдет так быстро.

– Нет, конечно. Просто думал, есть пара дней.

– Ха! Тебе очень повезло. Вчера случился Всплеск и теперь недельку будет чистое небо. Это раз. Второе: твой друг Баранов заступает на блокпост и третье – оружейник тебя уже ждет. – Перечислил он пункты моей удачи. Я даже не ожидал, как их так много. Везет по полной!

– А оружейник зачем? – задал я тупой вопрос.

Начмед к этому моменту уже разделся и включил чайник.

– Новиков, ты от собак чем будешь защищаться? Палкой? Или ты хотел автомат взять?

– Ну... – Если честно, то хотел.

– Баранки гну. Пропажу автомата сразу заметят, так что он тебе выдаст ружье. Старую «вертикалку» и десяток патронов. Ружье мое, иногда оставляю ему на хранение. Я с ним утром поговорил, он тебе все отдаст...

Я слушал и удивлялся. Утром? Когда утром, если сейчас максимум шесть часов!? Повезло?!

– Эй, ты стрелять умеешь из ружья? – спросил начмед.

– Да, умею, – ответил я, думая совершенно о другом.

– Вообще шикарно! Теперь быстро, собирай сумку, возьми что-то из медикаментов и давай получай ружье. Смотри,

машина на блокпост уходит ровно в семь. Ты должен успеть. Понял?

Понял только одно – я попал, и выхода из ситуации не видно. Придется собираться в Зону. Так начнем, отбросив панику.

Одежда. Старые берцы за полгода я умудрился их «убить». Правда, свою функцию защиты от грязи и дождя они выполняют. Военно-полевая форма. Штаны, куртка и бушлат без подстежки. Зато есть капюшон и самодельный карман. Сумка медицинская. Я с ней часто бегаю на оказание помощи. Удобный ремень, красный крест нарисован. Теперь надо провести отбор, что с собой брать. Выкидываю половину, оставляю несколько индивидуально-перевязочных пакетов, жгуты, обезболивающее в ампулах. К этому набору пузырек со спиртом и шприцы. Из инструментов оставляю маленький нож, складной с пластмассовой ручкой. Все остальное безжалостно кидаю в кулек и под кушетку. Кушетка! Я вспомнил, как вчера лазил под нее. Куда я дел артефакт?

– Вот, отдаю, – сказал я начмеду, доставая артефакт из кармана белого халата.

– Оставь себе на удачу, – сказал начмед, и отпил горячий чай из кружки с рисунком скорпиона. Он внимательно меня осмотрел, будто я находился на строевом смотре.

– Эй, Новиков, ты знаки различия сразу сними. Там нашего брата не сильно любят, – сказал он, – шапку меняй, ремень военный выкинь. Короче, не маленький, сам посмотри,

что да как.

Я знаки различия и погоны безжалостно снял, ремень решил оставить. Надо начинать думать над легендой, как и зачем я попал в Зону? Вариантов мало. Закопаться под «бывалого»? Не смешно. Остается одно, говорить правду или почти правду. Да – из части, да – убежал посмотреть на изнанку мира.

– Давай мчись к Ременову за ружьем и смотри, из Зоны без него назад не возвращайся! – крикнул мне в спину начальник.

Я поспешил к повороту судьбы, не сбавляя скорость и не поворачивая руль.

Утренняя часть выглядела умытой. Дождь смыл накопленную пыль, оставляя разводы жирной грязи на асфальте. Он, с трещинами-морщинами, улыбался каждому моему шагу. Я аккуратно смотрел по сторонам, стараясь обезопасить себя от появления начальства. Как и бывает в жизни, чего больше всего боишься, то и случается.

Завернул за угол штаба и уткнулся в недовольное лицо замполита. Нет, сейчас эта должность называлась по-другому, хотя смысл работы остался тот же – промывание мозгов. Чем наш замполит и занялся, не отходя от меня.

– Новиков, ты чего честь не отдаешь? Поздно руку скидывать! Хотя разговор у меня есть, серьезный, – он ткнул пальцем в грудь, – слухи ходят, что склоняют тебя к самоволке. Верно?

Я, не опуская руку, поднятую в приветствии, гаркнул:
– Никак нет, товарищ полковник!

Сглотнул. Что ж это такое? Еще не успел из части выбраться, а уже знают, куда я собрался. Не военная часть, а базарная площадь! Или это шанс остаться?

– Что, нет? Ко мне после развода писать объяснительную! Чистый листик возьми, не напасешься на вас, дармоедов, – язвительно сказал он и поспешил на планерку.

Я же задумался, кто меня мог сдать. Выходил Ременов или начмед. Последний вариант отпадает, ему самому может попасть. Сейчас же проверю Ременова. Будет отнекиваться, не давать ружье – значит, не чиста совесть. Надо только успеть до развода караула.

В оружейную я вбежал, перепрыгивая через ступеньки. Ременов на выдаче находился сам лично. За стальной дверью он засел, как пробка в бутылке шампанского. Я не понимаю, как он там помещается. Слон с огромным пузом. Говорят, ремень ему приходится из нескольких сшивать. Я в это охотно верил.

– Кузьма, ты что пьяный, в Зону идти? – первым делом спросил он.

– Нет, – ответил я.

– Тогда получи и распишись. – Он порылся где-то под ногами, достал завернутое в брезентовую ткань ружье. – Тульский оружейный завод мастерил, гладкоствольное. Вертикальное расположение, так что целишься под «восьмерку».

Калибр двенадцатый.

Посмотрел на меня, вздохнул:

– Представь мишень, где десятка – это голова. Теперь целишься в «восьмерку», попадаешь в голову. Понял?

Я кивнул.

– Дальше, – сказал он сам себе. На столик легли пачки патронов. Завернутые в промасленную бумагу, они так и просились, чтобы их вынули и вставили в ствол. – Патроны. Охотничьи... Жакан. Новые, не промокшие. Так, вроде все, – сказал Ременов.

Я стал засовывать коробки по карманам бушлата. Медицинская сумка болталась на плече. Ременов положив руки на необъятный живот, вдруг улыбнулся, по-доброму, как родному сыну.

– Все же решился. Полгода ждали. Я считал, что твой начальник кору начнет грызть от безысходности, – сказал он.

От удивления я перестал суетиться и спросил:

– Чего?

Улыбку моментально стерло. Потом оружейник встал. Мне показалось, передо мной поднялась огромная стена. Ременов вздохнул:

– Кузьма, ты точно не идиот? Полагаешь, он каждому отдаст лучшее ружье? Любого будет прикрывать справкой? Вот сколько раз тебя били? Ни разу. Вот... Как полагаешь, чья в этом заслуга?

Я молчал.

Ременов прикрыл глаза:

– Ты деньги взял?

– Да, – ответил я и вытащил на стол бумажки с водяными знаками. Как для меня – немало, пару тысяч. Ременов даже привстал на цыпочки от удивления:

– Это все?!

– Ну да, – продолжал я его удивлять.

– Точно идиот. Верни ружье, иди в медицинский пункт, – сказал он.

Я схватил сверток с патронами и прижал к груди.

– Новиков, ты знаешь, что наш брат делится на несколько видов за блокпостом. Первые – это военные сталкеры. Про них ты многое слышал. Вторые – это «залетные». Как Баранов. Их задача походить по окраинам, купить, повторю, для особо глухих, купить артефакт и потом хвастаться до самого дембеля. А вот ты, за какие шиши будешь покупать?

Теперь я понял, зачем начмед отдал мне артефакт. Вот оно что! Он просчитал все наперед, на пару ходов. Блин. Не зря он постоянно играет в шахматы!

– Мне хватит, – сказал я угрюмо. Эх, жаль, что кличка у меня не Угрюмый. Сразу понятно, человеку с таким именем лучше ссору не заводить.

– Еду взял? – спросил Ременов поскуцневшим голосом. Таким на экзамене профессор задает последний вопрос, стараясь хоть как-то вытащить студюоза. Например, какой цвет учебника? Или: вы знаете мое имя-отчество?

– Кузьма, ты не поверишь, людям присуще кушать. Ам-ам, – сказал он, показывая себе в рот.

Он порылся на полке и достал банки.

– Тушенка, три штуки. Сгущенка... И хватит, – подытожил он.

– Спасибо. – Я заталкивал в сумку провиант.

Ременов молчал и лишь под конец моих сборов произнес:

– Новиков, наплюй на артефакты. Главное, целым вернись.

Ответить я не успел, часы на столе пропели незамысловатую песенку.

Наступило семь часов.

3

Бежал из оружейной комнаты аж появился свист в ушах. С сумкой и завернутым в брезент ружьем торопился к машине. Обычно, перед воротами строилась группа, их считали, проверяли и они ехали через поля к блокпосту. Там происходил обмен, и усталые товарищи возвращались в часть: отведаться, отмываться и отсыпаться.

Бежать! Асфальт превратился в сплошную серую полосу. Створки ворот, как в драматическом кино, медленно закрывались. Я заметил, как старый «газик» выбросил клубы дыма и стал набирать скорость.

– Стой! – попытался я крикнуть. Получился хрип. Взмахнул рукой, привлекая внимание караульного на воротах. Он перестал их закрывать, и я просочился между створками. Крытый зеленой клеенкой «газик» повернул налево. Сонные лица в кузове.

Бежать, Новиков, бежать! Машина уезжала, лица стали превращаться с размытые пятна. Бежать!

Я не поверил счастью, машина притормозила. Мне кричали:

– Быстрее!

С разбега, не сбавляя скорости, я оттолкнулся и повис на борте кузова. Ударился знатно, боль разошлась волной по грудной клетке. Меня втащили, посадили на грязный пол.

– Новиков, ну ты гоняешь! – сказал чернявый прапорщик, – будто нормативы сдавал! Кстати, Баранов, с тебя поллитра, говорил же, не струсит Кузьма.

Баранов. Тяжело дыша, я посмотрел на Баранова. Проспорил он! Начмед же говорил, что он заступает на пост! Он в курсе событий, а я грешил на Ременова. Вот кто меня замполиту сдал с потрохами. Успел же, зараза, к нему рано утром подскочить, настучать про вылазку в Зону.

– Ему начмед дал пендаля, вот он и прилетел, – зло сказал Баранов.

Я, с паузами, ответил. Злость: из-за бессонной ночи и от поездки в Зону, и от его понтов, утомили.

– Баран, помню, ты уколов боялся. Думал, что ты от страха в окно сиганешь.

Гогот военных перекрыл мат Баранова.

Прапорщик ткнул мне в плечо кулаком, сказал:

– Баран, давай еще поспорим? Ставлю, что Новиков вернется не раньше, чем через три дня.

– Да от блокпоста не отойдет! – скривил губы Баранов.

Начался спор, и заключение очередного пари. Выясняли и ставили, как на лошадь – когда приду, с чем вернусь, что могу потерять. Больше всего не понравилась ставка – без ушей. Однако я понял, это дежурная шутка, предназначенная для запугивания молодых «духов».

Машина бежала бодро. Я ехал в Зону. Страшную, полную противоречивых слухов и совершенно чуждую моему пони-

манию. Деревья по краю дороги стояли без листьев, ветками царапая воздух. После дождя, они выглядели зловещими, как пальцы костлявой старухи.

Я наконец-то отдышался. Что делать дальше? Баранов должен меня вывести за блокпост, в чистое поле. Настроение у него явно недружелюбное. Как заставить действовать и обезопасить себя?

Я повернулся к нему и громко сказал:

– Начмед слово дал, что ты меня проведешь.

Разговоры в кузове стихли.

Баранов замолчал, обиженно поджал губы. Шелестели колеса машины, брезент хлопал по ветру. Так и читались мысли Баранова. Отказаться он не мог. В присутствии военных, да и начмеду потом объяснять, почему не выпустил. С другой стороны, у него скоро дембель. Можно забить на всех, показать, что он бывалый, сам много раз за Границу ходил. Перевесил здравый смысл или банальная хитрость. Баранов оскалился:

– Он дал слово, и я дал слово. Чего ты пугаешься, а Новиков? Проведу, даже дорогу покажу. – Он повернулся к прапорщику: – Спорим, на то, что он меньше трех дней в Зоне пробудет.

Я успокоился. Все, при всех сказал. Странно, чего ж он меня так невзлюбил? Подлянку я ему не делал. Не ходил в Зону? Так вот, еду же, он должен наоборот проявить солидарность. Или реально не верит, думает, я отсижусь на краю

Границы и назад дерну в часть?

Подвинулся ближе к борту. Дорога змеилась, вид открылся, как в кинотеатре. Весна вступала в права владения, снег сменился грязью, показались останки прошлогодних листьев и жухлая трава. Машину тряхнуло, меня подбросило вверх. Раздались возгласы и брань.

– Что там? Камень? – спросили сзади.

Я присмотрелся:

– Нет. Тело собаки, правда, здоровой такой, с теленка.

– Дааа, не маленькие шавки водятся в Зоне, – протянул чернявый прапорщик.

– Угу. Смотри, вот такие тебе полноги откусят, – вякнул Баранов.

Ответить он не успел, кто-то заехал ему по макушке:

– Не каркай, Баран. Судьба такая интересная дама, может и к тебе привести этих шавок. Тем не менее, не к добру такая примета, мертвая собака...

Баранов замолчал, остальные стали обсуждать, как собака из Зоны оказалась на дороге. Я же наслаждался спокойными последними минутами. Сердце стучало бодро, весело. Такое чувство возникало, когда в экспрессе уже сыграны девять матчей, результат которых угадал и остался один, десятый. И ты ждешь начала, ждешь победы своей команды.

Так и ехал с дурацкой улыбкой. Улыбкой человека, который переступил через свой страх. Вот я и провел время, погруженный в размышления. Вроде разложил все по полоч-

кам, и стало легче. Так бывает, после тяжелой умственной работы или эмоционального напряжения приходит внутренняя тишина. Становится легко и жизненный путь становится ясным.

Машина, преодолевая размытую полевую дорогу, резко накренилась. На меня навалились, раздались вопли. Двигатель заглох. Солнце светило ярко, казалось, что после привычной зимней темноты включили огромные прожекторы.

Хлопнула дверь, появился водитель. Пузатый и усатый дядька в затертой кепке приказал:

– Все ребят, выходите. Дальше по дороге озеро из грязи, если поеду, то утону.

– Офигеть, – высказал общую мысль чернявый прапор, – а мы как, вплавь до блокпоста?

– Нет, вон, чуток правее лесополоса. Там и пройдете, до него всего-то километр топтать, – сказал водитель, – а я пока здесь подожду смену. Ну, если хотите, могу рискнуть. Вытаскивать из грязи вам же придется.

Разговоры длились долго, а сделали, как сказал старый водитель. К тому времени я уже успел сходить до ветру, постоял с другими за компанию, подышал дымом от дешевых сигарет. На свежем воздухе табачный запах приобрел специфический оттенок. Свободы что ли?

– Двинули.

Я не видел, кто скомандовал. Двинули, так двинули. Мне в нагрузку дали рюкзак, а в руки пятилитровую бутылку с ком-

потом. Темно-красная жидкость, как кровь, бултыхалась при каждом шаге. Мы шли гуськом, дыша друг другу в затылок. Армия, все однообразно и безобразно. Читал, что в армии главный принцип сгладить индивидуальность каждого человека, привести в однородную массу, а вот потом из нее лепить, как из пластилина, солдатиков.

Тяжелое утро. Мысли, которые, как надоедливые комары, кусали меня всю ночь. Закончился азарт, который будоражил кровь, и будь я автомобилем, стрелка уровня бензина показала бы ноль. Как же хорошо было ехать в машине!

Незнакомый солдатик обогнал меня справа, оказался в начале колонны. Он неосмотрительно выполз на полосу грязи.

– Черт! – крикнул он.

Странная сила потащила его, как будто к ноге привязали веревку и резко дернули. Он упал на спину, автомат отлетел в сторону. Круги на черной грязи расходились от центра, куда его и волочило. Я замер в нерешительности. Это ощущение реального места, листвы под ногами, воздуха, который был пропитан влагой после дождя... и такая нереальность происходящего. Солдатик достиг эпицентра, и его отбросило на пару метров в нашу сторону. Упал грузно, разбрызгав жижу во все стороны.

К нему подскочил прапорщик:

– Живой?!

– Да... – просипел тот.

– Новиков, бегом сюда! – громко крикнул прапорщик, хо-

тя я находился в метре от него.

Я приблизился, бросил бутылку и начал осматривать солдата. Крови не было, даже щеку не прикусил. Потрогал грудную клетку, живот, руку...

– Больно, – скривился он.

– Терпи, – посоветовал я. Осмотр занял минут десять. За это время возле кругов случилось обсуждение, итог которого уложился в короткий монолог:

– «Пинок» – аномалия коварная, зато хилая. Она притягивает к центру, а потом подбрасывает. Будь потолще солдатик, даже не подкинуло бы. Ее бояться надо по другой причине. Эта подлая аномалия толкает в соседние. Если рядом находился «подскок» – все, пиши пропало. Вопрос в другом, как аномалия оказалась на этой дороге? То собака, теперь она... Расширяется Зона. Ехали бы на машине, даже не заметили...

– Новиков, диагноз! – услышал я.

– Вывих руки при падении. Возможно перелом.

– Голова цела? – спросил прапорщик. Надо хоть его фамилию узнать...

– Да.

– Это хорошо, – сказал он и резким движением съездил по лицу солдата. Потекла кровь из рассеченной губы.

– Чтобы не обгонял и смотрел, куда копыта ставишь.

Тот обиженно скукожился. Казалось еще мгновение, и он расплчется. Недавно попал к нам, зеленый, как кактус.

– Кузьма, – обратился по имени прапорщик, – что делаем?

– Наложу шину. Палок много, есть бинт. Дальше надо в часть, – сказал я спокойно, стараясь не выдать волнение. Сейчас скажут вести его к машине, потом в часть. И прощай Зона! Ха!

– Молодец. Делай. Не бойсь, Новиков, проведем тебя через блокпост, как положено. Парень ты толковый.

Три раза посмеяться. Они же поход через Границу расценивают как привилегию, сродни подвигу!

По моей просьбе сломали и ошкурили ветку. Я достал бинт, заставил солдатика снять бушлат и стал фиксировать шину. Он шипел, вздрагивал, но молчал. В конце манипуляции, подвесил верхнюю конечность, и он стал похож на героя из боевиков.

– Баранов, проведешь Однорукого к машине, потом догонишь.

Вот так у нас появляются клички в части. Пареньку прилипла не самая отвратительная. У нас могут дать за привычку, фразу или как сейчас – случай.

Я так понял, чернявый прапор старший в группе заступающих на блокпост.

– Чего я? – возмутился Баран.

– Ты опытный, когда сам будешь возвращаться, то не попадешься в аномалию. Давайте, дуйте.

Мы разошлись. Они к машине, а мы к блокпосту, оставляя первую аномалию, которую я встретил. Первую, но не

ПОСЛЕДНЮЮ.

4

Блокпост – это кусок мирной жизни, который находится на территории врага. Он, как волнорез, рассекает волны страха, идущие из сердца Зоны. Ветер и ливни накатывают на блокпост с завидным постоянством. Как шутили сослуживцы: в Зоне может солнце не зайти, а тучи будут обязательно.

Мы подходили к блокпосту. Странно, с каждым шагом менялась и погода, и настроение. Погожий день оставался за нашими спинами. Впереди – низкие махровые одеяла, которые только по недоразумению называют тучами. Свинцовый цвет, различные темные оттенки, нанесли на полотно от поста до самого горизонта.

Бетонные блоки, уложенные в ряд, деревянный настил и укрепленный одноэтажный дом – это и есть камень отсчета. «Прямо пойдешь – на атомку попадешь, налево пойдешь, – Куб найдешь, направо пойдешь – всю амуницию потеряешь». Надпись, нанесенная красной краской, облупилась и стерлась из-за постоянных дождей.

– Шутники, блин, – прокомментировал надпись прапорщик.

Нас заметили издалека, и навстречу выдвинулась группа. Автоматы небрежно лежат на сгибе рук. Обманчиво. Я видел такое на тренировках. Резкое движение, и они готовы –

присев на правое колено, открыть огонь на поражение.

– Стой! Кто идет? – спросил худощавый.

– Смена и сто грамм, – ответил прапорщик. Мы медленно приблизились, хотя вещи бросать на асфальт не стали. Приказа же не было.

– Где машину потеряли? Пропили?

– Не умничай, тебе километр пройти, и все, почти дома, а нам тут неделю куковать, – огрызнулся прапорщик.

– Пароль! – Худощавый захотел в отместку по всем правилам нас опросить.

– Так, – задумался прапорщик, – сегодня четверг? Тогда ответ: Динамо-Минск.

– Смена проходи, сто грамм остаются, – распорядился худощавый и приветливо протянул ладонь. Он пояснил свою настороженность: – Перед Всплеском, случился прорыв с той стороны. Странный мужик, в зеленом берете. Не рискнул к нам вплотную подойти, помаячил и скрылся. Короче, очередной сумасшедший сталкер.

Ротация происходила живо. Пережившим Всплеск не хотелось оставаться на блокпосту ни минуты. Я их понимал.

Побыв на блокпосту с полчаса, почувствовал тоску по родному медпункту. Прискакал Баранов. Запыхавшийся, он резво начал проверять раскладушку, причитая, что в прошлый раз передали поломанную.

Я нашел импровизированную кухню. Поздоровался, присел. Один из солдатиков, который прибыл со мной, заварил

чай.

– Я тут уже третью ходку, – рассказывал он, – и сразу на кухне обжился. Мне нравится, тепло, есть что кушать. Варить приходится, так это не хитрое дело. Взял крупу по расписанию, рис или перловку, закинул тушенку и готово.

– Ты чай быстрее разливай, – попросил я его.

– Сейчас. Чай должен настояться, – сказал он, и продолжил о жизни на блокпосту. – Знаешь, в чем самая большая опасность?

– Всплеск? – сказал я.

– Ну, Всплеск, конечно, беда, – смутился он, – тогда, что после него самое опасное?

Я задумался. Для меня, Всплеск – это зло от самой Матушки-природы. Не только смена погоды, разряды молний, сводящие с ума любого, попавшего в эпицентр. Гон мутантов. Когда бегут дикие ужасы прямо на Границу, стараясь пересечь линию, проникнуть через блокпост. Лавина живой массы, и в сердцах у них бьется желание попробовать кровь.

– Гон.

– Нет, – ответил он. Клянусь, в его голосе самодовольства больше, чем воды в океане.

К нам приблизился мужичок в старой форме. По-свойски сел, поставил автомат чуток в сторонке.

Солдатик выдержал паузу, разлил чай в стаканы и бросил по ложке сахара. Столовой ложке. Мужику он горячего напитка не предложил. Я с удовольствием подул и отхлебнул.

Черный, тягучий и очень сладкий. Что еще надо для счастья? Усталость вытекала из измученных мышц. Солнышко светило не ярко. Я, сидя на самодельной лавочке, глядел в темный горизонт.

– Так вот, самое страшное, это сталкеры, – с пафосом сказал он.

Я от удивления забыл подуть и обжегся горячим чифирем. Язык сразу же онемел и стал пульсировать тупой болью.

– С чего это? Вроде они нас должны бояться, а не мы их, – промямлил я.

– Это все условно. Вот смотри, пока он в Зоне, мы его боимся, чтобы не стрельнул нам в спину при патрулировании, а когда он проходит блокпост, то он нас боится. Понимаешь?

– Нет, – сказал я. Этот солдатик меня начал раздражать.

– Мы, как тигр и надсмотрщик, зависим друг от друга. Вот только не знаешь, в следующий раз при кормежке цапнет он тебя или нет, – сказал мужик.

– Эээ... ну да, – согласился солдатик.

Я внимательно посмотрел на мужичка. Опа! Ладная форма, заштопанный рюкзак за спиной и обувь – качественные, высокие сапоги. Легкая щетина и слегка косит на левый глаз. Я прикинул, ему лет за пятьдесят. Таких, как он, показывали на фотографиях в учебном классе. Сталкер!

– И кто тигр? – спросил я, отставляя пустую кружку.

– Да какая разница? А вот если ты Кузьма Новиков, то я тебя в Зону не поведу, – сказал мужик.

Для верности ткнул пальцем. Прямо в солдатика.

Через несколько часов мы уже двигались по Зоне. Солнце стояло в зените. Если оглянуться назад, то видно, как красиво падают лучи на блокпост. Серые бетонные плиты стали казаться такими надежными и родными. Я оглядывался не часто, всего лишь раз пять. Деревья скрипели от порывов ветра, махая мне на прощание верхушками без листьев. Такое ощущение, что над нами стоит дождевая туча, а мы находимся на краю и наблюдаем – там другой мир, светлый. Нас же засасывало, как в водоворот, где посередине находится смерть.

– Прекрати крутиться, топай спокойно, – сказал Трофимыч.

Я смотрел на спину сталкера. Старый бушлат, как автобиография, многое про него рассказывал. Вот подпалина на месте кармана. Положил туда сигарету? У нас так прятали от ветра солдаты. А может артефакт пропал? Какой? И с чего его класть в карман? Нет, это мои фантазии, подкрепленные безграмотностью.

Длинный разрез на спине бушлата. Ножиком полоснули? Спросить?

– И даже не думай, – просипел Трофимыч.

– Что? – спросил я.

– Беседу разводить в чистом поле, вот что, – ответил Тро-

фимыч.

Да, поле к разговору не располагало. Высокая трава, не знающая покоса много лет, жесткой полоской проходила по ногам. Там, где берцы защищали, было нормально. Зато выше, где тонкая ткань штанов, трава чувствовалась. Вспомнилось детство, когда в сандалиях вбегаешь в дикий сад и жесткие листья лопухов шершаво проводят по ногам. Дальше же, для особо упертых, крапива.

Интересно, а тут есть опасные растения?

Мы двигались, как принято в армии, друг за другом. Трофимыч. Мне уже перед отправкой в Зону объяснили. Есть сталкера, которые не зарабатывают сверхценные артефакты, не лезят по АЭС и ведут жизнь в первой полосе. Когда приходит время возвращаться: кому домой, кому в Зону, то легче перейти через блокпост. Нет, есть ушлые ребята, со специальной подготовкой, которые готовы потратить полдня и, обманув патруль, пересечь Границу.

Трофимычу в нагрузку за проход через Границу дали солдата. Он искал на кухне именно меня, чернявый прапорщик оказался его знакомым. Как я просек, Трофимыч считался бывалым сталкером и его слова про «не возьму» это не простое бахвальство. Его слова имели вес пули, а он – авторитет среди наших.

– Залегли, – приказал сталкер.

Я замер. Конечно, нас в части учили моментально выполнять команды. Все же трудно разгадать, что буркнул себе под

нос Трофимыч. Да и не понял я смысла падать в чистом поле. Чуть дальше поднимался холм. Вот подойти к нему поближе и тогда упасть!

А сейчас мы стоим в грязи. Земля после дождя набухла и стала мягкой. Нет привычного ощущения ходьбы по твердой поверхности. Это сбивало с толку, лишало уверенности.

Да и чудились мне коварные ловушки Зоны. Скажу правду, тряхануло после аномалии в лесной просеке. Солдатик еще легко отделался. Ему теперь путь-дорога в церковь, свечку ставить за удачное приземление.

Однако в тот миг я замер. Слабый удар по ноге вывел из размышления. Я присел, а потом растянулся в грязи. Прощай чистый бушлат! Хорошо, хоть ружье завернуто в брезентовую ткань.

Пнул меня Трофимыч и теперь внимательно смотрел в глаза. Тихо спросил:

– Ты всегда такой тормоз?

Я покачал головой, отрицая, и пояснил:

– Ночь не спал.

Ответ сталкер воспринял спокойно. Я уже заметил, Трофимыч не фонтанирует эмоциями и ценит каждое слово или действие. Лицо же его, да простит меня сталкер, лицо старика. Сухое, с крупным носом. Волосы, коротко стриженные на военный манер. Глаза красные, с поволокой. Точно он смотрел с бодуна на этот мир. Вдобавок периодически удивляясь, что это к нему прилипло? А, да это же солдатик, которого

попросили проводить в Зону!

Есть проблема: а если в следующий раз он меня не узнает? Хотя нет, чернявый прапор, фамилию которого я так и не узнал, охарактеризовал его одним словом: надежный.

Сталкер медленно пополз. Я за ним. Кстати, пройдя малое расстояние по грязи, осознал, почему сталкер в хороших сапогах. Вот на чем, а на обуви экономить не стоит.

Блин, как просто и одновременно тяжело. Почему обычные вещи из жизни приобретают в Зоне специфический, обостренный характер? Как и в гражданской жизни, смог накопить, купил нормальные кроссовки и ходишь в них три сезона: осень, зиму и весну. А пожалел, спустил деньги на пиво, купил китайское чудо и все – зимой черпаешь воду. Я вспомнил девушку-продащицу, которая уверенно объясняла, теперь есть «Китай» – качественный и «Китай» – ненастоящий. Дожили. Китай уже подделывают. Девушка осталась жить в моей памяти по другой причине – открытого выреза пуловера, из которого виднелся край красного лифа...

Трофимыч залег на пригорке. Приподнял голову и уже видит, что творится в поле. Я же уткнулся лбом в траву. Черт. Она даже пахнет иначе. Нет жухлости после зимы. Тем не менее, запаха растения, запаха травы тоже не чувствую. Запах как у прогорклого подсолнечного масла. Я сорвал травинку, сунул в рот.

– Тьфу.

Горечь разлилась во рту. Я скривился, больше не изда-

вая звука и всхлипов. Попытался выплюнуть накопившуюся слюну. Она прилипла к губам и тянулась длинной висячкой. Видимо возгласа хватило. Трофимыч смотрел на действия с внезапным интересом. Словно перед ним котенок стал выплевывать кости рыбы. Да не простого карасика, а метровой щуки.

– Трава попала, – шепотом объяснил я.

– Ну да, как не попасть, когда ее срывают и лопают, – сказал Трофимыч, – ты что, голодный, радиоактивную траву есть?

Я постарался выплюнуть за один раз всю слюну.

– Теперь зубы выпадут? – спросил я. Нет, конечно, ответ я знал, все же решил уточнить.

– Да, – серьезно ответил Трофимыч, – к старости выпадут, как и у всех людей.

Впервые увидел, как он улыбнулся. Широко и довольно. Ему, однозначно, надо еще мне приплачивать. Когда так еще повеселится с новичка?

Трофимыч достал из кармана прицел и стал осматривать окрестности. Он стал сосредоточенным, с него сошел налет веселости. Я лежал молча, борясь с приступами тошноты, не хватало еще, чтобы вырвало. Не сомневался, Трофимыча военнослужащие будут спрашивать, как я показал себя в Зоне. Он, не оборачиваясь, протянул прицел.

Я взял трубку сантиметров десяти, легкую, как пачка сигарет. Нет, ошибся – не прицел. Половина от бинокля. Про-

резиненный корпус, с ложбинкой для пальцев.

Жесть!

Я подполз по желто-грязной траве и выглянул в подозрительную трубу. Мягкая резинка на краю плотно облегла округлость вокруг глаза. Сетка! Как в прицеле снайперской винтовки! Правда, не все понятно. Попробуем разобраться. На трубке находились кольца с наростами.

Щелк-щелк, покрутил их. Сетка стала четче, точно навели толстым черным карандашом.

Вот только изображение расплылось. Так я и увидел Зону, пятном из палитры коричневой травы и черных луж грязи.

– Не крути кольца на монокле, – запоздало предупредил сталкер.

– Уже, – сказал я. Монокль. Я всегда думал, монокль – это такое стекло, которое вставляли в орбиту глаза лет двести назад. Путь эволюции был проделан немалый, как от камня, брошенного в небо, до ракеты. Да и выглядит монокль техническим чудом из будущего.

Сталкер вздохнул. Забрал у меня монокль, стал регулировать.

– А почему трава горькая? – задал мучающий меня вопрос.

– Полынь есть не надо.

– Нет, полынь я знаю, она более серого цвета.

– Курс по радмедицине проходил? Вспоминай, радиация впитывается в землю, трава питается от земли, животные

кушают траву. Хищные животные кушают все. Тем самым происходит круговорот в природе радиоактивных веществ, – провел лекцию Трофимыч, – однако, ты смысленный малый.

Я удивился. Значит, я не пропащая душа, если опытный сталкер хвалит! Он-то сразу оценил способности, не то, что Баранов.

– Почему? – Решил уточнить.

– Траву ешь, где радиации нет. Ну, почти нет, – ответил он, и вновь протянул мне монокль, – смотри внимательно, чуть левее.

Я так и сделал.

Темные тучи давили сверху, как крышка гроба. Далеко виднелись контуры зданий. Вышка, водонапорная башня? Было плохо видно, но крутить кольца не решался. Все равно в них ничего не понимаю. Ладно, на досуге спрашиваю Трофимыча, инструкцию выведаю. Присмотрелся. Ветрянка. Точно она! Сетчатая ножка – распорка, лопасти, вращаясь, создают круг.

– Интересно, она дает электричество? – спросил я шепотом. Стало казаться, что мы там и нас слышат зверь или другие сталкеры.

– Нет. Пробовали, конечно. Даже, Семен, электрик по профессии, старался наладить. Клялся, что все верно подсоединил, все провода проверил, а тока-то нет. Зона. Тут много таких непоняток, – спокойно ответил Трофимыч, – видишь здания колхоза?

Точно! Это же колхоз. Часто слышал про него, от наших бывалых.

– Это ж вроде безопасная точка, – сказал я.

– Кузьма, – назвал меня по имени Трофимыч, – безопасного в Зоне ничего нет.

Последние слова он произнес по слогам.

– Смотри, здание за большим комплексом, с почти целой крышей. Увидел? – продолжил он.

– Там еще окна заколочены и кустарники?

– Да. Вот туда мы и пойдем. Как ты говоришь, точка. Мы говорим – схрон. Там перекусим и отдохнем.

В животе у меня заурчало. Есть не хотелось, хотелось жрать. Правда, до этого момента, эмоции перекрывали чувство голода, пока не упомянули про еду. Хотя, мы от блокаста отделились с гулькин нос.

– Идем? – спросил я через минут пять.

Все это время лежали молча. Сталкер смотрел без монокля на широкое поле, которое отделяло нас от колхоза. Он снова стал угрюм, сосредоточен.

– Ты аномалию видишь? – теперь уже он стал шептать.

– Нет, – честно ответил я, для верности посмотрел по сторонам.

– А она есть, – сказал Трофимыч.

Отполз назад, сел на пятую точку.

– Вставай, а то почки простудишь.

Я присел на корточки, отдал ему монокль. Грязь прилипла

к бушлату и штанам, берцы обросли кусками земли.

– Ты знаешь, как ходят настоящие герои? – спросил меня Трофимыч.

– Они ж летают, – честно ответил я. Увидев недоумение на лице, пояснил: – ну, например, человек – летучая мышь.

– Мульттики надо смотреть правильные, – строго сказал сталкер, – настоящие герои всегда идут в обход.

Прежде чем мы двинулись дальше, я получил бесценный опыт. Трофимыч, скупно и с иронией провел опрос, высказал о подготовке пару лестных выражений. Началось с простого вопроса.

– Пойдем через правый край. Ветер будет нам в лицо дуть, зато звери не почуют, – поднимаясь с корточек, сказал Трофимыч. Он как-то умудрился не сильно запачкаться. Взял бушлат за среднюю пуговицу, активно потряс и стал чище прежнего.

Я поправил лямки сумки, осмотрел самую ценную вещь, после головы, ружье. Спасибо Ременову, хорошо заботился, упаковал шикарно. Края завернуты и связаны крепко тесемкой. Эх, оружейник как раз горячее в столовой доедает и, как всегда, просит двойной гарнир.

Глянул на небо. Тучи стали белеть. Жизнь налаживается – я вспомнил старый анекдот про бомжа. Он с бодуна решил повеситься, залез на стул, заметил зачанку из окурка и пол-стакана на шкафу. И после произнес эту потрясающую фразу.

– Мне оружие доставать? – спросил я.

– Пока нет. У меня оружие наготове, я – первый. Ты лучше болты достань, сейчас кидать научу.

Я замер. Жизнь не налаживалась. Окурочок попался окаменелым, в стакане не водка, а раствор от клопов. Болты. Вот как высказать опытному сталкеру, что, собираясь в Зону, не взял ничего для швыряния перед собой?

– Ну, – требовательно сказал он.

Автомат Трофимыч положил на сгиб руки, в точности повторив движение наших на блокпосту. Ответить, что забыл? Бывает, первый раз же иду. Включить тумблер «дурак», не знал – хоть убей. Не должен же я владеть такой информацией? Хотя, кого я обманываю, служить в пограничной с Зоной части и не знать элементарных вещей?

– Не брал. Не подумал.

Ответил правду. Да, очень мало дали времени на сборы, однако, есть моменты в жизни, когда главное результат, а оправдания... Нет им места.

– Новиков, – с отвращением сказал Трофимыч, – давай определимся сразу. Ты точно дурак? Вот так топать в Зону? Смотрю на сумку с крестом и понимаю, еды там не много, дозиметра на тебе не вижу, оружие служит скорее для отпугивания. Получается: дурак или тебя должны встретить?

– Есть еще вариант, – насупился я, – болты не взял. Дозиметр тоже, не хочу далеко заходить. Еда – тушенка в банках.

– Тогда открой тайну о цели визита.

– Выжить, – быстро ответил я. Пусть считает меня трусом. Баранов ответил бы – за артефактами.

Начмед, чтоб ему икалось, за суровой романтикой. Ремезнов, за новыми историями и сталкерскими байками.

Трофимыч достал из кармана болты. Новенькие, блестят. На каждый болт накручены по три гайки. Кинешь такой агрегат в голову и глаз можно поцарапать.

Видно, что он анализирует ответ.

– Хорошая цель. Главное, твоя цель совпадает с моей, значит дальше держим путь. Сказал бы артефакты или деньги, то наши дороги разминулись. А так...

Трофимыч достал из опаленного кармана старый болт и катушку красных ниток.

– Держи, талисман будет. – Отрывая нитку от болта, сталкер кинул его мне.

Я после бессонной ночи, да еще и похода... Короче, не поймал. Болт попрыгал в моих ладонях, спикировал в траву.

– Хмм, научим, – произнес Трофимыч. Привязывая красную нитку к новому болту, добавил: – или заставим. Главное, чайником не бить.

Я догадался, что это очередная шутка, смысл которой не понял.

Красный цвет ниток притягивал взгляд. Мне казалось, я стою на пороге открытия тайны. Вся Зона одета в темные цвета, окутана блеклыми тонами. Где я могу увидеть красный цвет? Он, как огонек, давал надежду, что есть жизнь. За

блокпостом и дальше, есть нормальная жизнь.

Красная нитка.

– Чего ждешь? Веревка есть? Давай приматывай, как я, – сказал сталкер.

– Бинт есть. – Спасибо начмеду, что сумку разрешил взять. Ну и чтоб еще раз ему икнулось!

– Белое, тоже сойдет. Нитка лучше, она легче, видно любое колебание. Однако опыт надо иметь, а то от порыва ветра можно обосраться, – сказал Трофимыч.

Пока я возился, он достал из кармана монокль, пощелкал, и снова уставился в сторону колхоза. Видно, не хотелось ему туда идти, сказывалась интуиция, основанная на опыте.

– Сколько метров привязывать?

– Бинт пятиметровый? Тогда весь. Отмотай сразу, уложи аккуратно, как будто в кольцо складываешь. Готов? – инструктировал меня сталкер.

– Да, – ответил я.

– Двинули. Первый раз я бросаю, ты смотришь. Хотя нет, забыл, с кем имею дело. Три раза я – а лишь потом ты, – улыбнулся Трофимыч.

Нет, за подначки возьму с него деньги. Хорошее настроение стоит дорого, а в этом унылом крае приближается к бесценному товару!

Понимание приходит не сразу. Адреналин от увиденного, от новых впечатлений подстегивал тело, как наездник прищипоривает коня, загоняя с каждым разом глубже в бока измученного животного железные шпоры. Так и я, получив порцию бодрости, активно двигался. Оценивал ситуацию, бросал ржавый болт с бинтом. Кинул, присел. Анализируешь, что стало не так в этом мире, конкретно в этой точке. Трофимыч попутно рассказывал про аномалии, которые встречаются на территории колхоза. Строго сказал:

– Перескажешь. Постарайся дословно запомнить. Сначала кратко, повторяю – кратко, расскажи, какие аномалии знаешь, – попросил Трофимыч.

– В действии эту видел... Когда к блокпосту двигались, солдат попал в круги на грязи и его подбросило, – сразу выпалил я.

– «Пинок». Будь «подскок» – все кости переломало, – сказал сталкер.

Похлопал меня по плечу, показывая куда бросать.

– Стоп. Перекур, два дела одновременно у тебя не получается, – сказал Трофимыч, огорченный таким медленным продвижением, – дальше рассказывай.

Что он еще хочет услышать? Позориться не хочется, знания-то все в курилке собирал. Ух, там и байки ходили, одна

интересней другой. Самое любопытное наблюдать, как день ото дня байка обрастала подробностями, а наш Баранов становился крутым.

– Есть штука, воздух колышется над ней. Попал в нее – столп огня! – начал я.

– «Микроволновка», – сказал Трофимыч.

– Тополиный пух, который как клей и жжет. – Вспомнил!

– «Жгучий пух».

– Электричеством бьет, как из розетки! – Это я точно слышал!

– Закончили. Экзамен провален. Блин, Новиков, вот реально, как будто тебя под угрозой кастрации в Зону отправили. Слушай внимательно, повторять не буду. Не потому что я плохой, а может так оказаться, что ты уже слышать не сможешь.

Трофимыч говорил тихо, ветер уносил часть его слов. Интересно, что потом он делает с ними? Играется? Может, Зона потом говорит голосом, из слов, которые ветер похитил?

Черт. Дурацкие мысли лезут в голову. Сейчас Трофимыч голову-то проест. Как моль шубу, так и он, сожрет напрочь, даже ушей не оставит. Знаю я таких лекторов, начнут словоблудить. У нас такой в медицинском хирургию преподавал. С его слов, аппендэктомия дано сделать только полубогам или как ему, равному Всевышнему. Мы же должны учиться не обкалывать операционное поле, а полы мыть вместо санитарок.

Трофимыч удивил.

– Аномалии делятся на группы. Расскажу на привале или в баре, когда выставишься. Ты должен смотреть на колебания воздуха и шевеление травы. Это гравитационные аномалии. «Пинок» видел, «Подскок» то же самое, но сильнее. Главное – «Тиски». Мразь такая, почти не обнаруживается, на болты не реагирует. Ступню поставил в зону действия, и она сплющивается.

Трофимыч прижал к себе автомат и хлопнул в ладоши, показывая наглядно эффект от «Тисков».

– Что ж делать?

– Просчитывать. Ты обязан все просчитывать в уме. Смотри, нет ли крови. Туда часто попадают мутанты. Понял? Теперь бросай.

Я понял, почему сталкеры ходят командой. Хотя так они часто палятся. Группу заметить всегда легче. Тактика. Одному невозможно все проделать. Бросать болт, смотреть внимательно за колыханием травы, стараться вычислить круги. Даже марево, изменение воздуха и то должен заметить идущий первым.

Оружие в руках отвлекает. Мешает сосредоточиться, да и недаром у нас две руки. Второй же сталкер – прикрывает. Его обязанность – безопасность группы, особенно первопроходца.

Бросаю очередной болт. Спрашиваю Трофимыча:

– Взять чуть левее?

Он смотрит. Левый глаз его косится, кажется, сталкер старается смотреть в разные стороны. Охватить необъятное, увидеть невидимое.

Дыхание участилось, в конечностях появилась дрожь. Тепло стало легким, как после жаркой парилки или как будто пропотел под одеялом. Легким, но слабым.

Так, надо стиснуть зубы и дальше двигать. Полдня прошло, мы как улитки отползли на три километра. Черт! Надо было симулировать аппендицит или колоть синьку под кожу!

Я заметил, Трофимыч двигается интересно. Вот он стоит боком, дает команду и показывает:

– Рядом с тем примятым кустом.

Я нахожу этот потрепанный зимой куст. Последний из могикан, облезший, как блохастый кот.

Так, ружье я заткнул сбоку под ремень. Хорошо, что не бросил его в медпункте, как советовали некоторые. Чтобы им икалось! Неудобно, зараза. Приклад упирается в подмышку, ствол бьет колено. Теперь аккуратно кидаю болт и сосредоточенно смотрю.

Трофимыч в этот момент поворачивает голову, контролирует, где и, главное, как упал болт.

Все нормально, и он поворачивается ко мне спиной, ждет, пока я наблюдаю за ржавым болтом, как он скачет по грязи и траве. Трофимыч же водит стволом из стороны в сторону. Это у него выходит естественно, по-родному. Видно, он не сосредоточен на этом действии, а смотрит на поле, которое

мы уже прошли. Там остались серые плиты блокпоста, военная часть с теплым одеялом, городок, где в магазине есть водка, чипсы и мясо.

Я же смотрю, нет ли колебания воздуха, не видно ли бурых разводов от крови. Снег лежит даже не островками, а меленькими, редкими кусочками. В поле холоднее, чем у нас в части. Смотрю дальше.

Там серые плиты колхозных зданий и ветрянка, которая крутит лопастями, не давая электричества. Жадная. Там стаи собак, которые страшнее волков. Там аномалии, и что может быть хуже них?

Я делаю шаг, еще... Вот уже возле места, где лежал болт.

– Трофимыч, – лепечу я.

– Я ж говорил: и даже не думай, – просипел Трофимыч.

– Вопрос важный, – попробовал я снова.

– Ну? – стоя спиной, спросил он.

– Нет ли смысла кинуть болт, подойти к нему, поднять, а не тащить бинт? – этот вопрос мучил меня уже минут двадцать.

– Есть аномалии, которые реагируют на движение. Похожи на мины, срабатывают после того, как убирают ногу. Осознал?

– Да.

Осознал. Интересно, а как другие добирались до бара? Некоторые ходили и к ржавым останкам судна «Херсон». Я про наших парней, а не про военных сталкеров. Военсталы

крутые ребята. Однако и зарплаты у них получше. Платят в долларах. Контингент на базах или смешанный или зависит от страны, поставляющей бойцов. Например, рядом с нашей военной частью стояли китайцы. Вот они и за миллион не пропустят. Принципиальные и нерушимые, как Великая китайская стена.

Все же военные ходят по Зоне. Что ж тогда стало с Крысом, который пропал. Ушел на вольные хлеба? Крыса парень стремный, недаром у него такая кличка. Пропал без вести...

– Давай, бросай! – повысил голос сталкер. – Почему по несколько раз тебе надо повторять?

Получается, первый окрик я пропустил. Точно, выдохся окончательно.

– Отдохнуть бы, – попросил я. Получилось жалобно. Писк мышиный, а не слова взрослого человека. О еде я уже не мечтал, попить бы. Трофимыч правильно спрашивал, не дурак ли я часом? Взять одну бутылку в Зону...

– На том свете отдохнешь... В смысле, у себя в части хребет на кровать кинешь, и спи, сколько влезет, – сказал Трофимыч.

– Нет, там сильно не поспишь, – сказал я и кинул.

Болт упал на землю, подскочил и замер. Я напрягся, сглотнул слюну.

– Тяни, спокойно. Об камень он ударился, вот и подлетел. Ты что звук не слышал? – усмехнулся Трофимыч, продолжил: – Так чего нельзя выпасться в части?

– Да как же поспишь? С утра встал, кровать заправил... – начал я возмущенно рассказывать. Сердце гулко билось о решетку из ребер. Если это не камень, то я пропал. Плунуть, пусть сталкер идет и не имеет мне мозг! Не выход. Он может отправить назад. Вот позор будет! Даже день не пробыл на отчужденной территории!

Я домотал бинт и сделал шаг. Трава стала вроде мягче, как настил из соломы.

– А если заметят, что прилег, то мама не горюй...

Половина пути до камня пройдена. Еще шаг.

Не трусь, боец, не трусь.

– Блин... – прерываю я свой же рассказ.

Камень. Серый, лежит на боку, выступая плоской поверхностью, об которую ударился болт.

– Чего ругаешься?

– Камень, – говорю я.

– Ну да, камень, – говорит Трофимыч, – ты продолжай про кровать, а то не пойму, чего нельзя спать, коль она стоит пустая?

Я повернулся к нему с болтом, зажатым в кулаке, и застыл.

Трофимыч давился в беззвучном смехе. Рот его открылся, как пасть у акулы. Стали видны зубы аж до коренного.

– Трофимыч, – укоризненно выдыхаю я. Если бы не камень, давно заметил, что он просто издевается вопросом о сне в казарме.

Сталкер согнулся. Его тело тряслось от смеха. Если нач-

нет в голос, то сбегутся все собаки в округе.

Трофимыч поднял сжатый кулак и рассмотрел татуировку – волк и три буквы.

– За нас – спецназ, – просипел он и сел на корточки.

Смешно ему, понимаешь.

Колхоз в монокле казался очень далеким. Да и путь измеряется шагом. Ослаб ветер, который пронизывал до костей. Холодные струи воздуха перестали рассекать лицо. Мы двигались, скорость увеличилась. Теперь я считал броски. Интересно, никто Зону в болтах не мерил? Всем известно, диаметр маленький. Каждый проверяющий задавал один и тот же вопрос:

– Вы что не можете патруль пускать в глубину? Всего лишь несколько километров составляет внешний сектор!

Особенно запомнился худой подполковник с усами. Он стоил всех в части, проверял, начищены ли берцы, подшит воротничок. Ругался, об отмене закона. Как же так, солдаты по ночам спят, а не подшивают белые лоскутки к воротнику! Вызывал начмеда и тот подтверждал, да наличие воротничков снижало уровень фурункулеза шеи. Сопровождающие полковника поддакивали, как хорошо с воротничком и как замечательно ходилось в портянках.

Полковник обещал подать рапорт с обоснованием для восстановления и воротничков, и портянок. Дальше, дыша несвежим запахом изо рта, он желал инспектировать Зону. Как и остальным, ему объясняли и доказывали. По Зоне не

ездят. По ней, родимой, не бегают и слово «быстро», так любимое начальством, стоит забыть. Вне зависимости от чина.

Проверяющий кричал, грозился указать в отчете наше дармоедство. Тогда его водили в Зону. По возвращении он приезжал с пониманием в глазах.

На блокпосте он все же побывал, вяло выслушал рассказ о нашем героизме – защите Родины от страшных чудовищ. Особенно от сталкеров. И укатил.

А я вот с таким чудовищем ступаю по Зоне.

Колхоз вынырнул перед самым носом. Вот мы обошли холмы, обогнули старую, проржавевшую бочку. Я устал, и не хватило сил узнать, как она пережила эти годы. Ее соседи – мутанты, смена погоды, постоянная влажность, а она стоит, как караульный на входе.

– Давай к дороге рули, сталкер, – сказал Трофимыч.

– Задачу понял, товарищ генерал. В отставке. – Не одному же ему подначивать.

Улыбаемся оба. Камень нас сблизил, добавил доверия. Так бывает, знаешь человека полдня, но понимаешь, что ему можно доверить прикрывать спину. Или пин-код от карточки с деньгами.

Тучи набрались влаги, и я ждал дождь с минуты на минуту. Дорога изломанной линией вела к колхозу. Лежала она между зданием из красного кирпича и ветрянкой. Дальше ее конец терялся за серыми постройками. Лопасты ветрянки мелькали, притягивая взгляд. Почему-то стало жалко пропа-

дающей энергии. Вот работает ветрянка, вкалывает каждый день, а все зря. Похоже на жизнь солдата: бесцельно прожитые дни, а дембель так же далеко, как от ветрянки – ближайший город.

Мы вышли на черную ленту. Когда-то на ней было оживленное движение. Машины со свиньями катились в большой город, где находился разделочный цех. Старики, у которых мы запасались, кто творогом, а кто и самогоном, рассказывали, как забавно торчали пяточки и хвостики. Вот так, живешь, ешь, а потом отправляешься в дорогу в один конец. И что обидно, в полном расцвете сил.

От этих воспоминаний дрожь пробежала по спине. Нервничая. Оно и понятно. Пройти путь с болтом в руках. Да, аномалий мы не встретили, а значит справились.

– Колхоз хилый на вид, – поделился я впечатлениями.

– Конечно, строили еще при первом секретаре КПСС, – ответил Трофимыч, – давай болт кидай.

– Так вроде все видно, – удивился я.

– Соглашусь, Кузьма. Я ж тебя заставляю бросать, чтобы ты опыта набирался. Когда сам топаю, то половину пройденного шагаю без болта. Так что кидай, – объяснил сталкер.

– Трофимыч, честно, устал я. Сил нет, ни болт кидать, ни ногами передвигать. Да и жрать хочется, – начал давить на жалость.

– А, лень им все, а потом на аномалию попадут и все кишки по веткам наматает.

– Трофимыч, какие ветки? Мне бы в укрытие, в том здании, где ты говорил. Тушенку вскрыть и даже холодной съесть!

Трофимыч поравнялся со мной, хлопнул по плечу:

– Надо знать местный фольклор. Это реальная история о ромбе «Закона». Потопали, уговорил старика. Вон здание, с дырявой крышей, это и есть наш дом. Там подвал, где раньше хранили овощи. Что главное, дверь там – толщиной с бревно. Любой Всплеск переждать несложно.

– Двери не закрываются? – спросил я.

– В смысле? Закрываются. Зверье-то тут шастает, псы, кабань.

– Нет, на замок, – попытался объяснить я, – ну вот, повесил навесной и все, ключ у меня, а остальные лесом. Вернее, полем.

Трофимыч остановился, я следом за ним. Он внимательно смотрел, как бы ощупывая взглядом. Брови сошлись в одну линию.

Я медленно домотал грязный бинт, подергал за болт, проверяя, крепко ли привязан. Крепко. Положил его в карман бушлата, где лежали патроны к ружью. Пауза затянулась.

– Не хочу просто стучаться в закрытые двери, – поясняя свой вопрос.

– Кузьма, за такие намеки морду бьют. Если узнают, чей замок, то разговор короткий.

– Расстрел? – спросил я.

– Нет. Привязывают перед Всплеском на улице. За жизнь видел одного, оставшегося в уме, – буднично, о страшном сказал сталкер.

– Как? – удивился я.

Провести под открытым небом во время Всплеска и остаться нормальным – это чудо. Это как исцеление, после визита к шарлатану – экстрасенсу. Невозможно.

– Как, как... Заметил осколок бутылки из-под водки. Пилил так, что кожу до мяса подрал. Хотя понимаю его, жить-то всем хочется. Вот он с началом Всплеска и ломился в бар, откуда его выгнали. А куда ему еще? Представь наше удивление. Всплеск, стук. Открываем на свой страх и риск, а тут он вваливается.

Я увидел яркие эмоции на лице Трофимыча. Он стал другим, будто снял с себя противогаз.

– И чем история закончилась? – серьезным голосом спросил я. Да уж, тут не до шуток. Сталкеры, оказывается, ребята серьезные.

– Кузьма, ты точно идиот. Говорю, наказание – под Всплеск! Вот и его вывели через неделю. И в тот раз битого стекла рядом не оказалось.

– Я понял. Однако был обязан спросить, – сказал я.

– Ты думай, что спрашивать. Местный пейзаж не располагает к созерцанию горы Фудзиямы и поэтому люди у нас вспыльчивые.

Трофимыч разговорился. Задела его история. Ветер почти стих, да и от движения стало теплее. Я перестал дрожать. Что ж, как там говорил начмед? До бара, выпить, пошариться и домой. Артефакт, который подарил начмед, у меня завернут в платок и запрятан за подшивку. Обычно туда пачку сигарет прятал от старших, а тут артефакт поместился. В кармане тысяча денежных знаков, хватит на выпивку выставиться Трофимычу. В знак уважения за науку.

Мы двинулись по дороге к зданию, где нас ждало самое большое счастье в мире – еда и спокойствие.

Я улыбался. Со стороны это выглядело, как оскал волка. Небритое узкое лицо, уставший вид, грязь, начиная от ворота бушлата и заканчивая берцами.

– Ты чего скалишься, как бомж в подворотне? – нарушил мою внутреннюю идиллию сталкер.

– Это же здание нам нужно? – я указал на сарай. Продолговатое здание, с большими окнами. К нам он стоял торцом, деревянная дверь плотно закрыта. Свинарник? Колхоз?

Нет, я Зону не пойму. В ней, по слухам, находились ржавые остовы мостов, разбитые пятиэтажные дома, покореженные линии электропередач. Тут же – нормальные двери, с чуть облезлой краской. Возможно, дело в удалении от атомной станции? Это как удаленные от эпицентра войны города

во времена Второй мировой войны. Дед рассказывал, как в городах, где война прошла не огнем и сталью, а отдаленным эхом, менялись взгляды людей.

Гибнут люди на фронте, а у них дискотеки, хлеба в достатке. Сначала. Потом уходили мужики, а возвращались похоронки. Сразу рушился их уютный мирок. Хлеб, продукция, снаряды, шинели, танки. Все на фронт, за тысячу километров, который оказался так близко.

Так и в Зоне. Вот блокпост, за ним поля и колхоз. Да, опасно, Трофимыч прав. В Зоне везде опасно, просто в приграничье низкий уровень. Я представил, как на вертолете меня высаживают в средней полосе. Сколько минут я бы прожил?

– Да, это. Странно, весь день гложет меня, ломает. Думал, псы появятся, так нет, тишина вокруг. Аномалия? Обогнули. Может ты фартовый, Кузьма? – поглаживая щеку, спросил сталкер.

– Ага. Удачи полные штаны. В Зону попал без отдыха, собраться не успел, аномалию еще до Границы поймал... – начал перечислять я.

– Фартовый, это заявка на успех, Кузьма. Если удача с тобой целуется, то тебя могут взять в нормальную группу. Вот собираются на дело сталкеры, а не хватает человечка. Оп, а тут вспоминают, да есть же паренек фартовый! Или в группировку вступить. Нет, с «Законом» тяжело, они ребята странные, удачу так себе признают. «Просторовцы» молодцы, запишут тебя в свои ряды за милую душу! – разошелся

Трофимыч, начиная с истории про паренька, который замок повесил.

Мы приближались к зданию свинарника. Шум от лопа-стей ветрянки стал сильнее. Громкое шуршание, как будто разрежали тупыми ножницами огромный лист ватмана. Интересно, а воздух оценивают по жесткости? Или только скорость ветра? Приятное дуновение на пляже и холодный гор-ный ветер – две разные вещи, как выразался пропавший сол-датик по кличке Крыса.

– Помню историю, про паренька удачливого. Так его взя-ли в большую группу из десяти человек. И вот – точка при-вала. Этот идиот...

– Фартовый – идиот? – уточнил я.

– Эти понятия сходные по смыслу. Поверь опыту, – сказал Трофимыч и потрепал по плечу, – и этот идиот отошел от-лить. Сам, без подстраховки. Короче, он за деревцем встал, струю такую туда-сюда поливает, а брызги от нее до земли не долетают. Он в крик и тут перед ним морда появляется.

– И что?

– Не что, а кто. Кровохлеб липучий. Да не сам, а с братом. Фартовый еще покричал секунд десять, а потом и сталкеры подбежали. Говорят, много автоматных «рожков» спалили, однако на пару тварей стало меньше бродить по Зоне.

Я помотал головой. Вдруг стало плохо и пропускаю пред-ложения?

– А фартовый?

– Похоронили его, как положено. Многим жизнь спас своим «поссать». Пара кровохлебов могут такое устроить, зайкой станешь на всю жизнь. Если выживешь.

– Убил его кровохлеб? – уточнил я.

– Да, Кузьма, я так и сказал, – сталкер показал свою фирменную улыбку, – понимаешь, можно быть для себя фартовым, а можно для других.

По окончании поучительного рассказа про фартового, мы приблизились к перекрестку дороги. Я оглянулся. Пятна коричневого цвета, неровное поле, с холмами и наростами из поваленных деревьев. Кровохлеба не наблюдалось, и это придавало оптимизма.

Хмм, фартовость и есть причина, по которой меня таскает за собой сталкер? Нет, глупость. Он надежный. Так мне сказал прапорщик, которого я видел первый раз в жизни.

Мне захотелось поддеть сталкера. Нет, не по-злому, когда посылаешь на фиг человека. По-товарищески поддеть.

– Не знаю, как и кому, фарт, но думаю, мертвая собака не к добру, – сказал я.

– Собака? Где ты ее нашел?

– Как где? На асфальтированной, за поворотом. От части минут двадцать езды. Трофимыч, путь один, ты ж должен был ее видеть, – удивился я.

– Нет, не наблюдал. Большая? – поинтересовался сталкер. Он, как и я, посмотрел по сторонам, думая о чем-то другом.

Спрашивал для поддержания разговора. Видимо, мы в

точке отдыха, раз он поддержал беседу. Вначале-то, кричал, не болтай!

– Да на тату похожа, – вальяжно сказал я.

– На какое тату? – насторожился он.

Мне бы промолчать, но сердце стучало – поддеть.

– Да на кисти у тебя.

– Нет, ты ошибся, – протягивая последнее слово, сказал сталкер, – у меня там переделанная тату. Была овчарка, а потом глаза ей закрыли, как у Незрячего пса.

Он резко вытянул верхнюю конечность, чуть не дав мне по носу. Типа, на, смотри, салага.

– Ну да. Так в машине и сказали, странно, чего она оказалась за Периметром, но да – это пес Зоны.

– Пес Зоны... – повторил сталкер, – привет от Зоны... Двинули, фартовый. Скоро тушенку есть будешь, ложкой. Ты ложку взял?

Меся грязь, мы оказались у двери. Зеленая краска потрескалась и сползла. На ней оставались следы от ударов – то ли молотком, то ли топором. Ветрянка шипела, иногда сильнее, иногда слабее. Сталкер втянул воздух носом, по лбу пролегли морщины. Он дернул ручку двери на себя. Скрип от ржавых петель совпал с яркой вспышкой. Я, стоя за его спиной, увидел маленькую молнию, которая вспыхнула голубым цветом.

Трофимыч сделал шаг назад, отталкивая меня в грязь. Автомат мирно лежал на локтевом сгибе и был направлен в

глубь свинарника. Приклад упирался в плечо, сталкер сжался, как пружина.

Молния пробежала еще раз по полу помещения. Зашипела. Чертова ветрянка, перекрывала шум этой аномалии.

– «Разрядка», – выдохнул Трофимыч, – доставай болт.

Я хотел спросить зачем, но выглянув из-за плеча сталкера, все понял.

На земле лежал труп.

Вот странная особенность организма или личности. В момент опасности, все окружающее меня, становится проще. Будто мозг начинает работать в ускоренном режиме, отбрасывает лишние, ненужные детали, оставляя только важную информацию для выживания. В этот момент блекнут яркие краски, зато становится видно темные тона и оттенки. К звукам мира присоединяется легкий шум в ушах, как шипение моря. Сердце стучит громко и четко, не сбиваясь с ритма. Частота сокращений зашкаливает, как будто я иду на марше.

Ветер, дующий весь день, почти выветрил вонь от спаленного тела. Почти. Мне хватило лишь раз вдохнуть этот отвратительный запах. Черное пятно на лице, жирной кляксой изменило глаза и лоб сталкера. Головешка. Точно сунули его в огонь, помешали угли и тут же вытащили.

Так, где вторая точка? Я четко знал действие электрического тока на организм человека. Первая точка, место, где произошло прикосновение к телу. Например, прислонился к оголенному проводу спиной и получаешь отметину. А вот вторая точка – это место выхода маленького электрического смерча.

Сталкер лежал, вытянув в нашу сторону обожженный обрубок руки. Рядом лежал автомат. Ясно. Электрический ток пробежался по телу мертвеца, преобразился в тепловую вол-

ну, и вышел в соприкосновение с металлом. Как нас учили, чаще всего смерть наступает от остановки сердца.

И как там Трофимыч произнес – «разрядка»... Это не двести двадцать вольт.

Аномалия представляла собой голубой дымок, который внезапно превращался в облако разрядов. Молнии шипели и искрили.

Я полез в карман, наткнулся на пачку патронов, затем болт.

– Быстрее, – строго сказал Трофимыч, и, точно читая мои мысли, добавил: – видная штука! Особенно ночью. Видишь, как хитро спряталась, в помещении, чтобы ее не видели. Обычно «разрядка» под проводами стелется, где раньше пролежала линия электропередач. Тут же совпали и ветрянка, и провода, и здание колхозное. Чего он в нее полез?

Трофимыч присел, стал внимательно разглядывать труп. Он стал похож на следователя-криминалиста на месте преступления. Я отвернулся. Обожженный труп неприятное зрелище.

Порыв ветра принес очередную порцию паленого запаха тела. Есть перехотелось.

– Не знаю, – запоздало ответил я на вопрос.

– Кузьма, складывай два плюс два. Не ленись. Вчера Всплеск был, вот он его и загнал в убежище. Представь, небо давит на тебя, воют собаки, психика трещит по швам, как пакет молока, брошенный об стену... Ты никогда не кидал

пакет молока? – спросил Трофимыч.

– Нет. Падал когда-то в супермаркете, – признался я. «Супермаркет» показалось таким странным словом, не правильным.

Я со сталкером поменялся ролями. Теперь я прикрывал его спину, он же бросил болт возле головы погибшего. Голубое марево не отреагировало. Видимо оно находится в пассивном состоянии. Что бывает, когда активизируется, я уже знал – труп.

– Попробуй. Сначала пакет летит с высокой скоростью, потом ударяется об стену и кажется, есть шанс остаться ему целым. Это обман, Кузьма. Он лопается, заливает все молоком. Так и человеческая психика под Всплеском. Вроде голова на месте, а внутри уже пусто...

Еще бросок болта.

Я вдохнул чистого воздуха и внимательно глянул на тело. Странный сталкер. Длинное кожаное пальто, высокие черные берцы, но с какими-то шипами. Для понтов, что ли, прикрепил? Штаны военные, правда не наши, а австрийские – более темные и монотонные. Свитер под горло и опять чертов ожог в виде кляксы на лице. Рядом с автоматом лежал спортивной рюкзак, с эмблемой футбольного клуба.

– Пших!!!

Волна звука и света ударила меня, пришлось спрятаться за стену. Вспышка, ярко-голубые змеи, расползлись по всему помещению. Звук же мне напомнил шуршание ветрянки.

– Ну что родная, еще не наелась? Шипишь мне тут, молодого пугаешь...

Я обратил внимание, Трофимыч относится к Зоне, вроде как к живой: и травинка, и аномалия, и артефакт. Он к ним обращается нежно и ласково.

Псих, поставил я диагноз Трофимычу. Хотя, да, как все у Зоны выверено получилось сделать ловушку. Находится аномалия в помещении, чтобы скрыться от взгляда. Рядом ветрянка шумит. Правда не понятно, почему дверь покоцанная, хотя она тоже помогла, не выпуская свет от разрядов.

Хищная аномалия, злая. Подлая.

– Кузьма, смотри сквозь нее. Видишь широкий люк? – спросил Трофимыч.

Я провел рекогносцировку. Так, длинное помещение свинарника, стены с забитыми фанерой и досками окнами. Раньше свиньи, как солдаты в шеренге, стояли по бокам и хрумкали, хрумкали. А вот противоположный край использовался для технических нужд. Разломанный стол, шины, и железные ворота на полу.

– Там, где створки железные? – уточнил я.

– Да. Как правильно называется место укрытия сталкера?

– Точка... Нет, схрон, – ответил я.

– Молодец, учишься, – криво усмехнулся он.

Трофимыч! Тут труп под ногами, аномалия, которая плюется электричеством, а он мне экзамены устраивает!

– Кузьма, нам туда, в схрон. Ворота железные и створка

приварена намертво, а ко второй привязана веревка. Нырнул, потянул, и все, ты спрятался. Захотел проветрить, открыл маленькую бойницу и куришь себе, – задумчиво произнес сталкер, – вот этот туда и бежал сломя голову. Ну и сломал. Судьба. Забеги он с другой стороны, где окно выбито, и живой бы остался.

– Хоронить будем? – спросил я.

– Кого?

– Сталкера, – удивился я. Может у них не принято? Типа, под Небом останется, и душа в рай улетит?

– Ну как найдем мертвого сталкера, похороним. Мы же не звери. Или наоборот, такие звери, что остальным даже мертвое не отдаем?

– Трофимыч, я серьезно спрашиваю. У вас все строго, вон замок повесишь и капец. А что с этим делать-то?

Трофимыч встал с корточек и сказал:

– С ним? Мы пойдем водку пить в подвал. Бандит, он, Кузьма, вот пускай его свои же и хоронят.

Блин. Теперь понятно, почему он так одет. Да я бы и сам догадался, не будь уставшим и голодным.

– Проблема в другом... – продолжил Трофимыч.

Договорить он не успел. Я стоял спиной к открытой двери и слева, где-то за цистерной послышался старческий стон:

– Пацаны, помогите...

Мерзкий голос, неприятный.

– Пацаны...

Такие ощущения возникают, когда вилкой по дну тарелки шкрябают. Визгливый, слова вроде и понятны, а все равно мурашки по коже. Хочется разбить тарелку или лицо, тому, кто так скрипит.

Потом мир взорвался от наших действий. Трофимыч выскочил из помещения, на ходу дергая затвор. Гулкое кланицанье. Движение большим пальцем и автомат поставлен на стрельбу очередью. Сам сталкер слегка присел, выставил вперед правую ногу и свел локти ближе к туловищу.

– Свины! – крикнул он ругательство.

Почему свиньи?

Очередь ударила по ушам. Гильза из цветного металла, выброшенная из коробки, попала мне в щеку. Горячо! Хорошо, что я ощутил боль. Это взбудоражило меня, послужило свистком на старте гонки. Как оказалось, гонки за жизнь.

– Кузьма! Беги!

Самое неприятное в такой момент, понимать, что ничего не понимаешь. Звуки от выстрелов били по барабанным перепонкам, а я не мог понять, куда бежать и почему в кустах за цистерной прячутся свиньи. Или это друзья умершего бандита?

Трофимыч стрелял короткими очередями. Как только ствол автомата начинало уводить вверх, он опускал крючок. Стрелял на голос. Вот, а еще говорят, что сталкера первыми не открывают огонь на поражение. Только так, от себя отпугнуть.

– Прямо, через поле сейчас побежишь, – не оборачиваясь, зло сказал Трофимыч.

– Пацаны, помогите!

Голос раздался за цистерной, с удаленного от нас края. Там, где коричневая, годами не кошенная трава была похожа на волны.

– Гнида, свиная туша, – странно выругался сталкер.

В этот миг моей жизни из-за цистерны появились мутанты. Теперь я понял, почему так ругался мой проводник. Мутировавшие свиньи. Тушки, когда-то принадлежавшие к виду домашних животных, заметно раздались. Коричневая шкура имела линейные разрывы длиной с пачку сигарет. В этих разрывах виднелось мясо. На спине чешуйки – наросты, как грибы-паразиты на деревьях.

Три мутанта с невероятной скоростью неслись к нам. Скажу честно, хорошо, что я давно не ел, иначе запачкал бы одежду рвотой. У нормальных свиней на ногах копыта, а у нормальной «туши» – аномально острые копыта. Зазубренные, как тупые пилы на скотном дворе. В тот миг мне показалось, на них висят куски мяса.

Трофимыч замер, на несколько секунд прицеливаясь в движущуюся цель. Несколько секунд, которые растянулись для меня в часы. Будто он хотел показать мне мутантов во всей красе.

– Пацаны, – протянула задняя «туша». Самая большая из трех, и самая уродливая.

Автоматная очередь, еще одна... Клацает затвор. Странно, от грохота почти ничего не слышу, а вот металлический щелчок ясно и четко. Что хочет автомат, я не понимал, зато понимал его хозяин. Одна «туша» уткнулась мордой в грязь. Трофимыч ее достал.

Он вынул пустой магазин и кинул вглубь помещения. Именно таким я запомнил Трофимыча. С автоматом, весь собранный, как стальная пружина, и красиво откинутый магазин. Нет, запомнил не только из-за красоты момента. Это значительный момент в понимании мной Зоны.

Магазин влетел в голубой туман, и здание колхоза вспыхнуло ультрамариновыми молниями.

– Беги!!!

Крик полоснул меня, как ножом, и я побежал, как не бегал за всю воинскую карьеру. На ватных ногах, из которых как будто вынули кости, с ощущением большого куска льда на спине. Да, это настоящий страх.

Я бросился к ветрянке через поле, залитое грязью.

– Кузьма!!! – услышал я окрик. Повернулся на ходу, стараясь думать, как быстрее переставлять ноги, переставлять ноги...

Лицо Трофимыча было страшнее морды мутантов. Я потом понял, это напомнило случай в больнице. Я тогда дежурил санитаром в ночные смены. Привезли девушку, красивую блондинку. Она терпела боль в животе не первые сутки. Пила обезболивающие, говорила маме, что все хорошо.

Не хотела шрама на своем плоском животике. Ее привезли в тяжелом состоянии. Аппендикс лопнул, начался перитонит, гной растекся внутри ее живота. Хирург, не помню фамилии, помню, что он курил одну сигарету за другой.

Девочка в бреду шептала: «Не надо шрама, не надо». Хирурга уговаривали сделать все по науке, длинный разрез от мечевидного отростка и вниз, ниже пупка. Он же сделал, как она просила. Многочасовая операция, еще неделю приходили ее родители и угрожали. Если случится осложнение, то суд и все дела...

Девочка поправлялась. Выздоровливала. Хирург провел блестящую операцию. Разрез получился сантиметров пять. В день выписки, когда сняли швы, девушка сказала:

– Вы просто мясник. Зачем сделали такой большой разрез?

В тот миг я стал похож на блондинку, а сталкер – на хирурга. Блестящая комбинация, которую он составил за миг. Комбинация, единственная правильная, где слабым звеном оказался Кузьма Новиков.

Я не знал, что «разрядке» требуется время на восстановление энергии. Вернее, знал, но даже в мыслях не возникало, что через этот голубой туман можно успеть пробежать.

Трофимыч, кинув обойму, не просто разрядил аномалию, давая мне дорогу. Он еще испугал мутантов, и если первая туша просто умерла от пуль сталкера, то остальные шарахнулись назад. Удлиненные копыта глубоко вошли в грунт,

огромная масса по инерции завалилась в грязь.

Для меня поле – это клочок грязи и дороги, по которой мы сюда пришли. Для Трофимыча – статическое поле. По поводу такого определения с ним можно поспорить. Для меня прямо – это к ветрянке. Для него – к люку.

Комбинация, как в шахматах. Мы проскакиваем через аномалию и, пока «тушки» в панике, успеваем к воротам. Блестяще. Только я бежал в другую сторону, думая только о том, как переставлять ноги. Старые берцы не зацепились, как следует, на влажном куске глины, и я упал лицом в Зону.

Ветер, гуляющий целый день без дела, подсушил грязь, к тому же я успел выставить руки. Поэтому плюхнулся только правой стороной лица, которую холодная жижа обхватила плотной маской. Я тут же постарался вскочить, испачкав ладони. Не получилось! Чертово ружье, да будь проклят начмед и оружейник, было засунуто за ремень. Приклад больно уперся в подмышку, я охнул и чуть не завалился набок.

Трофимыч перестал ругаться, видимо экономя силы. Зато заговорили на своем языке мутанты. Получалось, кто-то взял, да и сделал ремикс на визг свиньи. Высокий, противный звук. Я еще жаловался на «пацаны»! Крупная «туша» усиленно визжала, то ли подбадривая себя, то ли заставляя другую напасть на меня и Трофимыча.

Сталкер подбежал ко мне, рывком поставил на ноги:

– Быстро залез на ветрянку, дурак! – уместил он в одной фразе и порядок дальнейших действий, и характеристики моих умственных способностей. Вспомнилось, дурак является производным от латинского слова дура – твердый. Так казаки бы и говорили: Кузьма, ну ты дура.

– Ружье, – просипел я от боли в подмышке.

– Брось, – сказал Трофимыч.

Не теряя времени, за этот трехсекундный диалог, он успел вытащить новый магазин из кармана бушлата.

Он поймал правильный момент. Еще чуток и на нас кинутся мутанты. Сталкер же, не жалея патронов, ударил длинной очередью в огромную «тушу». Разлет пуль из автомата Калашникова это старая проблема, которую не решили до сих пор.

Офицеры рассказывали байку, что сам изобретатель Калашников, на пристрелочных стрельбах ставил условие, кто очередь положит в десятку, тому ящик водки. По тем дефицитным временам, если пересчитать на наш курс – бочка водки. Победителей не выявили. Пули уходили вверх и вправо.

Поэтому нас и учили, стреляйте одиночными или короткими очередями.

Однако не сейчас. Трофимыч зажал курок, пули впились в мерзкие тела, отнимая кусочки жизни у тварей. Еще пули с характерным звуком пробивали металлический каркас цистерны и улетали дальше в Зону. Безымянные пули на безымянной высоте.

Я успел подбежать к ветрянке. Не открывая залепленный грязью глаз, выхватил ружье из-под ремня и бросился карабкаться по ветрянке. Жить хотелось, а пропадать в никуда, как пули – категорически нет. Вот после этого и не доверяй интуиции. Не хотел же в Зону!

Ветрянка, омытая дождями, и, не удивлюсь, если кислотными, лесенки не имела. Я почему-то думал, что на ней должны находиться скобы.

Их не было. Это Зона, детка.

Трофимыч выругался. Стрельба закончилась, хлопки выстрелов перестали бить по ушам. Зато усилился визг свиней-мутантов.

– Лезь! – крикнул Трофимыч.

Я оглянулся, чтобы оценить обстановку. Туши двигались на нас, как танки в сорок третьем на окопы солдат. Одна лежала, дрыгаясь в предсмертных судорогах. Показалось, сейчас повалит дым, как в старых фильмах про войну. Ноги ее подергивались.

– Лезь! – еще раз крикнул сталкер.

Будь я покормленный или хоть бы выспавшийся, то взлетел бы на вершину за секунду. Спасает огромное количество адреналина в крови от страха. Однако чувствую, резерва почти не осталось.

Сужаясь, четыре опоры уходили в небо Зоны. Хотя лопасти крутились, на фоне стрельбы я перестал различать их шипение. Казалось, они меня зазывали: давай парень, это же легко к нам забраться!

Они не ввали. Между опорами – перемычки. Я оттолкнулся изо всех силенок. Сумка с красным крестом моталась за спиной, ружье валялось внизу, грязный бушлат стал по весу сродни бронежилету.

Мне неизвестно, как я умудрился снова не упасть. Сработали скрытые резервы, подействовал мат Трофимыча или я осознал, что не хочу умирать молодым. Умирать от копыт

мутанта, в которого официальное правительство не верит. Какую похоронку принесут маме? Растоптан свиньями? Соседи сразу же подхватят и разнесут сплетню – пьяным заснул. Как же по-другому? Упал пьяным, прибежали дикие свиньи и порвали его, как дворняжка тряпку. Уверен, добрые люди, у которых нос сизый, добавят – на посту заснул. Родину пропил. Свиньям дал вырваться с запрещенной территории.

Я, в скользких от грязи ботинках, со стертой подошвой, как канатоходец, прошел по влажной перемычке. Уцепился за верхнюю, сделал еще шаг и обнял опору. Я остановился, глянул вниз. Залепленный жижей глаз широко распахнулся. До земли метра три! Шлепнусь, мало не покажется!

Трофимыч повесил автомат на шею и быстро поднимался наверх. Он улыбался, недовольно, но улыбался. Так мой отец делает, когда команда проигрывает с крупным счетом, но ради чести успевает закатить гол. Гол престижа.

Улыбка у Трофимыча кривая, точно он съел траву, которую я попробовал час назад.

Туша, та, что поменьше, набрала скорость и приближалась в ветрянке. Нет, мы уже высоко, не достанет. Глаз щипало, я постоянно моргал. Ветер мотал меня как флюгер. Я вдруг понял, что будет дальше. Трофимыч не просчитал ситуацию, надеялся успеть залезть выше.

Туша, от постоянного визга большой здоровой особи получила стимул, как иногда у нас новенькие получают пенса-

ля от «дедушек». Если мутант протаранит опору, то нас сметет, как при землетрясении.

Я крепко держался, а вот Трофимыч... Сталкер повторял мои акробатические движения, балансируя на грани фола.

Упадет, понял я.

– Пацаны! – проскрипела задняя «туша» в предвкушении еды.

Я упал на перемычку, обхватил ее ногами и рукой, одновременно нагибаясь вниз. Все же опыт не пропьешь. Видя испуг на моем лице, Трофимыч вцепился покрепче в опору. Я хотел протянуть ему руку, но сумка сместилась, повисла... От удара зашатался весь мир. Ветрянку затрясло, как припадочного эпилепсией, а я осознал смысл фразы – «заходила ходуном». Ноги Трофимыча скользнули с рельсы, и он, держась рукой за опору, умудрился схватиться за сумку. Меня дернуло вниз, сумка начала соскальзывать. Я поднял голову вверх, не дав ремню соскочить, и схватил Трофимыча.

Сталкер в этот момент завис над землей, держась за медицинскую сумку и опору. Полсекунды, во время которой мне ремнем чуть не оторвало голову, он парил над Зоной.

Ветрянка качнулась в противоположную сторону, и Трофимыч восстановил равновесие.

– Убью, – жарко выдохнул он.

Отпустил сумку медицинской помощи, повторил мой маневр, только на «этаж» ниже.

«Туша» от удара об опору мелко семенила, создалось

впечатление, что она утратила ориентацию в пространстве. Черт, хорошо же строили! Из доменных печей металл лили что надо! Опора погнулась, но не сильно и не треснула!

– Убью! – закричал Трофимыч. Он направил ствол автомата в сторону мутанта, и звук работающего автомата раздался над Зоной.

Туша визжала и дергалась. Не знаю, что у них там с мозгами, с пониманием математики и определением красоты, зато инстинкт работал на высочайшем уровне. Пули, как удары молотом, били по телу. Чешуйчатые наросты на спине отскакивали, как у рыбы, которую чистишь тупым ножом. Если мать-природа и была замешана в создании этих тварей, то постаралась оградить их от ударов сверху. Защита очень неплоха!

А вот отец-индустрия, нашел брешь. Трофимыч короткими очередями прострелил ноги твари, и теперь она пыталась уползти. Визжа и дергаясь, понимала, скоро наступит смерть.

Надеюсь, в этот момент она жалела, что напала на нас, мирных путников с автоматом.

Я попытался изменить позу, начал подтягиваться наверх. Из кармана выскочила пачка с охотничьими патронами и улетела вниз. Я вытер грязь с лица и обняв опору с необычным чувством радости. Щетиной шкрябал ржавчину, ощущая прохладу металла. Пачка упала недалеко от завернутого в брезент ружья. Даже зная, куда смотреть, не сразу обнаружил. Ладно. На счастье, вторая коробка, видимо, застряла в другом кармане.

Не зря же в бушлате на карманах пришиты пуговицы. По-

ложил, пристегнул клапан и крутись сколько хочешь. Я начал подозревать, что устав служит не только для наказания солдат.

Сделай я все, как велит эта мудрая книга, при мне бы остались патроны. Даже ружье – висело бы на плече, а не лежало в траве. Хотя тут еще сталкер помог, посоветовал не доставать.

Трофимыч довольно урчал, как медведь, который разломал улей и добрался до сладкого меда. Мне казалось, он стянул с себя маскхалат, состоящий из спокойствия и старческого безразличия. Появление трупа на нашем пути его заинтересовало, а мутант, который чуть не привел к его падению с ветрянки, разъярил его.

Туша завалилась набок. Окровавленная морда, перебитые конечности, открытые пулевые раны. Смерть стояла рядом и собирала урожай. Думаю, она расстроилась, не получив человека, и удовольствовалась малым. Или просто ждала?

Самая большая «туша» оказалась умнее остальных. Она отбежала к свинарнику, молча смотря, как убивают ее сородичей. То ли она знала, что металлические опоры ей не по зубам, то ли была опытной, как Трофимыч.

Вокруг нас приятно кружил запах оружейной гари. Трофимыч сел на перемышке, любуясь своей работой. Прошло несколько минут с момента, когда мы стояли возле умершего бандита, и теперь сидим на ветрянке. Внизу – убитые мутировавшие свиньи, и еще одна, как в засаде. Ее красные глаза,

не отрываясь, смотрят на нас.

Трофимыч поднял голову.

– Солдатик, – сказал он весело, – я все гадал, зачем ты сумку прешь в Зону. Ты вовремя нагнул, успел я в нее вцепиться.

Вот и сказал спасибо, за то, что спас ему жизнь. Нормально, по-мужски подколол.

– Чего им надо? – спросил я. Буду поддерживать такой тон общения. Наверное, это правильно, казаться спокойным и безэмоциональным, даже в трудные минуты.

Жаль, нет зеркала. Теперь в грязной одежде, тяжело дыша, я однозначно похож на волка. Правда, во рту, точно коты там побывали. Вернулась горечь, как будто я сейчас жевал траву, а не несколько часов тому назад.

Осмотрелся. Я так высоко давно не бывал. Тучи стали другими. Оттенок их поменялся от светлого к темному. Черные вкрапления, огромные водовороты свинцовых тонов. У меня складывалось ощущение, что они стали намного плотнее. Сколько сейчас времени? Выехал я из части рано утром, в семь. Пока дошли до блокпоста, девять. Попил чаю, порешали вопросы с Трофимычем и потопали в Зону Отчуждения. С такой скоростью, только черепах обгонять.

Обед я съел мысленно, вспоминая кашу перловку, которую дают в нашей столовой. Время, странная вещь. Вот ученые говорят, времени нет. Если бы человек не придумал время, то так бы и жили, без него.

Я же придерживался иного мнения. Есть дни, которые пролетают, оставаясь в памяти на долгие годы. Помню, когда рыжая Лена стащила с себя платье, поцеловала меня. То, что она старше меня на десять лет, оказалось большим плюсом. Все же возраст женщины виден не по паспорту, а по фигуре.

Зато, когда меня заставили драить на кухне котлы от жира, день тянулся крайне медленно. Да и ночь не быстро пролетела. Хотя, я относился к элите, считался медработником и не должен был дежурить на кухне. Однако жизнь солдата от залета до следующего залета. В мои обязанности входило проверять столовую перед выдачей пищи. Вернее, в обязанности начмеда, которую он доверил выполнять молодому фельдшеру. Не знаю, кто пожаловался ему, что вилки не вымыты, с кусками обеденной каши, получили все – и я, и повара, и дежурная смена.

Что же, из «туши» получился ускоритель времени не хуже рыжей Ленки. Удовольствие, правда, специфическое.

Судя по моим подсчетам, приближается время ужина.

Порыв ветра заставил меня схватиться покрепче за опору. Черт! Возможно, я думаю не о том, но какая же красота! Почти одинакового, коричневого цвета поле и небо, гротескные фигуры зданий колхоза, медленно доживающих свой век, и трупы мутантов.

Кроме одного.

Пока я втыкал в уродливую красоту Зоны, Трофимыч скинул рюкзак, отстегнул магазин и методично вставлял патро-

ны. Залезет, пошарит в кармане рюкзака и наполняет железную коробку.

– Восемь, – сказал он.

Я еще раз посмотрел на внутренние часы.

– Нет, еще шести нет, – поделился я временем.

Он тяжело вздохнул.

– Восемь патронов осталось. Да и те, заныкал в рюкзаке, – объяснил он цифру.

– Чего так мало? – удивился я.

– А сколько надо? – спросил он у меня, одновременно внимательно разглядывая действия живой «туши».

– Нам выдают по четыре рожка, в каждом по тридцать патронов, – начал я рассказывать, – вот когда в караул заступаешь или, не дай Бог, в патруль на Границе.

Трофимыч поднял голову:

– Я бы вам, военным, выдавал один патрон. Чтобы вы, еще до входа в Зону, успели застрелиться.

Я устал за сегодня. Реальный холодный ветер, реально шершавые от ржавчины рельсы, реальный мутант, сталкер, облака...

И в тот же момент, ощущение свободы, когда нет за спиной ни обязанностей, нет долгов перед родиной, начмедом, сержантами.

Так, вот чего он понты кидает?

– Не знаю, Трофимыч, сколько надо, но четыре на тридцать равно сто двадцать патронов. Этого для такого опыт-

ного сталкера хватило расстрелять стаю псов, тушек и еще осталось. Правильно говорю, да? – с издевкой спросил я.

– Эх, молодежь. Счетоводы на калькуляторе. Тебе в части патроны под роспись дают? Да. Почему? Да на учете они, Кузьма. Каждый патрон. Если ты потеряешь или продашь патрон, тебя так следователи трясти будут, что волосы из носа выпадут, – начал объяснять сталкер, – а если найдут у меня, гражданского, патрон, то впаяют срок от трех лет.

Он подвигался, прислонился спиной к опоре и продолжил:

– Теперь подумай, сколько стоит патрон у вас, а сколько в Зоне.

Хитрый Трофимыч. Вроде и учит, рассказывает, заодно проверяет, знаю ли я цены. Если знаю, то логично предположить, что торгую.

– Не знаю. Без особой разницы, что у нас, что там. – Я специально выделил интонацией последнюю фразу. Пусть знает, для меня дом с другой стороны Границы.

– Ну, почти. У вас восемь баксов, у нас два, максимум.

– Сколько? – спросил, и чуть не свалился от удивления.

– Теперь считаем, успел спалить два магазина, значит шестьдесят на десять, равно... – он сделал паузу.

– До фига, – ответил я. Почти пятьсот баксов!

– Следующий момент. У вас, военных, все под роспись, у нас же неучтенка. Сегодня твой магазин, завтра продал Семену и стал его. Без бумажек и проволочек. Вот к сумме при-

плюсуй переход через блокпост, когда надо приплачивать за каждую железяку, – объяснил Трофимыч и вставил магазин в автомат.

Становится ясно, почему сталкера нас так не любят. Обдирают их как липку, забирают на входе кучу денег, на выходе – артефакты переполовинят. Да и не знаешь, что выкинет в следующий раз стоящий на блокпосту сержант Баранов.

Месяц назад, когда снег лежал высокими сугробами, застрелили мужичка при пересечении Границы в неположеном месте. Заметили его, дали предупредительный выстрел, он же, плохой человек, начал стрелять по патрулю из пистолета.

Правда, по пьяни, солдат, который дежурил, болтал, что сначала автоматные выстрелы слышал и только через минут десять из пистолета. Рассказчика потом лечили в лазарете, по почкам ему сильно надавали за такие разговоры. Так он кровью мочился неделю, но про тот случай ни разу больше не вспомнил.

– Ты не переживай, – Трофимыч осторожно надел рюкзак, – я, когда службу нес, тоже всех гражданских считал за уродов. Потом, когда по болотам и полям Зоны полазил, наоборот, стал считать военных.

– А теперь? – задал я вопрос.

– Теперь меня пора списывать. Чуюл, как собака колбасу, что рядом опасность. Повелся на обманку Зоны, решил «разрядка» и есть беда, – сказал он, и добавил: – Если ты про

людей, то нет плохих военных или сталкеров. Есть люди, которые забыли разницу между плохим и хорошим. Вот когда в какой-то группе плохих становится большинство, тогда да, тогда всю группу надо под откос пускать.

– Это как?

– Да просто. Если один ходит с камнем на душе, Бог ему судья. Когда же трое из трех убийцы, то они уже просто бандиты. Чего их жалеть-то?

Я промолчал.

– Люди. Ты их жалеешь, они тебя нет. Глянь-ка, что тварь удумала, – сказал сталкер, махнув в сторону живой «туши» стволом автомата.

Автомата, в котором осталось восемь патронов.

Туша медленно переставляла ноги. Мерзкое на вид тело. Подоспело сравнение, точно вытащили раздутый труп свиньи, который пролежал в болоте несколько дней, покрасили в коричневый цвет. Ветрянка находилась метрах в десяти от здания колхоза. Там схрон, в котором тепло и уютно. Где металлическая дверь дает надежду на защиту от этих зоонозных уродин. Здание имело форму прямоугольника. Крыша, вернее ее остатки, цвела. Плесень, или мох, покрывал наростами шифер, придавая мрачный вид. В детстве, когда находили кусок волнистого листа, прыгали от радости. Разводили костер и бросали шифер. Потом спор, кто ближе встанет у костра, не отойдет в сторону. Огонь разогревал шифер и он, трескаясь, издавал резкий звук. Отлетали кусочки. Иногда в ногу стоящего. Однажды моему другу кусок порезал ногу. Орал, плакал, получил от мамы. Зато, с какой гордостью он потом показывал замотанную бинтом голень. Нам было по десять лет.

Эх, правду же говорят, мужик, это случайно выживший мальчик.

Мы подошли к зданию колхоза с торца, теперь я мог рассмотреть и большие заколоченные окна. Дверь же осталась распахнутая. Вот оно что!

– Она что, крадется ко входу? – озвучил свою мысль.

– Да. Тварь хитрая. Видел отметины на двери? К телу они попытались добраться, поесть им, понимаешь, хочется мяса человеческого. Ударили, понаделали дырок, а там аномалия бесится, свои новые владения осваивает. Чудно, сама убила бандюгу и никому его не отдает, – разговорился Трофимыч.

– Я думал, топором дверь ломали, – сказал я. Где-то вдалеке мелькнула вспышка света. Не успел вовремя закрыть глаза, и цветные пятна затанцевали хороводом. Приглушенный гром достиг нас через минуту. Сбили с мысли! Хотел же что-то важное спросить у stalkера!

– Гроза к нам идет! – продолжил Трофимыч. – Самое интересное, что «тушу» можно и ножом зарезать. У них спина защищена наростами, а вот морда и брюхо уязвимы. Некоторые потом отрезают им уши.

– Уши? – уточнил я, все еще видя перед собой цветные мушки.

– Да. Слышал о баре «Один зиверт»? Там друган мой, Бармен заправляет. Легко узнать, особенно по татуировке на пальцах. Так вот, он любит готовить из деликатесов Зоны различные блюда. У него есть собственные рецепты и собственные гурманы. Вот он для них и готовит, например, блюдо «Уши туши» в собственном соку.

Еда. Сейчас навернуть порцию, да еще с кетчупом! Хоть в собственном соку, вытирая потом тарелку хлебушком. Кирпичиком белым, порезанным толстыми ломтями, и до блес-

ка! В животе заурчало.

Трофимыч закончил вспоминать, поднял автомат, прицелился. Я приготовился услышать, как выстрел разрывает воздух, составляя конкуренцию грому.

Нет, сталкер опустил оружие. Вспомнил!

– Трофимыч, это же большая «туша» орала? Ну, это, пацианы! – спросил я и постарался скопировать скрежет.

– Какая, большая? – Трофимыч глянул на меня. Морщины пролегли по его покатиному лбу, видимо, он размышлял, пытаясь просчитать варианты. – Тьфу. Забываю, что ты салага из военных. Гордись, Зона тебя встретить послала не просто «тушу», – Трофимыч, плюнул вниз на труп, – а саму «псевдотушу»!

– Трофимыч, что саму «псевдотушу»?! – я аж нагнулся вниз, чтобы оказаться поближе к сталкеру. – Можно вопрос?

– Говори, – разрешил сталкер.

– В чем разница между «тушей» и этой большой тварью? – невинным голосом спросил я.

– Чтоб ты жил долго и счастливо, – проворчал Трофимыч, – ну как тебя угораздило здесь оказаться? Знал бы, что ты такой, слово бы подобрать, не обидное... Во! Информативно не подготовленный, то вообще выбил бы себе пропуск на месяц. Ходил бы каждые выходные в город, купался, брился, чувствовал себя человеком. Еще бы парням коньяка для разнообразия приносил. Тьфу!

Он замолчал, начал рыться в карманах.

– Трофимыч, да откуда мне знать? – спросил я после очередного раската грома.

– Не знаю, как у вас в части слухи расходятся, и кто их распускает. Однако с другими я общался, так они тварей лучше меня знают. То просят рассказать, есть ли черный «кровохлеб», то про «торка», у которого на спине баллоны с надписью «хлор». А ты, наоборот, ни черта не знаешь. Двоечник, – разошелся сталкер. Видимо не только у меня адреналин вырабатывается. Разговорился он, наезды на меня, необидные, как ребенку высказывает.

– Торк?

– От слова торкать, цеплять. Если «торк» тебя зацепит, кусок мяса вырвет...

Он наконец-то достал монокль, и начал смотреть на мутанта. «Туша», обтирая боком каменную кладку, приблизилась к двери. Медленно, словно зная, что там маленькая сестра молнии, той, которая над нашими головами.

– Так все же «туша» кричала? – спросил я.

– Она. Сильнее обычных мутантов, больше и хитрее. Не понятно, как голоса научилась копировать. Последнее что услышит, то и повторяет. Заманивает в камыши, а потом рвет на части. Помню мальчика, хороший парень, глазастый, умный, – при последнем слове Трофимыч оторвался от монокля и уставился на меня. Понятно, подразумевает, что я противоположность, – вот только добрый. Услышал стон и побежал помогать. Схарчили его свиньи.

– Жалко, – согласился я.

Черт, если бы мне не дали в проводники сталкера, то путь закончился в здании колхоза? Получается, что так. Печальная тушенка – паленая водка! Однозначно выставлюсь в баре. Как там название, «Один зиверт»?

Темное небо разрезала косая линия света.

– Смотри, чует аномалию, чует. Бесится. Представь, кусок мяса лежит на тарелке, а ты его есть не должен, – сталкер внимательно рассматривал здание, – однако, это же не повод есть людей, да, Кузьма?

– Так он бандит, – насупился я, обиделся на кличку.

– Все равно человек. Похоронить не похороним, надо отомстить. Запомни, Кузьма, если наезжают, то надо давать сдачи. Или будут на тебе ездить, помыкать тобой. Сдача должна быть адекватной. Проломишь череп за то, что послал тебя, сядешь в тюрьму, – задумчиво рассуждал сталкер, не отрываясь от монокла.

– Лады, – спросил он, – ты как хочешь, сидя ночевать на ветрянке или пробежаться чуток, но в тепле и уюте?

– Лучше сидя в тепле, – сказал я.

– Тогда я пошел, пока «псевдотуша» пытается еду себе раздобыть. А ты сиди, как молния ударит в ветрянку, мечта твоя исполнится. Будет тебе и тепло, и даже чуток жарко, – сказал Трофимыч.

– Понял, – ответил я, – готов бежать.

– Не готов, – резко обрубил сталкер, – сначала берешь мо-

нокль, не крутишь ничего и находишь третье окно. Считать от края с зеленой дверью. Говори, что видишь?

– Досок там не хватает, забито плохо, – сказал я.

– Правильно, это второй вход. Выбили, чтобы не обходить к двери, если из Зоны идешь к Границе.

– С другой стороны двери нет? – уточнил я. Хотя понятно, была бы, не выламывали доски.

– Так завалено все. Специально сделано, оборону держать надо же от тварей этих, – сказал Трофимыч и кивнул в сторону двери. Кого именно он имел в виду, мутанта или бандита, я уточнять не стал.

– Теперь чистишь обувь от комьев грязи, вешаешь сумку, да так, чтобы не зацепилась, когда нырнешь в проем. Понял? – забирая у меня монокль и пряча его во внутренний карман, сказал Трофимыч.

– Да.

– Не да, а так точно! – гаркнул он. – Соберись, Кузьма, это тебе не сто метров сдавать на норматив. Тут пересдачи не будет.

– Так точно, – сказал я и ощутил, как непроизвольно расправились плечи. Сил прибавилось, будто в меня влили допинг. Вот великая сила армии! Задача получена, как выполнять объяснили, дело за малым – не налажать!

– Выполняй, – приказал Трофимыч и продолжил: – Там створки. Нырешь, я за тобой и закрываемся на ночь. Будут стучать, не открывай, ясно?

Шутник. Я вытирал пальцами комки грязи, стараясь скидывать и не зацепить сталкера. Радует одно, что бегу первый. Трофимыч проделывал то же самое, и я с завистью смотрел на его сапоги.

Молния. Гром. Визг.

Псевдотуша протиснулась в дверь, когда «разрядка» откликнулась на молнии в небе. Вспышка, и тварь заверещала! Я ее понимал. Она голодная и я голодный. Вот только я не хочу обедом становиться.

– Черт! – выругался Трофимыч. – Все, Кузьма, хватит ма-рафет наводить. Быстро слазишь и бежишь. Вопросы есть?

– Ружье и патроны, – сказал я.

– Даже не думай подбирать. Потеряем время, запутаешься еще. Надо было тебе разрешить его достать, ошибся я чуток, – сказал Трофимыч, – ну что, поехали!

И под визг псевдотуши мы полезли вниз...

Замечательный план. Его простота давала надежду на положительный результат. В чем проблема? Спуститься по железной, местами ржавой ветрянке, пробежать метров двадцать по скользкой траве, с прогалинами из грязи и луж. Просочиться в достаточно большую дыру в огромном окне, а вернее заколоченной досками раме. Пройти через железные створки, которые я видел сквозь голубую дымку, и можно сказать – мы в дамках.

Главное, чтобы судьба с нами не играла в карты, а то мы со своими шашками пролетим мимо ворот.

Я спустился ниже, разминулся с Трофимычем, чуть не свалил его.

– Тише, Кузьма! Дыши спокойно, – удерживая меня за ворот бушлата, посоветовал сталкер.

Ну да, ну да. То кричит, что тут не стадион, то успокаивает. Ладно, я вдруг почувствовал, что вот он момент истины. У меня есть все данные и возможности провести марш-бросок и добиться успеха. Успеха в виде еды, теплого помещения и, главное, защиты от мутантов.

– Готов, – сказал я.

– Точно? – спросил Трофимыч.

Я посмотрел на него. Крупный нос с прожилками, раскосые глаза коричневого цвета, грубые морщины. На вид, лет

пятьдесят, причем с хвостом и немаленьким. Хотя, Зона старит людей. Я сам знал одного подсталкера, назовем его так, который и не больно-то ходил за Границу. Однако, вид пропитой, дрожащие руки делали его на десять лет старше, чем по паспорту.

У Трофимыча руки не дрожали, голова работала как надо, да и ноги росли не из плеч. Быстро принимает решение, двигается лучше меня, молодого.

Да и наколка, где собака выбита, тоже характерная черта его прошлого. Не так ты прост, Трофимыч, каким хочешь казаться.

– Точно. Точнее быть не может, – ответил я и ухмыльнулся.

– Ну, давай по команде, Кузьма, прыгаем и бежим вместе, пока эта тварь возится, – сказал Трофимыч.

Псевдотуша, разочарованная наличием аномалии, которая пугала, не давая приступить к приему пищи, истерично повизгивала. Ее толстая морда вертелась у двери. Периодически она просовывала в проем морду, но потом резво отскакивала. Жадность и страх боролись в ней, и это давало нам время.

– Пошел! – командирским голосом рявкнул мне на ухо сталкер.

В жижу мы приземлились одновременно с раскатом грома. Протяжный, грубый, словно где-то далеко пролетел кусок скалы и врезался в землю, затихающий звук сменялся

тишиной на какое-то мгновение и затем появлялось ощущение вибрации.

Я старался сосредоточиться и бежать не оборачиваясь. Трофимыч соскочил одновременно со мной и двигался параллельно. Спрыгнул он не коряво, как я, а приземлился, присел на полусогнутых и тут же оттолкнулся правой ногой, начал бежать. Автомат он держал направленным в сторону твари. Рюкзак за его спиной казался частью одежды, сидел как влитой. Моя же сумка была по боку, оставляя синяки. Хотя и о ней, и о гематомах в тот момент не думал. Я несся по грязи, как по асфальту, и явно сдавал норматив на «отлично».

Самый опасный промежуток, начиная от ветрянки и до пересечения с углом колхозного здания, пролетели, как на крыльях. Наполовину заколоченное окно маяком светило в море темных тонов.

Сначала я услышал визг, недовольный, злой. Не знаю, следила «псевдотуша» за нами или ее отвлек раскат грома от попытки достать тело бандита. Следом заметил, как Трофимыч поворачивается и, не прекращая бежать, делает выстрел.

– Бах!

Я дышал часто, организм требовал больше кислорода. Мимо пронеслась кирпичная стена, а вот и наше окно!

– Быстрее, – раздался за спиной крик сталкера и тут же, – бах!

Шестой патрон. Восемь оставалось в нычке, два ушли на

хорошее дело. Визг стал резким, будто «псевдотушу» проткнули раскаленным прутом. Свернула молния, уже недалеко от нас. Как будто вспышка гигантского фотоаппарата. На снимке получилась занятная расстановка сил: маленькая фигура человечка без оглядки бежит к окну здания, другая фигурка стреляет, и виден огонь из ствола автомата, и наконец-то тварь. Тварь, которая уже пробежала половину пути до человека с приносящим боль оружием. Голод, уже давно терзающий мутанта, заставлял атаковать возможную пищу.

Ветрянка стояла на своем месте, печально шелестела лопастями, прощаясь с людьми. С ней так всегда, помогла людям, спасла, а мы ее бросили.

Я достиг цели. Большое окно оказалось не заколоченным наглухо, как мне казалось при осмотре в монокль. Щит из несвежих досок, местами с гнилью, плотно прикрывал импровизированный вход. Я дернул его. Тяжелый!

– Бах! – раздался рядом выстрел.

Я вцепился в верхний край щита и повис на нем. Он начал заваливаться на меня. Запах мокрых досок защекотал нос. Щит, преодолев критическую отметку, упал на меня всем весом. Нелегкий, зараза. Я сделал шаг назад, и он с грохотом упал на землю.

Я тут же получил сильный толчок в спину, от которого залетел в здание колхоза.

– Кузьма, блин!

И тут же следом:

– Бах!

Пять.

Я влетел, как легкий еж, который получил пинок под зад. Голубая «разрядка» подсвечивала темноту помещения. Спасибо, родная, мысленно сказал я. Вот они железные дверцы. Посередине помещения, ближе к противоположному выходу, чем к зеленой двери. Одна дверца закрыта, а вот вторая... Я подскочил к ней. Нет, страхи оказались просто фобиями. Нет замка на двери, она открыта. Надо потянуть за ручку, и милости просим. Чувствуя Трофимыча и, главное, мутанта за собой, я нырнул в темноту схрона.

Приложился головой знатно. Лбом о железяку, да так, что на пару секунд потерялся в этом мире. Кто? Где? Откуда? Только море яркого огня перед глазами. В ушах начало звенеть. Я схватил руками бедную голову. За что ей все эти мучения? Решение принимает мягкое место, а ей выкручиваться приходится. Кто-то ударил меня ногами по пояснице, раздался шум, мат.

Трофимыч!

– Сюда, тварь! – орал он.

Успели! Я успел добежать, он успел не просто добежать, а еще и закрыть тяжелую дверь.

Псевдотуша, как таран, ударила в двери. Над нами сверкнула молния, и я увидел острые копыта, которые тварь просовывала сквозь маленькое окошко в створке ворот. Сталкер резким движением избежал соприкосновения с мерзкой

конечностью. В окошке показалась морда твари, красными глазами смотрела прямо на меня. Сталкер вскинул автомат к плечу и почти в упор сделал короткую очередь. Все, ноль патронов? Копыто яростно забилося, но сталкер уже отошел в глубину помещения. Я же смотрел на окровавленную морду мутанта.

Мутанта в агонии.

Часть вторая

Схрон

1

Я так бы и просидел до самой ночи. Ноги после пробежки тряслись, сердце продолжало стучать с бешеной скоростью. Красные глаза туши наполовину прикрылись толстыми веками, казалось, она хитро подсматривает. Стоит дернуться, и эта тварь пробьет мне горло копытом. Посидеть мне не дали. Раздалось щелканье кремня зажигалки, и появился тусклый свет.

– Ты живой, Кузьма? – раздался голос Трофимыча.

После грохота автоматной очереди слышалось плохо. Я повернулся, оценил помещение, которое нас спасло. Посередине стоял стол, с отломанной ножкой. Подставленный кем-то ящик служил плохой заменой, и стол слегка накренился. На нем кроме лампы, которая и давала возможность осмотреть помещение, стояла пустая банка из-под тушенки. Справа от стола находилась раскладушка на деревянных подпорках, она не доставала до стены сантиметров тридцать. Два табурета, на удивление не сломанные, а вполне пригодные для сидения. Бетонные стены, окрашенные в белый цвет, ка-

зались глянцевыми на вид. Помещение уходило в темноту, на конце его голубел туман. «Разрядка»? Пробивает пол, и, получается, находится сверху и снизу? Интересно...

– Да, – просипел я.

Горло пересохло и болело, точно по нему провели наждаком.

– Боец! Доложить обстановку! – рывкнул Трофимыч.

Он уже успел положить автомат на стол, пройтись дальше, туда где тьма скрывала помещение. Теперь, постучал по раскладушке, проверяя ее целостность, сел на табурет.

– Мы в схроне, – доложил я.

– Ну, нет. Давай так. Ты излагаешь последние события, а я говорю причину, зачем мне все это слушать, – предложил Трофимыч, – и одновременно, предлагаю накрыть на стол.

– Так точно, – ответил, поднимаясь с пола. Стараясь находиться подальше от входа. Ну их, тут мутанты странные, аномалии странные, и даже люди странные. Вот оживет сейчас тварь, а сталкер невинно скажет: ты, что, не знал? У «псевдотуши» две жизни. Или еще какую-либо ерунду в похожем репертуаре.

Приложился я буйной головой о перевернутую железную тачку. Ее опрокинули на бок, колесами к двери, тем самым перегородили проход и сделали хорошую точку для стрельбы. У кого-то голова служит не только головной убор носить, а еще и думать.

Вот только моя теперь болит! Я потрогал, да, будет шишка

не маленькая. И льда нет, чтобы приложить. Пальцы стали липкие, будто влез ими в мед.

– Сначала мы преодолели поле от блокпоста до колхоза, потом... – начал я рассказывать путь нашей боевой славы.

– Зачем? Кузьма, всегда задавай вопрос – зачем? Зачем мы шли? Зачем тебя попросили сбегать за пивом? Обещают присмотреть за твоими же вещами. Зачем попросили закурить? Особенно в темной подворотне, – громко поучал сталкер, – зачем тебя мама в семь лет послала купить хлеба? Может она просто проверяет, насколько ты самостоятельный? Да, Кузьма?

– Так точно, – ответил я автоматически.

Клянусь, Трофимыч от радости чуть не прыгал. Он быстро смахнул со стола бычки и обрывки бумажек, которые использовались для самокруток. Снял рюкзак, достал пакет с нарезанными бутербродами, пачки быстрорастворимой лапши и бутылку с водкой. Видимо, убийство тех мутантов, особенно игра на нервах, доставляло ему удовольствие. Псих он и точка.

Меня манила еда на столе. Вот к ней я и шагнул, не посмотрев на пол. Под ногами чавкнуло.

Да и тут грязь!

– Ты чего, молодой?

Трофимыч прекратил суетиться и повернулся ко мне.

Я приблизился к столу и протянул руки к лампе. В подвальном помещении при скудном освещении кровь на ладо-

нях казалась черной, как деготь.

– Сел на табурет, – приказал Трофимыч.

Я так и сделал. Он поднял лампу и осмотрел меня.

– Так, вроде все нормально. Сознание не терял? В голове сильно гудит? – спросил он меня, как положено проводить опрос при сотрясении мозга.

– Нет, не терял. Ярko стало, когда ударился. Сейчас не болит, – соврал я.

– А если так? – уточнил сталкер и нажал на края раны.

– Да чтобы! – вскрикнул я.

– Тихо, тихо! – сказал Трофимыч. – Разрез не большой, чуть выше лба.

– Шить? – спросил я.

– Есть чем? – удивился сталкер.

– Нет, – честно сказал я.

– Тогда живи долго и счастливо.

– Так точно, – ответил я.

– Давай на стол выкладывай, что там в Зону тащишь, – распорядился Трофимыч.

Я неторопливо снял военно-полевую сумку. Слабость во всем теле, скованность. Надоело все, и этот поход, и эти условия. Ну чего мне не сиделось в части? Кормят, спать дают в теплой постели. Лафа! Нет же, понесло идиота. Азарт!

– Дай, я сам, а то, как от мутанта драпать – гепард, а как делом заниматься, как черепаха возишься, – недовольно сказал Трофимыч и воплотил угрозу в жизнь, – ты давай, рас-

сказывай, рассказывай.

Эх. Начмеда пытался заболтать, не получилось, тут попытался отмолчаться – не дали. Изверги. Как сговорились и специально меня проверяют.

– Одно из зданий колхоза имеет схрон, который позволяет спрятаться от Всплеска или мутантов. В схроне мы должны перекусить и, отдохнув, двинуться дальше. Конечная цель – бар, где я могу купить артефакт или просто провести сутки, не подвергая себя опасности.

Вспомнил слова Трофимыча, про постоянную опасность в Зоне.

– Уточняю, не подвергая себя чрезмерной опасности. Потом вернуться назад, к блокпосту...

– Как ты вернешься без меня? – спросил Трофимыч.

Он вывалил содержимое сумки с красным крестом, разорвал пакет со стерильной ватой, отложил в сторону белый лейкопластырь.

– Упал бы на хвост другому сталкеру или договорился с Барменом. Еду ему же как-то доставляют, – сказал я.

– Хорошо. Думаешь, в баре военному рады? И по лицу тебе не надают? – спросил он с издевкой в голосе.

Я уже не мог терпеть. Пить хотелось невероятно. Наждачная бумага уже стерлась о мое горло. Я взял бутылку Трофимыча и, отвинтив крышку, сделал глубокий глоток. Огонь скатился по пищеводу, достиг желудка и там взорвался напалмом. Дыхание перехватило, и сердце остановилось.

Я затрясся в приступе кашля.

Трофимыч бережно забрал бутылку, похлопал по спине:

– Ну, ты силен. Поверь мне на слово, спирт пить, не запиная и не закусывая, это уровень прапорщика. Вру, старшего прапорщика!

Запить, вот что я понял из длинной фразы сталкера. Залез в сумку, отыскал на дне воду, и припал, как к роднику. Спасибо начмеду, собрал в дорогу!

Сталкер сжал края раны, оторвал кусок лейкопластыря и, не беспокоясь о моих ощущениях, приклеил липкую ленту.

– Мелкие разрезы всегда так лечим. Зачем шкуру дырявить иглой, если само заживет за день-другой. Возьмется корочкой, потом счешешь ее, и останется рубец, которым девушек будешь привлекать, – рассказывал сталкер.

– Трофимыч, скажи мне правду, а зачем?

Видимо, от спиртного я ощутил желание поговорить. Да и совместная пробежка от мутантов нас сблизила.

– Зачем девушек привлекать? Я в твоём возрасте уже знал, что, и главное, как делать... Все, получи и распишись, – сказал Трофимыч.

Он повертел мою голову, остался доволен работой.

– Нет, зачем ты меня ведешь в Зону? Только потому, что просили? – уточнил я.

– Ну да, молодой, не трусь. Попросили, я и согласился. Заметь – не сразу. Скидку мне сделали за проход. Знал бы, оставил тебя пить чай на кухне блокпоста, – сказал Трофи-

мыч.

Есть хотелось, аж судорогой сводило живот. Спирт смешался с водой в моем желудке, и теперь по телу растекалось тепло. Именно в этот момент, впервые почувствовал за себя гордость. Да, тяжело по Зоне ходить, да, чуть не погибли, но я смог! Представляю, если рассказать, что завалили стаю тушек, одна из которых огромная, успели взобраться на вышку, почти коснуться крыши Зоны, и теперь прячемся в ее подвале – не поверят. Скажут: Кузьма мало того, что трус, так еще и сказочник.

Я вдруг понял, мне нравится делать вещи, от которых у других отвисает нижняя челюсть в изумлении.

Взял вату, смочил спиртом из баклажки и начал тщательно вытирать ладони от грязи и крови.

Как и предполагал, Трофимыч недовольно засопел. Ну, да, так бездарно тратить живительную влагу он считал расточительством. Это хорошо.

– Трофимыч, вот скажи, только честно, я что, плохо сегодня поход перенес? – спросил я.

Все же правду говорят, стопка делает из человека гордого петуха.

Трофимыч уже вскрывал ножом банку тушенки. Яркая наклейка с коровкой заманчиво предрекала вкусный шмат мяса вперемешку с жиром и сухожилиями. Последних, как всегда, намного больше мяса.

Трофимыч медлил с ответом. Засомневался, выбирает

слова.

– Знаешь, ты, когда действуешь – то Кузьма, а вот когда начинаешь тормозить с принятием решения, – то, извини, солдатик, – наконец-то ответил он. Помолчал минуту, добавил: – без обид. Ты спросил, я ответил.

Теперь я взял паузу. Обидно такое слышать от человека, которого спас. Хотя, если бы сделал все верно, то и спасать не пришлось. Сложный выбор, как ответить. Послать?

– Ну, тогда за взаимную правду. Спорить не буду, так что, – я привстал с табурета и протянул руку.

Трофимыч отложил в сторону нож, вытер ладонь о бушлат и пожал. Крепко так пожал, будто мы заключили договор.

Под ногами грязь, в глубине мерцает аномалия. Я достал маленький складной ножик и начал есть, периодически запивая водой из бутылки. Все же, горд за себя. Я продолжал уминать тушенку, а огонь в лампе пожирал керосин и, по моему, мы оба счастливы.

2

Трофимыч дернул еще порцию. Любит это дело? Во время учебы нас водили в музей уродцев. Страшное место, где жалко рожденных детей с патологиями, не совместимыми с жизнью. Вот их и консервировали в банки-колбы и заливали тремя-четырьмя литрами спирта. Думаю, сталкер от такой растраты огненной жидкости долго бы возмущался.

В качестве стакана он использовал маленькую рюмочку. Железная, с накарябанным чем-то острым изображением противогАЗа. Возможно, автор хотел показать лицо сталкера с одним из обязательных атрибутов. ПротивогАЗ, или как называли его мы – «презерватив», служил наказанием для солдата. Нет, я не про всякие извращения, а про самое простое ношение.

Выдавали его в холщовой сумке, на которую обязан прилепить дощечку с фамилией, и носишь ты эту сумку с собой. Она хоть и маленькая, но раздражает дико. Потерять нельзя, оставить нельзя, а использовать нам, не ходящим в Зону, случаев не представлялось.

Только при проверке, под крики старшины, надо успеть натянуть за несколько секунд презерватив на голову.

Я сидел спиной ко входу. Смотреть на морду «туши» отказывался, боясь, что вырвет.

– Трофимыч, – решил спросить я, – а в Зоне часто пре-

зеватив используют?

Сталкер замер в удивлении, даже не донес до рта кусок мяса:

– Кузьма, тебя нагло обманули, в Зоне нет проституток.

– Нет, на рюмке нацарапан противогаз. У нас его по-другому называют, – пояснил я.

– А! В мое время «хоботом» звали.

Трофимыч повертел рюмкой, свет от керосиновой лампы весело заиграл на боку.

– Это мне нацарапал друг. Хороший друг, который оступись и сделал ошибку. Я остановить его не успел, в тот момент далеко находился, – произнес Трофимыч с грустью в голосе.

Получается, он рюмку носит, как зарубку о прошлом. Интересно, а что за друг? Спрашивать я не стал, зачем человеку душу бередить. Захочет, сам расскажет. Однако Трофимыч продолжил разговор о противогасах.

– «Хобот» штука нужная. Правда, применять ее редко приходится. Я про себя говорю. Глубоко, к АЭС я не хожу, различные загрязненные районы стараюсь обходить стороной. Хотя, однажды историю слышал. Направились трое сталкеров на Болота артефакты искать...

– Так они же закрыты? – спросил я. После еды хотелось спать. Хотелось уронить голову на стол и отключиться. Хотя, раскладушка-то стоит за спиной Трофимыча.

– Хе. Теперь, они закрыты на две трети. В Зоне многое

меняется, был момент, когда после сильного Всплеска Топи стали открытыми. В курсе?

– Нет, – сказал я, – Трофимыч, а раскладушка меня выдержит?

Он намек понял.

– Ложись, спи. Я тебя подниму, в караул по схрону заступись. А пока байку слушай, – серьезно сказал он и продолжил: – Так после очередного Всплеска опять все поменялось, точно Зона умылась. Это не помешало троим отправиться в поход за журавлем в небе...

Я снял бушлат, аккуратно сложил его на табурет. Сумку поставил сверху. Раскладушка жалостно скрипнула под мной, хотя сиделся очень аккуратно. Лег, натянул рваное одеяло. Холод от стены бодрил. Понятно, почему раскладушка стоит ближе к столу, а не упирается в стену. Все как у нас в казарме. От этой простой мысли мне стало веселее. Профилактика заболеваний. Так прислонишься к стене во сне, заболеешь, и как Баранову, потом придется получать уколы в попу.

Трофимыч теперь оказался спиной ко мне. Он неторопливо доедал банку тушенки и прищурено поглядывал на периодические вспышки «разрядки». Та рада стараться, шелкала чаще и чаще. На погоду, что ли?

Я посмотрел в сторону двери. Морда скалилась. Мерзко, и закрыть никак. Сверкнула молния. Подул свежий ветер. Начался дождь. Вот и странности Зоны, за день отмахали аж

километра два. Становится ясно, почему при таком небольшом размере тяжело и долго ходить по отчужденной территории.

Прежде чем заснуть, я, каким-то чудом, успел услышать окончание рассказа Трофимыча, и даже начало новой истории.

– Так вот, из них, у одного «хобот» на плече болтался. И самое интересное, попали они в зараженный участок на болоте. Пузыри на поверхность поднимались и лопались, вонь стояла ужасная.

– И тот, с противогазом, остался жив, остальные погибли? – спросил я тихим голосом. Банальная страшилка, похожими нас пугали «деды» в части.

– Нет, выжил другой, который сообразил и забрал «хобот», – сказал Трофимыч и налил еще себе.

– Это как же он забрал? – я аж приподнялся на раскладушке.

Трофимыч согнул пальцы, показав пистолет:

– Бац-бац.

Весело тут у них. Трофимыч поднял банку от тушенки.

– Помню, нас, солдатиков, на складе с тушенкой оставляли. Людей много служило, на всех открыть, отереть от солидола времени и сил уходило немало. Так вот, кушать хотелось, как тебе сейчас. Понятное дело, мы ее ели.

Сталкер поставил банку на стол.

– Обыскивали нас. Ну, на выходе понятно, чтобы не сво-

ровали. А вот что главное, на входе тоже. Знаешь, в чем заковырка?

– Нее, – промычал я, погружаясь в пучину сна.

– Смотрели внимательно, есть ли с собою хлеб. Проверено лично, только тушенку, больше двух банок в себя не впишешь. Жирная она...

Я провалился в сон.

Почти сразу же открыл глаза. Керосиновая лампа шипела и мигала. Банка забита доверху бычками от сигарет. В темноте проступали контуры мебели. Лампа вдохнула воздух, и огонь осветил табурет. Обычный, солдатский, с окрашенными до половины в серый цвет ножками.

Сон. Даже когда вырубаюсь, не дает мне Зона отдохнуть. Конечно, чаще всего сон – это проекция из жизни. Мозг ищет выход из лабиринта проблем, ищет решение задачи. Читал, что мозг не в состоянии придумывать новые лица, новых людей, а для создания сна выдергивает из глубин памяти встретившихся на жизненном пути. Даже если мельком, давно, проезжая мимо на автобусе увидел человека, то он может присниться. Парадокс.

Я решил перевернуться на другой бок, сменив эту безрадостную картину. Всегда помогало. Сон липкий, я вдыхал гарь от керосина, воздуха не хватало. Во сне закрыл глаза, перевернулся. Раздался скрип отодвигаемой табуретки. Открыл глаза. Морда «туши» находилась перед лицом. Красные глазки бурили во мне дырки, и я проснулся.

Трофимыч сидел за столом в той же позе. Прибавилось окурков. Я вдохнул поглубже, странно, воздух чистый, не прокуренный. Сердце стучало, пытаюсь выбраться из решеток ребер. Туша находилась на месте.

Приснилась же полная чушь!

– Встал? Или еще будешь спать? – спросил сталкер, не поворачиваясь.

Я промолчал, пытаюсь понять, чего именно хочу.

– Тебя в группировку «Сон» надо записать, – продолжил Трофимыч. Затянулся. Огонек на кончике сигареты затрещал с такой силой, что я смог услышать этот процесс.

– Почему сон? – спросил я. В горле першило, голову будто набили мягкой ватой.

– Спишь много, вот чего, – ответил сталкер.

Попытался, встал, раскладушка зашаталась. Я протянул руку и схватил Трофимыча за плечо, стараясь удержаться. Сталкер положил сверху свою руку, и татуировка оскалила пасть. Выглядело это страшно, набитый пес норовил уку-сить.

Я дернулся и проснулся окончательно.

Время тянулось медленно.

– Ну, навалились! – скомандовал Трофимыч.

Я напрягся, упираясь ногами в скользкий пол. Повышенная влажность или от дождя? Раскладушка завалилась на бок, и я рухнул, на удивление Трофимыча. Охарактеризовал падение он фразой:

– Солдатику больше не наливать.

Намекал на отпитый спирт с баклажки.

– Мутанта не трогай! – строго сказал Трофимыч.

Я старался его не задевать. Мышцы болели от напряжения, а чертова дверь не хотела открываться.

– Уперлись! – выдохнул он, и мы вместе попытались приподнять створку. На чуток она приподнялась, на самый миллиметр и вернулась на место.

– Перерыв, – выдохнул сталкер.

Я прислонился спиной к белой стене. Вспыхнула «разрядка» и морда «псевдотуши», расположенная и так очень близко передо мною, приобрела ужасающий вид.

Нет, я видел мертвых свиней. И головы их, когда проходишь по рынку, нанизаны для привлечения внимания покупателей. Эх, я больше люблю плов из баранины, и сейчас бы не отказался от домашней колбаски. Или просто мелко порезать кусочки сочного, темно-красного мяса, обвалить в приправах и обжарить несколько минут на сковородке. Уплел бы за милую душу.

Я отошел к столу, взял бутылку с водой и отпил короткими глотками. Экономлю.

Трофимыч же рылся вокруг.

– Понял, почему мне она не нравится, – сказал я и плюхнулся на табурет.

– Ну да, не дает открыть двери, преследует, пытается убить и схарчить... – перечислял Трофимыч, – так что по-

водов много. Правда, зная тебя, Кузьма, уверен – ты имеешь свою вескую причину.

Сталкер взял деревяшку, покрутил ее, повертел. Мы пытались приподнять створку двери и просунуть туда палку, создать тем самым рычаг. Трофимыч отбросил ее в сторону и пояснил:

– Трухлявая. Как та, первая, что разлетелась. Надо железяку.

Я кивнул. Надо выбираться и идти дальше. Хотя, я уже начал подумывать, не вернуться ли мне назад. Ночь провел? Провел. Приключений на пятую точку нашел и даже успешно их пережил.

– Автомат, – предложил я, шкрябая лейкопластырь.

– Голову подложи, – недовольно проворчал сталкер и посмотрел на меня, – рану не трогай, пусть заживает.

– Пусть, – согласился я и продолжил разговор: – Мне морда мутанта не нравится по простой причине. Она, словно взяли кожу с лица и натянули на свинью, и вот мутант, вроде зверь, а чем-то напоминает человека.

Трофимыч перестал рассматривать раскладушку.

– Знаешь, Кузьма, слухи ходят, мутанты-то не просто так появились. Радиация там, губернация, еще долгие годы должна влиять, прежде чем появилось бы такое. – Он махнул в сторону двери.

Я промолчал, ожидая, что сталкер продолжит, и не ошибся. Заметил, после пробежки, он стал больше со мной об-

щаться. Как он говорит: ищи причину? Почему? Наверное, тропа мутантов к болтовне не располагала. Или старается поддержать меня. Все же закрытое помещение, с одной стороны аномалия, с другой мутант. С одной стороны, неподвижная аномалия, с другой – мертвый мутант. С одной стороны, аномалия, которая мешает поискать лом, с другой стороны – шесть центнеров, которые мешают выйти на свободу.

– Слухи ходят, лаборатории есть. Наследие советской эпохи и гонки вооружений. «За ценой не постоим!» и это во всем выразалось. Правильно, победителей не судят, но... – Трофимыч подошел к «разрядке» и начал всматриваться.

– Но мы проиграли? – закончил я.

Трофимыч многозначительно промолчал. Я взял из пакета бутерброд. Крайний. Неровно разломал белый хлеб, разделив по кусочку колбасы. Третий кусочек повертел и положил Трофимычу. Он подсел, хмыкнул и поменялся бутербродами:

– Ешь, тебе еще расти.

– Куда ж еще? И так почти метр девяносто, – сказал я. Бутерброд казался верхом кулинарного искусства. Эх, в следующий раз возьму батон и две палки, нарежу... В следующий раз, в медицинском пункте, поправил я сам себя.

– Вширь расти. Жердь худюшая.

Трофимыч откусывал маленькими кусочками и тщательно пережевывал. Открыл бутылку и налил в стакан.

Пока я мучился от кошмаров, спирта в баклажке суще-

ственно уменьшилось. Интересно, что ж ему снится, если он не хочет ложиться спать?

Трофимыч оценивающе посмотрел на меня и добавил:

– Не, расти вверх. Не знаю, как сейчас, в мое время рядовому выше сто девяноста, положена двойная пайка. Рост измеряют в медчасти, так что у тебя проблем не возникнет. Скажешь начмеду, он штамп и роспись поставит.

– Угу, – промычал я, заглатывая последний кусок колбасы, – что, правда?

– Ну, ты, Кузьма... Сам же служишь в пункте, а не знаешь прописных истин, – сказал Трофимыч.

Я не успел объяснить, что этим еще не занимался. Сталкер бросил бутерброд на стол, схватил лежащий рядом автомат.

– Туши лампу, – скомандовал он, перемещаясь к перевернутой вагонетке.

Я ткнул выключатель, обжегся о горячий металл. Свет неторопливо погас. За спиной вспыхнула, зашипела аномалия и через минуту погасла.

Нас окружила темнота.

«Туша» зашевелилась. Дернулась уродливая голова. Понесся странный звук, похожий на всхлипывание. Я опустился на корточки. Да и створки теперь перестали казаться надежной защитой. Трофимыч же присел на колени и направил ствол в сторону двери. Черт. Я ж еще и прикалывался, что у «туши» две жизни.

Глаза привыкали к темноте, постепенно я начал различать контуры створок. Небольшой кусочек свободы, окошко, виднелось тусклым пятном. В Зоне наступило утро, и скудные солнечные лучи едва освещали нутро помещения колхоза.

Пробежали несколько минут, и в окно сунулась морда зверя. Собака! Я плохо различал очертания, но понимал, в плане красоты они не далеко ушли от туши. Собака засунула нос и медленно стала водить им. Казалось, она вдыхает каждую молекулу и анализирует ее, составляя четкую картину – что же там скрывается в темноте.

Трофимыч не стрелял. Вспыхнула аномалия, и собака залаяла. Хрипло, с надрывом. Ринулась вперед, пытаясь протиснуться внутрь, однако размер окошка не позволял влезть полностью. Только голова протиснулась, потеснив в сторону морду «туши».

– «Незрячий пес», – громко сказал Трофимыч, пытаясь перекричать собаку. Он встал и, не опуская оружия, прибли-

зился к двери. Пес начал сходить с ума. Его лай подхватили, и теперь гвалт звучал везде.

– Тихо! – крикнул на пса сталкер.

Тот не собирался прекращать. В оконце появилась следующая морда, но втиснуться уже не получалось.

Залепленные будто пластилином глаза контрастировали с потухшими гляделками «туши».

– Включай свет, – распорядился сталкер.

Я при скудном освещении нашарил лампу, долго тыкал по столу в поисках зажигалки Трофимыча. Опрокинул импровизированную пепельницу, чуть не завалил баклажку. Наконец-то разыскал. Щелкнул, огонек появился, спрашивая, чем помочь, хозяин? Я распалил лампу под непрекращающийся лай псов. Трофимыч внимательно осмотрел окошко. Потом резко поднял автомат и прикладом заехал по пасти пса. Раздался жалобный визг, и морда исчезла.

– Не пролезет, – резюмировал сталкер.

Он вернулся за стол, потирая лоб.

– Не пролезет, зато лаем заколеблет, – продолжил он.

– Их там много? – спросил я и показал пальцем вверх.

– Не считал, – ответил сталкер, – н-да, ситуация становится непонятной.

– Почему?

Я тоже сел на табурет и стал собирать выпавшие бычки назад в банку.

Трофимыч же закурил сигарету и ответил:

– Есть шанс, что они «тушу» объедят и она станет легче. Значит, мы сможем приподнять створку, просунуть рычаг и попытаться ее открыть. Вот когда наступит этот счастливый момент, сказать не готов. Правда, стая этих шавок отпугивает потенциальную помощь. Вряд ли одинокий сталкер рискнет их расстрелять. Патронов пожалеет, да и лезть на рожон не в правилах местных обитателей.

В подтверждение его слов, пес засунул голову и залаял, брызгая слюной.

– Они сильно опасные? – спросил я и тут же уточнил: – слышал, стая таких псов способна загрызть человека.

– Да. Раньше как-то было легче. Вроде внешне псы такие же, как и пять лет назад, а повадки изменились. Хитрее стали, злее. Это обратный процесс, мы учимся эффективно их убивать, они впитывают при рождении, как лучше нам горло перегрызать. Я, впервые попав в Зону, со страху выпустил в них весь боезапас. Повезло, что не сам топал, а напарник был с ружьем. Вот картечью их замечательно порвало.

– У нас солдатика загрызли. Лицо все порванное, смогли опознать по униформе и крестик, – сказал я.

– Бывает. Эх, раньше их с ножа резали. Теперь же в большие стаи собираются, как не кобели, а как суки.

С каждым предложением Трофимычу приходилось повышать голос. Лай не умолкал ни на секунду.

– Заколебали, – громко крикнул сталкер. Положил автомат на стол и махнул в сторону двери:

– Пойди по зубам настучи. На время заставит замолчать.

Трофимыч затянулся и впечатал окурок сверху, точно ставя печать. Тонкая струйка дыма быстро развеялась, оставляя запах табака. Я продолжал сидеть. Нет, во дворе понятное дело приходилось дворняжке зарядить под зад, чтобы не мешала, или, взяв кирпич, отогнать большую собаку.

– Ну? – спросил Трофимыч и пододвинул автомат поближе ко мне.

– Стремно, – признался я, – зубы у них здоровые.

– Страшно? – уточнил сталкер.

– Угу.

– Так поэтому и говорю тебе – пойд и ударь. От зубов уворачивайся, а лучше вообще не давай возможности уку- сить. Мне это не проблемно сделать, тебе же – опыт. Пони- маешь?

Это «правда» и «понимаешь» уже приелось хуже овсянки в столовой. Понимаю. Я взял за цевье автомат, и под лай псов направился бить по зубам. Вспомнилась история. Я подра- батывал на «Скорой помощи», санитаром. Закончил первый курс училища и устроился на лето. Вот возле станции кру- тилась свора собак. Нас, взрослых, они не задевали, стара- лись обходить стороной. Три-четыре, вечно грязные, собаки любили пугать школьников. Я в тот день спешил на дежур- ство, и увидел, как девочка лет двенадцати закрывает собой малыша. Собаки стали перед ними и рычат. Дети назад пя- тятся, собаки рычат. Они вперед, уговаривая, пропусти хо-

рошая собачка. Не помогает – рычат.

Забаву отыскали, детей пугать. Я встал между собаками и детьми.

– Лучше ходить другой дорогой, – посоветовал малышне.

Девочка серьезно взяла малыша за руку и повела в школу. Собаки зарычали, я цыкнул на них, и они замолкли.

Малыш же обернулся и сказал:

– Спасибо.

Почему-то эта история сейчас вызвала еще больше гнева. Собака? Так ты должна служить людям, не пытаясь отхватить кусок бедра. Лучший друг называется.

Слабость в конечностях исчезала. Я старался не смотреть на пса, хотя это крайне тяжело. Пасть с желтыми зубами, будто их натерли краской, и с черным языком, не вызывала желание подходить.

Я остановился в шаге. Слюни долетали до меня, падая на штаны и куртку.

– По зубам бей! Не позволяй открывать на себя пасть, – раздался совет от бывалого сталкера.

Легко сказать, да трудно сделать. Вскинул автомат, повторяя движение Трофимыча, я с подскоком нанес удар по морде прикладом. Пес без глаз сумел среагировать и резко дернул уродливой головой вверх. Приклад прошелся по подбородку, слюни щедро оросили меня, точно сунулся под водосточную трубу во время дождя. Размышлять, откуда столько слюней у пса, я не стал, а отпрыгнул назад. Вовремя. «Сле-

пой пес» попытался кляцнуть меня по руке. Не успел!

Пес, не сумев меня укусить, спрятал голову и суетливо пролаял. Клянусь, он жаловался своим братьям на меня. И они начали неистово возмущаться. Пес исчез из моего поля зрения. Я присел и на карачках, подняв перед собой автомат, подполз к окошку. Руки начали трястись, как у неврастеника. Внезапно я понял, в схроне жарко. Видимо вентиляция нарушилась. Вот еще, почему окошко оставили открытым. Свободный воздух гулял, выдувая влагу. Теперь же размер окна уменьшился.

Перед моим лицом болталась «туша». «Слепые псы» продолжали рвать мутанта на обед. Однако в окошке я их не наблюдал.

Ворота лежали на земле. Покатый склон служил для мягкого скатывания вагонеток. Рельсы, уложенные под ногами, мешали нормально подкрадываться.

Такое ощущение, что теперь пес выслеживает меня. Затаился. Чем же ты видишь, без глаз-то? Запах чуешь? Наверное, но метит он уж слишком точно. Сканирует пространство перед собой?

Всхлип. Как в самом начале. Я, несмотря на какофонию, засек. Черт! Похоже на бульдожий всхлип, когда он слюни пытается подобрать. Вот что слышал вначале! Так пес, получается, встал с другой стороны. Теперь дождусь, когда он просунет голову...

Пес появился, как в фильмах. Вот один кадр, а в следую-

щем уже вонючая пасть клацает передо мною. Хорошо, что я замер на корточках, он не смог меня достать.

Блин, а если у них слюна ядовитая. В смысле, они бешеные и теперь произойдет ослюнявливание. Такое бывает. Не обязательно бешеная тварь должна укусить. Иногда хватает простого попадания слюны на поврежденную кожу.

Нет. В бешенстве один хороший момент: не существует стаи или группы из зараженных животных. Они стараются загрызть все, что встречают на своем пути. У нас в части появилось зараженное животное – местная дворняжка. Ее вычислили очень просто. Дневальный вышел утром покормить ее и щенят, а они мертвы. Загрызла их сука-мамаша. Ее пристрелили, и труп отдали на экспертизу. И хоть дневальный не контактировал с ней, уколы получил. На всякий случай.

Вот Мать-природа показательно устроила: свое же потомство убить способна только бешеная тварь.

Я, как утка, перекатываясь, отполз назад.

Трофимыч ничего не говорил, но оборачиваться стыдно. Обернись и окажусь предателем. Возможно, я просто накручивал себя и это помогло. Пес, просунув пасть, рычал. Видимо, у мутантов понижен уровень самосохранения, прям как у меня.

Я вскочил и смачно залепил прикладом по пасти. Аж хрустнули кости пса. Он, скуля, отпрянул. Появилась еще одна морда. Энергия бурлила во мне, злость рвалась наружу. На! И снова попал! Не так хорошо, как по первой жертве.

Однако этого хватило.

– Давай еще, тварь! – рыкнул я.

– Подожди, пока их не пугай, – сказал Трофимыч.

Я вздрогнул, прозевал момент, когда он приблизился. В пылу боя забыл смотреть по сторонам. Тот же Баранов рассказывал, как убил штук двадцать собак с одной обоймы.

И хотя со стороны это выглядело смешно, я радовался победе. Своей победе над собой.

Трофимыч же достал из кармана старый мобильный, поклацал на нем кнопки.

– Не хотел светить нас, все же блокпост рядом. Теперь придется. КПК, вещь незаменимая и полезная, особенно когда в выключенном состоянии, – пояснил действия сталкер.

Теперь понятно, почему он такой спокойный. Дверь завалена, еды уже нет, а Трофимыч как у себя на даче, под яблонькой отдыхает.

– Мы позовем на помощь? – уточнил я на всякий случай.

– Угу. В помещении связь плохая, да и «разрядка» рядом помехи создает. Так что план таков: ты стреляешь псу в голову, и пока у них заминка, я высовываю КПК и отправляю сообщение. Помощи, конечно, сильно просить не буду, а то потом не расплатимся. Да и твои могут засечь. Прийти вряд ли, только повод над нами посмеяться у них появится...

Сталкер начал набирать сообщение, смешно шевеля губами.

– Эээ, а патроны? – спросил я, удивленно почесав лоб.

– Так с трех-четырёх уложил тварь, – сказал сталкер и локтем ударил копыто. То закачалось еще сильнее. – Кузьма, посчитай, сколько патронов осталось.

Я повертел автомат и левой рукой обхватил магазин. Теперь нажал на рычаг и с металлическим звуком отстегнул его. Он приятно холодил кожу, но патрон не светил желтым бочком. Его просто не было.

– Пусто, – сообщил я.

– Затвор передерни, – подсказал сталкер.

Я повертел магазин, засунул его в карман штанов. Он поместился не полностью. Переложил автомат в другую руку, взяв его крепко за цевье. Дерево, в отличие от металлического магазина, отдавало теплом. Следом взялся за затвор и мягко отвел его назад.

– Есть!

Вот он, родимый, тускло блестит в утреннем свете, падающем из окошка.

– Один? Получается, я потратил четыре патрона. Старею, – сказал Трофимыч, и тяжело вздохнул, – тебя кто учил так передергивать? Теперь замри и не вздумай отпускать.

Я так и сделал, но патрон резко вылетел.

– Магазин, – потребовал он.

Я постарался быстро поднять патрон, слегка зацепился, и наконец-то получилось. Вставил магазин.

– Не резко досылай патрон, – строго сказал он.

Я сделал все правильно и отдал сталкеру. Эх, не зря же

с разгрузками ходят или в бронежилете. Там специальные карманы, как раз под девяносто патронов, а чуть выше, горизонтальное крепление для ножа.

Однако бронежилеты таскать солдаты не любили. Пятнадцать килограммов давили на позвоночник. Как и противогаз, он относился к элементам наказания.

Трофимыч спокойно взял магазин и нежным движением вставил патрон. Забрал у меня автомат, раздался сухой щелчок – он загнал магазин.

– Надо плавно и в то же время сильно дернуть затвор, – сказал Трофимыч. Дождался огонька понимания в моих глазах и произвел изъятие патрона.

Рычаг плавно ушел, патрон вылетел и Трофимыч успел его поймать, не дав упасть на грязный пол.

Точно ожидая окончания учения, пес просунул пасть и без лая попытался укусить. Не достал и снова исчез.

– В части потренируешься, рядовой, – сказал Трофимыч, с интересом разглядывая действия пса, – сейчас же прострели ему голову.

И отдал мне автомат с последним патроном.

Задачи усложняются. То ударь, чтобы замолчали, теперь убей. Я облизал пересохшие губы.

– Вдруг патрон пригодится? – спросил я.

Сам же думал, а что если от вида мозгов меня вырвет?

– Да? Если ты решил его оставить про запас, то мешать не буду. Только зачем? Или ты самоубийца? – с насмешкой

сказал Трофимыч и продолжил: – Если это даже и так, нырни в «разрядку» и избавишься от всех мучений на свете.

– Нет, спасибо, я предпочитаю дождаться помощи и потопать назад на блокпост, – ответил я.

– Хороший вариант и мне хлопот меньше, – согласился Трофимыч, – правда, я хотел до бара довести, но раз ты сходишь с дистанции, то не вопрос.

– Бар? – уточнил я. – До бара и назад или просто до бара?

– Назад только за деньги, – сказал Трофимыч и толкнул меня в плечо, – давай уже стреляй, а то время теряем.

– Снова тренировка? – спросил я и вскинул автомат к плечу.

Приклад приятно уперся, я посмотрел через прицел в сторону окна. Где же ты, «незрячий пес»?

Руки дрожали, то ли от нервного перенапряжения, то ли от странного холода в животе. Идти к бару со сталкером? Надежный, опять вспомнились слова чернявого прапорщика. Это да, Трофимыч отличался от обычных бродяг Зоны, как отличается профессор от остальных преподавателей. Это неуловимый отпечаток знаний, когда на любой вопрос есть ответ, когда любое событие проанализировано и разложено по полочкам.

Остается уговорить его провести назад и, главное, уложиться в срок. Когда топал на отчужденную территорию, то даже не думал о шести днях больничного, который подарил мне начмед. Теперь пролетели сутки, сейчас проходит утро.

До бара за день, подожду день-два, пока уладит вопросы Трофимыч, и заплачу за проход домой. Улыбнулся, вот так ненавистная часть становится родным домом. Надо только в Зону выбраться.

Пес не показывался, хотя слышны звуки растерзания «туши». Мелькнула тень.

Трофимыч стоял наготове с КПК и спокойно наблюдал. Внезапно появился пес. Он замер перед окном, заметив людей. Попытался отпрыгнуть в сторону, однако не успел.

Я нажал на спусковой крючок.

– Стервятники. Накинулись на мясо. Видишь, оно как, мы работу сделали, а пируют же псы.

– Вроде исчезли, – сказал я.

Глотнул воды. Ее осталось мало на дне баклажки. Из пить-есть: грамм триста спирта, которую Трофимыч неспешно це-дил. Тушенку мы доели, бутерброды поделили еще перед появлением собак. Осталась банка сгущенки, но на что ее мазать не сыскалось. Я порылся, нашел старый ящик, с вы-стеленным холщовым мешком дном. Там остались пустые обертки от лапши быстрого приготовления.

– Ну да, зачем им тут головы под твои пули подставлять, если там мясо валяется, – усмехнулся Трофимыч.

– Надеюсь, они потом оставят помещение. Ай, черт, – по-морщился я.

– Ты чего как маленький? Сейчас новый пластырь налеп-лю, – сказал Трофимыч, и оторванный бросил в импровизи-рованную пепельницу. Она и так была наполненная окурка-ми до нас, а теперь стала с горкой. На мое удивление сига-рета у Трофимыча обладала бессмертием. Или, как в одной притче, бесконечный доллар. Ты им расплатился, взял моло-ка и сочный кусок колбасы и весело направился домой. И тут вспомнил хлеб-то забыл! Залез в карман, а там он, родимый доллар. В нашем же случае, сигарета тушилась, появлялась

новая из пропаленного кармана.

– Зачем им уходить? Есть еда. Понимаешь, Кузьма, вопрос-то в мозгах. Знаешь, что собака обладает сознанием пятилетнего ребенка?

– Да что карапуз понимает? – сказал я, отсаживаясь на кушетку.

– Поверь, Кузьма, в пять лет ребенок такие вещи говорит, что не каждый взрослый додумает. Да и «незрячие псы»... Вот у них мышление есть, а также, какая-то жестокость. Несмотря на потери, они готовы преследовать. Легче всего их просто убить.

– Легче, – повторил я с сарказмом.

Выстрел не разнес полностью псу башку, как я ожидал. В фильмах, кровь, мозги наизнанку и на полметра вокруг все замазано белым. Вообще человек изнутри яркий: красные мышцы, белый мозг, голубоватые легкие. У пса от выстрела образовалась дырка размером с рубль. На спину полилось содержимое. Он упал на бок и задрогал лапами.

Первый убитый мутант. Я не живодер, котов в подъезде ногами не бил, собак не травил. Хотя я опасался, меня даже не мутило.

Не хотелось признаваться Трофимычу, я не уверен, что смогу застрелить человека. Ладно, бешеную тварь Зоны, санитаря этих земель смог. Сами напросились.

– Да вообще тут два варианта: или ты убегаешь от них, или убиваешь.

– А если они нас? – спросил я.

– Так это не вариант, Кузьма. Ты с такими вариантами даже не суйся в Зону, – Трофимыч аж напрягся, от такого вопроса. Надо узнать про другое. Как же оно, в живого человека стрелять.

– Трофимыч, важное спросить хочу.

– Очень или как всегда? Я шуткую, давай, – сказал Трофимыч и налил себе пятьдесят грамм.

– Я вот «незрячего пса» застрелил. Животное, порченное. А что чувствуешь, когда в человека стреляешь?

Трофимыч потер щеку. Щетина торчала, как светлая мочалка.

– Как что? Отдачу, – ответил он наконец-то и покачал головой. Недоволен. Не надо было задавать вопрос. Длинный язык меня подвел. Хорошо, что по пасти не дал, как я «слепому псу».

Я замолчал. Трофимыч затянулся и пустил в потолок сизую струю. Неприятный холод возник между нами.

– Что-то долго нас спасают, – сказал я сталкеру.

– Никто и не обязан. В Зоне нет службы спасения. Это как в горах, надежда на человека, который рядом, и на людей, которые поблизости случайно находятся. Судьба, – ударился в философию сталкер.

Я подсел за стол. Суечусь, волнуюсь. Время с нападения слепых собак тянулось медленно и вязко, будто в воздухе разлили бочку меда. Я периодически наблюдал у окошка, как

меняется свет. От тусклого утреннего к дневному и обратно, происходило смазывание окружавшего мира в серые тона.

– Не суетись, возьми подлей бензина в лампу. Только подожди, докурю, – посоветовал Трофимыч.

Я нашарил под столом пластмассовую канистру на пять литров. Поболтал ее, жидкость плескалась на дне.

– Мало, – читая мои мысли, сказал Трофимыч.

– Лить или оставим?

– Лей. Свет потушим, экономия должна быть экономной, – распорядился Трофимыч, – да и «разрядка» светит, будь здоров.

Мы аккуратно провернули операцию по наливанию горючего. Лампа от постоянного горения жгла пальцы, да и в темноте, на ощупь не сильно удобно наливать. Справились. Чиркнула зажигалка, и огонь осветил наши усталые лица. Есть хотелось, аж желудок сводило судорогой. Эх, сейчас бы колбаску нарезать, да в палец толщиной, на сковородку кинуть, обжарить. Залить яйцами, добавить сверху кусочки сыра и зеленью присыпать. Вкуснота в простых вещах, которые я раньше не ценил.

– Тогда я снова вступлю в группировку «Сон», – решил я. Чего зря время терять? Как говорит начмед, не знаешь, что делать, ложись спать.

Трофимыч зашелся затяжным кашлем. Бросил недокуренную сигарету и мучительно выдавливал из легких воздух. Смешно ему, до икоты.

– Ты где такое услышал? Про группировку «Сон»? – задал Трофимыч вопрос. Лицо от кашля раскраснелось, глаза налились кровью. Серьезный стал, не шутит.

– Ты сказал, – честно признался я. Трофимыч не отрывал от меня взгляда.

– Во сне, ты приснился за столом и сказал, раз много спишь, надо вступить в группировку «Сон», – добавил я поспешно. Чего он нервничает, не понимаю.

Трофимыч взглядом, как рентгеном, провел по мне и сказал:

– Вступай. Шанс есть. – И погасил лампу.

Я запутался в его юморе. В темноте, при легком освещении аномалии, взял влажное одеяло, потрусил в сторону стены. Спать хотелось смертельно. Мышцы побаливали, как после тренировки. Видимо, находился я за два дня: и в части, и теперь на территории отчуждения. Механизм боли простой, при нагрузке мышечные волокна получают микроразрывы, и выделяется молочная кислота.

Я лег на кушетку, завернулся в одеяло, как в кокон.

Надо решить, для самого себя, что ж делать дальше. Не сильно хотелось идти к бару, даже под присмотром опытного сталкера. Вру. Адреналин от пережитого будоражил мое воображение. Как показывает жизнь, одну беду мы уже преодолели. Если бы все походы состояли из серии таких проблем, сталкеры вообще выродились. Значит, очень высокий шанс, что это последняя беда.

Вернуться назад, заплатив деньги. Мало. Зато в бушлате запрятан артефакт. На крайний случай, и его использую как оплату. Как в тему выдал мне его начмед!

Однако холодок в животе настойчиво подсказывал, что надо возвращаться. Подойду к делу творчески, распишу сталкерскую байку. Тушки завалили, на ветрянке посидел, научился кидать болты.

Что еще надо?

В насмешку сверху залаяли четвероногие убийцы. Придется решать проблемы по мере их поступления. Я не знал, сколько нам здесь сидеть, в схроне. Вспомнил хорошую поговорку: хочешь рассмешить Всевышнего, расскажи ему о своих планах.

Для началаждемся помощи. Хоть и пугает меня Трофимыч рассказами, что нет службы спасения в Зоне, я понимал, что рано или поздно нас найдут. Нужда заставит, и продолжим посылать сигналы с КПК. Да тропа-то хожая! Выползу из этого схрона и приму решение.

Трофимыч поднялся на ноги и внимательно стал вглядываться в сполохи от аномалии. Вот человек, уникальное существо. Привыкает ко всему. Круче адаптация только у тараканов. День тому назад не поверил бы, что буду спать под песню аномалии и лай собак.

Пролетели несколько часов. Копыто шаталось тряпкой на сильном ветру. Его мотыляло из стороны в сторону. Я потерял глаза. Боль и яркие пятна вследствие постоянных вспышек

от «разрядки». Теперь, присев на перевернутую тележку, повернулся спиной к аномалии, давал отдохнуть глазам.

– Скоро перегрызут, – сообщил я сталкеру.

– Скоро не скоро, зато времени на тренировку, бить по морде тварей, у тебя будет море, – сказал Трофимыч. В голосе ни капли уныния или паники.

Так и наступил вечер. Ветер наверху утих, установился штиль. Трофимыч вскрыл банку сгущенки и ею закусывал. Собаки отбегали наверх и теперь начали сильнее обгладывать тушу.

– Хотят пролезть в окошко, – объяснил Трофимыч их действия.

– Смогут?

– Вряд ли. Оно сильно маленькое. Раньше подвал использовался для хранения мясных туш, стояли холодильники. Тележки ставили на рельсы и вывозили дальше. Потом мародеры вывезли все ценное, до чего смогли добраться. Так вот окошко служило для передачи мелочи, документов, да и просто покурить. Одна собака и всунется, но вряд ли. Да и ты уже, охотник с опытом, череп ей раскroiшь, – рассказывал Трофимыч.

– Дальше в зоне так же? Вынесли все ценное? – удивился я.

– Нет. Там Зона охраняет свои владения от жадности людей. Да и тут, вряд ли сунулись, еще год тому назад это место считалось чистым. Не в смысле радиации, а в значении ано-

малий и мутантов. Территория-то растет. – Трофимыч выпил последнюю порцию разведенного спирта и тут же закусил сгущенкой.

Открывать полностью банку он не стал, проделал ножом два отверстия различного диаметра. Из того, что побольше, отхлебывал сладость.

Я тоже отпил, есть-то хотелось. Но теперь, муторно-сладкий вкус неприятно засел во рту. Запить чайком, или хоть простой водой, а нет, у нас все закончилось. Трофимыч, к моему вопросу про еду, отмахнулся и сказал:

– Я первые разы тащил тяжелые рюкзаки с едой, питьем и вещами. Спина аж гнулась в другую сторону. Теперь стал умнее. Запомни, Кузьма, в Зоне еду можно купить. Так что я беру вкусные бутерброды, выпить и нужные приспособления.

Я промолчал, с моей-то подготовкой осуждать и спорить не стал, хотя остался не согласен с логикой сталкера.

– Ну что, дело было к вечеру, делать было нечего, – продолжил разговор Трофимыч, – хотя это смотря кому, да солдат?

– Так точно, – в шутку ответил я.

Копыто, как я понимал, скоро отвалится. Сумрак заполнил помещение колхоза, неприятный запах от мертвой туши становился все интенсивнее.

– Ты давай, не ленись, собирай.

Я вздохнул. Трофимыч, под воздействием алкоголя начал

проявлять активность. Даже предупредил:

– Кузьма, научиться полезному хочешь?

Я же с радостью ответил:

– Хочу.

Сидеть во влажном подвале, ожидая помощи, оказалось скучновато. Да и грустные мысли надо разогнать. Вот я и решил, что сталкер, как тогда в поле, мне выложит информацию про аномалии.

– Тогда не обижайся на менторский тон, буду тебя учить, – сказал Трофимыч.

– Зачем нам говорить, как менты? – удивился я.

– Кузьма, менторский, значит наставнический, – объяснил Трофимыч.

Я выпал в осадок. Даже не от услышанного нового слова, а от кого услышал. Трофимыч, с шутками и манерой общения простого слесаря-охотника, и вдруг ввернул в разговор такой термин!

Я ошибся. Мне торжественно вручили автомат:

– Разобрать, протереть и собрать.

– Весь?

– Весь. Не бойсь, солдатик, я не требую полную разборку.

Вот теперь Трофимыч звал меня совершить вскрытие автомата. Первый раз, я под пристальным вниманием сталкера потратил минут пятнадцать. Выдерживая шквал насмешек и прибауток. Нет, я прошел учебку и умел разбирать автомат. Не быстро, но умел.

Я отвернулся от двери, оставляя слепых собак заканчивать ампутацию конечности. Синеватый свет от аномалии, автомат на столе создавали ирреальную картину. Точно вырезанный кадр из фантастического фильма.

– Подсказкой воспользоваться можно? – спросил я сталкера.

Тот вздохнул. Ловким движением вытащил из рюкзака пол-литровую бутылку из-под сладкой газировки с жидкостью шоколадного цвета.

– Стоп, Кузьма, это не вода. Это два зверя. Нес парням, однако душа требует.

Я понял, звери – это конь и як.

– Начнем, – начал Трофимыч, – отстегиваем магазин, нажав на защелку и надавив на нижнюю часть магазина впереди.

Это я уже умел. Легко вытащил пустой магазин, положил на чистую часть стола.

– Пункт второй: пальцем, на прикладе утопил крышку гнезда. Сильнее дави. Теперь вытаскивай шомпол.

Я пыхтел и злился, не сильно получалась у меня эта манипуляция.

– Получилось, – выдохнул я.

– Теперь бери нож и сильно надавливай на пламегаситель.

Я уже знал, пламегаситель находится в начале ствола.

Трофимыч налил коньяк, понюхал его и опрокинул в рот.

– Дальше, убираешь крышку ствольной коробки.

Я провел по черной спине автомата. Это и есть коробка. Сзади нашел хвостик, нажал на него и снял.

Автомат приобрел сиротский вид, аж жалко стало. Без магазина исчезла солидность, а снятый верх вообще оголил нутро машины для стрельбы.

Все же, оружие притягивало, манило к себе, как магнитом.

– Что потом? – задал вопрос Трофимыч.

– Потом – пружину, – ответил я.

– Извлечь возвратный механизм, – поправил меня сталкер, – и теперь, отводишь затвор назад, приподнимаешь и отделяешь от ствольной коробки...

Закончить я не успел. Раздались хлопки. Сначала один, приглушенный. Через несколько минут еще раскаты.

– Гром? – спросил я.

– Ага. Свинцовый гром, – ответил Трофимыч, – давай собираю автомат.

Хлопки усилились, превратились в канонаду. Копыто перестало шататься, собаки убежали и вскоре раздались их предсмертные визги. Трофимыч же в обратном порядке возвращал целостность автомату. Выходило у него слаженно и быстро.

– Вдруг мимо нас пройдут? – переживал я. При всем том старался сохранить спокойный тон, как и положено опытному сталкеру.

– Скоро узнаем. Судя по интенсивности огня, они убива-

ют собак.

Выстрелы раздались над нашими головами. Сталкеры или военные подоспели на помощь! Теперь сомнений не осталось, к нам они двигались. Значит, сообщение с КПК достигло адресатов, и они направляются конкретно к схрону!

Звуки стрельбы продолжались с различной интенсивностью и вскоре затихли.

– Эй! – возмутился я. – Они куда!?

– Перегруппировались к другому зданию, чтобы вести прицельный огонь и не подставлять бока под зубы тварей, – пояснил Трофимыч.

Он повесил автомат себе на шею, приблизился к двери и стал слушать.

– Я зажгу лампу? Пусть свет горит, нас увидят, – предложил я.

Трофимыч отрицательно покачал головой.

– Слышишь более глухой звук? Ружье у кого-то. Картечью выбивают собак.

– Это ж хорошо, – сказал я, – всех бы убил!

– Угу, ты такой, опасный, – поддел сталкер, продолжая вглядываться в темноту.

Отчаянные сталкеры подоспели на выручку к сумеркам, на Зону наступала ночь.

И как они вовремя успевали проскочить к нам! Осталось дело за малым, пострелять собак.

Выстрелы затихли. Потекли минуты ожидания. Я сидел и

постукивал пальцами по столу. Если это военные? Что им говорить? Самостоятельный выход за Границу считается дезертирством. Нет, туплю. Ружья-то нам не выдают. Хотя у начмеда же оказывается целый миниарсенал?

О! Так может он нас и отыскал? Тишина оказалась неполной. Слышался мат, повизгивание недобитых собак. Луч фонаря заметался по помещению. Наконец-то нашли дверь схрона и свет погас. Я услышал тихий шепот, но разобрать не мог, о чем шушукаются.

Трофимыч напряженно держал автомат стволом к свободе. Проползли несколько минут, и он громко крикнул:

– Свой?!

Кто-то промелькнул на фоне окошка и присел.

– Конечно, – раздался властный голос, – вопрос всего ништяковый, кто для тебя свой?

Над окошком показался кулак, в котором была крепко зажата граната.

Бандиты. Уголовщина, которая сбежала от закона в Зону. Спрятались, трусливые шавки, натворив бед в цивилизованном мире. Нелюбовь к этим мародерам по жизни я впитывал с начала пребывания в части. Даже сталкеры казались родными и близкими по сравнению с этими упырями.

До этого момента мне не приходилось сталкиваться с ними так близко. Нет, видел их и раньше. Приезжали на машинах с заклеенными номерами, переговорить с нашим командиром. Важные авторитеты с крайним предложением. Или предупреждением? Помню, нас тогда по тревоге подняли. Даже снайпер на крышу залез.

Я точно не знал, хотя слухами земля-то полнится. По Интернету медленнее новости распространяются, чем по сарафанному радио. Вроде коридор они хотели, личный, для беспрепятственного проникновения в Зону. Наш новый командир отказался от работы с людьми, у которых прошлое чернее угля. Все же проникли, падаль бандитская.

– Хабара нет, говорю сразу. – Трофимыч не дернулся, продолжил и дальше спокойно стоять.

Я же начал прикидывать, куда прятаться в случае закидки гранаты. Получалось, что некуда. Даже если успею прыгнуть к тележке, то шанс все равно стремится к нулю.

– Это мы проверим. – Голос, несмотря на прокуренность,

вызвал раздражение. Говорил бандит быстро, слова чуть коверкая, и я уже ненавидел человека с гранатой.

– Давайте сюда оружие и мешки, – продолжил бандит.

– Проблемы не вижу, раз мне на слово не верят, – вальяжно ответил Трофимыч, – спускайтесь, покажем, чем богаты.

Добавились еще звуки, приблизились люди. Мелькнула серо-зеленая куртка со вшитыми пластинами, и появилось круглое прыщавое лицо.

– Дерни отсюда, – приказал бандит, и лицо исчезло.

– Ты чего, Чес, гранату достал? – обиженно произнес отошедший.

– Рот закрыл, – гаркнул на него бандит. Чес его кличка. Ну-ну.

Они продолжили переругиваться. Я встал, приблизился к сталкеру. Помирать так вместе.

– Эй, вы там как, наверху? – поинтересовался Трофимыч. – У нас тут тепло, хорошо и, главное, ночью не страшно.

– Ты чего у меня нервы на кулак мотаешь? – Чес замахнулся гранатой, имитируя бросок.

Трофимыч слегка выдвинул вперед ногу, перенес вес тела. Наверное, готовится поймать механизм смерти и швырнуть его обратно.

– Я твои нервы не трогал. Твое заявление мне не по нраву. У нас принято сначала оружие убирать, здороваться, и лишь потом дела решать, – продолжил Трофимыч спокойным тоном.

Все, хана солдатику. Отходил я свое. Кто ж так ведет себя с бандитами? Теперь в лучшем случае просто бросят нас и уйдут. Нет, не зря сталкер ночь упомянул. Схрон один на многие километры. Значит им попасть нужно позарез. Или бросят гранату, которая посечет солдата и сталкера на кусочки? Луч света заметался по двери, осветил обглоданную тушу мутанта и нырнул к нам в схрон.

Трофимыч поднял руку, прикрывая глаза. Кто-то третий присел на самый край и стал вести переговоры.

– Мы группа сталкеров, ищем, где укрыться от непогоды. Меня – Дельным кличут, – представился третий.

Руку Чеса с гранатой он отвел в сторону, сидел и не прятался.

– Эй, я тут решаю проблему, – влез Чес.

– Ты ее не решаешь, а запарываешь на месте, – сказал Дельный и продолжил дальше общаться со сталкером, – а вы кто такие, почему в домике засели?

– Меня, начиная от Границы, заканчивая баром, Трофимычем называют. Слышал, а может и нет. Со мной племяш, из части его забрал, хочу приучить к вольной жизни, а не бабачить на всяких уродах, – с ходу сочинил мне новую биографию сталкер. – Мы нарвались на мутантов, успели спрятаться, да вот слегка привалило двери.

– Трофимыч? Это ты с Дубом ходил? – спросил Дельный.

Сзади него встали остальные – толстый в куртке и Чес, в черном плаще. Хотя, через свет фонаря Дельного, я мало что

мог различить.

– Было дело, – ответил Трофимыч. Протянул автомат, легонько ударил по фонарю, отводя его в сторону. Дельный не стал снова направлять свет на нас, продолжил разговор, как ни в чем не бывало.

– Как же такой матерый сталкер попал в такую ловушку? Расскажу, не поверят, – иронично сказал он.

– Разное в Зоне происходит. Я, например, всегда знал, Дельный – это честный торговец. – Трофимыч особенно выделил последнее слово.

– Ну, не тебе меня судить, – начал Дельный. Его перебил Чес.

– Ты там что твякаешь? Я тебя сейчас на части порву!

Не выдержал. То от окна его отодвинули, не дали покичиться над запертыми, то теперь намекают, торговцы не должны опускаться до уровня бандита.

– Тихо, – сказал Дельный и снова направил луч фонаря в схрон. Поводил им, осматриваясь.

– Ситуация патовая. Вы без нас не выберетесь, нам же ночь коротать на воздухе не охота, но не смертельно. Если захотим, устроимся тут, костер разведем и утром потопаем дальше, – начал излагать Дельный, – вариант есть, мы тушу сдвигаем, а ты нам поможешь чуток. Как Трофимыч, согласен?

– Чуток? Интересно у кого какие аппетиты. Вдруг придется батрачить бесплатно полмесяца. Говорю сразу, тогда не

согласен, – продолжал нагнетать обстановку Трофимыч.

Оказывается, знают его, хотя и не ходок он на дальние дистанции. Дельный разговаривает уверенно, Чес же все пытается выпереться вперед.

– Провести надо и дело с концами, – сказал Дельный и отвел в сторону фонарь.

Я наконец-то его рассмотрел. Кустистые брови, сросшиеся в одну, высокие скулы и коротко стриженные волосы. Лицо без шрамов и, на удивление, гладко выбрит. Широкие плечи. Лямки рюкзака выделялись на бежевой курточке. Кожаная, усиленная вставками.

– Провести могу до бара, туда и мы путь держим. Ждут нас там, испереживались, наверное, – сказал Трофимыч. Ясень пень, никто не ждал. Мы как неуловимые... Неуловимые по причине, что на фиг никому не нужны.

Трофимыч накалив отношения, сбавил обороты:

– Тем не менее, расскажу, куда и как пройти. Слово даю.

Пока они вели торг, Чес нервно наворачивал круги и даже разок выстрелил. Как я догадался, в мертвую собаку. Третий, грузный парень, водил стволом ружья из стороны в сторону. Боялся нападения, или просто оставили его на шухере.

– Вопрос – навоз, – сказал Чес. Гранату он уже спрятал, и снова присел на корточки перед окошком.

Трофимыч, не меняя позы, остался стоять дальше. Что ж, они-то не знают, что автомат в руках Трофимыча пустой.

– Договорились, сталкер, – поддержал его Дельный.

– Ждем в гости, – сказал Трофимыч и махнул рукой.

Осталась проблема весом в несколько центнеров. За окошком наступила ночь, чернота старалась поглотить остальные краски. Ветер усилился и уныло завывал.

– Ну и как мы ее оттащим? Она вся в крови и тяжелая, наверное, – прогундосил грузный.

Нос у него заложженный, много соплей, сразу оценил я его симптомы.

– Унылый, не начинай, – оборвал его Чес, – сейчас все организуем.

Дельный не зря осматривался. Четко раздал указания, кому что делать. Они отыскали обрубки железяк и толстую, не гнилую доску. Подсунули под тело «туши» и начали поднимать. Не знаю, сколько весит мутировавшая свинья, однако сил и мата у трех здоровых мужиков ушло немало.

Наконец-то, тушу отодвинули от двери. Казалось, створка аж всхлипнула от радости освобождения.

Я к тому времени уже зажег лампу и внимательно себя осмотрел. Грязный, вонючий, без погон и лычек – настоящий дезертир. Легенде, которую сочинил Трофимыч, соответствую на сто процентов.

Дверь со скрипом отворилась, и вначале спустился Дельный. Постоял, привыкая к свету. Кроме куртки на нем были военные штаны, натовского стандарта, и берцы. На боку – кобура с пистолетом.

Он шагнул к столу, хлопнул меня по плечу и спросил:

– Как звать?

– Кузьма, – ответил я. От его хлопка не зашатался и не сдвинулся.

– У меня тоже есть имя и отчество, но мы с тобой в таком месте, где кличка значит больше паспорта. Вот я Дельный, он – Унылый, – показал торговец на грузного парня.

Тот втиснулся в схрон, зацепил животом створку двери. Сопел он недовольно.

– Пробиркой называют, но мне не нравится эта кличка, – сказал я и понял, что дал слабину.

– Мне уже от нее прет, – громко крикнул Чес. Он спрыгнул последним, потянул за собой створку. Теперь-то копыто не мешало и наконец-то окошко захлопнулось.

Как же я ждал этого момента, когда нас спасут. Что ж, судьба умеет делать неожиданные повороты.

Трофимыч проверил, плотно ли закрыта задвижка. Чес стоял рядом с ним и не собирался проходить. Стащил балалакву, спрятал в карман, закинул укороченный автомат за спину.

– Чё сталкерок, теперь ты не такой модный, да? – спросил он и ударил левой рукой по печени Трофимыча.

Приклад сталкерского автомата моментально опустился вниз, прикрыв жизненно важный орган. Кулак с треском ударил по прикладу. Лицо бандита скривилось, он попытался двинуть в челюсть. Трофимыч сделал подшаг и просто толкнул его в грудь. Чес отлетел, ударился спиной о стену.

Дельный подскочил, встал между ними.

– Тихо! Не надо драки, – примирительно сказал он.

Трофимыч, как и не было на него наскока, замер. Только автомат опустил стволом в землю – как раз на уровне голени Чеса. Тот поднялся, провел большим пальцем по уголкам рта, вроде вытирая слюни. Медленно достал нож из кармана плаща. С громким щелчком выскочило стальное жало семи сантиметров длиной.

Чес направил его в глаз Дельного:

– Ты меня запарил уже своим трендыжом. Приказы отдаешь, чес гнилой разводишь. Кто тебя главным назначил?

Эмоций на лице торговца я не видел, он стоял спиной. Зато грузный, по кличке Унылый, напрягся. Ружье, которое он собирался положить на кушетку, взял опять за цевье. Его второй, жирный, подбородок нервно заколыхался.

– Даже не думай, – сказал я ему и посмотрел в глаза.

Нож, которым Трофимыч открывал тушенку, лежит на столе, да и лампа рядом. Успею схватить за ствол и привалить его.

– Ты мне не указывай, – сказал он. Из носа потекла сопля.

– Сопли вытри, – посоветовал я.

Говорили мы тихо, боясь помешать разговору старших. У них же картина не поменялась, Дельный так и стоял между ними, Чес держал нож перед его лицом. При свете бандит не казался грозным. Когда заглядывал с гранатой в окошко схрона, аж холод по спине маршировал. Теперь, смотря на

сухое лицо, посыпанные рябью скулы... Такие у магазина в шесть утра пачками собираются.

– Ты и назначил, – ответил торговец, – когда сказал, что ничего в нашей Зоне не смыслишь. Напомнить, после чего этот момент состоялся?

– Ты меня на «напомнить» не бери. Косяк случился не мой, а общий и вашу галимую Зону не знаю и знать не хочу. Вот вас бы на настоящую закинуть. – Чес выпучил глаза, и стал похож на змеюку. Шипит, злится. Правда, и укусить способен.

– Не будем при хозяине схрона выяснять наши проблемы, – подозрительно миролюбиво сказал Дельный.

Вот только тон его не указывал на человеколюбие. Трофимыч молча выслушал их диалог и, окончательно опустив ствол в пол, направился к столу. По-хозяйски отодвинул в сторону Унылого и сел на табурет.

– Насухо дела не решают. – Трофимыч взял бутылку и потряс ею в воздухе.

Коричневая жидкость в лучах от керосинки и «разрядки» заиграла красивыми бликами.

Чес приблизился к столу и, не скидывая плащ, сел на второй стул.

– Давай, сталкерок, хлебнем твоего пойла, – согласился он с Трофимычем и загнал нож в крышку стола с такой силой, что щепки отлетели на грязный пол.

Дельный и Унылый пододвинули раскладушку и, сбросив на нее верхнюю одежду, подсели к нам.

Я заметил, от ранга зависит и экипировка. Унылый в самой простой куртке с минимальным количеством прилепленных стальных пластин. Единственный без бронежилета. Ружье – двустволка, с прикрученным проволокою стволом. Я что-то сомневался в эффективности такого ремонта. Мое брошенное оружие на вид однозначно лучше по качеству. Хотя его ружье стреляло и, судя по мертвым собакам, стреляло как надо.

Чес, в черном кожаном плаще, больше всех походил на бандита. Даже не открывая рта, он предупреждал – я плохой человек, меня надо бояться. Это как ядовитые насекомые, которые ярко окрашены, выделяются на остальном фоне. Коричневый свитер под горло и джинсы дополняли его прикид. Даже я, в военно-полевой форме, больше походил на сталкера. Он же, будто выбрался из подворотни девяностых годов.

Зато оружие у него явно лучше. Автомат, укороченную версию «калаша», он оставил у дверей, намекая на мир между нами. Короткий ствол его автомата смотрел в потолок. Эх, давно я не видел неба. Даже зонного, покрытого толстым слоем туч. Интересно, а звезды светят над территорией от-

чуждения? Так, как светят у деревни, яркими россыпями, создавая впечатление, что пролили блески. В городе не видно, застилающий небо смог от заводов не дает возможности рассмотреть красоту. В Зоне, наверное, вообще беда с созерцанием звезд из-за туч.

Дельный одет в куртку, под которой оказался бронежилет. Из оружия пистолет Макарова, который по задумке создателей служит для стрельбы с близкого расстояния по преступникам, которые априори не могли иметь средства защиты.

Их рюкзаки выглядели еще более тощими, чем моя сумка. Ха, Трофимыч еще меня гнобил за плохую подготовку к походу.

Я пододвинул ящик, осторожно сел. Тот закрипел от тяжести моего тела.

– Хорошая у вас лампочка, – усмехнулся Дельный, намекая на аномалию.

– Не жалуемся. Светит исправно, главное в нее не соваться и поджаренным не станешь. – Трофимыч разлил коньяк по пустым банкам. Мне и Унылому не хватило. Чес перевернул банку с окурками на пол, потряс ею:

– Налей толстому. Он с ружья собак пострелял немало.

Я наблюдал, будет ли грузный парень пить из грязной банки с бычками, которые прилипли на дне. Возрастом он как я, а может и младше на год. Только грузный и неопрятный. Щеки висят, пузо выпирает. Он взял банку, заулыбался.

– Мне не надо, – предупредил я заранее. Вдруг решат, что

этот стакан из пепельницы нам на двоих.

– Тебя и не спрашивают, Пробирка, – недовольно сказал Чес.

Я промолчал, уставился на него. Запомню оскорбление. Он нервно потряс свой стакан-банку, взбалтывая коньяк.

– Чего его спрашивать. Он такой же хозяин коньяка, как и я, – произнес Трофимыч, – так что твое разрешение ему не нужно.

Я ожидал вспышки ярости со стороны бандита, но Чес молча опрокинул коньячка, отпил сгущенки.

– У вас чего, больше нечего закусить? – удивился Дельный.

– Да подъели все. А у вас что с запасами? – Трофимыч продолжал с ними общаться, как минимум на равных. Даже перегибая палку. Наверное, знает, что делает.

– У нас мышшь повесилась. Что-то шляемся по кругу, найти хорошего проводника не удастся, – сказал Дельный и выпил коньяк, даже не скривился. Унылый пил мелкими глотками. Он закашлялся с непривычки или попал бычок. Остатки коньяка расплескались по столу.

– Унылый, ты как всегда, – недовольно произнес Чес, – наливай.

Трофимыч неспешно разлил.

– Чья вещь? – спросил Чес и ткнул в медицинскую сумку.

– Кузьмы, – ответил за меня Трофимыч.

– Смысл клички тогда понятен, – кивнул Дельный, – и как

тебе на вольных хлебах живется?

Это он уже меня спросил.

– Свины тут странные. Не маленькие.

– Гы-гы.

Рассмешил их. Веселые ребята, которые готовы гранату кинуть незнакомым людям.

Чес резко наклонился в мою сторону и схватил за плечо.

– Ты точно дезертир? Я вашего военного брата в расход сразу пускаю, и если вдруг не собираешься сталкерить, то...

– Точно, – ответил я.

Что ж, ложь становится похожа на правду, когда обрастает деталями, и я добавил:

– У меня начмед притыренный. Заставлял таскать медикаменты запрещенной группы из части в город. Я разок попал на ментов. Хорошо, что пакет успел в кусты скинуть. Правда, загремел в отделение.

– Кому отдавал товар? Серому? Лешему? – поинтересовался Чес.

Этот прикол я знаю. Уверен, никого из названных вообще не существует поблизости Зоны.

– Никому. Оставлял на вокзале в ячейке номер десять.

– Это на автовокзале? – уточнил Дельный. Оказывается, он активно изучал мою легенду.

На автовокзале я бывал. Родители передавали еду, которую приходилось раздавать в казарме. Нет, что-то, а покупать я не зажимал. Все-таки у меня есть родители. Вон у то-

го же Баранова умерли и только бабушка где-то в деревне.

– Да, там еще крыша протекает и есть заметная продавщица пирожков, с буферами пятого размера, – сказал я.

Дельный кивнул, все верно. Полез в рюкзак и стал с интересом в нем рыться.

– Вот, батон порежь. Со сгущенкой пойдет как надо, – приказал он Унылому.

Тот, перед тем как взять белый хлеб, обтер руки о свитер. Потянулся за ножом Чеса и тут же получил по голове:

– Свой доставай. Каждый мужик должен иметь перо.

Грузный засопел и полез в рюкзак искать нож.

Я же продолжил рассказ:

– Вот я и носил. А как скинул – то долг на меня и повесил начмед. Вариантов у меня немного осталось, обратился к дяде.

Чес вытер уголки рта.

– Проехали, солдатик. Давай, сталкерок, разливай пойло до краев.

Дельный начал намазывать сгущенку. Знал бы оружейник Ременов, при каких обстоятельствах буду ее есть, в жизни не дал.

– Трофимыч, давай утром сразу в путь двинем, – внезапно предложил Дельный. Хотя это для меня неожиданно, а они-то вели к этому разговору.

– Вам куда? – спокойно спросил сталкер.

– К Топи.

– Нам в другую сторону.

– Слышь, сталкерок, ты чего такой борзый? Не хочешь и не надо. – Чес навалился грудью на стол.

– Все надо делать по правилам. За бесплатно я не вожу, примета плохая. – Трофимыч поставил локоть на стол.

– Сильно правильный? – продолжал наседать Чес.

Дельный ухмыльнулся.

– Трофимыч – это камень. История про него разгуливает по Зоне. Если не против, то расскажу, – обратился он к сталкеру. Тот промолчал.

– Трофимыч-то, сталкер со стажем. Говорят, прошлым летом, напарник по кличке Дуб у него остутился. Не знаю детально, что да как, закрыл его напарник двери на замок в убежище, а ключ уволок с собою. Застолбил участок. Вскоре Всплеск накрыл случайного сталкера. Он четко подоспел по времени к убежищу, а вскрыть замок не сумел, времени не хватило. Так Трофимыч, когда узнал эту историю, сам нашел напарника в баре и вывел его под Всплеск.

– Офигеть, – прокомментировал Унылый.

Я тоже оторопел. Вот и история про замок на дверях.

– И че? – тупо спросил Чес.

– Да ни чё. – Дельный ухмыльнулся, – не знаю, как сбежал его напарник. Так Трофимыч второй раз его под Всплеск засунул.

Чес присвистнул:

– Жалеешь, наверное? Напарник остутился, а ты его под

Зону кинул.

Трофимыч просто ответил:

– Сплетни.

– А что еще говорят? – спросил Чес.

– Еще говорят, что Трофимыч очень старый сталкер, – продолжил Дельный.

– Вранье, – ответил Трофимыч, – ладно, мы ж не на допросе. По-человечески, понимаю. Вы нам помогли, тушу отодвинули. Так что расскажите, зачем нужно к Топи, а я план наметаю.

– Не густо. – Дельный достал КПК. – То, что у нас денег нет, ты верно подметил. И со снаряжением пусто. Дела же зовут, не мы ставим сейчас условия, а нам... Вот и выйти надо к Хибаре в Топях и в краткий срок. Согласись, карту начертить, это не та помощь, что я ожидал от опытного сталкера.

– Что за дело горит? – Трофимыч задумчиво потер щеку. Вмешался Чес.

– Украли у нас кое-что. Нехороший человек в доверие втерся и в спину толкнул. Меня обокрал, у которого три ходки за спиной. За такое наказывать надо, и как я понимаю, у вас тут тоже традиции чтут.

Чес выдвинул вперед банку и пошевелил над нею пальцами. Намек ясен, на историю намекает – под Всплеск за нарушение закона. История занятная. Услышь ее впервые, то вряд ли поверил бы сталкеру. Все же совпадение напрягает. Как говорит начмед – случайности не случайны. Не зря, не

зря Трофимыч переживает. Чес, судя по лицу, прожженный бандит, оказывается хороший психолог. Просчитал за пару секунд, что гложет сталкера. Я посмотрел на стопку Трофимыча – не удивлюсь, если этот же напарник нацарапал на стекле противогаз.

– Это все? – Трофимыч.

– В натуре. – Чес странно говорил. Словечки явно из жаргона уголовников.

– Тогда я добавлю, – сказал Трофимыч, – друг ваш одет в австрийские военные штаны, с собой спортивный рюкзак?

Дельный с Чесом замерли, словно их облили гипсом. Один с банкой, другой – с надкушенным батоном. Лишь Унылый всосал соплю и громко произнес:

– Он.

– Гля... Хлеборезку закрой, – тихо произнес Чес.

– Тогда не надо двигать в Топи. Будем считать, что долг погашен, ипотека выплачена.

Трофимыч поставил автомат к столу, потянулся за батоном и нарезал несколько здоровых кусков. Один подтолкнул ко мне.

– Откуда инфа, сталкер? – наконец-то спросил Дельный.

Трофимыч густо намазал сгущенку, помахал бутербродом и сказал:

– Кузьма, расскажи.

– Если двигаться со стороны блокпоста, который чуть левее Границы, вход в это здание, с другой стороны. Там дверь

деревянная. Когда мы ее открыли, обнаружили труп. Судя по ожогам, он влетел в «разрядку».

– Рюкзак? – сквозь зубы спросил Чес.

– Там оставили. Даже посмотреть не успели вашего друга, напали мутанты. Нам довелось слегка их покрошить и, обещав здание, зайти со стороны окна. Самая большая туша устойчивой оказалась, ломанулась за нами.

– Дыра там теперь вместо окна, – сказал Дельный, – как совпало. Значит, я правильно вычислил маршрут беглеца. Стояли возле моста и решили к Границе ломануться. Словили ваше сообщение о помощи и решили проверить. Жаль, не успели чуток. Еще и патронов пожгли на этих шавок... Жалко.

– Зато информацией разжились, – сказал я.

– Угу, – кивнул Чес, – говорил же бакланам, нечего сюда соваться.

– Подожди, осмотрим утром тело, возможно, найдем блокнот, – ответил Дельный.

Я сидел спиной к «разрядке», берег глаза. Справа лакал коньяк Чес, слева – Трофимыч. Автомат он положил себе на колени. Дельный и Унылый сидели напротив, последний – с краю примостился.

Унылый вытер сопли и потянул за ремень медицинскую сумку. Сумка находилась на его стороне. Достать я ее не успевал.

– Не трогай чужие вещи, – произнес я.

– С какого-такого? – возмутился Унылый и подтащил к себе мое богатство.

Чес и Дельный не отреагировали. Ждут дальнейшего развития событий. Ясное дело – провоцируют. Однако и Трофимыч молчит, не дает намеков, как себя вести. Значит на мое усмотрение.

Трое бандитов, один из них в шестерках. Оружие и сила на их стороне. Взять с нас почти нечего, хотя Дельный, формальный лидер, намекает, что нужен им проводник. Значит, есть шанс разделиться. Если Трофимыч согласится их вести, то я соскочу. Пойду домой, брошу грязное дело шляться по Зоне. Смешно, конечно, звучит, отошли мы от блокпоста самую малость.

Хотя нет, даже если сталкер и пойдет к ним проводником, не могу вернуться без его согласия. Вдруг он на меня рассчитывает, и ему будет нужна моя помощь.

Унылый принял мою паузу за слабость и начал расстегивать сумку.

– Ты что, болты в уши засунул? – я постарался произнести уверенно. – Нечего лапать чужую сумку, жирный.

– Что ты сказал? – Грузный поднялся на ноги. – Ты мне тут не тявкай!

В него полетела пустая бутылка из-под коньяка. Я резко кинул, даже сидящий рядом Чес не успел среагировать. Унылый отступил назад, споткнулся о кушетку. Схватил Дельного за плечо, стараясь удержаться.

Чес взял нож, но вынимать его не стал. Трофимыч, будто случайно, поменял позу.

Лишь Дельный спокойно продолжил выдавливать сладкую массу на кусок батона. От движения Унылого он промахнулся и белая полоса легла на стол.

– Тихо, тля! – крикнул Чес. – Есть желание кровь пустить, так ножи в руки и вперед.

Унылый напрягся. Изменилась его поза. Он слегка пригнулся, будто прячась под стол. Шмыгнул носом, да так, что слышен звук соплей, уходящий по носоглотке к трахеям. Я ощутил горечь во рту, точно прямо сейчас закусил травой.

Драка, так драка. Есть вариант, Трофимыч под шумок устроит нам побег из схрона, который становится западней. Уйду из Зоны, надоела уже, аж тошнит! Эх, надо сидеть молча, сопеть в две дырочки, и не высовываться. Зря, зря отправили сообщение. Что ж, разгоряченные спиртным бандиты требовали зрелища. С кровью. Это как мясо, легкий стейк, подается с кровью. У Чеса не получилось помять Трофимыча, да и потом Дельный ищет возможность достичь с ним соглашения. Вот они и переключились на меня.

Давать заднюю? Наверное, так и стоит сделать.

– Че, штанишки мокрые, а солдатик? – спросил Унылый.

Явно копирует Чеса. Что же ты тут забыл, толстый паренек, что потерял? Ладно, Чес и торгаш связаны погоней за соплеменниками. Один грабит, другой продает. А вот ты не понятный.

– Сейчас я тебя порежу, шавка, – пообещал он.

Усталость от недоедания и нехватки воды, размешанная апатией, точно связывала скотчем от макушки до пяток. Может нехватка кислорода и постоянные вспышки «разрядки»,

усугубили состояние.

Помог Унылый, хорошо так помог. Я уже собирался извиниться перед ним, а его оскорбления выдернули из апатии. Гнев начал разливаться, поднимаясь от сердца, огненным шаром охватывая грудную клетку.

Во рту стало сухо, как в пустыне.

– Язык глубоко засунул? – Унылый нервно дернул ногой, отбросил раскладушку.

Дельный, не говоря ни слова, перебрался к двери. Не выпуская банки с коньяком, устроился поудобнее на тележке. Готов рукоплескать победителю.

– Справишься, – утвердительно сказал Трофимыч. Именно это слово, без вопросительной интонации перевело гнев в холодную уверенность.

– Много говоришь, – постарался взвешенно произнести я. Не совсем получилось, нервы оголились, как два электрических провода, и голос дрожал.

– Ножи достали, – вальяжно приказал Чес.

Унылый, скаля зубы, схватил нож, который недавно вытащил из рюкзака. Ну и пусть мне теперь докажут, что Чес к этому моменту специально не подводил.

– У каждого свой нож, – напомнил он и заржал. Аж голову откинул, и я увидел подгнившие зубы.

– Чё, нет ножа? Так это твои проблемы! – сказал Унылый.

От такой перспективы он затрусил головой, как собачка на торпедо машины. У отца такая стояла, и когда я был по-

меньше, то заворуженно смотрел за ней.

– Что за условия? – Трофимыч как будто сидел за экраном телевизора с другой стороны и наблюдал шоу.

Вот только пальцы подрагивали. Не в алкогольном тике, а как будто принимал решение.

– Да не бойся, сталкерок, все по чесноку. Тут никто не желает смерти твоего племяша. До первой крови дерутся. Кто пустил – тот и чемпион местного схрона! – весело объяснил правила Чес.

– Ну, ты попал!

Унылый чертил у воздухе сложные геометрические фигуры и резко наносил удар, прокалывая вымышленный овал. Явно представляет на его месте мой живот. Я облизал губы и направился к нему. Обогнул Чеса, несильно навалился на него, требуя прохода. Он заерзал, искоса поглядел, но табурет придвинул.

Трофимыч поймал мой взгляд и слегка прикрыл веки.

«Подстрахую», – понял я.

Унылый продолжал упражняться с ножом. Я внимательно присмотрелся. Да, штык-нож не наш, американский. Клинок однолезвийный, с пилой на обухе. У нас в части «деды» споры вели до хрипоты: пила нужна, чтобы деревья или кости пилить. Длина сантиметров тридцать, и две трети – это стальное жало.

Отверстие в начале клинка напоминало глаз. Хорош ножичек. И откуда у него такой выискался, ума не приложу.

Еще понимаю штык-нож для автомата Калашникова, коричневого цвета – своровал или купил у военных.

– Давайте, начинайте, – прищелкнув пальцами, сказал Дельный. И потряс банкой, точно у него бокал для коньяка, а не жестянка, из которой я еще недавно ел тушенку. Сейчас из меня сделают фарш, котлету и гуляш. Я снял ремень и намотал на ладонь. Это вызвало очередную волну смеха. Унылый прекратил урок геометрии и начал переключать нож. Из левой – в правую, из правой в левую. Именно переключал, а не перебрасывал, как в фильмах. Значит, боится ошибиться.

– Я его порежу и сменю кличку! Да!?! Сменю кличку на Бритву!

Я так и не понял, при чем тут смена клички, хотя для Унылого это что-то значило. Значило немало, если во время схватки мысли заняты тем, как его называют. Статус довлеет над ним, пихает в спину.

Пот катился по его лбу, вниз по щекам и исчезал за грязным воротником свитера. Толстого свитера, который не пробить. Эх, бутылки нет, разбить нечего.

– Уговорил, Унылый. Будешь Невеселый, – ответил ему Чес и сам же заржал над шуткой.

Я быстро открыл медицинскую сумку и привычным движением залез в боковой кармашек. Вот он, моя надежда.

Маленький нож, складной со старой пластмассовой ручкой. Лезвие у него загнуто, как коготь у кота.

Я раскрыл его, не вынимая из сумки, и тут же спрятал за спину.

– Эй, чего у тебя там?! А!?! – воскликнул Унылый.

Сзади, бандит с гнилыми зубами зареготал. Он даже стал стучать по столу, настолько бурные эмоции.

– Начали, – произнес я.

Я знал, что делать. Мысли успокоились, превратились из бурных ручейков в один сильный поток. Унылый, в вязаном свитере с ножом, вызывал опасение. Даже и страх, но я не позволял себе мандража, повернул тумблер эмоций на ноль. Атмосфера накалилась. Воздух спертый, казалось, лампа стала хуже освещать. Фигуры превратились в черные картонки. Все – кроме моей цели.

Унылый. Он не услышал меня. Его проблемы. У нас не боксерский поединок. Дельный дал старт, я подтвердил. Он, наверное, надеется, я еще поклонюсь в ножки и спрошу разрешения начать. Быстро приблизился к грузному. Он отшатнулся назад и совершил ошибку. Я выкинул вперед спрятанный нож и достал его.

Он заревел раненной тушкой и попытался меня кольнуть, как прокалывал воображаемую фигуру.

Я увернулся, сделав движение влево. Унылый ринулся вперед, махнул ножом. Я подставил обмотанную ремнем ладонь. Боли я не почувствовал. Выбросил нож и вцепился в Унылого, повалил его на грязный пол. Места, места мало для броска.

– Брейк! – громко крикнул Дельный.

Трофимыч и Чес вскочили, опрокинув табуретки.

Дельный подхватил оставленный бандитом автомат у входа. Вот зачем он там сел! Хитро! Раздался выстрел. Все замерли, точно приклеенные к полу.

– Я сказал брейк, что значит – разошлись, – повторил Дельный.

Он медленно опустил автомат, убирая ствол от окошка. Звон гулял в голове. Сколько ж можно стрелять в закрытом помещении! Зато эффект наблюдался положительный.

Унылый присел на корточки и схватился за голову. Я за чем-то размотал ремень и дергал его, наверное, стараясь успокоиться. Сердце билось в истерике.

Трофимыч с Чесом переглянулись и сели назад за стол.

– Заколебал ты командовать! Хороший бой загубил, – зло сказал Чес.

– До первой крови, – напомнил Трофимыч.

– У них у двоих раны. Надо дожидаться следующего кровопускания, – сквозь зубы процедил бандит.

Дельный полавировал между нами, несильно толкнул Унылого. Нагнулся, забрал у него нож.

Тот широко расставил руки и запричитал:

– Он мне лицо порезал. Лицо! Что я теперь делать буду?

Дельный сел на мое место, подкрутил огонек лампы. Стало светлее. На левой щеке у грузного виднелся разрез, длинной в пять сантиметров. Загнутое лезвие моего ножа остави-

ло неровную рану, как будто Унылого повредили когтем.

– Что и всегда, искать продажную любовь, – сказал Чес и они вместе с торговцем засмеялись.

– Унылый – это надолго твое погоняло. Мамой клянусь, – отсмеявшись, сказал бандит.

Тот всхлипнул, и казалось, сейчас заплачет. Получается, что неизменная кличка его больше задела, чем мой нож. Странный парень. Я сложил свое оружие, засунул в карман. Вставил ремень в штаны. Не знаю, правильно или нет, взял сумку, достал бинт, перекись и лейкопластырь.

Трофимыч спросил:

– Помочь?

– Сам справится, – вмешался Чес, – я бы этому рохле вообще помощь не оказывал.

– Не-не, хорошее дело, перекись водорода. Зачет, Кузьма, – сказал Дельный.

Я решил, они специально говорят друг другу наперекор.

– Эй, раз у Пробирки кровь, – выкрикнул Чес, – так это ничья!

Я внимательно посмотрел, да, при ярком свете стала видна царапина на левом предплечье. Тонкая линия, будто лазерным скальпелем провели. Даже не заметен разрез рукава формы. Черт, хороший же нож у этого Унылого!

– До первой крови, – повторил свою же фразу Трофимыч, – сначала у вашего потекла.

– Ладно-ладно, сталкерок, не будем больше бычиться. Вот

запасик у меня, – сказал Чес примирительно.

Он полез в рюкзак и выставил на стол бутылку водки.

– Отметим, что наше будущее не посрамило нас в честном поединке, – предложил он и с характерным треском отвинтил крышку. В честном, ага, как же.

Я встал над Угрюмым:

– Рану покажи.

Тут же отлетел назад, с такой силой толкнул меня грузный парень. Моментально, с корточек, да так сильно, что я отлетел к стене и знатно об нее шмякнулся.

– Я тебя порешу, тварь, – кинулся он на меня.

Чес моментально оказался рядом и коротким ударом в пень остановил его.

– Сядь и не рыпайся, пока эскулап лечить будет. Учишь тебя, учишь, а ты как валенок себя ведешь.

Унылый послушно отполз на кушетку.

Сдурил, ясно же, что он не умеет проигрывать. Кто не умеет достойно проигрывать, не может делать выводы из поражения. Значит, и развиваться не способен. Вроде так мне говорил начмед.

Хорошо, что голову мне не раскрыл об стену. Да, теперь точно уверен, не начни я первый драку, то шансов выйти целым было бы катастрофически мало. Даже не проигравшим, а именно целым, без вспоротого живота или пробоины в грудной клетке.

– Не дергайся, – предупредил я его. Для себя решил, лю-

бая ненормальная реакция – и пусть его дружки лечат.

Перекись полилась на рану, смывая кровь. Вот и яркий цвет, который я искал в Зоне, когда мы шли к свинарнику. Вроде, она насмехалась – все серое и коричневое? А нет, вот тебе солдатик синие всполохи «разрядки», вот тебе кровь, сначала у «туши», теперь у вас, людишек.

Мне казалось, от этого момента до прохода блокпоста пролетела неделя. Впечатлений набралось на несколько месяцев разговоров. Сидение в душном подвале угнетало и выматывало.

Как люди в тюрьме находятся годами, не представляю и даже не хочу об этом думать.

Может тот же Чес нормальный человек, просто его покорежила тюрьма, как и Трофимыча, изменила Зона. Унылый как надломленная ветка, молча сидел на кушетке, безвольно опустив руки между коленями. Чес, видимо, имеет на него огромное влияние.

Я промыл рану, сложил кусочек бинта в несколько раз, присобачил лейкопластырем.

– Зачем лез в сумку? – спросил его. Сзади меня шумели, стараясь выяснить, ничья или же победа. Что меня напрягло, Чес предлагал переигровку поединка.

– Голова болит, таблетку хотел взять, – ответил Унылый после долгого молчания. Я даже решил, что он вообще со мною общаться не будет.

Н-да, некрасиво получилось, хотя я и прав.

– Спросить не пробовал? – поинтересовался я.

– Настоящие пацаны в разрешениях левых фраеров не нуждаются, – грустно ответил он. Наклонился чуть ко мне и добавил:

– Я тебя, падла, еще достану.

Кроме мата слов нет. Я разложил на столе медицинские инструменты и начал обрабатывать рану на предплечье. Все то же самое, единственное отличие, бинт не приклеил, а наматал турами.

Что за человек этот Унылый, непонятно. Из него бандит, как из меня сталкер. Косит под крутого пацана, хотя я не вижу в этом логики.

Мужики уже перестали спорить.

Чес сообщил:

– Решением голосования, два против одного, присуждаем ничью!

Видимо, я должен радоваться. Понятно, что два голоса – это он и торгаш.

– Я за базар отвечаю, вы нормальные сталкерки! Зуб даю, с вами не в падлу выпить! – заявлял он на протяжении следующих часов. Унылый храпел на кушетке. Чес его матом выгнал из-за стола, Дельный же добавил:

– Спи, скоро утро.

Они разговорились с Трофимычем, искали общих знакомых и даже нашли. Оказывается, Трофимыч сбывал артефакты человеку, а тот уже торговал с Дельным. По логике

последнего, это объединяло нас с ними покрепче цемента, и теперь однозначно, Трофимыч поведет их к Топям.

Я закемарил и даже вырубился, уронив голову на деревянную крышку стола. Странный день, странное спасение. Жизнь налаживалась. Из беседы я понял, сошлись на золотой середине.

– Доведешь до края Границы, а там путь укажешь, и мы в расчете! Тушу-то, тяжелую мы оттащили, вход открыли, – не переставал уговаривать Дельный.

– Даже гранату не кинули, – повторял за ним Чес. От спиртного и из-за жары в схроне, он скинул черный плащ. Худющий, как цыпленок, правда, злости в нем, будто специально двойную порцию налили при рождении.

– Договорились, – наконец-то согласился Трофимыч, – доведу, и мы с племяшиком двинем по своим делам.

– Вот и дело сделано, – подмигнул мне Дельный.

Чес вообще оказался нормальным мужиком, для бандита. Он наехал на торговца и тот порылся в рюкзаке, достал еще бутылку. Уверен, и еда там присутствует, если на их языке – закуска. Странный подход к пище. Для меня, сесть за стол, всегда означало вкусно поесть. Для них – выпить.

Чес периодически трепал меня за плечо, мешая спать:

– Ты красава, сталкерок! Как уделал перочинным ножичком Унылого! Красава! – орал он мне на ухо.

Видимо, я завоевал кусочек авторитета.

– Утро, – спокойно произнес Трофимыч.

Вроде и выпили они немало, с учетом отсутствия закуски, но Трофимыч не изменился. Дельный покраснел, а Чес стал проявлять больше агрессии. Старался то зацепить в разговоре торговца, то вдруг начинал петь блатные песни.

– Утро, – согласился Дельный, – пора.

После такой ночи шевелиться не хотелось. Спать, или просто лечь на пол и вырубиться. Мы натянули верхнюю одежду, взяли рюкзаки и сумки. Недовольный Унылый молчал, даже когда Дельный забрал у него ружье.

Наконец-то он открыл дверь и мы стали подниматься из схрона, который стал для меня тюрьмой на двое суток. Утренний воздух чистотой окутал нас. Я стоял, слепо моргая от света. Как же хорошо! Даже вонь от туши не казалась противной. Чес выбрался последним, пропустив вперед Трофимыча.

– Ну что, сталкеры, со свободой вас, – сказал он весело.

Резким движением ударил прикладом в затылок Трофимыча. Кровь брызнула во все стороны, и старый сталкер упал, как подкошенный.

– На, тварь! – шипел Чес и ударил еще раз.

– Идиот! – сказал рядом Дельный.

Я подскочил к бандиту, подтолкнул его назад в схрон. Он почти увернулся, но моей ярости хватило отбросить его назад. Дельный ударил меня по почкам, адская боль разлилась по спине. Ноги подкосились. Еще удар и еще. Это уже Унылый! Я развернулся и прямым достал его в подбородок. На-

гнулся за автоматом Трофимыча, собираясь отмахиваться им до последнего. Трое – это многовато. Чес выскочил из схрона, как черт из преисподней, и ударил в живот.

Я упал. Ременов говорил, что меня не били в части. Неправда. Били, просто я не жаловался, и умело скрывал гематомы. И знал что делать – свернулся клубочком, прикрывая живот коленями, а руками голову.

Удары сыпались часто, точно град во время урагана. Боль разливалась по телу, каждый удар – новая вспышка.

– Сталкерок, на нашего брата нож поднял? Решил себя крутым показать? Получай за это! На! – кричал Чес и с каждой фразой бил меня с носка.

Рядом лежал окровавленный Трофимыч и обгрызенная туша мутанта.

Началось новое утро в Зоне.

Часть третья

Насыпь

1

– Это не он!

Связали руки моим же ремнем. Сволочи. Я сидел прислоненный к стене. Передо мною расстилось поле, по которому я докатился до такой жизни. Кажется, это случилось месяц назад. Возможно, туман, который не позволял смотреть дальше нескольких метров, навевал невероятно сильную депрессию. Хотя, причиной могла служить и боль в груди от побоев. Я – идиот. Поляну от начмеда захотел, уважение Баранова! Надо было набраться смелости и отказаться, вернуть артефакт и начать служить, как и все остальные черпаки.

Я вдохнул полной грудью и тут же скривился от боли в грудной клетке. Ребро. Не думаю, что сломано, хотя раз болит, значит, минимум трещина. Ерунда. Как все меняется в жизни. Упади в части на бордюр или ногу «деда», это стало происшествием. Тут же, главное выжить.

– Это не Крадун! Это не он! Залетный, видимо тоже бежал прятаться от Всплеска. Не тот сталкер, который у нас украл все! Понимаешь? Тупица! Я ж тебе говорил, нам ну-

жен Трофимыч!

Дельный орал с такой силой, что казалось нас слышно на моем родном блокпосту. Жаль, что это не так. Эх, ввалились бы военные и постреляли уродов. Ладно, не всех, только Чеса. Подлый человечек. В книгах рассказывают о железном слове бандитов, которое они держат в любых ситуациях. Угу. Как и ставки на футбольные матчи, развод для доверчивых.

– Пасть не раскрывай. Я таких в тюрьме... – Что именно делал бандит, он не озвучил.

В отличие от Дельного, он не кричал. Известно, если человек много говорит, возмущается, то вряд ли он пойдет на действия. Драки начинают молча.

– Ты в тюрьме ходил от стены к стене и на прогулку. Кто теперь нас поведет по Зоне? И куда теперь?

– Ты и поведешь, – ответил бандит.

– Я по Топи, без проводника, не лазаю. Жизнь дорога, – продолжал нервничать Дельный, – а Трофимыч провел бы нас до Хибары.

– Да кто знал, что тут другой труп? Какой шанс? Кто мог знать!?! Да и не двинул бы сталкер с нами, не стал нарушать неписанные законы! Сам же историю рассказал про его напарника. Значит, четкий сталкерок.

– Конечно, четкий. Он даже с пустым магазином тебя в осадок высаживал. Думать надо, прежде чем валить человека! Конечно, легче расфигачить ему черепушку! Ты что не понял, он за племяшка трясется. Взяли его в заложники и

все бы получилось, – доказывал Дельный.

– Он нашего брата обидел, – выложил последний козырь Чес. Он, как рак, начал пятиться под напором фактов от торговца.

– Так после Топи и завалили их...

Они стали тише спорить, и я перестал их слышать. Тихо засмеялся и, хотя боль пронзила челюсть вспышкой молнии, я не останавливался. Из-за угла выглянул грузный «шестерка». Его оставили охранять меня и стоять на стреме. При такой видимости в тумане, который становился похожим на рассыпанную муку, пользы в этом маловато.

– Ты чего ржешь?

– Хочу и ржу, – ответил я и посмотрел на его порванное лицо. Красота! Добавился фингал, от моего удара перед воротами. Кто из нас больше побит, это еще тот вопрос.

– Нормальные люди перед смертью не смеются, – сказал он и ткнул в меня стволом ружья. Это напомнило про мое брошенное ружье. Ветрянка недалеко. Да, меня обыскали, вытащили патроны, забрали сумку. Я помнил, мало того, что под ней лежит труп мутанта, так там валяется ружье начмеда. И патроны россыпью лежат на пожухлой траве, ждут, когда я вставлю их в два гнезда и снесу голову Чесу. Смешная судьба-злодейка. Получается, не зря меня перевернула вниз головой: и Трофимыча спас, и как надо упали патроны.

Туман с трудом позволял рассмотреть ветрянку, будто через покрытое влагой окно.

– Так я умирать не собираюсь. Поговорку вспомнил, – ответил я, стараясь копировать спокойную интонацию покойного Трофимыча.

Если Чес пугал меня до колик в животе, Дельный просто не нравился, то Унылый вызывал смешанные чувства. Вроде злой он, нервный, но его жалко. Кажется, он пытается выпендриться перед другими, хотя сам мягкий человек, которому это насилие претит. Даже я, старше его на несколько лет, это понимаю, а он, под влиянием бандитов, не может в себе разобраться.

– Расскажи, – попросил он. Не приказал, не фыркнул, а именно попросил.

– Если попа шире плеч – то зачем ее беречь.

Я засмеялся и тут же закашлялся. Реально сломали мне ребра?

– Не смешно. Тебя застрелят, – уверенно произнес он, – хотя...

Он дотронулся до ножа. Наверное, намекает на продолжение честного поединка или просто нормальный парень, который хочет меня отпустить.

Попросить его разрезать ремень и потом бежать. К ружью, попытаться взять патроны и завалить их или через поле к родному блокпосту. Самое обидное, когда рушатся мечты. Надо реально оценивать силы. Я подумал – убежать не дадут. Значит, надо завалить хоть одного.

Из помещения вылетел рюкзак, покатился по грязи, теряя

свою красивую расцветку. Появился Дельный и устался на поле.

Следом выполз Чес с двумя автоматами: своим и Трофимыча. Хорошо ж сталкер страху нагонял без патронов. Жаль, что не смог просчитать ситуацию. Я понял, что старый сталкер сориентировался на Дельного. Узнал, что нужен бандитам, и поэтому не мог предположить вспышку гнева от дегенерата Чеса. Эх, если без эмоций, только на логике и расчете, то жить значительно легче. Однако – скучно. Я криво улыбнулся. Вот мне вообще сейчас невесело. Последний матч в экспрессе закончился проигрышем моей команды.

Бандюга в черном плаще без слов ударил меня по бедру. Я дернулся от боли. Берцы, это не кроссовки, такое чувство, что палкой лупит. Он еще раз ударил, и я догадался, чего он хочет. Опираясь на стену, встал на ноги.

– Топай, – сказал бандит и махнул в сторону помещения.

Как вариант. Я понял его намерения. Умирать не хочется, ох как не хочется. Вспомнил, что так и не побывал на море, так и не увидел, как закатное солнце опускается в волны. Как имел возможность залезть Ленке под юбку, как не успел написать письмо домой. Много чего не успел в этой жизни.

Я приблизился к двери. Днем, да еще в тумане «разрядка» приобрела футуристический вид, как с другой планеты. Вот и мой электрический стул. Даже не стул, а целый бассейн. Осталось одно, попытаться умереть не одному, а затолкать и Чеса.

– Так что, расходимся? – спросил Дельный.

Чес остановился, точно его ударили обухом по голове.

– Ты чего? Гунч такое не простит.

– Да и хрен с ним, – произнес торговец.

Кто такой Гунч, я не знал. Унылый недовольно покачал головой, а бандит вообще подлетел к стоящему спиной торговцу и резким движением его развернул. У торговца в руке оказался пистолет, и теперь он упирался Чесу в живот. Бронежилет от пистолетной пули спасет. А если в голову? Хитрый Дельный. В схроне подполз к автомату, сейчас же устоялся полюбоваться Зоной и успел незаметно вытащить оружие.

Чес схватил его за руку и сильно потряс, показывая, что плюет на угрозу.

– Ты не видел, что Гунч делает с людьми, которые его огорчили. Слышал истории, как сомы человека пожирают? Поймал намек? – спросил Чес.

Мне показалось, что Унылый задрожал, как при ознобе. Странно, меня собираются кинуть в аномалию, а он трясется от страха.

– Наш... – замолчал Дельный, подбирая нужное слово, – Крадун уж давно перемахнул через блокпост и искать его надо не в Зоне. Если он ушел, мы его не найдем. Так что к Гунчу возвращаться я не намереваюсь.

Я понял, мертвый бандит – это не Крадун, которого ищут эти упыри.

Я собирался поднырнуть под Чеса, попытаться взвалить на плечо и влететь в аномалию. После слов Дельного – замер. Шанс! Он не получка, не аванс, а сразу нормальный откат.

– Через блокпост никто за последние дни не выходил из Зоны, – произнес я.

Тишина. Разговор прекратился. Казалось, туман поглотил все звуки, украл их и теперь только треск «разрядки» разрывал тишину Зоны. Словно она намекала, я тут главная, внимайте моим голосу и дыханию! А вы, людишки, должны молчать.

– Врешь, – отчеканил Чес.

– Прорыв позавчера вечером. Пытался пройти один человек, без опознавательных знаков в странной шапке.

– Какой шапке? – уточнил Чес.

Я начал лихорадочно рыться в своей памяти. Как там описывали, это важно. Теперь от того, поверит ли бандит, зависит, буду я коптить дальше это небо или пойду на перегной... Как Трофимыч.

– В берете. Не в шапке, а в берете. Вот почему его подпустили к блокпосту. Приняли за пограничника. Что-то там пошло не так, и он развернулся в Зону.

– Просто развернулся?

– Да, – ответил я, – больше не знаю.

– Дельный? – спросил Чес, не переставая смотреть на меня.

– Возможно... – сделав длинную паузу, проговорил тор-

гаш, – мог он на другой пост свалить?

– Нет, там Гунч все перекрыл, – сказал Чес, – у него один шанс, этот блокпост.

– Тогда он двинулся за человеком-билетом, – произнес Дельный.

Я, несмотря на усталость, или наоборот, благодаря ей, стал больше понимать в происходящем. Пазлы начали складываться, вот только не благодаря логике, а на интуитивном уровне. Не зря братки прикатили на машинах к нашей части, не зря что-то обсуждали с нашим командиром. Крадуна пытались выловить, капканы расставили по всему Периметру! Это сколько ж денег и связей надо иметь! Ладно, вычитаем неподкупные миротворческие силы, минусуем нашу часть... Все равно остается до фига, и со слов Чеса их все перекрыли, со всеми договорились. Крадун? Получается к колхозу вышли двое. Один угодил в аномалию, а вот Крадун переждал и попытался прорваться через Границу и не получилось. Все перекрыто...

И перекрыл Гунч. Я вспомнил, Гунч – это разновидность огромного сома. Кто же эта рыба-каннибал, имеющий такую власть?

– Что с ним делать? – подал голос Унылый.

Дельный спрятал пистолет, поднял грязный рюкзак. Чес начал проводить пальцами по уголкам рта.

– А что с ним? Нормальный пацан, тебе по морде надавал, – сказал он, – а как подсказывает опыт, без проводника

в Зону лучше не соваться. Особенно, тебе.

Тот скривился, будто рассосал таблетку левомецетина. Дельный специально подначивает, заводит Унылого. Манипулятор. То драку устроили, похожую на петушьи бои, то теперь... Со слов мне стало понятно, кончать не собираются. Если не буду играть на нервах Чеса, как на гитарных струнах, то двину с ними путь. Так и получилось.

– Выбирай, Кузьма, – сказал Дельный, – мы неволить не станем: или с нами до Топи, или поворачивайся на сто восемьдесят градусов и в аномалию.

Туман становился плотнее, как густое молоко. Что ж ты меня, Зона, не отпускаешь? Заманила и держишь, мнешь, пробуешь на прочность. Ходить с бандитами не хотелось по простой причине: если засекут с ними, то все, прощай спокойная служба в армии. Повесят на меня их грехи, и буду мотать срок. Или еще быстрее дело обернется, поймаю пулю, и закончатся мои земные дела.

Я кивнул. Думать тут нечего, надо пользоваться возможностью пожить чуть больше.

Дельный ткнул меня рюкзаком, боль пронзила иглами грудь, и я плюхнулся на задницу.

– Ты не кивай. Тебе язык нужен, чтобы с людьми говорить. Понял? – спросил он.

Унылый, в подтверждение слов Дельного, достал нож, намекая, что может и отрезать язык. Идиот.

Я растерялся. От торговца такого наезда не ожидал.

– Понял, – ответил я, – проведу до болот.

Чес оскалился и довольно произнес:

– Тебя никто за язык не тянул. Сам сказал, сам и отвечаешь.

Я, сидя в грязи со связанными руками, ухмыльнулся в ответ. Ничего, только снимите ремень, и, обретя свободу, я достану вашу бандитскую кофту. Сейчас скажу, что надо отлить, подойду к ружью и конец им. Теперь дело за малым, убедительно сыграть.

– Да я согласен! Чего вы!?! Нормальная тема. Я вас проведу, не зря ж Трофимыч учил, а взамен свобода. Все по чесноку! – произнес я с изумлением.

Чес нагнулся, похлопал по плечу.

– Чё, в «разрядку» не хочется? – спросил он с ухмылкой. – Понимаю. Я так второй срок мотать не желал, а довелось.

– Угу, – сказал я, – мне бы только руки развязать, и я готов.

Дельный медленно осмотрел еще раз тело бандита. Чес с носка поднял многострадальный рюкзак, отбросил его Унылому.

– С развязанными руками любой дурак, даже Унылый сможет, – сказал он, – а ты так попробуй.

И они заржали как кони.

Что меня поразило, у них даже мысли не возникло похоронить бандита. Его тело за ночь потрепали собаки, да и началось разложение. Он подванивал на всю округу. Возиться с ним, терять время, они явно не захотели. Ладно. Не согласен, но понимаю, времени мало. Однако даже никто не высказался по этому поводу, не закрыл дверь, чтобы твари не лакомились человечинной.

Трава скользила под ногами, ветер проникал через растегнутый бушлат. Я топал медленно, стараясь внимательно смотреть под ноги. Вот грязь, непонятного зеленоватого цвета. Остановился и тут же получил толчок в спину.

– Че стал? – грозно спросил Унылый. Хотя, как у Чеса у него не получалось. Сопли мешали четко говорить. Пытается паренек походить на своего кумира, а не выходит.

– Иди, проверь, – предложил я.

Мы двигались цепочкой. Вначале я, наивный солдатик. Руки за спиной перехвачены моим же ремнем. Вот я и топал, как пленный немец в сорок пятом, грязный, побитый и связанный. Сзади меня, тыкая меня в спину по поводу и без повода, двигался Унылый. На него надели медицинскую сумку, рюкзаки – его и подобранный. Следом – бандюга, он прихватил автомат Трофимыча. Урка Чес долго крутил его, не веря, что в нем нет патронов. Матюгался, от ярости, ми-

нут десять.

Дельный замыкал наш отряд и за время похода поддел Чеса уже не раз. Торговец забрал себе автомат убитого аномалией. Укороченная версия АК, со складным прикладом.

Кстати, между Чесом и Унылым дистанция большая. Опасались они, боялись ходить по Зоне.

– Ты иди! – громко вскрикнул Унылый.

Рана на его лице выглядела как нарыв. Лейкопластырь с одного края отлипал, и он постоянно пытался присобачить его на место.

Чес остановился.

– Чего там, дезертирчик?

– Непонятный кусок земли, – ответил я.

Дельный проявил смелость, обошел партнеров и стал рядом.

– Теперь куда?

– Не знаю, – честно ответил я и добавил: – болт надо кинуть.

– Перекур, – вальяжно сообщил Чес. Достал сигарету, закурил. Я заметил, в походе он вперед не лезет, даже на словах. Отдает инициативу Дельному. Тот задумался, и сказал:

– Кузьма, я тебе расскажу про стаю волков. Знаешь, как они ходят по лесу? Цепочкой, как и мы. Особенно зимой, когда движение сковывает глубокий снег. Впереди пускают самых слабых и ненужных.

– Вот как вас, двоих, – перебил его Чес и пустил в на-

шу сторону дым. Унылый похлопал себя по карманам, нашел помятую пачку. Достал сломанную сигарету, постарался скрутить ее в одно целое. С горем пополам получилось. Он недовольно отреагировал на слова Чеса, однако приблизился к нему.

– Закурить хочу, – сказал он.

– Хоти дальше, – ответил Чес. Подождал с минутку и лениво протянул зажженную сигарету. Унылый нагнулся, прикурил и с довольным видом стал дымить вместе с бандитом. Получается, раньше он ходил первый, подставлялся под аномалии. Теперь понятно, чего он так радуется, постоянно тыкая мне в спину.

Дельный же продолжил говорить, сделав вид, что не заметил ремарки.

– Попадешь в аномалию или под пули, тебя не жалко. Твоя задача облегчить нам путь. В середине стаи – главный матерый, который положит всех врагов. Если успеет до вашей смерти, нет – извини. Так что знай, нам глубоко плевать на болты и счетчики. Времени у нас нет, а вас аж двое.

Чес докурил за несколько тяг, бросил в коричневую траву бычок и ткнул Унылого:

– С повышением тебя. Давай, веди овцу, а то замерзнем в этом тумане.

Тот попытался повторить затяжки бандита в плаще, поперхнулся и закашлял.

Хотя на языке вертелось другое, я спросил Дельного:

– Замыкающий, он в иерархии какое место занимает? То же, как и я?

Тот на оскорбление не повелся, ответил:

– В конце идет вожак стаи, который координирует и регулирует.

Чес оторопел:

– Чё?! С какого перепугу ты главный?!

Дельный, не меняя выражения лица, ответил:

– Ты ж с двумя автоматами, значит в стае, ты самый сильный волк.

– Так самый сильный, значит и самый главный, – с угрозой произнес Чес.

Унылый толкнул меня, намекая, двинули быстрее от разборок старших.

– Конечно, так и есть, – ответил торговец.

– То-то, – сказал удовлетворенно Чес и клацнул затвором.

Пока они курили, я осмотрел местность. Туман рассеивался. Мы обогнули здания колхоза, вырулили напрямик. Выходило, мы направлялись к железной дороге. Мне приглянулись высокие кусты с большим количеством пожухлых листьев. Я решил пройти рядом с ними, обходя широкой дугой кусок глины. Ну ее к черту. За мной двинулись волки позорные...

Я все же успел среагировать. Зашелестели листья и стали осыпаться на землю, которая поднялась дыбом. Я резко ринулся в сторону, уходя с линии стрельбы.

– Кабаны! – заорал Унылый.

Он суетливо начал дергать ружье, целясь в сторону зверя. Чес, кроя его матом, сместился вправо и вскинул автомат. Мохнатое чудовище ринулось на нас, как паровоз. Наверное, кабан не знал, что мы грозная стая волков. Облысевшая голова с глубокими морщинами. Он несся на Унылого, вбивая копыта в мягкую землю. Это нам и помогло. Тяжелый, он с чавканьем вынимал копыта из грязи. Все равно, двигался очень быстро, черной молнией промелькнул рядом со мной.

Чес ударом ноги придал ускорение Унылому. Тот успел выстрелить из ружья, однако это не остановило зверя. Он пронесся между ними, почти налетел на торговца, который даже не стал скидывать автомат, а просто повторил мой маневр, и слинял с линии атаки.

Чес начал стрелять. Зажал спусковой крючок, и длинная очередь разрушила очарование тумана. Тишина закончилась. Пустые гильзы падали в траву, но кабаняра не умирал. Я завалился набок, извиваясь ужом, встал на колени. Кабан развернулся и определил Чеса, как главную цель. Он понесся на бандита. Странно, вроде мутанты умные твари, а вот бегут на того, кто им делает больно.

Дельный выстрелил ему в бок. Даже в стрельбе он действовал хладнокровно, прицелился и одиночными засадил в кабана.

– Че за на! – воскликнул Чес.

Его автомат перестал стрелять. Заклинило, понял я. На-

до бы выкинуть патрон. Видимо бандюга нечасто стрелял с «калаша». Оно и понятно, в цивилизованной жизни такое оружие под запретом.

Кабан оказался хитер. Унылый наконец-то бабахнул сразу с двух стволов. Я вскочил, готовый опять отпрыгнуть. Кабаняра издал рев и переключился на Унылого.

Дельный расщедрился. Несмотря на угрозу попасть в меня, стал стрелять длинными очередями.

Мутант налетел на Унылого, опрокинул его наземь и попытался проткнуть клыками. Тот поймал его клыки на выставленное перед собой ружье. Накопленная во мне за утро злость выплеснулась на кабана. Я резво подскочил к нему и заехал ему по крупной голове!

Да, это самый глупый поступок в моей жизни. Даже сам поход отличался наличием хоть какого-либо плана.

Мутант странным образом перестал сопротивляться. Он упал на бок, вытянул вперед рыло. Массы морды мутанта хватило, чтобы придавить Унылого.

– Все, мертв! Не жги патроны! – закричал Дельный.

Все же торговцем, наверное, надо родиться. Скажу честно, я начал его уважать. Патрон к патрону, артефакт к артефакту. Хотя, среди них, как и в любой профессии, встречаются нормальные люди. А есть проныры. Чес наконец-то дернул затвор, но к совету прислушался и не стал стрелять. Зато быстро оглядел местность, насколько позволяло молоко тумана, и сообщил:

– Больше нет мутантов.

Унылый пытался выползти, все еще не веря своему счастью. Завалили кабана за пару секунд до столкновения.

– Давай вылазь, а то лежишь как проститутка под клиентом, – прохрипел Чес. Он расстегнул кожаный плащ, видимо стало жарко.

Я изучал новую тварь. Странно, мне придется всех мутантов завалить, чтобы рассмотреть поближе, или все же есть ручные? Наверное, нет. Сильно развит инстинкт убийства, инстинкт забирать чужие жизни. Жаль, хотелось бы изучить эти формы жизни.

Я стоял над горой мяса... Для приличия еще раз зарядил между ушами. Тело кабана задрожало, и я отскочил.

– Не делай так больше! – воскликнул Унылый. Он выполнял указания и почти выполз. Ботинком зацепился, и даже мертвый, кабан его не отпускал. Ружье же так и осталось в клыках мутанта.

– Не бойсь, он не оживет, – заржал Чес.

Дельный почесал лоб, потом взял и стал растягивать ремень на моих запястьях.

– Доказал, – кратко пояснил он всем остальным, а мне добавил: – Помоги новому брату.

Я начал растирать кисти. Угу, брату. Китайский волк ему за брата. Однако помог Унылому, решив, могут же опять связать.

Справа раздались крики.

– Это нам? – спросил Унылый.

– Нет, кабану кричат. Ручной он, поводка что ли на нем не видишь? – не выдержал Дельный.

– Там военные, которые нам не нужны. А ну-ка, Пробривка, давай чуток левее двигай, и двигай быстро, – сказал Чес. Из кармана он достал гранату, и стал вертеть ее, примеряясь куда кинуть. Меня же бесило, что урка все время называет меня медицинским термином.

– Быстрей, быстрей, – начал нагнетать обстановку Дельный, – там насыпь, вот в нее и должны упереться.

Чертова жизнь, что так, что этак, все равно ведут как на убой. Ничего, теперь руки-ноги свободны, а голова выход найдет. Щебень. Сначала заметил горку, выступающую из тумана. Кусты с мертвым кабаном остались позади, где раздавались звуки стрельбы и крики. Солдаты активно очищали территорию от мутантов.

– Наверное, еще кабанов подняли, – сказал Унылый.

Он трясущимися руками перезарядил ружье, и теперь смотрел выпученными глазами. Страшно, когда огромные клыки останавливаются в пяди от твоего сердца. Эх, поддел бы кабанчик его ребра, вскрыл грудную клетку, как патологоанатом, оголил внутренние органы. Все же в Зоне смерть разная, кому легкая, от пули в голову, а кому и мучительная.

– Быстрее, – сипло окрикнул бандит, – помни, шаг влево, шаг вправо, расстрел. Прыжок приравнивается к провокации. Тоже расстрел!

Тюремная присказка. Что ж тебе не живется на свете, чего из одной зоны в другую полез. Я молча ругался, но эмоций не проявлял. Трофимыч научил своим примером. Бесит их, когда человек не нервничает, а говорит четко и ровно. Значит, и я так буду действовать.

Мне довелось перейти на широкий шаг. Хоть глаза закрывай, чтобы не видеть дороги. Вот странный поломанный куст, а чуток дальше, камень с синим мхом. И как их обходить, если сзади нахлебники требуют быстрее? Нашли себе, проводника поневоле.

Щебень. Влажный и серый, он порос травой.

– На верху шпалы. На них датчики движения и мины, – сплюнув на землю, сказал Чес. – Включай навигатор, узнаем, куда нас завел Сусанин. Эй, Сусанин, давай отрежем тебе ногу?

Это уже он мне. Ответ я знал: идите вы лесом, я вспомнил дорогу. Однако упорно молчал. Нечего с тем, кого собираешься убить, разговаривать. Или даже с тем, от кого собираешься сверкать пятками.

– На минуту, чтобы не вычислили, – сам себе пробормотал Дельный.

Мы собрались в круг, точно футболисты перед началом матча. Так и хотелось выдать: какая дружная команда! Бандит не из Зоны, жадный торговец, паренек с порезом на щеке и солдатик. Самое плохое, я не успевал обдумать ситуацию. Ходьба выматывала. Как по тонкому льду, осторожно, а сам

уже мокрый от возможного погружения в ледяную воду.

КПК пискнул. Чес достал мобильный, покрутил и бросил в карман.

Дельный ухмыльнулся:

– Зря тащил.

– Умный!? Я, когда выйду за Границу, то чё, побегу искать таксофон? А? – вспыхнул Чес.

– Тихо, тихо. Так, нам левее, там туннель.

– Двигай, – толкнул меня Чес. Унылый еще добавил, стволом ткнул в ребра. Боль ярким пламенем вспыхнула перед глазами.

– Еще раз ткнешь, я тебе им гланды прочищу, – произнес я с угрозой.

Не вовремя начал стартовать, все же меня достало. Жрать хотелось, точно в желудке черная дыра. Усталость сковывала мышцы. Становилось тяжело передвигаться, тяжело думать. Бежать в туман? Вот выход из западни? Будут стрелять. Плохо. Могут попасть.

– Ты чего? – засопел Унылый.

Он попытался в меня ткнуть, но Дельный перехватил ствол.

– Закрой рот. Он чуть кабана до смерти не запинал, когда ты обосрался от страха. Да и морду он тебе порезал. Так что не тыкай, тебя как человека попросили.

Разделение на фракции. Чес – под ним Унылый, Дельный же хочет мною манипулировать. Фиг вам. Притвориться, ко-

нечно, нужно.

– Топаем, нечего чесать языками просто так, – прекратил противостояние Чес. Прошел между подельниками и ударил меня в плечо. Намек ясен, и я потопал...

Я старался двигаться по насыпи, подумав, что так безопаснее. Редко попадались чахлые кусты. Скользко. Чертова обувь. Я упал, поднялся и дальше двинул. Впереди показались бетонные плиты. Под открытым небом валялись ящики. Гнил ржавый остов машины, как памятник минувшей жизни.

– Фонит. Ты иди, Пробирка. Ты тоже, Унылый, – сказал бандит.

Подождал, пока он поравняется со мной, и только тогда направился к проходу.

– Нет, – вырвалось у меня помимо воли. «Разрядка».

– Это опять электрическая мура, – констатировал Унылый.

– Факт, – сказал Чес, – ну давай, сталкерок, найди дорогу.

Я поднял камешек и кинул. Ух, засветило не хило! Взял еще несколько камней и кинул поочередно. Трофимыч говорил, что есть время разрядки. Однако я не мог вычислить. Опыта маловато.

– Не получится, – честно сказал я.

– А если пулю в живот? – пригрозил Чес. Нет, это пустая угроза. Я пока нужен, видимо Унылый, как один смертник, их не устраивал. Понятно, это человеческая натура, лучше иметь на бутылку больше, на один автомобиль больше. Да и

перевели Унылого на ранг выше...

– Лучше пуля, чем поджариться, – ответил я.

– Сталкера говорят, что ходят через туннель. Только такие, как вы, платят деньги под мостом, – сказал Дельный.

– Не пройти, – поддержал меня грузный. Сопли Унылый уже вытирал рукавом куртки, отчего он начал блестеть. Туман становился реже, я начал видеть окружающую нас растительность. Кусты как у нас в части, да и деревья, не очень отличаются. Да, пожухлая трава и сухие ветки на тополях преобладали, но я не мог сказать, что тут заповедник смерти. Хотя я отдалился от края Зоны не так уж и далеко. Что дальше нас ждет, я предполагал по рассказам убитого сталкера. Обидно, что я редко сидел в куртке. Вот там кладезь знаний, правда, байки, которые надо очищать, как зерна от плевел.

– Не писай в компот, тебя мы посылать не собираемся, – Чес четко вычислил страхи Унылого. Я удивился, с чего это он меня поддержал. Тоже трясется за шкуру.

– Под мостом пост. Там военных много. Дадим на лапу, – предложил Унылый.

– Растратчик, – сказал Дельный. Я так понял, в его устах – это ругательство.

Я глянул в лужу. Небритый, не застегнутый, я походил на дезертира. План неплох. Между походом с этими идиотами и сдать на посту я выбираю лучший вариант.

– Там случайно не твои стоят? – спросил Дельный.

– Нет, мои по периметру, – ответил я. Не мои, да какая разница? Сейчас пройдем их, дадим денег и потом, главное, не пойти вперед, а остаться с военными. Военные с оружием наготове. Ничего эта чертова троица не сделает.

Чес читал мои мысли.

– Снимай бушлат, прячь в рюкзак. А ты, сопливый, отдай ему куртку.

– Так еще больше заболēju, – простонал Унылый, но послушно стал раздеваться.

– Быстрее, на ходу, – приказал Чес, и мы двинулись к мосту.

Наше переодевание выглядело нелепо, как в старых фильмах. То я нес рюкзак, в который еле смог запихать бушлат. Хорошо, что подстежку не поддел. Потом нес свою сумку и рюкзаки, пока Унылый стаскивал куртку. Весело. Под ногами мелькала трава, мы уверенно двигались к переходу в другой мир. Мне казалось, это новая граница, за которой начнется настоящая Зона. Смешно. Еще несколько дней тому, я совершенно точно знал: край безумной Зоны начинается у нас на блокпосту.

Оказывается, не нужно меняться миру, просто может измениться сознание человека.

Дельный не терял зря времени. Он достал мятые купюры и пересчитал их. Мои тыщенки тоже находились у него, и теперь их не отличить от бандитских. Деньги возможно и не пахнут, но им без разницы, кому принадлежать. Шлюхи они

среди бумажек, особенно по сравнению с книгами.

– Пять выходит, – сказал он.

Я от удивления перестал надевать куртку, с запачканными рукавом соплями. Это получается у них вообще с деньгами беда. Они что, как при пожаре, выскочили в чем были, а все запасы огонь схарчил? Не понимаю.

– Должно прокатить, – сказал Чес.

Пост отличался от нашего. Знаки различия на солдате я не разобрал. Странно, отошли недалеко, а туман исчез, будто его отключили. Мы в спешке вышли к сломанному мосту. Над нами – голубое небо. Как и должно, весеннее небо с белоснежными облаками, как будто их выстирали качественным порошком из надоедливой рекламы. Жизнь налаживалась. Мы остановились, и я упал на задницу. Сил иссякли и я, как треснувший сосуд, из которого вытекла вся живительная вода. Хотя, смотря на голубое до рези в глазах небо, ощущал прилив энергии. Мне нравился этот цвет. Не темно-синий, депрессивный, а именно голубой. В странном мире живем. Все, что было хорошего, растащили себе разные общества и используют для рекламы. Сказал, что любишь красный, значит коммунист, зеленый – Гринпис, голубой и то подавно, вызывает смешки. Так скоро и фразу «я это люблю», без разрешения клоуна нельзя будет произносить.

Так и живем, в стенах страхов и ограничений, которые создали нам различные упыри. Ничего, выберусь из этой передряги, куплю футболку голубого цвета.

Пока я сидел, Чес о чем-то спорил с торговцем. Унылый обхватил себя руками и ходил вокруг, пытаясь согреться. Реально болеет. От пробежки до кабана, с кабаном и после кабана нормальный человек не будет мерзнуть.

– Чес, я тебя по нормальному прошу, если надо, то отдай им автоматы в оплату. Не горячись, – втолковывал ему торговец.

– Не учи, щенок, волка охотиться, – ерепенился тот.

– Со сталкером ты запарол. Поверь, что он знал, как через проход просочиться, и мы бы давно уже за насыпью топали, – разумно возразил Дельный.

– Кто ж знал, что племяш у него дефективный. Пристрелить его что ли, и дело с концом, – сказал Чес.

Я напрягся. Точно пора сматываться. Если побегу сейчас, получу пулю. Нет, чуток терпения, и когда бандиты заключат договор с военными, я останусь. Они пройдут насыпь, а я брошу якорь на посту, и ничего они мне не сделают.

– Он же тебя предупреждал, что лишь учит парня. Как для новичка, он хорошо справляется. Камни со мхом обходит, – опять вступился за меня торговец.

– Только в кусты на мутанта налетает. Хорош, – сказал Чес и заржал.

– Ладно, две «отмычки» лучше, чем одна, – произнес Дельный.

– Не нравятся мне ваши метки. Отмычка – замычка, – произнес Чес, – вставай дезертир, со мной сходишь. Лицо у

тебя как у бомжа, обязан жалость вызывать.

Я не согласен. Посади Унылого милостыню просить, то он насобирает гору мелочи. Моим мнением никто не интересовался, и я встал, полазил по карманам. Нет, Унылый не забыл ничего острого в карманах. Пора мне прощаться с наивностью.

Я с Чесом двинулся к посту под мостом, оставляя за собой половину команды. Проклятой команды. Мы приблизились, выйдя на грунтовку. Точь-в-точь русло обмелевшей реки, представлял собой проход под мостом. По сторонам высокая насыпь, холмы, поросшие зеленью. Мост оказался сломанный, как будто кто-то огромный ударил посередине ребром ладони. Гнутые рельсы, на которых стояли вагоны. Один из них, только чудом не падал на обтянутый маскировочной сеткой военный пост. Рядом – груда больших ящиков.

Желтый экскаватор выбросил впереди себя ковш, накрыв им здоровую трубу. Возле такой же, правее, стоял военный. Он снял автомат с плеча, направил в нашу сторону. Однако не так, как делал Трофимыч или у нас на блокпосту. Больше беспечности, да и не слышал я, чтобы он щелкнул затвором.

– Здорово! – крикнул Чес.

Военный махнул, призывая приблизиться. Мы так и поступили. Недовольно шурясь, из палатки на солнце выполз сержант. Вот в чем, а в званиях я разбирался. Он выглядел заспанным, лицо помятое, недовольное.

– Ну чего ползем, как раки зимой, – недовольно сказал он.

Видимо, главный.

Молодой, чуть старше меня, с русыми волосами, он даже не вскинул оружие. Это радовало, значит, готовы получить мзду и разойтись. С другой стороны, мне от них нужна защита. Я всматривался в их лица, собирался сделать портрет по памяти.

Сержант со щетиной и расстегнутым по бокам бронежилетом. Солдат, с порезами на лице, которые оставляет старая одноразовая бритва после месяца использования. Он смотрел с опаской, и с каким-то довольным выражением. Мне казалось, так смотрят на горячий борщ после многодневной голодовки: и хочется, и горячо.

– Пройти надо, солдатики. – Чес остановился в метре от них. Нас отделяла железная труба метр высотой. Солнце начинало припекать, день становился жарким. Еще даже не полдень...

– Старший солдат, – сказал военный с порезанным лицом. Гордо так сказал. Я его понимал. Наверное, недавно получил звание, отправил письмо родным. Уверен, поставил поновее фото в социалке, даже попросил знакомых скачать и показать маме.

Сержант сплюнул, ожидая, когда Чес исправится. Военный лениво нас сканировал. Я его заинтересовал мало, в грязных берцах и штанах, без оружия и в стандартной куртке. А вот Чес выглядит, как настоящий бандит. Кожаный плащ, лысая башка неправильной формы. Правда, он преду-

смотрительно оставил автоматы у Дельного.

Честное слово, на месте сержанта я бы зарядил ему пулей в голову, а потом уже вел диалог.

Чес сплюнул в сторону и вальяжно произнес:

– Начальник, нам вперед надо.

– А что там? – спросил сержант. Издевается. Хотя автомат ненавязчиво опустил, поудобнее приспособившая, чтобы схватить взятку.

– Там свобода, – щурясь от солнца, сказал бандит, – там хорошо. У меня брательник, умирая от туберкулеза, на последнем вздохе замаливал, сходи за мост. Вот его волю исполняю.

Чес отжигал. Такого бреда я давно не слышал ни в чем исполнении.

– Хорошо, когда выполняешь обещание, – сказал сержант.

Чес сложил пальцы щепоткой и подвигал ими, намекая на сумму:

– Мне самому страшно, так что я взял охрану.

– Не беда. Чем больше народа, тем меньше кислорода, – хохотнул сержант. Солдатик несмело заулыбался. Ясно, с каждым человеком счетчик накручивает деньги.

– Четыре, – сказал Чес.

Сержант почесал затылок:

– Нет, три.

– Чего три, начальник? Нас четыре, – не понял Чес. Я тяжело вздохнул.

– Три с каждого. Получается двенадцать, – посчитал за него сержант.

– Ты чего, солдатик, хрена наелся? – Чес провел по уголкам рта. – Всегда было полштуки.

– Не реви, бомжара, словно тебя мутант поймал. Это год назад цены такие, теперь все по-настоящему!

Сержант как будто очнулся ото сна. Стал говорить громко и настойчиво. Рыбка срывается с крючка?

– Нет столько. – Чес напрягся, как перед прыжком в воду. – Автомат отдам.

– Да зачем он мне сдался? – с поддельным удивлением воскликнул сержант. Повернулся к солдату: – Может тебе нужен?

Тот закивал. Автомат! На хлявю! Я бы тоже не отказался. Однако сержант трактовал по-своему:

– Видишь и ему не нужен.

Чес недоуменно смотрел на кивающего в согласии солдата. Самое смешное, их пять штук и мой артефакт как раз равнялись нужной сумме. Но артефакт, подарок от начмеда, уверенно притаился в потайном кармана моего бушлата. Бушлат сейчас носит Унылый...

– Там в деревне барахольщик сидит. Такой... Морда у него, – сержант замолчал, подбирая сравнение, не смог. – Ну, короче, сразу в нем узнаешь торгаша. Вот ему сдашь стволы и приходи.

– У нас самих есть такая морда, – прошипел Чес, намекая

на Дельного.

Сержант не понял фразу бандита, добавил:

– За три ствола как раз наколдуете на проход.

– Может, пусть проходят, – несмело спросил солдат. И тут же получил по затылку.

Солдат развел руками, я ответил тем же. Это ломало мои планы. Что ж, как говорил маленький человек-торт, ни один план не выдерживает столкновения с реальностью.

– Ага, все три, – сказал Чес, – ну, мы потопали сдавать стволы.

Он дернул меня за рукав, и мы направились к ожидающим нас уродам: Дельному и Унылому.

Сержант же ударил солдатика.

– Тупой, ты зачем кивал? А зачем бесплатно хотел пропустить? – услышал я, хотя они находились за трубой.

Я решил – пора. Повернулся, чтобы еще раз окинуть взглядом мост, трубу и бетонные плиты, за которые спрятались военные. И оторопел.

– Чес, ты чего делаешь? – прохрипел я.

– Молча топай.

Глаза у него расширенные, как у наркомана. Пока я решался, он достал гранату из кармана плаща. Старая знакомая, которая должна была влететь в схрон. «Эргэдэшка», для наступления, с радиусом поражения метров тридцать.

Чес успел вытащить чеку и теперь шевелил губами. Считает, понял я. Да ну его на фиг! Я резко отпрыгнул в сторо-

ну. Чес, с разворота, но аккуратно кинул гранату за бетонные заграждения.

Сержант все еще продолжал воспитывать, когда к ним прилетела смерть. Чес упал в грязь грунтовой дороги. Взрыв. Я перевернулся на спину. В ушах звенело. Черная туча закрыла солнце, запачкав голубое небо.

Чес поднялся на колено и смеялся. Я видел его перекошенный рот.

– Сволочь, – тихо сказал я. Передо мной расстилалась трава, тропа манила свободой. Дельный и Унылый, не ожидая такого поворота сюжета, замерли в двадцати метрах. Они не смогут помешать моему побегу.

– Сволочь! – закричал я. Вскочил и побежал. Чес, смеясь, вытащил пистолет из-за ремня. Он радовался смерти военных. Король преступного мира!

Я же подлетел к нему и ударом кулака стер улыбку с его лица.

Злость. Меня так даже Баранов не бесил своей тупостью, как этот недоносок. Подлая тварь, бьющая в спину. Я попал хорошо. Он, не ожидая от меня такого действия, пропустил удар. Хоть и пытался уклониться, кулак заехал ему в скулу. Я размахнулся, стараясь добавить, но не успел. Удар в солнышко, так во дворе называли попадание в солнечное сплетение. Толстые нити нервов, сплетенные в пучке, перемычка между грудью и животом. Я аж ослеп на секунду от его удара и пропустил следующий в печень. Больно! Ярость горела во мне, требовала выхода. Убить тварь! Повис на его руке, стараясь добраться до пистолета.

На краю периферического зрения заметил движение. Все происходило слишком быстро. Я не успевал за событиями. Без нормального сна, без нормальной еды, только на силе воли... И на злости.

Я успел. Мозг еще не осознал, а решение уже принято. Я упал в ноги бандиту, стараясь слиться с землей. Чес, довольный победой, замер.

В этот момент солдатик начал стрелять. Не знаю, как он выжил, как хватило сил? Вместо руки – обрубок, из которого хлестала кровь. Я всегда думал, так делают только в дешевых фильмах. Лицо я не разглядел, но однозначно, что порванное, как остальное тело. Солдатик стрелял из автомата.

Ствол водило, то в небо с черной тучей, то в грунтовку, выбивая фонтанчики земли. Он стрелял, исполняя свой долг, не давая сталкерам и бандитам перейти рубеж. Стрелял, понимая, что это последний поступок в его жизни.

Чес успел развернуться к солдату, вскинул пистолет и... Упал на спину. Пули попали в бронежилет, отлетели и зарылись в землю. Рикошет сегодня был за нас.

Это оказался последний кусок удачи солдатика. Он судорожно давил на спусковой крючок, но закончились дурные патроны. Он шел к нам неестественно, как на ходулях. Каски на нем уже не было, и я разглядел скальпированную рану. Кровь заливала лицо и шею. Из обрубка торчала белая кость, на фоне которой даже сахар бы показался серым.

Чес поднялся и направился к солдату. Вскинул пистолет, и раздались выстрелы. После непрерывной автоматной очереди, они мне показались ударами молотка. С каждым ударом забивался гвоздь в крышку гроба молодого бойца.

После очередного выстрела Чес все же попал, и солдат рухнул. Не как показывают в фильмах, а безжизненным мешком. Говорят, электричеством в мозгу можно зажечь лампочку. У него она погасла.

Чес не останавливался, продолжал тратить патроны, пока они не закончились. Пора сваливать, я сначала пополз, потом поднялся и успел к дереву. Кто-то, тяжело пыхтя, ударил меня в спину. Я налетел на тополь, обхватил его, как родного.

– Не упал, – прошептал я. Хотя о жесткую кору сильно поцарапал лицо. Борода помогла.

– Гык, – послышался знакомый сопливый голос.

Последовал удар по спине. Идиот даже не знает, где почки, зато попал по ребрам. Боль! Я развернулся и махнул в его сторону, пытаясь попасть в подбородок.

– Не, не, снова не выйдет, – сказал грузный, наставляя на меня ружье, – двигай к мосту.

Шатаясь, как будто выпил бутылку виски, я возвращался на исходную точку. В голове только одна мысль – теперь точно прибьют.

Дельный отчаянно жестикулировал. Чес отвечал, потом сунул ему пистолет, взамен выхватил автомат и направился за трубу. Раздались выстрелы.

– Контрольные, по другому уроду, – сказал Унылый.

– Сам ты урод. Моральный, – огрызнулся я. Стало жаль, что погибший солдатик не может ответить сам за себя.

– Ты мне поговори! – пригрозил он.

Однако бить не стал. Бояться что ли начал.

Небо стало затягивать темными облаками, будто оно обиделись, что в такую хорошую погоду пролили кровь. Под порывами ветра скрипел вагон над нашими головами. Мне показалось, он еще сильнее накренился, хотя куда более – я не знал. Мы завернули за трубу. Теперь точно избыют до смерти. Апатия мне нашептывала опустить руки, перестать бороться и принять побои.

– Пшла прочь, – просипел я.

Нет, я еще не сказал крайнего слова. Сейчас снова наки-
нуть на бандита!

Бандит Чес, с гримасой боли на лице, стаскивал бронежи-
лет. Рядом валялся плащ и животом вниз разорванный сер-
жант. Даже после внезапной смерти, его не оставили в покое,
а расстреляли.

– О! Кузьма! Давай лечи меня по-быстрому. Потом я тебе
ботинками по голове похожу, – выдохнул Чес.

Вот оно что. Теперь не только у меня болит грудная клет-
ка. Попал солдатик в бронежилет, а с десяти метров это вам
не шарик на страйкболе словить. Дельный не терял осторож-
ности, пронырнул вперед, вернулся.

– Болит теперь у меня душа! – закричал Чес. – Продажные
твари! Денег им мало! Вот получите теперь!

Бронежилет он отстегнул, попытался скинуть, бросил это
дело. Больно.

– Чё стоишь? Мажь зеленкой, быстрее, а то реально тут
похороню. Еще оружие дам, словно... – Чес замолчал, но не
от боли. Задумал чего? Хотя, впервые назвал меня по имени.

Унылый стоял молча. Его заинтересовали трупы военных.
Казалось, повесили перед ним блестящий шарик, и он не мо-
жет оторваться. Я уже подумал, что его сейчас вырвет. Нет,
он просто стоял дальше.

Я же поднял бронежилет. Черт. Это дурная привычка, ко-
торую вбивали нам в мозг, что больным надо помогать. Не

размышлять, кто перед тобой, убийца или слесарь с завода. Я снял с Чеса бронезилет и начал проверять грудную клетку.

Чес внезапно схватил меня за ухо, как непослушного пацана:

– За тобой теперь долг, сталкерок. Так что выбирай, или я тебе палец отрежу, или щеку располосу.

Вонь от его немытого тела забивала мне нос. При каждом слове исходил такой запах, будто он ел голубиный помет.

– При попадании в бронезилет пуля передает энергию телу. Она, энергия, может поломать кости, как спички. Может вызвать внутреннее кровотечение, которое тут никто не сможет остановить. А главное, болевой шок еще наукой не отменили, – ответил я и оттолкнул его руку.

От таких доводов ухо он отпустил. При пальпации грудной клетки он тихо матерился.

– Надо вколоть обезболивающие, – сказал я.

– Потом. Запомни, сталкерок, на месте преступления лежбище не устраивают. – Чес, опираясь на меня, попытался встать, но от боли упал на место. – Тля, перекур надо сделать...

Дельный рыскал как раненная в жопу рысь. Пролетел мимо нас и ринулся к лежанке военных. Он старался не наступать на мертвых. Под маскировочным тентом находился столик из ящичков, сиденья из ящичков и просто ящички, сложенные горкой. Он начал их быстро раскрывать.

– Унылый! Рюкзак! – крикнул он.

– Унылый! Сумку! – крикнул я следом. Тот дернулся, как

от сна, и произнес:

– Чего?

– Быстро! – крикнул Дельный, и в раздражении свалил один из ящичков на землю. Тот раскрылся, промасленные пачки патронов разбежались по земле.

– Быро сумку, соплежуй! – рыкнул на грузного бандит, когда он пробежал рядом. Унылый остановился прямо в луже сержантской крови, начал скидывать сумки, запутался...

– Быстрее!!! – заорал я него. Спешить тут смысла нет, но я решил, что надо приучать грузного паренька слушать и мои команды.

Он хотел что-то вякнуть. Резко передумал, под взглядом бандита с голым торсом. Синие татуировки опоясывали его тело, как изоленга. Наверное, они что-то значат, мне глубоко наплевать. В их мир я попадать категорически не хотел. Человек, который убивает других, находя мелочную причину, вызывал у меня омерзение.

Я достал из сумки ампулу. Спирт на ладони. Теперь ремень, как оказалось многофункциональный, я затянул на плече Чеса, отдал ему держать концы. Вены, на сухопаром теле астеника вздувались, как трубки в коктейлях. Никаких шансов промахнуться. Я отломал верхушку ампулы, набрал в пятиграммовый шприц.

– Промедол? – спросил Чес, показывая подгнившие зубы.

– Анальгин, – задумчиво ответил я, положил его руку на колено, принаравливаясь, как лучше воткнуть иглу.

– Ой, тля! Гонишь! – сказал Чес и недовольно скривил лицо.

Мягким движением воткнул, почувствовал, как провалился кончик иглы. Все, игла в вене.

– Ремень.

– Никогда не ширялся, хотя жизнь нагибала и заставляла, – сказал Чес, отпуская ремень. Он явно гордился этим фактом. Интересно, отказ от наркоты даже этот кровавый урод превозносит, как подвиг.

– Я тоже, – ответил я, продолжая вводить последний кубик лекарства.

– Вы скоро?!

Дельный дернул ворот свитера. Жарко. От таких событий скоро пар пойдет из всех мест.

– А ты?! – огрызнулся Чес.

Унылый в спешке засовывал коробки с патронами, несколько аптечек, бинты. Дельный ему не помогал, однако контролировал, что происходит в округе.

– Быстрее, быстрее! Если военные отстреливали кабанов, то они сейчас сюда прибегут! – мотивировал нас торговец.

– Натырил и доволен, – кивнул в его сторону бандит, – как убивать, так Чес, как трофеи собирать, так Дельный... Может то сталкеры стреляли?!

– Тогда однозначно уходим. Они любят бандитов в состоянии покойников, – спокойно объяснил Дельный.

Унылый, уже с рюкзаком на спине сообщил:

– Собрал. Пусть он мне куртку вернет. Она лучше его замызганного бушлата.

Я ответить не успел. Дельный упал на землю, и следом автоматная очередь расстроила наши планы.

– Военные собаки! – заорал он, отползая под укрытие трубы.

Чес вскочил, будто получил удар током, схватил автомат и присев на корточки открыл прицельную стрельбу. В кого я не видел, а просто повторил движение торговца. Хоть в чем-то мы похожи.

– Топайте! Тупни! Солдатик – лежать! – заметив мои попытки уползти, закричал бандит в наколках.

Пули со звоном отскакивали от трубы и экскаватора. Дельный и Унылый, два сапога пара, не вставая, уползли ужами. Там свобода, там другой мир. Я смотрел, как они вскочили и побежали по дороге к разрушенному зданию. Блин! Я не понимал, как этот кусок сала обогнал торговца.

Чес же дал длинную очередь и отполз на корточках подалее от края трубы. Полазил по карманам скинутого плаща. Нашел время рыться!

Я привстал и сказал:

– Надо отходить. У военных инструкция, дальше этого поста не соваться.

Чес направил на меня ствол. Он отдалился к поваленным ящикам, стараясь сильно не поднимать голову. В штанах и берцах, полуголый с автоматом он сверлил меня взглядом,

как дрелью.

– Я-то уйду, – произнес он.

Я все понял. Фраза, чтобы меня оставить... Зачем? Как возможного убийцу. Свалить на меня эту бойню.

Я встал, распрямил спину. Рядом шелкали пули, раздались грозные окрики. Что ж умирать, так по-мужски. Мне мама рассказывала, когда прадеда красные пришли расстреливать, то он взял саблю и зарубил троих. Третьего рубил уже после десятка выстрелов в него. Не хочу позорить славный род.

Автомат у бандита не дрожал, ствол не ходил вверх-вниз. Четко смотрел мне в живот, намекая, сейчас проверю кишки на прочность. Явно они у меня не бронированные.

Чес поднял другую руку и шелкнул. И еще раз. Телефон, над которым смеялся Дельный, превратился в фотокамеру. Вот что он доставал из кинутого плаща! Дельный над ним смеялся, зачем он приволок в Зону телефон.

Я аж покрылся потом, представляя снимки. Дезертир, грязный и с сумкой, стоит над мертвым телом военного. У любого, кто увидит эти фото, сразу возникнут вопросы. В Зоне нет суда, следствие проводится очень быстро. Да здравствует гуманный Всплеск, самый гуманный на нашей Земле!

– Теперь ты мой, сталкерок, – прохрипел Чес, – топаем!

Я на миг замер... Сзади смерть, впереди – Зона. Автоматные очереди затихли, и мы рванули догонять наших куркулей. Мимо труб, мимо ржавого остова грузовика. За спи-

ной бахнуло посильнее, чем от гранаты. Я упал не от взрывной волны, а скорее от перепуга. Оглянулся. Меня пронзил скрежет металла, как будто надо мной ржавым ножом пилят жуть. Нервы в теле обрели свободу и стали крутиться, как черви на сковородке.

Вагон, висевший вопреки всем законам физики, упал под мост, накрывая пост тяжелой массой.

Тучи полностью заволкли солнце. Мы оказались недостойны его внимания.

Часть четвертая

Братва

1

– Военные. Что с них взять? Поняли, что их сослуживцы мертвы, и кинули гранат побольше.

Дельный аккуратно разложил трофеи на деревянном полу. Полуразрушенное здание, которое стало нашим убежищем от преследователей, мало того, что продувалось ветром, так еще и промывалось дождем. Не частый, зато холодный и казалось, дело двигалось к зиме. Еще чуток, посыплется снег на наши головы. Да, природа в Зоне творила что хотела. Четыре сезона следующие друг за другом? Нет, Кузьма, не слышала.

Мы разместились в углу. Тут стоял кем-то оставленный ящик зеленого цвета, виднелись круги от костра. По центру гнилого пола, который только чудом не провалился под нами, виднелись засохшие пятна крови. Скорее всего, «слепые псы» схарчили очередную тушу. Или сталкера.

– Нормально все сделали. Через мост протопали и деньги сохранили... Даже увеличили. – Чес курил, оторвав фильтр от сигареты.

Я складывал сумку после очередного укола бандиту. Антибиотики, обезболивающие, бинты. Странно. События сменялись очень быстро, на эмоциональный отклик сил уже не оставалось. Несколько часов тому, я бил его, он мне угрожал, а теперь вот сидим у костра. Нет, у каждого свои планы на будущее. Например, у меня, по моим планам, будущее без них.

– Угу. Довелось лежать в канаве, а там воды по колено, – прогундосил Унылый. Его заставили доломать старый ящик, в котором раньше местные жители хранили овощи. Теперь он чиркал зажигалкой. Огонь появился и зажег весь бумажный мусор, который мы при себе отыскивали. Старый кусок карты, бесполезный без нанесенных аномалий и троп, пустые пачки от препаратов и сигарет.

– Не ной. Там чуток водички дождик налил, – сказал Чес. Ну да, он же навалился сверху на Унылого и, конечно же, не промок. Мы тогда шарахнулись знатно, аж решил, что дернем до самой атомной станции. Чес загнал нас пинками в канаву и мы, слушая крики и угрозы военных, пролежали под портящимся небом.

Унылый промолчал, начал снимать свитер. Я решил, что сначала сложу сумку и потом также посушу вещи.

– Нет, Чес, нормального мало, – заявил Дельный, сидя на корточках. Вокруг себя он разложил добытые богатства, и теперь захотел поговорить по душам.

– Не начинай, а то как Унылый становишься, – сказал Чес

и выдохнул дым через нос.

Дельный взял аптечки и начал их раздавать. Несколько себе, кинул оранжевую коробку Унылому. Положил рядом с Чесом, не став отдавать ему в руки.

Мне не хватило.

– Нормально закончилось, когда Крадун стырил артефакты. Насколько помню, ты его привел, – проронил Дельный, не повышая голоса. Такое чувство, что он вел деловую беседу о поставке свеклы в магазин. Без напряжения и суеты.

– Ты мне что-то предъявить хочешь? – Чес сидел в расслабленной позе, облокотился на стену голой спиной. Холод ему не мешал, да и события не ввели в ступор или панику. Лишь разожгли азарт. Я вдруг подумал, что чем-то мы похожи. Он напал на блокпост, совершил безумный поступок. Я, вместо того чтобы бежать, бросился его бить. Ярость, которая охватила его, как болезнь, перекинулась на меня. Нет, я и раньше страдал за несдержанность, но ссылался на кровь, которая мне досталась от гор. Гор на родине матери. Этот же поход в Зону... Словил меня начмед на пике эмоций.

Надо с этим в будущем что-то делать. Если это помогает в экстренных ситуациях, как, например, с «тушами», то это хорошо. Осталось научиться контролировать, пускать в нужное русло бурный поток адреналина.

– Ты мне пообещал, что уладишь вопрос с проходом, – так же спокойно сказал Дельный. Он сел спиной к Чесу, показывая, что не боится бандюгу.

Зря. Как подсказывает опыт, Трофимыча это погубило.

– Так и было. Я тебе чесать не буду, слово даю, – изрек

Чес и потушил окурок.

– Ты получается, все деньги отдал и оружие, как я просил? – спросил Дельный.

– Да. Они загадали цену нереальную. Не знаю, откуда у тебя инфа про пятьсот за проход. Устарела она, торгаш.

– Сколько? – проигнорировал тот оскорбление. Или запомнил на будущее.

– Двенадцать за всех. Предложил продать автоматы барыге в поселке.

Дельный считал в уме, Унылый стянул свитер, начал снимать штаны.

– Эй, на шухере постой! – приказал ему бандит.

– Замерз, – сказал тот. Без верхней одежды он выглядел жалким. Дрожал, видимо поднялась температура. Точно заболел.

– Я встану, – предложил я.

– Давай. Только так, чтобы я видел твою хмурую жопу. Ты помни, если попробуешь бежать, то я тебя догоню и срежу кожу с лица.

Дельный удивленно посмотрел на нас. Я пытался бежать, ударил бандита, а теперь он ставит меня на стрёме. Понятно, Чес старается уйти с темы. Да, явно судьба свела их насильственным способом. Переломный момент. Во многих смыслах. Поднял ворот куртки, сделал несколько шагов к двер-

ному проему и ответил на его угрозу:

– Надо холодное приложить к синяку, а то вся морда заплывет.

Чес сделал вид, что вскакивает и будет меня догонять. Потом плюхнулся на место и захохотал.

– Наглый солдатик, настолько наглый, что сам неприятностей ищет!

Заколебал он обзывать! Я выполз на свежий воздух и внимательно осмотрелся. Оружия у меня нет, сумку оставил лежать возле костра. Прислушался. Вокруг – мертвая тишина. Птицы молчали. Ящерки не бегали, смешно поднимая лапы. Суровое место. Любой зверь, включая человека, представляет опасность. Принялся обходить полуразрушенное здание по периметру.

Сейчас Чес наверняка хвастается, как снял меня на телефон, и теперь я, как щука на крючке. Бежать. Вот вопрос, куда? В груди kloкотало, ноги требовали нестись прочь от бандитов. Психи недоделанные, все у них выходит не по нормальному, а только через насилие. Хотя, чего я оскорбляю больных людей?

Психиатры говорят, шизофренией страдают умные люди. Это не про Чеса. Просто дегенерат. Странно, я не знал убитых, но был с ними солидарен. Наверное, будь я сталкером, то понимал бы интересы вольных охотников за артефактами. А будь бандитом, то каждый раз находил бы причину совершать насилие. Те взятки берут, а тем повезло родиться в

нормальной семье.

Хотя, я и есть бандит. Еще не мозгами, но уже поступками.

Обидно, у меня спрятанный артефакт в бушлате, а он лежит в рюкзаке. Как в сказке про старика, у которого смерть надежно спрятана в яйце, а яйцо в утке. Только у меня спрятана не игла, а смерть военных.

В голову пришла мысль. Зная, чем все закончится, я отдал бы артефакт бандиту или продолжил ныкать его на крайний случай? Спроси меня кто-то, я бы воскликнул, конечно, отдал! Но тут, под порывами неожиданно холодного ветра, можно кричать только совести.

Врать ей нет смысла. Артефакт пригодится. Убегу, будет, чем рассчитаться с проводником. Я забыл, что там говорил про него начмед, какими свойствами обладает. Надо вспомнить. Обязательно. Ах, жаль он не граната, и нельзя повторить трюк Чеса. Кинуть им и бежать.

Я обогнул угол. Обшарпанная стена, без окон и дверей, стояла монолитом, не обращая внимания на пережитые трудности. Местами щербатый кирпич, из которого был построен кусок стены, напоминал старика. Тот доживает последние годы, ходит с палочкой, но старается прямо держать спину. Мало кто знает, насколько ему это тяжело дается, с его-то радикулитом.

Что мне делать? Бежать в никуда? Чес однозначно сдаст. Ладно, даже если и нет, чтобы его мутант схарчил, то после

шумихи на посту вопросы мне зададут. Да и как назад попасть? Зная наших, теперь сначала будут стрелять, а потом смотреть документы. Которых, кстати у меня нет. Дезертирище, блин. Я остановился и начал загибать пальцы в панике, считая дни. Черная грязь под ногтями, руки дрожали. Мне дали шесть дней на посещение Зоны. Так, время еще есть и надо набраться смелости. А то сила у меня есть, воля тоже есть, а вот получается, что силы воли нет. Трофимыч прав. Думать, надо, думать!

Проколятся мои новые напарники, обязательно сделают ошибку. Рано или поздно, мне без разницы, главное, чтобы я живой дождался их оплошности. Не получилось убежать в колхозе. Не получилось на посту под мостом. Что ж, теперь я уже без ремня на руках. Умнее буду.

Поведение надо менять, становиться таким же волком, как и они, надеть шкуру и перестать бляеть. Я погладил стену. Хватит распускать нюни, если она выстояла не один Всплеск, то и я продержусь.

Сзади послышался шум. Оглянулся. Чес наблюдал за мной и курил очередную сигарету.

– Тишина, – сказал я.

– Ты давай ходи кругами, на месте не стой, – лениво процедил он.

Проверочка. Вот он и глянул, куда делся Кузьма.

– Так точно! – гаркнул я и завернул за угол.

Пусть думает, что во всем его слушаюсь. Жаль, очень

жаль, что Трофимыч не убил их еще в схроне. Отчего казалось? Он бы смог. Даже с одним ножом, против трех вооруженных подонков.

Я заглянул в дыру в стене. Дельный смотрел на курящего бандита, а Унылый достал банку тушенки из рюкзака покойного бандита и собирался ее разогреть.

– Поменяешь меня через десять минут, – произнес я и, не дожидаясь ответа, двинул дальше.

Шаг, еще и теперь я мог наблюдать вдалеке мост. Военные, это как волкодавы на цепи. Отпусти их, и они порвут волков. Не думаю, что упавший вагон наглухо закупорил проход, но приказ не переходить мост держит их посильнее любой цепи.

Я не знал, почему их оказалось не трое, как предписывает устав караульной службы. Могло же все сложиться по-другому, и мой план мог сработать. Перед глазами появилась четкая картинка убитого солдата.

Замутило. Унылый вскрыл банку и поставил на огонь. Жир потек и наполнил чистый воздух запахом еды. Я вовремя присел на корточки, и желудок начал выбрасывать сок на прошлогоднюю траву. Рвать нечем, последний раз я нормально ел сутки тому назад, но нервная система требовала опорожнить желудок.

Это, кажется, что так просто смотреть на разорванные тела. В жизни, к яркой картинке прибавляется вонь, мелкие детали, которые продирают до костей, и понимание, что че-

ловека теперь не вернешь.

Вдохнул, задержал дыхание. Теперь матери солдатика придет письмо из части, где черными буквами напишут самое страшное в жизни – вы пережили собственного ребенка.

Я поднял голову, посмотрел на свинцовое небо Зоны. Говорят, у китайцев нет богов, а клянутся они небом. Я прошептал:

– Эй! Зона! Дай мне сил отомстить уродам! Не за себя, за Трофимыча, за пацанов!

Нет, ответа я не дождался. В мокрой одежде становилось зябко.

– Ты чего там сидишь?

– Выглядываю, нет ли за нами группы захвата, – ответил я Дельному.

Он приблизился, достал знакомый монокль и стал внимательно созерцать железнодорожную насыпь.

– Там копошатся. Сюда вряд ли пойдут. Это им надо военсталов вызывать, – пояснил он.

– Это как спецназ для Зоны? – пошутил я.

– Да, так оно и есть. Вот у тебя навыков немного, хотя побольше, чем у этих... У простого военного и того меньше. Зато специально обученные люди, знающие эту территорию и носящие погоны, такое наделать могут...

Дельный замолчал. Спросить, наверное, хочет. Так и произошло.

– Там на посту решить вопрос по-хорошему не получи-

лось?

– Как сказать, – произнес я. Эх, артефакт ценою в две жизни! Ладно, Трофимыч советовал говорить помногу, я так и сделал. Долго и детально обрисовывал ситуацию, разговор Чеса и сержанта. Дельный иногда меня прерывал, задавал вопросы, я отвечал, как было.

– Мне Чес слово дал. Он конечно бандит с той стороны Границы, однако за базаром следит. Вернее, должен следить, иначе он сразу опускается в ранге, – сказал Дельный. Усмехнулся:

– Нормально ты ему двинул.

– Убежать не получилось, – доверительно пожаловался я торговцу.

– Я бы тоже рискнул, – спокойно ответил он мне.

Дельный, единственный из нас, кто остался при своей куртке и вещах, даже нагреб дополнительно. С врожденной торговой хваткой, готовый свое не отдавать и урвать кусок у другого.

– Пора есть, – сказал он.

Мы нырнули в здание. Даже разрушенное, оно помогало скрыться от ветра, а костер и запах еды внушали спокойствие. Чес натянул свитер, и уже набивал магазин патронами.

– На стрем, – приказал торговец Унылому. Тот недовольно отложил кусок батона, намазанный жиром, и пробурчал:

– Одежда еще не высохла.

– Так бушлат надень, – посоветовал ему Дельный.

Лицо Унылого аж засветилось от счастья. Лейкопластырь отпал, и теперь уродливая рана выглядела, как пиявка. Я от досады аж скривился. С каждой минутой становится все труднее жить на этом милом свете. Пока Унылый надевал мой бушлат со спрятанным артефактом, я взял кусок батона и размазал тушенку по черствой поверхности. Подождал, пока хлеб пропитается, и надкусил.

Ох, как вкусно!

– Давай уже топай, – сказал Чес грузному.

– Сейчас, сейчас, дожую. Минутку, – произнес тот в военном бушлате. Странная жизнь, теперь я одет как сталкер, а он как военный. Хотя утром все было наоборот.

Мы жевали наш сытный обед из батона и тушенки. Для группы голодных мужиков этого оказалось на один зуб.

Доесть не дали. Раздался громкий крик:

– Обходи эту шелуху!

2

– Окрысились! – рывкнул Чес.

Он сразу сориентировался в ситуации. Со злостью выбил недоеденный бутерброд у нашего караульного. Эх, встань он сразу на углу, когда сказал Дельный, и нас не обложили бы красными флажками, как волков на охоте.

Чес вскинул к плечу автомат и, припав на колено, занял позицию у разрушенной стены.

– Дельный, справа! Ботва, прикрыли нам спины!

Ботва – это мы с Унылым. Теперь он стал главным, без вопросов и возмущений. Если ходить по тропам он отдавал на откуп торговцу, то теперь взял инициативу на себя. Все наши четыре жизни сплелись в стальной канат. Дельный взял «калашников», Унылый остался с неизменным ружьем. Все же мне не дали оружия. Я, наверное, так же поступил бы в такой ситуации. Упал на пол, щекой оцарапал доски, вдохнул запах гнили и грибов.

– Просек троих! В балаклавах и кожанках! – крикнул он нам.

– Бандиты, – озвучил общую мысль Дельный, – сдаваться нам нельзя. У меня еще трое!

– Забей! Сейчас я им раскину по понятиям! – довольным голосом крикнул Чес.

Чему тут радоваться, я категорически не понимал. Хотя

изменилось отношение к происходящему. Я прислонился к глухой стене, за которой бандиты, а дальше дорога и мост. Это похоже на проклятье, за каждую забранную жизнь нам подбрасывают проблемы.

Унылый водил из стороны в сторону стволом ружья. Заметил, он напуган сильнее, чем на мосту. Там, с каким-то интересом, без страха, он рассматривал тело солдата. Что ж, своя душонка ближе к телу.

– Давай, давай! Завалим этих козлов!

Ха! Я еще жаловался на голос Чеса. Вот теперь понял, насколько противно выходило кричать у бандита. Словно ему дали выкурить пачку сигарет, а потом прищемили мизинец на ноге.

– Ты за козла ответишь! – крикнул Чес и пальнул короткой очередью из автомата.

– Ложись, пацаны! – раздалась новая команда.

Дельный тоже стрельнул, правда, целился он высоко. Пули попали в тополь, и вниз посыпались сухие ветки. Я приподнялся, выглянул. Так и есть, черные куртки попадали на землю.

– Эй, сталкеры! А ну кинули стволы!

– Ты кого, морда дикая, сталкером обозвал! – разъярился Чес.

В ответ полетели пули. Эх, стена-старичок, держись ровно, спасай внуков! Я привстал на колени и толкнул Унылого.

– Стреляй!

– Куда? – спросил он.

– Да хоть в воздух. Пусть боятся!

Он послушался меня, и бабахнул сразу из двух стволов.

– Шмаляй их! – крикнули со стороны Дельного.

– Я тебя сам обшмаляю! Омлет такой сделаю, что мама с папой не узнают! – заорал Чес и выпустил длинную очередь в бандитов. Весело.

– Прекратить! – Видимо, это голос главного. Выстрелы в нашу сторону затихли, и кто-то обиженно крикнул:

– Чего они не сдаются?

– Заткнись! Эй, вы блин, кто? – раздался крик.

– А ты кто, чепушила крикливая? – спросил в ответ Чес.

Тишина. Скрипели деревья под порывами ветра. Громко щелкнул затвор, кто-то приглушенно выругался. Чес подтянул патроны, недовольно вытер уголки рта.

– Я – Борзый! Да, за чепушину ответишь! – наконец-то раздался ответ.

Что ж, перестали стрелять, начали говорить. Радует. Бандит из тюрьмы и бандит из Зоны нашли друг друга.

– Меня Чесом кличут уже двадцать лет. Из них, пятнадцать я в отсидке! Так что, если надо, отвечу за чепушину! Спорнем!?

– Ну?

– Чё ну? Ты – бандит? Фраеров мочишь, сталкеров трясешь как грушу, правильно я тебя понял?

– Ну да.

– Так и я сталкеров в расход пускаю, и фраерам рот открыть не даю. Пока четко объясняю?

Чес после каждой фразы перемещался от стены к стене. Опасается, что подстрелят или гранату кинут?

– Гонишь!

– Я задал вопрос – четко объясняю!?

Снова тишина. Как черные муравьи со всех сторон лезут бандиты.

Дельный напряженно сжимал автомат, аж побелели костяшки пальцев. Я смотрел в щелку, кто и где залег.

Унылый же перезарядил ружье и сосредоточенно внимал словесной перепалке.

– Пока четко, а дальше послушаем! – крикнул Борзый. Он не перебегал с места на место, а, как я понял, кричал, укрывшись за грудой битого кирпича. Да и куда ему бегать, если везде его люди. Черт, как же я их пропустил? Или они за пять минут, пока мы жевали бутерброды, налетели? Тогда, получается, мы просто попались им по пути.

Бандитов в Зоне не любили даже больше военных. Хотя спорно, тут как повезет. Убийства, рэкет и грабеж. Все, кто не устроился в нашем мире, поперли сюда, за красивой бандитской мечтой. Подняться на постоянных ограблениях сталкеров, и лазить по аномалиям не надо и жизнью рисковать в бою с мутантами. Встретили сталкера, потрусили его, и снова на волю. Пусть еще рыщет по Зоне, приносит деньги.

Другие сразу ставили на счетчик сталкера. Прописка на

месяц или неделю. Платишь и делаешь что хочешь, ходи куда хочешь. Однако, как нам рассказывал политрук, который пытался не пустить меня за Границу, нет общей иерархии у бандитов. Это единственное, что позволяет сталкерам выживать.

Ну и крайний вид этих мутантов – «фризы». Отморозки полнейшие. Они просто валят сталкера, потом полностью его раздевают. И не гнушаются продать окровавленный бронжилет. Отморозки, одним словом. Еще развлечение придумали, если сталкер жив, в одних трусах отпускают. Типа, ты же Зону любишь, вот и пройдишь по ней, в чем мать родила.

На их горе, находились умельцы, которые выживали, а потом и рассказали про этих «фризовцев». Нас они зацепили краями, попытались напасть на блокпост. Вроде и сил много подтянули, но случай помог. В тот день БМП подогнали к посту. Как надо сработала наша разведка. Против лома нет приема, если нет другого лома.

Эх, лучше бы нам про артефакты рассказывали и аномалии. Хотя все ясно, с бандитами мы можем столкнуться на Границе. Но по уставу, солдату нечего делать в Зоне.

Чес набрал побольше воздуха и поставил вопрос:

– Так чего ж ты, чепушила, на своих храпом валишь?

Чуть левее зашевелились кусты, и мелькнула черная куртка. Беда. Завалят нас, как пить дать.

– Врешь!

Борзый не хотел отступать. При своих пацанах его тыкают лицом в мокрый песок. Чес, по-своему, прав, но с другой стороны, завалят нас, и никто не узнает. Да и насколько я понимал, между бандами конфликты не редкость.

– Докажи!

Борзый с кем-то посоветовался, пауза держалась долго. Никто не выстрелил. Дисциплину поддерживают на высоком уровне. Не просто шпана, а сплоченная группировка. Странно другое, чем доказать, что мы не сталкеры? Чес по фене сейчас начнет им рассказывать свой жизненный путь? Я начал прикидывать, успею свалить в ходе перестрелки, или шансы приближаются к нулю. Если последний вариант, то надо взять оружие и положить нескольких гадов на месте. Не только тех, что за стеной.

Чес вытер уголки рта. Нервничает. Дельный повернулся к нему и прошептал:

– Гунч.

Тот кивнул и прошептал в ответ:

– А если этот Борзый с ним на ножах? Завалят же!

– Не люблю рисковать, но сейчас выхода нет, – торговец нахмурился и как-то сразу постарел лет на десять.

– Лады. Уболтал ты меня, торгаш. Поставлю наши жизни на кон. Эй, ботва, если все пойдет не так чисто, то будем прорываться через сторону Дельного, – сказал Чес.

– Ставь.

Борзый видимо устал ждать и угрожающе заявил:

– Нет? Сейчас мы вас завалим!

– Слышь, ты чего такой борзый? – крикнул в ответ Чес. –

Ты Гунча знаешь?

Теперь на той стороне случилась заминка. Мы так до вечера просидим! Ветер становился все холоднее, с каждой минутой понижая градус. Чес дернулся, но вовремя убрал палец со спускового крючка. Я переместился и стал наблюдать. Из-за кучи кирпича поднялся бандит. Черная куртка, вязаная шапочка на голове. Помахал стволом.

– Вали сюда, обсудим!

Судя по голосу, это и есть Борзый.

– Ты тоже начинай топтать. Возле дерева и встретимся, – заявил ему в ответ Чес.

Тополь находился в нескольких шагах от здания, а вот Борзому надо пройти расстояние в несколько раз больше.

Я принял решение.

– Чес!

– Чего тебе? – раздраженно спросил он.

– Дай автомат, прикрою, – сказал я.

Дельный и Чес аж переглянулись. Все их мысли были заняты проблемой с местными бандитами, а тут я влез.

– Дай, – сказал Чес, – он вроде не дурак, понимает, начнет стрелять и положат нас всех в землю радиоактивную.

– Согласен. Держи, Кузьма, и не делай глупостей, – согласился с ним Дельный. Я подполз к Чесу, взял у него автомат и пристроился на его месте. Наш бандит поднялся на ноги

и выполз за стену, которая скрывала его от пуль. Распрямил спину, стряхнул со штанов ветки, показывая, что не торопится на переговоры.

Борзый медленно двигался к тополю. Оружие он оставил, прислонив ствол к кирпичам. Теперь, насколько я мог разглядеть, это явно не «калаш», а что-то попроще. Ветер подул в нашу сторону, и мы четко слышали разговор бандитов: местного и «заграничного».

Борзый заложил руки в карманы спортивных штанов и остановился напротив Чеса. В чем-то они оказались похожи. Сухие, будто недоедали всю жизнь, но в них чувствовалась сила, как в тонких стальных прутьях.

– Гунча многие уважают, – начал Борзый.

– Это факт, – согласился Чес. Они замолчали, оценивая друг друга. Чес продолжил:

– К чайфирчику ты чуток рано подпрыгнул, моя ботва еще не нагрела. Подождешь, нашаманим крепкий чаек.

Хитро. Сначала чепушилой обозвал, а теперь задний вроде дал ход, но так по-хитрому. Предлагает мировую. Борзый начал покачиваться с пятки на носок.

– За предложение благодарочка, однако, сначала вопрос уладим. Я о тебе первый раз слышу и сразу намекну, если и Гунч про тебя не знает, то лучше ржавым лезвием вены вскрывай.

– Лезвием? – уточнил Чес.

– Ага.

– Ржавым?

– Угу.

– Значит, ты знаешь бугра Гунча?

– Гниль – вопрос. Виделся с ним месяц тому назад, – не прекращая перекатываться, сказал Борзый.

– А я неделю, – ответил Чес. Сплюнул на землю.

Борзый повторил плевок, стараясь показать, что ничем не уступает в крутости.

– Такой же худой и лысый? – поинтересовался Борзый.

– Почти. Наверное, за время, которое ты его не видел, он слегка поправился, – Чес провел по уголкам рта, – килограмм этак на сто.

Борзый засмеялся, как от веселой шутки. Он бил себя по животу, показывая, что хватит его смешить.

Чес спокойно наблюдал за этим спектаклем одного актера.

– Да, Гунч отличается широкой костью, – отсмеялся Борзый, – говорят, ему ставят два табурета, кладут толстую доску и только потом он садится. Так что, Гунч большой, на сто семьдесят потянет.

– Не нам его ловить, – процедил Чес, – я вот другое видел, на табуреты кладут газеты. Знаешь, зачем потом доску кладут?

– Нет, – сказал Борзый. Я рассматривал его. Особенность, кроме худобы, это поломанный нос. Кривой, почти зигзагообразный. Будто его сначала сломали в одну сторону, потом в другую.

– Чтобы буквы Гунчу в жопу не давили.

Борзый замер, как статуя. Опасно шутить над бугром, который сумел перекрыть всю Границу и помешать уйти Крадуну из Зоны. Он словно перекрыл водоем и теперь рыскает в мутной воде в поисках маленькой рыбки. Как Крадун не старается, необысканных мест становится все меньше.

– Что он делает? – прошептал я.

Дельный слушал и анализировал каждое слово в разговоре бандитов.

– Трудно понять, оба же цены себе не сложат. Пальцы в растопырку и меряются. Проверяют друг друга, кто больше боится Гунча, – высказал свое предположение торговец.

– Понятно, – кивнул я. У нас так любили пообсуждать прапоров и сержантов, особенно щекотало нервы, когда кто-то из них находился рядом. Если услышит старший по званию, то мыть казарму и драить белого друга в туалете придется очень долго. А если нет, авторитет вырастет, как на дрожжах.

Здесь, видимо, так же, кто кого...

– Единственное, что хорошо, Гунч для них авторитет. Это наш шанс.

В подтверждение его мыслей, Борзый снова стал ржать.

– Ага, насмешил, братишка, насмешил до слез. Так и быть, Гунчу не стукну про твои слова!

– А ты не такой плохой чепушила, как все остальные. Чуток понормальнее, – ухмыльнулся Чес.

Вроде похвалил, но все же свои слова назад не забрал.

Не нравится мне, как Борзый качается на носочках. Зачем ему такие приколы, он будто напирал на нашего бандита.

Как все быстро меняется в сознании человека при наличии внешних факторов. Чес уже наш бандит. Почти родной. Вроде бьет и грозитя покалечить, а вот появился опасный человек, который хочет нас завалить, и Чес стал героем. Защитник.

Интересно, если сейчас психану и пальну в спину моим новым друзьям, то живым останусь? Не факт, что успею их завалить. Унылый сзади, с ружьем, которое на близком расстоянии становится очень грозным оружием. Разворотит мне живот, как рыбу выпотрошит, разлетятся мои внутренности по стене. Да и торговец ствол автомата направлял не в сторону черных, а в мою.

И с другой стороны откроют огонь на поражение. Терпеть и думать. Думать и терпеть.

Борзый внезапно отступил, разрывая дистанцию с Чесом.

– Ладно, фоточки Гунча и в милиции висят. Так что это «за своего» не показатель. Знать не знаю, может ты мент или военстал переодетый.

Кожанки зашевелились, кто-то щелкнул магазином. Кульминация. Вот и веселый разговор по душам. Что у Чеса на душе камень лежит, что у Борзого. Чес покачал головой, показывая, что его расстроили. Наверное, так себя ведет прихожанин, застав в церкви выступление рок-группы.

– Борзый, вопрос хорош. Как говорит мой братуха, дельный вопрос. Кстати, у него «калаш» и пять гранат наготове. У вас я зыряю, с нормальным оружием напряг.

– Ты от вопроса не виляй, – процедил Борзый.

Холодный порыв ветра унес часть слов, хотя они говорили очень громко. Правильно, должны же мы слышать и реагировать на их базар. Чес медленно схватился за ворот свитера, растянул его в стороны и стащил. Синие татуировки выделялись на его теле.

– Давай, Борзый, попробуй их стереть, – сказал довольно Чес, – получится, так пулю в лоб сам себе пущу. А если настоящие, то веди нас к главному. Замерз я с тобой на холоде лясы точить.

Борзый щелкнул пальцами, и вокруг начали подниматься бандиты в черных кожанках. В балаклавах, на мое удивление, почти никого, а вот кожанки – у всех. Отличительная черта данной банды, просек я фишку. Немало! Человек десять, с обрезам и «легкими» автоматами.

Кривоносый бандит, перед тем как заржать, сказал:

– Зачем далеко ходить к главному? Я – тут!

3

Чай, которого у нас и не было, мы пить не стали. Затухли огонь, раскидав тлеющие доски по влажному полу. Борзый торопился. Нам оставили оружие, хотя поместили в центр группы и заставили отстегнуть магазины. Парадоксально. Двигались мы неторопливо, с чисто пацанской важностью. За этим скрывалась настороженность к Зоне, к каждому камню и странному расположению травы.

«Кожаные» явно опасались нападения. Сначала я списал этот факт на развороченное гнездо военных. Оказалось, Борзый, когда услышал выстрелы и взрывы, повел пацанов разобраться из-за чего шум.

Я топал впрытик к Чесу, который перекидывался фразами с Борзым.

– Еще далеко?

– Неа. Тут все рядом. Проблемка, как дойти так, чтобы полморды «тряпкой» не обьело, – ответил Борзый.

– Вы тут недавно обосновались?

– Да, если по чесноку, заняли три дня тому назад. Подфартило. Слушок пронесся, что здания свободные, а еще нашептали нам, военные строгую директиву получили, ни шагу за мост, – выдал длинную тираду Борзый.

Чес повернулся, цыкнул на меня, намекая, не подслушивай. Я замедлился, пропуская вперед Дельного и Уныло-

го. Последний выглядел истощенным и бледным, точно его краской облили. Точно, болеет.

Вот Дельный, чуток сместился и занял мое место. Вот проныра, везде успевает. И на посту патроны пособирать, и у меня поспрашивать, как дела обстояли, а теперь разговор подслушать. Я сначала удивился, чего он третьим не пристроился, а потом понял, бандиты торгашей не сильно уважают. У нас ситуация патовая, но вроде нашли точки контакта, хорошо, что не огневого. Дружба Гунча – немало значит на этой проклятой земле.

Рядом пристроился бандит. Хлопнул по спине, привлекая внимание. Хотя, чего там привлекать, я уже прокручивал в мыслях, зачем он поравнялся со мной.

– Здоров, братан.

– И тебе здорово, – произнес я будничным тоном. Ну и чего с того, что я иду по Зоне, за блокпостом, рядом с десятком бандитов? Подумаешь. Пусть они нас боятся.

– Нормуль так, пошмаляли друг в друга, – сказал он и потряс передо мною обрезом. Ствол отпилен, и теперь он представлял угрозу на близких дистанциях.

Сам бандит одет в кожаную куртку. Джинсы он заправил в высокие кроссовки, баскетбольные. Не берцы, конечно, но тоже неплохой вариант. По крайней мере, может не так скользят, как мое старье. Вот, перед «тушей» упал, хорошо что Трофимыч подстраховал.

Вообще вид у них... Привет, девяностые! Урывками пом-

ню, как качки, в таких же кожанках, дрались между собой, назначали стрелки. Тогда везде звучало, «рэкет», «крышевание». Видимо в Зоне время застыло и ничего не поменялось.

– Не попали и то хорошо, – сказал я осторожно.

– Ну да, понаделали бы дырок, потом фиг бы закорешились, – с оптимизмом сказал он. Как по мне – наигранно. Возможно, я просто устал. Тот кусок батона с размазанной тушенкой, явно меньше необходимого уровня пропитания для моего существования. Я уже и не думал про активность, как физическую, так и умственную. Теперь приходилось себя заставлять думать. Через ватный барьер прорывались мысли, я пытался анализировать ситуацию. Зачем мы понадобились бандитам? Могли и на месте решить, например, отдать часть стволов и патронов.

– Меня Правша кличут, а впереди – брательник мой, Левша, – представился он.

Называть имя или кличку не хотел, соврать, так Унылый сразу же выболтает. Врать, я так понял, запаadlo. Обмануть, это норма жизни. Хотя я разницы в этих случаях не видел. Странные законы в цеху у бандитов.

– Родной брат? – решил подковырнуть я бандита, заодно и съехать с темы про клички.

– Ага, как ты догадался?! – удивился Правша.

На возглас обернулся его брат. Я аж сбился с прогулочного шага. Одно лицо! Темные волосы, и кустистые брови.

– Вы чего в натуре близнецы?

– Да, я старший, – с гордостью сказал он. Обрез же он все крутил передо мной. С оружием у них не очень. Пистолеты системы Макарова с коричневыми щечками, и «Фора» украинского производства. Мелькали охотничьи ружья, обрезы, и даже дробовик. Такой я видел на выставке, еще во времена гражданской жизни. Вроде название у него американское – «Френчи».

А вот автоматов мало, очень мало. Я наконец-то рассмотрел оружие Борзого. Это пистолет-пулемет, прозванный «Гюрзой». Автоматы Калашникова оказались только у нас, что давало преимущество. Конечно, нас завалили числом. Однако сейчас, Чес явно договорится, и мы пойдем дальше в Топи. Левша резко сказал:

– Это я первый, ясно?

– С какого такого перепугу? Я первый и поэтому Правша! – возмутился его брат, продолжая идти рядом со мной.

– Ты Правша, потому что ложку правой рукой подносишь ко рту, а я Левша, потому что левой конкретно в подбородок бью, – аргументировал он.

Оба довода мне показались с душком. Вообще это походило на спектакль. Левша приобнял Унылого и весело заржал ему на ухо. Правша же скорчил рожу, намекая, что он старший и другого слушать не стоит.

Он полез в карман, достал сигареты. Пачка слегка намокла, он выбрал самую сухую и протянул мне:

– Держи табак. Пыхнем чуток.

– Не курю, – я отклонил предложение.

Хотя, сигаретка бы не помешала, для успокоения нервов.

– Ты чего, я к тебе нормально, а ты как баклан, – начал нагнетать ситуацию Правша. Его брови сошлись.

– Не курю, нормально же сказал, – выдавил я, стараясь не повышать голос.

– Держи говорю!

Я заколебался на секунду и заметил, как его брат тоже тычет Унылому сигарету.

Нечисто. Я ускорился, толкнул в спину грузного. Теперь он «свой» и нам надо заботиться друг о друге.

– Эй! – раздалось сзади.

Унылый остановился.

– Отвали, солдат, – напыщенно сказал он.

Засунул подарок между зубов, Левша услужливо поднес пластмассовую зажигалку, и огонек охватил кончик сигареты.

– Ты чего в натуре солдат? Вот баклан! – удивился Левша и окружающие бандиты заржали. Реально, кони.

Правша втиснулся между мною и Унылым:

– Отвали, тут нормальные пацаны в ряд шагают.

Я провел по щетине, всегда быстро росли волосы, иногда приходилось по два раза бриться за день. Не хочет Унылый меня слушать и черт с ним. Он всегда старался с бандита Чеса брать пример, вот пусть корешей и заводит из преступников.

Эх, сигарета это неплохо, но жрать хотелось до колик в животе. Я начал загибать пальцы, считая, сколько же дней нормально не ел. Так, чтобы борщ, пусть и жиденский, но с чесночком вприкуску или хотя бы тарелку макарон обязательно с хлебом!

Впереди показались строения. Холмистая местность, с редкими деревьями. Мое внимание привлекли тополя, ветки которых создавали пирамиду из пожухлых листьев.

Мы спускались по склону, когда бандит заматюгался.

– «Колючая тряпка», – произнес кто-то сзади.

– В натуре, чуть не попал!

– Гы-гы! Да это же просто мочалка из водорослей. Давай сорви и потри себе спинку, – предложил один из братьев.

Все заржали. Нормальная шутка, нормальные парни, если бы... Чем-то напомнили друзей по школе. Старый стадион часто превращался в место для встреч. Турничок и брусья, покрашенные много раз в непонятный синий цвет, так и не сломались от наших упражнений. Может еще и нашим детям послужат. Несколько лет тому назад старый асфальт сняли и постелили новый, черный как прорезиненный ковер. Бегать мне нравилось. Засунув в уши музыку, наваливать круг за кругом. Нет, в баскетбол с моим ростом играть легче, но я люблю одиночество.

Такую шутку я мог услышать и у нас на стадионе. Дружеский подъем. Вот только у меня друзья не убийцы, дегенераты и алкаши. Ну и черт с ними. Надо догонять Чеса и Дель-

ного. Хотя какая-то защита.

Впереди – разрушенные здания. Могу сказать, мы махнулись не глядя, и выиграли. Ферма, настоящая ферма, а не те колхозные постройки в начале моего пути. Красный кирпич виднелся в проемах, серая штукатурка обтягивала здания. Воня я не чувствовал, а вот запах мяса начал дразнить мой желудок.

Мы двигались к забору, преграждавшему путь между зданиями. Перевернутый грузовик, который, как я надеялся, не фонит. Ящики, сложенные штабелями и сбитые наспех деревянными досками, на вид старше меня лет на десять.

Нам замахали, вскинув три раза кулак. Борзый ответил тем же и похвалился:

– У нас все серьезно. Охрана.

– От кого охраняете? – спросил Дельный.

Борзый сплюнул и сказал:

– Да есть от кого. Сейчас под чаек мы эту тему обсудим.

Я улыбнулся. Почему-то уверен, в плане пообсудать, Дельный и Чес заткнул его за пояс.

– Борзый, у нас все нормуль, – доложил бандит, – а это что за гаврики?

Чес остановился возле молодого бандита и спросил:

– Кроссовки какого размера?

– Чего?

– Не чегокай. Кроссовки какого размера?

– Сорок первого, – ответил тот и нахмурил лоб.

– Мне как раз подойдет, – оскалился Чес.

Борзый потянул его за рукав свитера:

– Не стартуй, братан. Я ж нормально говорю, у нас все серьезно.

Он повернулся к своим пацанам:

– Разошлись. Часть похавать, остальные готовиться.

Ждем гостей.

Бандиты, вяло переговариваясь, начали разбредаться. Вспомнилась английская поговорка, лев во главе стада баранов лучше, чем баран во главе прайда.

– И не бухать! Предупреждаю!

– Совсем? – обиженно спросил Левша. Или Правша? Кто их разберет, кроме матери?

– Так, радиацию смыть с кишок. По стакану не больше! – смилостивился Борзый.

Разрешение восприняли с криками радости, словно им подарили бочку водяры.

– Нам к зданию с крышей, чтобы на голову водичка не текла, – пояснил Борзый.

Я уже согласен и на здание без крыши. Особенно, смотря, как посередине двора жарится туша. Чес и Дельный, как сторожевые псы, среагировали на сочное мясо. Переглянулись. Угли подмигивали красным, возле туши крутился полуголый бандит.

– Ладно, Борзый, уговорил. Пойдем чуток перекусим мяса. Надеюсь не собака? – сказал Чес.

– Не, кабан случайно забрел. Обычно они за насыпью бегают, а тут пацаны территорию обходили, и он такой: «Здррасте». А нам чего, мясо – оно и в Зоне мясо.

Я в эпилептиков, которые экстрасенсы, не верю, но тут готов предсказать – от нас что-то хотят.

Мы, под грозные крики Борзого, направились к зданию с крышей. На земле стояли лестницы, на крыше я заметил несколько матрасов. На одном из них лежал бандит с биноклем и всматривался в сторону севера.

Борзый же раздавал указания, расставлял людей и вел себя, как подобает настоящему командиру. Крыша-то была, а вот дверей не наблюдалось, видимо, использовали для постройки забора. В темном помещении горел огонек.

Темные тучи начали плакать. Хотя была только середина дня, становилось темно, будто задернули шторы на окнах.

Пол под ногами скрипел, но дырок я не видел. Краска местами стерлась и оголила древесину, как в детстве, когда мы с веток сдирали кору. На балке под потолком был подвешен фонарь, который скромно освещал комнату. Ящики закрывали окно, старая кровать со ржавой сеткой и стол посередине комнаты.

– Падай, братухи, – сказал Борзый и, заметив, как мы с УНЫЛЫМ боком втискиваемся в комнату, добавил: – ну и ботва твоя пусть заскочит на секунду.

– А они нам зачем? – удивился Чес. – Они не голодные.

Сказать, что мы с УНЫЛЫМ слегка удивились, это при-

уменьшение. Это как увидеть ядерный взрыв и сказать: неплохо петарда рванула.

– Да ладно, кто-то ж должен нам тарелки принести, – сказал Борзый. Он положил «Гюрзу» на стол, отодвинул стул.

Чес и Дельный рухнули, будто их подкосило. Больше стульев в комнате не было.

Мы с Унылым переглянулись, я указал на ящик возле окна. Мы поставили оружие у стола и притащили его к столу. Получилось, наши главные друг против друга, а мы как перемычки.

Борзый отошел во тьму помещения и вернулся с бутылками водки.

– Ну чего, ботва, быро вниз за мясом, а мы на связь выйдем.

Дельный, скидывая куртку, замер:

– Это с кем же?

– Как с кем. Надо же у Гунча узнать, что с вами делать.

4

День. На ферме наблюдалось необычное оживление. Возле навеса с дырявой крышей поставили самодельный стол. На нем разложили обрезы и о чем-то отчаянно спорили братья-близнецы. Возле ворот появился еще бандит, они начали активно что-то обсуждать, махая руками в сторону фермы. Ясно, про нас говорят. Бандит, который остановил Чеса, красноречиво показал на свои кроссовки. Жалуется. Еще несколько бандитов несли спиленное дерево, перегораживая проход.

Ферма становилась похожей на военную часть. Закрытую со всех сторон, с контрольным пунктом пропуска и часовыми на крышах.

Мы с Унылым, захватив тарелки, направились к жареному кабанчику. Немытые тарелки, щербатые, с трещинами по дну, вызвали удивление. Во-первых, как они тут сохранились, даже в таком состоянии, а второе – если санитария на таком низком уровне, то почему бандиты не страдают диареей? Хотя, с учетом приема постоянной дезинфекции внутрь, они могли есть с земли, не опасаясь никаких болячек.

Тарелки, как люди в Зоне. Нет ни одного целого, чистого, все с изъянами или на теле, или в душе.

Бандит, раздетый до пояса, крутился возле заманчиво пахнущей туши.

– Добрый, – поздоровался я.

Местный повар промолчал, продолжая присматриваться к кабану. Ну как художник, внимательно смотрит на полотно, решая, что еще можно добавить.

– Запах обалденный. Я такого не нюхал... – хотел сказать, с гражданки, но вовремя прикусил язык, – много лет.

Повар обернулся, как только нас заметил.

– Не нюхал? Ты еще такого в жизни не пробовал! Это настоящее мясо, для настоящих пацанов! Зубы у тебя в порядке? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Его надо железными зубами рвать. Это дикий кабаняра, у него мышцы как у качка.

– У какого качка? – удивился Унылый.

– У такого, что себя в тренажере загоняют до смерти, штангу тягая, – продолжил полуголый бандит.

– Жесткое, да? – уточнил я, понял, куда он клонит.

– Ты, морда, – сказал он и выхватил нож, – ничего не понимаешь в мясных обрезках! Вам только колбасу есть, и то, тонко нарезанную.

Явно нам не рады. Я решил, кушать хочется, а спорить с ним нет желания.

– Ну чего сразу колбасу. Вот он, – кивнул на Унылого, – кабана с ружья завалил. Поверь, тот не меньше этого и еще пытался клыками поддеть!

Повар внимательно зыркнул на Унылого. В военной куртке, с раной на щеке, он выглядел как настоящий сталкер. Из-

мученный Зоной, но по виду, все окрестности вокруг протопал.

– Сам?

– Чего сам? – не понял я.

– Сам завалил? Че не ясно?

– Мы слегка помогли. А так, да, как отскочит в сторону и дулетом ему в бочину! Потом хоп, перезарядка и снова! – разошелся я, даже показав, как все происходило.

Повар и Унылый с интересом смотрели на меня.

– Уважуха, – выдохнул повар.

Ножом он потыкал в тушу кабана и вроде остался доволен.

– Нам бы его на пробу, – сказал Унылый.

– Ща, разбежался. Пацаны в оружейке заняли, – ответил тот.

– Нам для бугра вашего. И нашего, – добавил я.

– А! Так чего тут мне лясы точите? Сразу тьявкнуть не могли? – засуетился повар.

Я промолчал. Можно подумать, тарелок у нас он не замечал. Или тут что, ярмарка прошла, и все бандиты посудой обзавелись.

– Так, Борзый, Борзый, подожди, подожди, – стал приготавливать повар. Повернулся к Унылому: – Слышь, охотник, бери кусок фанеры, вон с краю стоит, и давай расставляй тарелки. А ты, дылда, держи, чтобы кабанчик не вертелся.

Я прикоснулся к вертелу. Горячо. Стянул рукав пониже и схватился за него. Осмотрелся. Думать не хотелось. От за-

паху горячего мяса появилась боль в голове. Тело требовало пополнить запасы, любым путем. Прямо тут вцепиться зубами в кабаника. Наверняка, радиоактивного. Эх, Трофимыч, ты смеялся, что я ем траву. Теперь бы вообще обхохотался, если я кабана начну грызть.

Повар, ловко орудуя ножом, размером с двадцатисантиметровую линейку, начал пластать кабана. Мясо он старался нарезать тонкими, как бумага, слоями. Ха! Ну да, Борзому плохой кусок не подсунешь.

Унылый расставил на здоровом листе фанеры тарелки, и теперь я ощущал все прелести пытки. Еда, вот горячая еда, а приходится еще ждать.

– Эх, молодые да ранние, кабана они валят с ружья, – кричал повар. Пот катился с него ручьем, но сам он был доволен. Наконец-то закончил нарезать.

Горка мяса на тарелках достигла неприличной высоты. Тогда он сказал:

– Хватит. В ресторане с вас за такое количество еды бабла сдерут немерено.

Я отпустил вертел, взял самый тонкий кусочек и надкусил. Нет, горечи не ощущал. Обжигающий вкус мяса заставил наполниться рот слюнями.

– Э! – воскликнул Унылый.

– Вкуснота! Век такого вкусного кабана не ел! Мамой клянись, – похвалил я повара.

Правдиво похвалил. Мясо показалось не сильно жестким,

видимо повар туману нагонял. Да и не ел я раньше дикого кабана. Никогда.

Повар улыбнулся:

– Жрите. Вам еще расти надо. Меня Севой кличут. Для вас, дядя Сева.

Я, дожевывая кусочек, сказал:

– Спасибо, дядя Сева. От меня и от Унылого.

Унылый молча повернулся к зданию, где сидели наши главные, и двинул, стараясь не уронить импровизированный поднос.

Я пожал плечами, показывая, что сам не понимаю этого чудака. Дядя Сева. Как я понял по его морщинам и разговору, главный по еде. Захотелось его отблагодарить:

– Дядя Сева, а анекдот про себя и бугра всей зоны знаешь?

Тот почесал шею ножом, с которого капал жир:

– Ну-ка.

– Идет, значит, главный бугор Зоны, а тут ты ему навстречу. И он тебе, ты кто такой? Ты ему сразу в ответку: «Я главный по мясу, а ты кто?» Тот важно так: «Я главный бугор Зоны!» – я замолчал.

– Ну, а я что отвечаю? – спросил с подозрением дядя Сева.

– А ты такой его по плечу потрепал и говоришь, ну тоже неплохо устроился!

Дядя Сева начал смеяться, присел на корточки, постучал кулаком по влажной земле. Я решил догонять Унылого.

– Подожди! Как тебя там!

– Солдатиком зовут, но я на самом деле Кузьма, – неохотно ответил я.

– Как, как!?! Солдатик?! – опять захохотал повар. – Подожди, я слышал клички и похуже. На, держи вкусный шмат, порадовал старика.

Он вытер тыльную сторону ладони от грязи и широким движением отрезал мясо:

– На, тебе на удачу, Кузьма.

Я, перебрасывая жареный шмат, безбожно пачкаясь в жи-ре, двинул вслед за Унылым. Навстречу мне выдвинулись бандиты, с жестянками и пустыми банками из-под тушенки. Обед – он и в Зоне обед.

Правша с Левшой еще издалека начали кричать про солдатскую жизнь. Поравнялись со мной. Один из братьев попытался зацепить плечом. Я не гордый, плавно ушел в сторону.

– Эй, длинный, давай сюда мясо. Хавать охота, – сказали мне в спину.

– Мне тоже, – ответил я.

– Слышь, я с тобой базарю, – раздался недовольный возглас. Тут же его перебили:

– Да пусть валит к Борзому...

Я так и намеревался сделать. Нет, поделиться едой не жалко. Вопрос в форме подачи претензий. Даже просить не надо, но стартовать и бычиться с пол-оборота, как два брата, это не правильно.

Я остановился, позволяя глазам привыкнуть к полумраку, заодно отправляя добытый кусок в рот. Жестковатый. Я жевал быстро, пытаюсь протолкнуть крупные куски. Мысли путались, перескакивали с темы на другую.

Вот братья-бандиты. Неделю назад, встретить я их в части как «дедов», то однозначно оставил бы им еду. Теперь же, в Зоне, где уголовный кодекс не имеет силы, я перечу бандитам. Неумно. Однако, тут я не сам. Как не глупо это звучит, нас четверо, и Чес не уступает местному бугру в борзости. Да и я отупел. Стал воспринимать отношения через призму самоуважения. Чем тот же Унылый лучше меня? Да ничем. Больше понукать мною он не будет.

От этих мыслей, или он горячего куска, который лег в желудок, как родной, я почувствовал сытость. Я начал разливать полутона и двинул на свет фонаря.

Не успел ничего сказать, как на меня уставились стволы автоматов.

– Кузьма, ты память потерял, забыл про фоточки и рванул в бега? – процедил Чес, опуская оружие.

– Что за фото? – повторяя движение Чеса, спросил Борзый. Опустил не свой автомат, легкую «Гюрзу», а «Калашников».

– Не порно, – ответил Чес.

Они все заржали, включая Унылого. Он примостился на ящике и разливал водку. Поднос из фанеры с щербатыми тарелками стоял на середине.

– Кузьма, согласишься, Борзый нормальный бугор, – сказал Дельный. С намеком.

– Согласен, – отодвигая Унылого в сторону, ответил я.

– Ты ж не против, мы ему твой автомат подарили? – спросил Дельный.

Я сделал удивленное лицо, как будто чего мне быть против.

– Вот и ладно. Ты ж опытный сталкерок и без оружия проживешь, – поддел меня Чес, и они все засмеялись.

Значит, «Гюрзу» я не получу. Плохо. Я размечтался, что произойдет баш на баш.

Пискнул прибор связи Борзого, и он начал клацать.

– Короче, Гунч вас знает, – сказал он, морща лоб, – он тут пишет... Сейчас прочту... Нет, вначале он интересуется про наличие у вас мозгов... Потом вспоминает ваших родных...

– Дай сюда, – проворчал Чес.

– Нет. Я читаю. Ты шарить, что в общей сталкерской сети мы так открыто общаемся? Тут свой шифр, – отклонился Борзый от стола. – Так, теперь главный вопрос, где этот сталкер с деньгами и блокнотом для Гунча?

Опять блокнот! Что же в нем такого ценного, что вокруг него бандиты пляшут? Убивают, преследуют. Боятся гнева бугра Гунча?

– Выпьем, – сгладил ситуацию Дельный. Он снял курточку, закатил рукава свитера. Грязи на нем я не видел, и лицо у него не лоснилась от жира, как у остальных. Чистоплюй.

Стаканы, как в поездах, такие же шершавые, как и тарелки, дружно опустели. Мне, понятное дело, никто не налил.

– Не спи, между первой и второй перерывчик небольшой, – подтолкнул Борзый Унылого.

– Нормуль обед. Посыпухи или помазухи нет? – выдал Чес.

– Чего? – ошалел Борзый.

– Намазать маслом или посыпать солью, – объяснил Чес. Оба бандита, а на разных языках говорят. Из разных зон, из разных.

Тот покачал головой и начал разливать по новой.

– Что за сталкер? – спросил Борзый.

– Много будешь знать, не успеешь состариться, – ответил Чес.

Я начал понимать проблему. Была собранная наспех группа, в которую входили: Чес, Дельный и Унылый, потом сталкер Крадун, бандит, который умер в «разрядке». И еще проводник, который обеспечивал проход через Границу. Крадун владел ценным блокнотом и набитым артефактами рюкзаком. Блокнот! Этот блокнот волнует бандитов не меньше рюкзака! Что же в этом блокноте?! Какие записи? Именно Крадун попытался пройти блокпост, но неудачно. Получается, сейчас Крадун топает на болота, с рюкзаком, полным артефактов, и блокнотом. Вот только, что за проводник ждет его в Хибаре на болоте? Это мне неясно...

– Да, лады. Нет ответа, нет и привета. Да. Еще, Гунч наме-

кает, что вы должны сталкера обязательно достать и узнать про карту. Так и пишет: оторвет вам кое-что, если его не найдете.

Дельный почесал ухо, крикнул:

– Борзый, ну ты все сам понял. Нам надо срочно в Топи.

Борзый взял мясо, начал отделять тонкие волокна и не спеша жевать. Чес вытер уголки рта, напрягся.

– На Болота? Топи большие, или в Мрачный Дол? – спросил Борзый.

– Большие Топи. После огромного Всплеска их закрыло, хотя по краю пройти можно, – взял на себя инициативу переговоров Дельный. Так и должно быть, торгаш все-таки, пусть отрабатывает свой хлеб.

Я перестал жевать. После горячего обеда хотелось спать. Хотя понимал, на пустой желудок много мяса – вредно. А вот теперь слышу подтверждения собственных домыслов. Преследуем сталкера, который полез в болото. За проводником? Или как там говорил утром Дельный? За билетом?

– Мы знаем, куда он идет. Так что за встречу спасибо, думаю автомат и патроны расчет нормальный, – сказал Дельный.

– Ты же Гунча обидеть не хочешь? – с улыбкой поинтересовался Чес.

Борзый замер. Зло произнес:

– Ты меня на Гунча не бери. Я с ним дела воротил, когда ты еще о настоящей Зоне и не слышал. Думаешь, почему я

тут окопался? Это же план Гунча. Место пустовать начало, «туши» только бегали, травку ели, сталкеров пугали. Вот он и направил меня с десятком пацанов Ферму оживить. Мне твои проблемы на сердце не лежат.

– Борзишь, – с угрозой произнес Чес.

– Выбора не оставляешь. Расклад простой. Видели мы тут сталкера в берете. Как раз в сторону болот дернул. Не рыпайся, не догонишь. На ночь соваться в Топи он не будет. Значит, затих, залег. Не найдешь, – сказал Борзый.

– Чего предлагаешь? – спросил Дельный.

– Куда он идет, знаете?

– Да. На болоте есть хибара – развалина. Вот туда он рвется, – начал открывать карты Дельный. Чес молчал, сопел, но не прерывал торговца.

– Зачем? – спросил Борзый.

– За тем. Чем помочь можешь? – вмешался Чес. Про проводника говорить не стал.

– У меня есть бывший сталкерок, Севой зовут. Вот он вас и проведет к этой хибаре. Догоните его завтра к обеду.

– Что в замен?

– Мне стволы и люди нужны. Видишь, с «калашами» вообще беда. Нам надо отбить Ферму, укрепиться. Потом шмот подвезут братишки, – раскинул Борзый.

– «Калашаши» не отдадим, – произнес Чес.

– Не надо. Мне вы нужны. Ночь продержимся, а ранним утром пойдете в болота.

– Ночь? Одну ночь? Если никто не сунется, все равно расходимся? – уточнил Дельный.

Мы с Унылым молчали и старались не привлекать внимания бугров. Решатели человеческих судеб.

Борзый ответил:

– Ты торговца напоминаешь. Да, сегодня точно будет замес. Банда сегодня стартанет. Мы сначала вас приняли за разведчиков, и выползли на шум к мосту.

– Добазаримся. Может быть, – кивнул Чес, – и чего, много «этих» привалит?

– Не, человек двадцать, тридцать, – произнес Борзый, и добавил: – ну, еще парочка наемников.

– Сколько, сколько? – уточнил Чес и резко поставил стакан на стол.

– Наемники? Всего лишь парочка? – ехидно спросил Дельный.

Мы с Унылым переглянулись. Меня учили, что для позитивной атаки на оборону противника нужен трехкратный перевес. Нас, вместе с местными бандитами, которых я начал называть «кожаные», выходило больше пятнадцати человек.

Не самый плохой расклад в мире, но его портит отсутствие козыря. Автоматов, который, стреляют, и в дождь, и в зной, у нас до обидного мало. Да и бронежилетов негусто. Из «наших», он остался только у Дельного.

Я потянулся за очередным куском мяса. Что нужно нормальному мужику, так это белок. Эх, творожка бы, да со сметанкой! Мир сменил депрессивные декорации на brutальную сцену. Что ж, теперь основная задача не получить пулю. Я не собираюсь мочить одних бандитов, ради выгоды других. Зря я ставку делал на наших в переговорах.

Борзый сам взял бутылку, налил до краев и бросил ее в угол. Она разбилась и осколки разлетелись в разные стороны.

Дельный же продолжил:

– Наемники, это такие профессионалы, которые имеют

хорошее вооружение, умеют воевать и постоянно носят на лице противогазы? Это про них рассказывают, что группой в несколько человек они могут зачистить точку от всех людей?

Опа, оказывается все козыри у противника.

– На простое дело, я бы не стал вас подписывать. Даже дам проводника и припасов в придачу. Я законы братвы уважаю, на этом жизнь строю.

– Ты уверен, что мы подпишемся?

– Все четко, ты сам на развалах объяснил. Ты фраеров-сталкеров мочишь, я тем же занимаюсь. Да и Гунч, узнает, что вы своему не помогли, расстроится.

Я молчал. Судя по переписке, средство связи у него не простое. Или они реально, как разведчики в старых фильмах, говорят о погоде, а на деле обсуждают ядерную войну? Скорее всего, последний вариант. Я слышал, что в сеть могут скидывать предупреждения и сообщения, например, про новый Всплеск. Эх, оказывается, в сталкерской жизни еще надо дожить до Всплеска. Мутанты хотят схарчить бедного сталкера. Аномалии, в зависимости от природы создания, поджарить, сплющить, растворить до студня. Бандиты, обобрать, все заграбастать, включая жизнь.

– Ты еще вспомни, как я про желудь в голову говорил. – Чес криво ухмыльнулся.

– Желудь? – переспросил Борзый. – Маслину?

– Чё за маслина? Желудь! – возмутился Чес.

– Маслина, – упрямо сказал Борзый.

– Желудь, – напрягся Чес.

Дельный вмешался:

– Тост. Чтобы желуди и маслины обходили нас стороной.

– Это ты хорошо произнес, за это надо выпить, – взял паузу Чес. Вот столкновение в понимании простых вещей. Для меня, что желудь, что маслина – это просто пуля. Стаканы звякнули, сорокаградусная потекла по пищеводу. Без меня, конечно, второй сорт не брак, но он и внимания не достоин.

Ничего, пусть пьют, теряют бдительность. Я пока наемся. Чес так не думал:

– Хватит жрать. Лопнете. Идите во двор, готовьтесь к приему гостей. Еще, Кузьма, поверь мне, новую попытку побега я не прощу.

Я уже поел, живот устал переваривать мясо, однако, все равно обидно. Выгнали из-за стола, как маленьких детей.

– В натуре, не будет больше косяков, – имитируя разговор бандитов, пообещал я Чесу.

– Хе. Я сейчас расплачусь. Валите уже, – усмехнулся сухопарый бандит.

Унылый, с красными щеками от выпитого, разомлел и с радостью встал из-за стола. По нему видно, непреодолимая сила тяжести тащит его прилечь. Согласен, найти бы ровную поверхность и покемарить. Только я не знал, как забрать мой бушлат у грузного.

– Унылый, давай я тебе рану обработаю, – предложил ему.

– Угу, – сонно ответил он. Взял ружье и, хвастаясь, вски-

нул на плечо. Ну да, я голый, безоружный солдатик, а он – успешный бандит. Черт. Уверен, мою байку, как он почти сам завалил кабана, Унылый будет рассказывать много раз и потом сам в это поверит.

Борзый достал новую бутылку, с характерным щелчком отвинтил пробку. Дельный переглядывался с Чесом, точно телепатически обсуждали, что делать дальше.

– Борзый, я всегда слово держу. Что там, в большом мире, что в этой конуре, под названием Зона. Поможем. Есть условия: скинь шифровку Гунчу в сталкерскую сеть, что мы застряли на ночь. И поговорим о плане как завалить непрошенных гостей.

Это последнее, что я услышал. Что ж на десерт получил пищу для мозга. Вывод, мы будем участвовать в замесе. Еще несколько дней тому назад я бы поверил в братанство, но после фразы о шифровке Гунчу... Нашли отмазку, теперь если не догонят сталкера в берете, то виноват будет Борзый. Он же подписал их под разборки, задержал на ночь.

Если же дело выгорит, то вообще, все пучком. Тут помогли, на Ферме, и закрыли основное дело. Дельный же, хитрый, молчит. Вот кто, а он на смерть не пойдет. Наверное, выслушает план Чеса, проанализирует, насколько он хорош, и только тогда скажет свое слово.

Я остановился на выходе из здания. Вроде и просидели мы недолго, а часик пролетел. От кабана осталось меньше половины, да еще кости. Бандиты разбрелись, даже дядя Се-

ва не крутился у своего блюда.

Время неумолимо течет. Скоро вечер, и тогда точно нет смысла соваться в Топи. Вспомнил фразу Борзого, про местные топи. Получается, не в одном месте раскинулись топи. Трофимыч их знал хорошо, раз был сталкером со стажем. Эх, мне-то что, хоть в болота, хоть здесь, основная задача – убежать. Этим и займемся. Теперь, под страхом получить маслину-желудь, и сдать военным, долго думать не стоило. Вещей у меня немного, руки-ноги и голова. Вот ее, родимую, надо в целости и сохранности уносить отсюда подальше. Угрожает он мне, фотографиями. Идиот, пусть сначала выживет и проблемы Гунча порешает.

Унылый недовольно буркнул:

– Давай, лечи меня.

– Не проблема. Где моя сумка?

– Забыл, – ответил он и объяснил: – Чё-то реально меня морозит.

Может это нас и сближало. Его обижают, меня обижают. Мы на самой низкой ступени в пищевой цепочке.

– Я схожу. Посиди пока, только не на ветру, – сказал я. Да и бушлат бы забрать.

– Хорошо, – устало кивнул он.

Хотелось вырубиться на месте, заснуть стоя, как это делают лошади. Я, шаркая ногами, поплелся назад. Похлопал в ладоши, предупреждая о своем появлении.

– Кузьма, ты какой-то бессмертный. Я же четко сказал,

вали отсюда, – зашипел Чес.

Борзый стоял, покачиваясь с пятки на носок, Дельный ходил вокруг стола. Видимо спор у них в самом разгаре.

– За сумкой, лечить Унылого.

– Чего-то не понимаю, у вас толстый в военном бушлате, этот, лепила, пытается на лыжи встать, – резко бросил Борзый.

– Это у нас патологоанатом. У него кладбище, размером с автостоянку. А тот, что в бушлате...

Я быстро ретировался. Да ну их, еще голову будут морочить, что я в чем-то виноват. Видимо, Чес и Дельный навалили себе цену, а Борзый пытался ее сбить.

Унылого я застал за необычным занятием. Он сидел на спиленном дереве, к забору прислонил ружье, и что-то писал в тетрадке небольшого размера. Нет, ошибся. Унылый, шмыгая носом, выводил плавные линии. Он смотрел на грузовик, колыхающиеся ветки деревьев, серые тучи и начинал рисовать в тетрадке. Заметив меня, суетливо засунул ее в кулак, и начал прятать в карман штанов. Даже слегка согнул, чтобы тетрадь поместилась. Вот это аккуратность! От человека, который сопли вытирает о рукав курточки, прятать тетрадь в кулечек!?

– Рисуешь? – подойдя, спросил я. Сам же порадовался. Хорошо сел грузный, рядом забор. Сейчас полечу, отвяжусь от него и перемахну через преграду, дам стрекача. Вспомнилось, как когда-то, пьяному в стельку солдатику попытались

помочь добрые люди. Стоит солдатик, лбом в забор уперся, а часики тикают, приближается время построения. Взвали, слегка подкинули. Солдатик забор перелетел и прямо под ноги патрулю – шмяк!

Унылый не отвечал на вопрос. Стесняется что ли?

– Покажешь? – Мне стало интересно. Сам талантом переносить жизнь на бумагу я не обладал. Всегда люди, которые могли совершить такое чудо, вызывали уважение. Игра теней, эмоции, контуры. Нет, это запредельное мастерство. Притом, рисунки несут эмоциональный отпечаток. Могут радовать, могут вселять надежду, а могут и вызывать отвращение.

Вспомнил, посещал выставку испанского художника – Гойи. Пороки человечества он запер в полотнах. Вспоминать неприятно. Его бы в Зону, да писать картины разорванной туши.

– Нет, – агрессивно выкрикнул Унылый.

– Нет, так нет, чего нервничаешь?

– Это личное, – произнес он, – ты не поймешь.

– Я вроде не дурак. – Раскрыл сумку и начал искать перекись водорода, бинт и антибиотики.

– Я не это имел в виду. Просто не поймешь. – начал оправдываться Унылый и добавил: – О, к нам собрались пацаны.

– Черт.

– Да чего ты? Нормальные пацаны. Больно!

– Не дергайся. Сейчас, мазь на бинт положу и прижму пла-

стырем. Старайся не сдирать, – объяснил свои действия. За-
тылком ощущал, как на нас смотрят.

– Ботва, как харчи? Понравился кабан?

– Ага, вкусный, – ответил Унылый, – блин, пацаны, я вас
не отличаю, кто Правша, а кто Левша. Вы бы хоть носили
разную одежду.

Вокруг засмеялись.

– Так это специально, еще со школы, прикид у нас одина-
ковый. Слышь, Унылый, классное у тебя ружье.

Я побросал все в сумку и обернулся. Да, бандиты размно-
жаются почкованием. Теперь, кроме близнецов, присоеди-
нилась еще парочка.

– Неплохое, да. Я из него собак валил, как из пулемета. И
кабана убил, – гордо сказал грузный парень.

– Врешь!

Насколько я разобрался, сказал Левша.

– Кузьма, подтверди, – потребовал Унылый.

– Да ну его, он же баклан, – сказал Левша, и все заржали. –
Ладно, Унылый ты свой пацан в доску и я уверен, не пожло-
бишься ружье поменять.

– Зачем менять? – удивился Унылый.

– Да незачем, на мой ПМ. Понимаешь, не солидно мне с
пестиком лазить. Тебе, как раз он подойдет.

Я мысленно выругался. Теперь захотели еще и оружие от-
жать. Черти. Левша уже вертел ружье, переломил, выкинул
патроны на землю. Зачем-то оставил ствол на небо и смот-

рел. «Нарезы» ищет? Так оно охотничье, гладкоствольное.

– Ладно, Унылый, по-пацански выручил. Пистолет я тебе вечером подброшу, – сказал Левша и отдал ружье сзади стоящему бандиту.

– Не ладно, – угрюмо произнес Унылый, – мое ружье. Верни.

Он поднялся с дерева, встал напротив Левши. Ого! Показывает характер. Я понимал, в драку лезть бессмысленно. Да и рядом свобода, только через забор махнуть. Унылый же не собирался отступить, начал напирать:

– Я сказал, это мое ружье.

Все замолчали.

– Давай чеши отсюда, баклан, – приказал мне Правша.

Я почувствовал горечь во рту, словно сейчас поел полыни зоновской. Видимо собрались тупо отбить Унылому печень. Что там говорится в клятве Гиппократата: «Мы в ответе за тех, кого приручили»? Унылый мне не нравился, скользкий он, напыщенный. Однако сейчас не трусит и не дает задний ход. Чем же я хуже?

– Баклан – это сын твоего отца, – просипел я, – и с какого перепугу мы должны дарить ружбайку?

Сипел я не от страха, а от злости. Давление в артериях повышалось, кровь начала бурлить.

– Реально, с какого перепугу? – копируя интонации Чеса, произнес Унылый.

Левша ухмыльнулся. Переднего зуба не хватало. Вот так

и буду их различать.

– Слышь, пацаны, они напрашиваются отхватить по полной!

Правша его поддержал:

– Раз хотят, значит получают.

Нас начали обступать. Хорошо, что дерево и забор перебивают южную сторону. Теперь надо стать спиной к спине. Смешно. Я прикрываю тыл Унылому в драке с бандитами.

– По беспределу выступаем? – оскалился я и провел пальцем по уголкам рта.

– Чего это? Объясню, для тупых, – Левша демонстративно начал хрустеть позвонками шеи, – он сигарету нашу взял? Скурил? Теперь мы по-пацански попросили обменяться, а он, гнида, пожалел.

Блин. Толкал же этого грузного дятла, чувствовал пятой точкой, что нечистое дело. Нет, он захотел покурить с бандитами, своим стать.

– Не проблема, – ответил Унылый, – сигарету взял, спору нет, подгон классный. В ответ, подарю аптечку. А ружье не отдам, самому пригодится.

– Ты чё торгуешься, как бабка на базаре? А?! Наше теперь ружье!

Слюни от крика Левши летели, как вода из шланга для полива.

– Нет, – четко сказал я.

6

Это прозвучало, как выстрел из стартового пистолета на стадионе. Все завертелось и смешалось. Тут не ринг, Левша сразу зарядил мне в подбородок. На Унылого налетели другие бандиты, но я не успевал за всем следить.

Вовремя опустил подбородок и слегка сместился. От удара, моя голова дернулась, как шарик, привязанный на ниточке. Вот я идиот. Тренер всегда твердил, учись не доводить ссору до драки, а если довел, то бей первым.

Что ж, жизнь видно братьев-близнецов учила лучше, чем меня. Я выкинул вперед левую руку, махнул крюком правой. Мало того, что успел уклониться от очередного удара Левши, так еще и смачно попал ему в челюсть. Он, не ожидая такого, отлетел назад.

Трое накинулись на Унылого. Он, прижатый спиной к заборчику, получал неслабые удары, держался на ногах, словно врос в землю. Нормально, за него играет масса тела.

Видимо, подумали, что Левша сам меня уделает. Он же самый борзый из группировки Борзого!

Один из «кожаных» повернулся ко мне спиной. Они, толпой, увлеченно пытались завалить Унылого, как мамонта. Зря. Я зарядил со всей силы, стараясь попасть по почкам. Что ж, их жизнь учила бить первыми, меня – анатомии. Бандит закричал, как котяра, которому наступили чуть выше

хвоста.

– Аааа!

Что ж ты хотел, без боли отжать ружье?

Левша меня достал. С ноги, как каратист, заехал в живот. Мясо кабана в желудке недовольно подпрыгнуло и начало проситься на волю. Я скрутился от вспышки боли и тут же попытался выпрямиться. Главное, не подставлять спину. Прикрыл руками голову. Вовремя. Удары посыпались на меня с невероятной частотой. Лопнули губы, в черепушку словно натолкали ваты. Нет, так дело не пойдет. Я начал бить в ответ.

Работать первым номером! Черт! Я услышал слова тренера, как будто он стоял у меня за спиной! Вот мозг, что может вытворять! Двойка! При выкидывании правым-прямым, нога сама повернулась, усиливая силу удара.

Попал! Такое чувство, что Левша привык бить грушу. Или тех, кто опустил руки.

– На! – вырвалось у меня.

Левша попятился, от моего напора. Что ж, надо было кашу в детстве есть. Мой рост – метр почти девяносто, давал преимущество.

– На! – прозвучало откуда-то, и я получил по ребрам с ноги. Кроссовок хорошо лег. Ребра, не вылеченные с утренних побоев, казалось, треснули напополам. От яркой вспышки боли я потерялся в пространстве. Сердце поняло, что теперь клетка из ребер сломана, и попыталось выскочить из

груди. Наверное, поискать другого хозяина, который такие передряги обходит стороной.

Левша воспользовался ситуацией. Удар, еще удар. Черт! Глаз у меня заплыл, подбили, сволочи! Я на шатающихся ногах сдвинулся в сторону. «Убегай!» – кричал во мне инстинкт самосохранения.

Нет. Я уже бессистемно молотил воздух руками, периодически попадая в Левшу. Их стало двое и теперь они лупили по мне, как отбойные молотки.

А! Все проще, мои ребра, оказывается, сломал Правша. Успел заметить, что бандит, который получил по почке, так и не встал с земли. Хотя, сколько пролетело времени? Секунд тридцать успела стрелка отсчитать?

Тяжело махать с братьями. Особенно, когда есть Левша. Хлесткий удар в туловище и понимание, что просто упаду, как срубленное дерево. Раз так, то надо на кого-то падать. Выбор упал на Правшу. Из последних сил я налетел на него, сгрёб в охапку и упал на землю.

Знаю, что в драке не надо думать. Мышечная память делает все за тебя, но дурацкие мысли табуном носились в моей многострадальной голове. Вдобавок, я улавливал только их концовку, за долю секунды успевал осознать больше, чем просто сидя на балконе и втыкая в заходящее солнце.

Успел перевернуться набок, не выпуская бандита. На нас сверху навалился Левша. Думает, что так ему легче видеть, куда бить? И то верно. Вонь от немых тел, запах пота, рез-

кого, вонючего. Куски земли попадали в рот. Я что-то рычал в ответ на их маты. Правша змеей выскользнул, поднялся на колени. Теперь все. И свернуться калачиком не получится, забьют до смерти, хоть домой не возвращайся.

– Падла! – крикнул кто-то из них.

Огромное тело, похожее на кабанье, летело на них. Унылый! Он врезался, падая, протаранил их, как в американском футболе, сбросил их с меня. Наступил на плечо, но это мелочь – главное, я перестал получать удары. Унылый, с лицом цвета кирпича, поднял за грудки бандита и смачно шмякнул о землю. Ничего себе!

Я попытался вскочить. Мир завертелся вокруг каруселью, смешались темные тона построек, светлые отметины неба. Вот и цель. Бандит, которого я не знал, приподнимался с земли, зажав в кулаках пучки трав. Ага, одного я вырубил по почкам, это другой – тот, кому отдали ружье. Теперь кто первый из нас успеет подняться! Я слышал глухие удары, крики, но понимал, надо сначала завалить этого уroda. Он еще выпрямлялся, когда я захватил его шею в замок. Удар коленом в лицо, которое находилось на уровне пояса. Смачно! Аж что-то клацнуло, похожее на удар деревяшки о металл.

Челюсть, наверное. Я отбросил его на траву.

Теперь найти остальных... Унылый, сидя сверху на бандите, молотил его о землю, приподнимая за грудки и отпуская. Тот сопротивлялся, но масса грузного давила на него, и он задыхался, как рыба на солнце.

Его брат лупил по голове Унылого, как по груше. Тот не обращал внимания. Я бы уже умер от таких подач!

– Окрысились! – закричал я и сам удивился, почему выбрал это слово.

От возгласа дернулся бандит, оскалился. Зубы на месте, значит Правша. Я, широко шагая, направился к нему. Он дернулся в сторону – не тут-то было! Унылый вцепился в его ногу, повис на ней стокилограммовой гирей.

Правша пошатнулся, и тут же мой кулак влетел ему в нос. Хрустнуло. Хлюпнуло. Юшка потекла по подбородку. Он прикрылся, но Унылый висел на нем, а я бил и бил.

Правша упал.

– Наших пацанов бьют!

Крик, наверное, услышали и на блокпосту. Я, как одноглазый пират, шатаюсь, окинул взглядом двор. Черт. Два, три, шесть! Слишком много для двоих. И четырех – много. Нам повезло, они не ожидали сопротивления. На этом и сыграли, даже выиграли.

– Унылый! – позвал я своего партнера.

Тишина.

– Унылый! – крикнул погромче.

Тот молчал. Навалился всем телом на Левшу, который дрыгался под ним, как таракан под тапком. Все-таки удары в голову даром не проходят.

– Бей сталкеров! – закричал Левша.

– Наши! Наши! – завопили ему в ответ.

Я попятился, чуть не упал. Подхватил Унылого, начал оттащить в сторону. Тот сознания не потерял. Тяжело дышал, пытался ударить ногой Левшу, который от нас отползал. Я прислонил грузного паренька к забору. По бокам от нас появились кожаные куртки. Сейчас налетят! Эх, через забор бы сигануть! И предлог есть, на нас отморозки напали!

Зашевелился бандит, который получил по почкам. Он попытался схватить ружье раздора. Вот и оно, лежит без патронов на земле. Я нагнулся, и в голове зашумел океан.

Успел. Схватил за ствол ружья и широко им размахнулся.
– Ухххх!

Кто-то пытался наскочить на нас, но вовремя дал задний ход.

– Ухххх! – пропело ружье в моих руках.

Черные, как жуки, начали подниматься. Семь плюс четыре... Нет, сейчас я не решу даже такую задачку по математике, а вот ответ дам – нам писец. Белый такой, пушистый писец.

– Это его ружье!!! – заорал я, скорее от страха и понимания неизбежного. – Его ружье!!!

Унылый лежал мешком, бесцельно шаря ногами. Сил встать уже не хватало. Как и у меня махать оружием. Оно оказалось просто неподъемным.

Я махнул еще разок, перед лицами, которые прибежали на помощь.

– Да, его, его, – просипел Правша. Кровь текла, мешая ему

четко говорить. – Шуток не понимаете? Совсем дикие?!

Левша скривился. Видимо он был самым злым из братьев и заднюю давать не собирался.

Сплюнул, произнес:

– Реально, тупые. Шутка юмора была.

Я опустил ружье, уперев приклад в землю. Не то чтобы поверил, мочи держать уже не осталось. Махач занял минут пять, а силы ушли, как вода в песок.

– Эй, ботва недоразвитая, чего вы там столпились?

Впервые порадовался голосу Чеса.

– Это и вас касается! – Это уже орал Борзый.

Я молчал, молчали Унылый и братья-близнецы, молчали остальные. Не спеша, к нам приблизились бугры. Раздвинули толпу, как волнорезы волны, и встали в середину круга.

– Опача, моя ботва твоих уделала, – оживился Чес. Он, без плаща, в свитере, казался еще больше дохляком. Борзый начал раскачиваться с пятки на носок:

– Я повторять не привык. Что за крики про ружье?

Унылый с каким-то интересом рассматривал побитых.

– Твои пацаны захотели отжать ружьишко. Самое прикольное, что их замес нам в тему.

Борзый уточнил:

– Что реально пытались отжать?

Я не видел идиотов, хотевших признаться. Прислонился спиной к забору, пытаюсь глубоко не дышать, боль разрывала грудь.

– Да, а чего у них есть ружье, а у наших нет? – проворчал парень, которому Левша доверил ружьишко.

Все же нашелся идиот.

Борзый не зря имел привычку перекачиваться с пятки на носок. Неуловимым движением он произвел удар головой, и бандит отлетел на землю. Поднимать его никто не кинулся.

– У нас скоро гости пожалуют, а вы даже не смогли навалить сталкерам. Тюлени, – произнес Борзый.

Бандиты стояли вокруг нас, окружили черными воронами, только и ждут момента выклевать глаза. Я понял по интонации, претензия Борзого в основном в том, что не смогли навалить. Не только я догнал эту фишку.

– Смешно! Вы пацаны, по темноте не ходите, а то встретите ботанов и они у вас мобилки отожмут, – заржал Чес. Даже начал стучать по животу, выражая удовольствие. Гордится нами, словно он нас тренировал.

– Мы просто по чесноку дрались, без оружия и холодного, – выскользнул Левша из ловушки.

Борзый радостно ухватился за этот довод:

– Перестань ржать. По чесноку. Дай моим пацанам хоть кусок трубы, и они «торков» до смерти забьют!

Чес замолчал. Не знает, кто такие «торки»? Наверное. И тут Унылый подал голос:

– Мое ружье!

Сначала начали смеяться бугры, потом бандиты, в конце и я не выдержал. Эта всеобщая истерия охватила нас, и скоро

от хохота сотрясался даже воздух. Я старался не ржать, периодически рыча от неприятных ощущений в груди. Только Унылый мрачно смотрел на нас, не понимая из-за чего все веселятся.

Он схватил ружье, вырвал его и прижал к себе, как самую дорогую вещь. Я зашатался, хотел осадить его, но не стал.

Он выстрадал свое ружье. Не побоялся перечить бандитам, хотя по своей же глупости подставился с сигаретой.

Чес перестал смеяться, а за ним, как по цепочке, и остальные.

– Нормуль! – громко выкрикнул Чес. – Ничто так не укрепляет дружбу пацанов, как общий замес. Запомните, сейчас вы месили друг друга, а скоро будете убивать других! Убивать без жалости, с пониманием: не завалите уroda вы, он убьет вас или вашего братана! Да, вы все теперь братаны, повязанные кровью! Вы доказали, что не сопливые подростки! Приготовьтесь, почистите оружие, выпейте сто грамм и знайте – это ваша Ферма! Это братаны стоят рядом с вами! Вы – Банда!

Даже я ощущал подъем энергии, которая начала клококать в груди, проникаясь словами бандита. Манипулятор, дергающий за нити, направляя кукол, куда ему нужно. Унылый с каждой фразой постепенно приподнимался и вскоре встал на ноги. Я подхватил его, и мы слушали проповедь бандита из настоящей Зоны.

Борзый вскинул вверх кулак, примазываясь к речи, наме-

кая, что он тут не на прогулке:

– За – нас!

Чес повернулся к нам и тихо сказал:

– А теперь, уроды, готовьтесь отрабатывать.

Часть пятая

Замес

1

Дядя Сева придирчиво осмотрел Унылого и Правшу. Я вспомнил, с таким же выражением задумчивости он наблюдал, как жарится кабанчик.

– Сойдет, – вынес он вердикт.

– Конечно, сойдет. Их только обнять и плакать. Более жалких сталкеров я давно не видел, – сказал Борзый.

Мы стояли возле столов оружейки. Пацаны разбежались, оставив только братьев, бугра и дядю Севу. Плюс мы, пришлые варяги.

– Борзый, раз это дело на меня вешают, то выскажу – сильно вы поколотили ребят. Глянь, у этого, охотника на кабанов, полморды уже отекло и посерело, а у Правши нос, как у тебя, бугор, переломанный.

Про меня дядя Сева не сказал ни слова. Настораживало и внушало надежду, а вдруг удача повернется ко мне круглой попой, нагнется и снимет стринги?

– Сева, не гони так гнать, – засмеялся Борзый, – это они между собой не поделили трофеи...

– Угу, кабанчик еще не родился на свет, а его уже убили, сняли шкуру и теперь делят. Знакомо, – согласился дядя Сева.

– Ну чего, пусть шмотки скидывают, одевают робу сталкерскую, – влез в разговор Чес.

– Пусть, кто им не дает? – удивился Борзый.

– Я не даю, – сказал Дельный. Он снова был начищенный и аккуратный, точно не бухал сейчас вместе с буграми. Глаза горят. Сделка удалась, они что-то задумали? Осталось привести это в исполнение.

Дельный бросил на стол вещи.

– Со всей Фермы собирали. Балаклав куча, штанов спортивных, кожанок. А как до сталкерского тряпья, то пусто.

Мы молчали, наблюдая за происходящим.

– Чего застыли? Разбирайте и переодевайтесь, – нетерпеливо воскликнул Борзый.

– Зачем нам становиться сталкерами? – наконец-то спросил Унылый.

– Милостыню пойдешь на блокпост просить, – непонятно объяснил бугор, – даю пять минут. Вернусь, проверю, чтобы все было нормалью. И оружие сдать.

Унылый покрепче схватил ружье. Борзый, не обращая на него внимания, кивнул в сторону здания с уцелевшей крышей. Это намек, хотя они и ходили ровно, но если не прекратят пить, то беда.

Дельный с дядей Севой придирчиво наблюдали за пре-

вращением в сталкеров. Унылый и Правша недовольно выполняли приказ. Я же вычленил в словесном потоке Борзого главное: на блокпост. Это хорошо, только надо вместе с ними пойти.

Поинтересовался:

– Мне надо переодеваться? Я и так вроде похож на бродягу.

Дельный, читая меня, как раскрытую книгу, ответил:

– Нет, Кузьма, ты останешься с нами, и будешь выполнять свою работу.

– Лечить?

– Нет, тылы прикрывать.

Дядя Сева закричал:

– Ладно. Слышь, приезжий, ружье грузного я отдам Кузьме.

Дельный внимательно уставился на меня. Сева не понял причину паузы, продолжил:

– Не дело это, при замесе, пацана без оружия кидать.

– Кузьма? – поинтересовался Дельный.

– Все нормально. Я же не псих, – спокойно ответил, хотя на языке крутился только мат. Да что ж так не везет! И тут меня кинули! Такой шанс выбраться из этой западни, а не дают, держат на коротком поводке.

Унылый, после драки, поник. Плечи его опустились, лицо выражало грусть. Он безропотно протянул мне ружье и произнес, глотая слюны:

– Вернешь.

– Верну, – ответил я. Блин, становлюсь должником по ружьям. То оружие начмеда профукал и теперь оно лежит, под темным небом Зоны, возле ветрянки. Теперь Унылый доверил свой ствол.

Правша, который молчал до сих пор, проворчал:

– Дядя Сева, чего из меня сталкера лепят? Я что, брошу пацанов?

Я наострил уши, стараясь не пропустить ни слова. Интересно же. Дядя Сева, в драной куртке, в которой обычно шастают новички в Зоне, не ответил. Хитрый. Мне же приказал:

– Кузьма топай, мы тут поговорим. Ружье взял, патроны взял?

– Угу, – сказал я, – могу махнутья, забрать бушлат...

– Иди уже, – вытолкнул меня Дельный.

Я так и сделал. Что же за вечер дурной, все наперекосяк! Зачем Унылый сваливает с Правшой и дядей Севой к блокпосту? Готовят пути отхода? Мои подельники смогли объяснить Борзому, что сейчас нет возможности отстоять Ферму?

Я поднял тяжелую голову. Левый глаз видел смутно, грудь побаливала. Я стоял почти по центру фермы, настоящей фермы, а не колхоза, как в начале пути. Эх, Трофимыч, опытный сталкер, а нашел смерть на самом краю Зоны. Раньше-то эта земля и за край не считалась, даже на карты не наносили.

Небо под вечер развиднелось, заинтригованно смотрело, что же там творится с этим фельдшером-дезертиром.

Я осматривался. Холм с деревьями, на которых висела пух-мочалка, находился на одном уровне с нами. Деревья тихо шелестели листьями, тучки светлого цвета неслись наперегонки. Я с какой-то настороженностью осознал, мне нравится смотреть на небо. Если раньше я любил только голубые просторы, то теперь, эту смесь из серых и темных тонов, хотелось надолго запечатлеть в памяти. Жаль, что больше сюда не приду. Если выберусь, то ни на метр в эту Зону. А так, притащил бы фотоаппарат и стал снимать только небо.

Надо будет у Унылого посмотреть тетрадь, наверняка он нормально изобразил просторы.

Я, размышляя, добрался к месту драки. На земле, если внимательно присмотреться, красные пятна крови, вырван-ная с корнем трава. Нет, я искал патроны. Вот и они лежат, греют свои картонные бока на солнце. Поднял. Тяжело. Даже не боль, а просто усталость угнетала, не давала даже нормально соображать. Я подул на патроны, убирая с них мелкий песочек. Щелкнуло ружье, которое я переломил, и патроны встали в гнезда. Да, это не автомат.

– Жаль «калаша» нет, – произнес кто-то рядом. Я аж встрепенулся, от неожиданности.

Левша поднял ворот куртки, закурил сигарету.

– Да. С «калаша», одиночными валить одно удовольствие, – согласился я.

– Бери сигу, – протянул он мне пачку.

– Не курю, – сказал я и объяснил: – реально бросил.

Левша проникся таким объяснением:

– Нет ничего проще, чем бросить курить.

Я оторопел, а он закончил мысль:

– Сам бросал раз двадцать.

От этой простой шутки мы заулыбались. Гематома на его лице, от моих кулаков, должна сиять даже ночью. Я остался доволен ударом, но сказал о другом:

– Хорошая тема с сигаретой. Унылый на нее купился.

– Да, брат сочинил. Он больше у нас думающий, – Левша поворачивал пальцем возле виска, – а я так, за злость отвечаю.

Мы замолчали. Дым дешевой сигареты приятно проникал в легкие. Я даже пожалел, что отказался. Счастье наступает вместе с простотой. Вот ружье, и теперь я не безоружный. Вот горит сигарета, и это приятно. Простая вода лучше пьется, чем приторно-сладкий сок, а несколько ценных слов, на фоне постоянной болтовни, делают нас по-настоящему счастливыми. Например, я – живой.

– Ты не в курсах, куда наших забирают? – нарушил идиллию Левша.

– Переодеть сталкерами, хотят отправить на блокпост, – поделился информацией.

– Гнилая тема. Зачем?

– Не знаю. Меня отогнали, не дали ухо кинуть.

– Хмм, стремно, – сказал бандит и пояснил: – за брата

стремно, он-то меньшенький в семье.

Я попытался его утешить:

– Может, договорятся на проход через пост. Или помощи попросят.

– Не, помощи вряд ли. Военные, и так сейчас на адреналине, им бы кого убить.

– Идут, – кивнул я в сторону нашей троицы.

Дядя Сева неторопливо двигался к выходу с Фермы. За ним Унылый и близнец. Я жаловался, что выгляжу как бомж? Нет, все познается в сравнении. Без оружия, в порванной одежде, с черными от грязи руками и помятыми лицами они больше походили на пленных, чем на сталкеров.

Левша выкинул сигарету, быстро подошел к Правше. Они обменялись фразами и крепко обнялись. Бандит бандитом, а дороже всего на свете брат.

Я потряс ружьем, показывая, что все хорошо. Дядя Сева изобразил на пальцах пистолет и пальнул в мою сторону. Я картинно отступил назад, упал задницей на дерево. Типа, он попал.

Унылый же, переставлял берцы без шнурков и никак не отреагировал. Не поймешь этого человека.

Вскоре они завернули за сложенные друг на друга автомобильные шины, минули бандита на воротах и стали подниматься на холм.

Я прикрыл веки. Хорошо. Тепло. Поерзал, устроился поудобнее и провалился в сон...

Холодно. Я очнулся, провел по лицу, стараясь стащить липкую паутину сна. Понятно, почему холодно. Наступил вечер, солнце, и так не балующее теплом, спряталось за тучами. Сумерки захватили пространство, залив все серым. Деревья стали шептать угрозы, покачивая ветками. Неприятно. Засыпал в уютном мире, а очнулся в опасной Зоне. Встал, потянулся, пытаюсь прогнать остатки сна. Вот это меня вырубил. Усталость взяла свое, и я, сидя, проспал несколько часов. Что ж, это не плохо. После сытной еды и сна у меня начали восстанавливаться силы.

Вокруг только оставленные на стрёме бандиты. А вот с огнем появились проблемы. Видимо объявили режим маскировки, как говорят у нас военные. Вот почему везде так темно и мрачно.

Я повесил ружье на плечо и на негнущихся ногах побрел к зданию. Только подойдя вплотную, я заметил слабый свет. Так и есть, небольшой фонарь стоял на полу, причудливые тени ползли по стенам. Конечно, зайти к Борзому это наглость, но хотелось согреться и перекусить. Да и если честно, я начал искать укромное местечко.

До сна, события неслись со скоростью экспресса, и я потерял чувство самосохранения. Теперь возникло понимание, надо организовать себе лежбище и пережить нападение бандитов. Хотя, буду надеяться, что его не произойдет. Последний момент, если не получилось забрать свой бушлат, то может получится украсть телефон у Чеса?

Я приблизился к столу. Пустые бутылки стояли на нем, насколько знаю, это плохая примета. Бычки засунули в одну из них, и тонкий дымок поднимался вверх.

Вот и мясо. Кусочек сиротливо лежал на шербатой тарелке. Поужинаю. Вот только где же бугры?

– Не трогай закуску, – раздалось из темноты. Я уставился в темный угол, откуда слышал голос Чеса. Тот ко мне приблизился, оценил, что на плече у меня висит ружье.

– С повышением, Кузьма. Я не буду тебе угрожать. Теперь у тебя выхода два, умереть или стать таким, как мы. Думаешь, я тупой? Или Борзый – идиот? Нет, просто у нас мозги работают над другим.

Чес на удивление не шатался и выглядел трезвым. В полутемном помещении его лысая башка, темные круги под глазами наводили страх.

– Проблема в твоём воспитании. Ты, как и многие, не можешь переступить моральные принципы, которые навязали с детства. Не укради, не убей. Это внушают таким, как ты, – он схватил меня за щеку, – внушают те, кто вас будет кушать. Они сами катаются на дорогих машинах, которые получили, нарушив заповедь «не кради». Их дети учатся в лучших вузах за границей. Думаешь, чтобы стать преуспевающим адвокатом или дипломатом? Нет, они учатся на хозяев, твоих хозяев. Тебя будут загонять в стойло, а когда им захочется кушать, то ты, или твои близкие, пойдут на корм. Тебя выпотрошат, порежут на куски и съедят.

Я молчал. Чес отпустил меня и, взяв мясо, отгрыз кусок.

– Первый мой залет был, когда я вмешался в изнасилование. Сынок депутата с друзьями насиловал в парке девчонку. Нет, деньги на шлюх у них были, но это ощущение безнаказанности, желание брать что хочешь и когда хочешь... Чего им бояться, папик-то прикроет. Я сломал им челюсти.

Чес отгрыз еще мяса и прожевал. Я недоумевал, почему бандита пробило на исповедь.

– Да, я сам сломал им челюсти, а они сломали мне жизнь, – продолжил Чес, – и знаешь, что я понял?

– Нет, – ответил я.

– Что лучше бы я вспорол им животы.

Он резко выхватил нож, повертел им. В лучах фонаря клинок мелькал серебряной рыбкой.

– Хочешь, скажу по секрету? – понизив голос, произнес он. Хотя, подслушивать нас было некому. Я не хотел ему поддакивать, но скажу честно, мне стало интересно. Не каждый день, а может только раз в жизни, уголовник раскрывает тебе прошлое.

– Хочу.

– Я так и сделал, как только откинулся из зоны. Он визжал, как свинья, когда я потянул нож вниз, разрезая ему кишки. И поверь, разницы не оказалось. У него, как и у других людей, кровь красного цвета.

Чес доел последний кусок мяса и приказал:

– Бери кусок угля, я тебя учить буду.

– Чему? – тупо спросил я.

– Как чему? Как правильно резать уродов.

2

Яшень пень, угля я не нашел. Теоретически можно взять из костра, на котором жарился кабан. Хотя бы применю смекалку.

Я, наивный «дух», не отслуживший еще и полугодом, пригнулся к неизбежному обучению. Нам в части давали резиновый нож, прозвище которого говорить при девушках нежелательно. Он имитировал клинок. Мы становились напротив инструктора, замахивались, он нас кидал на мат, и потом мы нудно самостоятельно тренировались. Не сильно прилежно, отвлекаясь на мытье полов и остальные хозяйственные проблемы.

Чес вынул нож. Все же да, каждый мужик обязан ходить со стальным другом. Возникла мысль, если мне дадут нож и будут показывать стандартное упражнение, то это хороший шанс Чеса резануть, возможно, и до смерти. Конечно, потом убежать будет очень тяжело, но от такой перспективы я взбодрился.

– Куда становиться? – спросил я, сбрасывая сумку и куртку. Вечер темным одеялом накрыл Ферму, и слабый свет фонаря еле-еле освещал помещение. Холодало.

– Уголь! – недовольно произнес Чес.

– Где его взять? – возмутился я.

На этот ответ Чес не стал кричать или нервничать, покру-

тился и сказал:

– Неси осколки бутылки. Ее вон в тот угол кинули. Да, теперь шкрябай на стене полосы.

Я в темноте по хрусту отыскал битое стекло, взял осколок и приблизился к стене с остатками штукатурки.

– Дай, а то так до прихода гостей чертить будем, – вырвал осколок бандит. Он на стене начертил вертикальную и горизонтальную полосы, придирчиво посмотрел на творение и перечеркнул крест-на-крест предыдущий рисунок. Честно, получилось коряво. Осколок отлетел к собратьям.

– Знаешь, что это?

– Полосы на стене, которые наскрябали на старой штукатурке, – честно признался я. Нет, ну а что, рисует всякую ерунду.

– Кузьма, ну какой же ты тупой. Я раньше прикинул, что ты смелый пацан, особенно после того удара на блокпосте. А теперь доходит, ты просто тупой, – Чес начал накаляться, как вольфрамовая нить в лампочке. – Наводочку даю, подсказочку.

Чес, встал к стене, уперся лысым затылком посередине шикарной картины, которой завидуют все абстракционисты мира. Он еще и руки развел!

– Ну?

Я задумался. Бандит-то меня научить чему-то хочет, старается.

– Ну?! – не выдержал он через минуту.

– Сосуды?

– Не такой тупой, как кажешься. Вернее, тупой, но не настолько, – отлипая от стены, сказал Чес. – Я не буду тебе многое показывать, не дорос еще и нет времени. Внимай, ботва.

Он медленно сверху вниз провел ножом перед стеной. Как раз по косой линии, где только что находилась его шея.

– Ты должен разрезать до артерии...

– Яремная, – вспомнил я анатомию.

– Не умничай, тебе не идет, – осадил меня бандит, – ее прикрывает толстая мышца. Вложи в удар все силенки, дохляк. Понял?

Он увеличил скорость, и нож начал мелькать серебряной полосой. Он меня ошарашил. Меньше меня, хилый, если не сказать заморышный на вид, а такое говорит. Хотя, один на один Чес меня уделает. Особенно с ножом. Появилось понимание, я физически крепче этого урки. Он явно нечистым воздухом дышал в тюрьме, здоровье подорвано. Получается, я слабее только из-за лени, потому что забросил заниматься спортом? Не занимался после секции, в которую отходил годик, не занимался рукопашным боем, как положено в части. Я профукал свое преимущество, спустил его на нет.

– Понял. Яремная, бедренная и под мышку. Вот куда надо бить.

– Ты меня держись, научу, как за себя постоять. Бить тут не надо, надо резать. Начинай, – приказал он. Кинул нож, рукоятью вперед. Я успел его поймать. Вот что значит хоть

чуток поспать, подзарядить организм. В той далекой жизни, в медицинском пункте, я даже не сумел словить артефакт. Прогресс.

Чес сел на стул и стал раскачиваться. Тот нещадно скрипел от старости и незваного седока.

– Давай, порадуй меня.

Я начал тренировку у урки.

– Не опускай! Резче! Куда ты проваливаешься?! Копыто выстави правильно! – орал он. Мат пропал из его лексикона. Реально, втягивает меня в свой коллектив? Коллектив, промышленяющих воровством, не чурающихся убийств, и все ради простой цели – получить кусок пожирнее и не попасть под раздачу от бугра Гунча.

История от бандита, про его полорманную жизнь, произвела впечатление, и я вспоминал, как он ее преподнес. Я оказался пророком, у таких людей всегда есть крайне весомые аргументы в доказательство своих принципов или поступков. Хотя, его история меня потрясла. Вроде он во всем прав, но это с его слов.

– Давай, давай, работай. А то так и будешь нас позорить.

Он сидел за столом и игрался с автоматом. Проверил наличие магазина, вставил патроны, полюбовался работой. Пролетело минут двадцать, и я уже устал. Даже менял руки, однако все равно выходило не сахарно. Поел, называется. Остановился, решил воспользоваться старым способом.

– Когда это я позорил?

– Как когда? Кто не мог отмахаться от четырех, понимаешь, Кузьма, от четырех уродов! – он тыкал в меня заряженным автоматом.

Я сместился в сторону.

– Так аж четыре! Чес, – впервые я назвал его по кличке, – четыре здоровых бандита!

Он повел стволом за мной и нацелился в сердце:

– Бандита? Сталкерок, ты тупой, их всего лишь по два на каждого из вас. Вытащили бы металл и порезали их. А, я просек! Ты ж до сих пор так и не обзавелся нормальной сталью? Да?

Интересно, когда я бы смог получить нож? Даже шанса не возникало. Хотя план удавалось исполнять лучше, чем в медпункте. Забалтывать выпившего урку оказалось проще, чем капитана медицинской службы. Интересно, он хоть о подчиненном вспоминает или уже списал, как санитарную потерю?

– По честному дрались...

– Ты тупой. Прости, это в натуре по чесноку. Я уверен, используй ты нож не только для еды, то вы, вместе с Унылым, покروшили бы бандитов на салат. С кровавой заправкой, вместо сметанки.

– Унылый? – уточнил я.

– Угу. Ты ж про него мало что знаешь, да? Поверь, он ножом виртуозно владеет. Ладно, отвлек меня. Так вот, знаешь, в чем основная проблема, военная ты голова?

– Знаю. Я потопал в Зону, – сказал я.

– Неее... Уверен, не все тут чисто, раз тот сталкерок тебя затащил. Дядя твой, – пояснил он. – Кто такой сталкерок? Проблема. Ты все оцениваешь с позиции справедливости. Если ты чувствуешь, что прав, то готов горы свернуть. Вот почему ты побежал мне по морде бить, а не в кусты. Ты решил, что я подлянку сделал, завалил военных на блокпосту.

Я промолчал.

– Когда ты не прав, то менжуешься, даешь задний ход, – махая автоматом, продолжал Чес. Блин, он за вечер сказал мне больше слов, чем за весь день. Это качание ствола мне не нравилось, и я сделал отвлекающий маневр.

– Воды хочу хлебнуть, – я приблизился к столу и положил нож. Чес не выстрелил и даже не стал возражать. Пошарил под столом, вытащил старую пластмассовую бутылку. Она по виду явно конкурировала с щербатыми тарелками, ее стенки потеряли прозрачность, налились желтизной.

– Воду, спички и соль, если попросят, давай и никогда не отказывай, – изрек мудрость Чес. Не знаю, тюремную или нет, я же добавил:

– А в Зоне, аптечку, зажигалку и патроны.

Урка налил воды, я взял стакан и выпил. Залпом, будто осушил спиртягу.

– Так вот, Кузьма, запомни. Нормальному пацану без разницы, прав он или нет. Вопрос, как остальным доказать, что

он прав. Если тупые не понимают, то зубы в глотку вбиваешь и все, рот на замок.

Я покачал стаканом, намекая. Пусть поработает официантом. Нож заманчиво лежал на столе, подмигивая лезвием.

– У меня братуля сбил телку. Дура полная, с ребенком переходила, тоже девочка, а у него, понимаешь, тогда день рождения был. Выпил он слегка... И тут она! Он по тормозам, но куда?! Бац, и сразу двоих насмерть. Ему потом закидывали, чего не остановился. Он же не доктор, как ты, и там сразу видно, смерть пришла. Так вот, отмазали всем миром, братулю, полгода покошмарился и на волю. Потом передачи слал каждую недельку.

Непонятно, какая история несет больше информации про Чеса. Я легко верю, что братуля – это он и есть. Подробностей накидал, целый ворох. Откуда знает пол ребенка?

Я выпил еще стакан, поставил с грохотом на стол. Терпения, вот чего не хватает. Терпения.

– Не нервничай. Поэтому ты и тупой, не понимаешь, как жить в этом уродливом мире. Ты никогда не задумывался, что тебе все врут. Врут в рекламе, рассказывая какой у них офигенный товар, а внизу маленькая сноска, что сравнение производится с каким-то дерьмом. Врут политики, втирая полную ерунду про счастливое будущее, врут клоуны, которые открывают рот под фонограмму. Знаешь, почему?

– Нет, – постарался я ответить спокойно, не высказывая злости.

– Я знаю. Отец Лжи давно победил в нашем мире. Самое хитрое, что он провернул – продолжает заставлять людей верить, что главная битва еще впереди, – у Чеса начали блеснуть глаза, он подался вперед, – понимаешь? Типа можно бороться, а на самом деле все уже оплетено паутиной лжи. И такие, как ты, Кузьма, это мухи. Мухи, которые прилипают и ждут, понимая, сейчас придет паук и их сожрет.

Он выбросил вперед лапу со скрученными пальцами. Я инстинктивно попятился. Вот проповедник выискался, то грозит пристрелить, то на фотки снимает, а теперь еще и в мою головушку лезет. Заносит дурные мысли и понятия. Что ж мне так везет на вывернутых судьбой людей, единственный знакомый урка, и тот сатанист. Тьфу, аж захотелось еще разочек двинуть ему по скуле. Нет, надо не забывать про план, пусть привыкают ко мне, думают, что я становлюсь таким же беспринципным человеком. Хотя, вот у Чеса есть принцип, он не устает повторять, что за свои слова отвечает.

Послышался тихий шорох за спиной. Я обернулся. К нам присоединился Дельный.

– Кузьма, помогай, – произнес он негромко.

Как и положено торговцу, смог намотить еды. Он умудрялся нести разрезанный напополам батон с вложенными кусками мяса, а также палку колбасы и консервы. К моей радости, не тушенку, а рыбные. Сразу захотелось сделать простой салатик, высыпать в пиалу сардины, покрошить туда

несколько мелко нарезанных яиц и хорошенько перемешать. Эх, а потом на хлебушек и за милую душу!

Я потянулся за батоном, но мне всучили консерву.

– Давай, Хирург, препарируй еду. Если есть возможность отъедаться, используй ее на полную катушку.

Чес умудрился в этой фразе смешать несколько профессий. Хирург, тот, что по живому, спасает людей, а вот препарируют патологоанатомы. Говорят, точнее них диагностов в мире нет. Горькая правда.

– О чем вы тут спорите? – задал вопрос Дельный. Я изумленно пригляделся к нему, так и есть – он умудрился побриться, и судя по запаху, даже пощикался какой-то пахучкой.

Вот дает, человечие. Проныра, просто проныра. В месте, где обитают бандиты, достать такое, сродни подвигу. Все же интересные отношения у торговцев и уголовников. Вроде друг друга не сильно и уважают, а связаны, цепью скованы. Ну да, куда же этим бритоголовым нести артефакты, которые они честным трудом изъяли у сталкеров? Только к торговцам. Да и тем, какая разница, копеечка же капает, к тому же появляется еще и охрана от местной братвы. Скользкая ситуация. Наверняка, на гражданке, любой бизнес бандит попытается отжать, стать собственником. А потом, пройдет годик, и он кличку поменяет на солидное имя-отчество и станет честным бизнесменом. С замашками бандита. «Что, голосрань, не нравится качество товара? Окорочка гнилые?

Фирменные духи – не фирменные? Да плевать хотел, я ж теперь хозяин мира».

Вот так и живем, что раньше барины и сволочи, что теперь, сволочи и барины.

– Так чего в рот бензина набрали? О чем спорили? – насторожился Дельный. Здоровый мужик, коренастый, ему бы в бой роты водить, а не торговать с бандитами. Чес не желал говорить при нем о прошлом, и видимо, посылать перед дракой тоже, не хотел испортить отношения.

Я попытался сыграть в дурачка:

– Да вот хотел узнать, кто на нас прет буром.

Дельный не поверил, однако продолжил подыгрывать:

– Ну ты даешь, Кузьма. Многие знают их основное звено под другим названием. Они, как дочерняя фирма, как ветка на дереве.

Он быстро разложил принесенную еду, кинул в мою сторону банку:

– Открывай.

Я взял нож и начал вскрывать рыбные консервы:

– Так какое название у основной банды?

– Фризы.

3

Нож, которым вскрывал банку, дернулся и разрезал кожу на большом пальце. Капли крови вырвались на свободу, стали стекать вниз, но я тут же закрыл порез ртом и начал останавливать кровотечение. Масло из банки к этому времени покрыло пальцы и вкус получился очень странным, из смеси крови и рыбы.

– Не, ну ты чего, ботва, сразу в штаны наделал? – усмехался Чес.

Дельный пододвинул стул, аккуратно снял куртку и повесил ее на спинку. Я зло посмотрел на них, виновников моих бед, и продолжил вскрывать жестянку.

– Чего перепугался, Кузьма? – крайне вежливо задал тот же вопрос торговец. Спелись они с бандитом, издеваются над молодым солдатом. Хорошо, что еще у них нет подозрений в моем дезертирстве.

– Фризы, насколько нам сообщали, самые ненормальные бандиты, – осторожно выговорил я. Остановился, поддел крышку банки и завернул ее наверх. Кровь продолжала брызгать, попадая в банку и перемешиваясь с содержимым. Однако, это никого не волновало. Видимо думали, что водка все продезинфицирует. У меня же настороженность к крови заложили еще в медицинском училище.

– Да, они неадекватные, – согласился Дельный.

– Отморозки, даже по моим меркам, – добавил Чес. – Давай, пили новую банку.

– Не трусь, Кузьма, есть шанс, что они сегодня не нападут, и мы ранним утром дальше двинем, – успокоил меня Дельный.

Он начал мастерить бутерброд из батона и куска мяса. Чес потянулся за ним, но торговец отклонился и откусил здоровенный шмат.

– Тебе что бутерброда жалко, – возмутился Чес.

– Нет, было бы жалко, все бы сам съел, а не принес к столу, – смачно жуя, ответил торговец. – У нас тут самообслуживание, гарсонов нет.

– Кого нет? – насторожился Чес.

– Гарсон, по-французски мальчик. Так у них официантов подзывают, – пояснил торговец.

Я напрягся, ожидая бурной реакции Чеса. Сейчас кинется драться, или пустой бутылкой, в которой томились окурки, попытается ударить нашего крепыща-торговца. Нет, минута утекла в небытие, присоединилась к сестрам, а Чес все молчал.

– Почему нет? – наконец-то спросил он. – А Кузьма кто? Подходит под гарсона!

Заколебал! У меня так и не получалось разобраться в их отношениях и иерархии. Да, бандит показывает себя альфа-самцом, чье слово закон, а его действия критике не подлежат. Он себя выпячивает, показывает, что у него все луч-

шее, все самое навороченное. Автоматы – ему. Принимать решение – он сам, а мы только исполняем. Такие нравятся девушкам, они кажутся надежными и настоящими вожаками стаи. Вот только у них всегда виноват кто-то, а не они. Дельного явно хотели сделать козлом отпущения. Я вспомнил их ругань на колхозе, когда решалось, пойду ли я купаться в «разрядку», или останусь с ними собакой на привязи. Этакий вид самоуничтожения.

Хотя, я понимал, что впереди еще больше боли, но кончать жизнь самоубийством не собирался. Это глупо. Да и каждый человек принадлежит не только себе, но и близким. Так и представляю, подойду к родителям и сообщу: я знаю, вы меня любите, растили всю жизнь, радуетесь моим успехам, но я хочу окончить жизнь самоубийством, выброситься из окна. Причина? Да, девушка бросила, сказала – я бездарь, если у меня нет «бехи» в двадцать лет. Зачем мне такая практичная девушка, которая считает мои деньги, а не любит меня? Она классно дает, видимо опыт уже накопила к своему восемнадцатилетию.

Или нет, причина пусть будет реальная. В плену у бандитов, которые используют, как «отмычку», пуская впереди себя по нехоженным тропам. Тут кабаны, аномалии, радиация и смерть. Что я сейчас делаю? Сижу я ними за столом, ем еду, которую добыл один из них. Второй же учил меня обращаться с ножом, да и ружье они не забирают, оставляют мне шансы на самозащиту.

Да плевать на тех, кто говорит, что жизнь – это боль. Надо терпеть и понимать, за каждой ночью наступает утро, за каждой бедой приходит счастье.

Я отвлекся от мыслей о Дельном и Чесе. Трофимыч говорил, анализируй ситуацию.

– Эй, хватит втыкать! – вывел меня из задумчивости крик Чеса. По их лицам я понял, они уже не первый раз ко мне обращаются.

– Что? – встрепенулся я.

– Нож вытри, весь в крови. – Бандит проявил заботу о стальном клинке.

Пока я втыкал, кровь из пореза стекала по черенку. Я отставил открытую банку и начал выискивать тряпку. Дельный недовольно вытащил чистый платок из внутреннего кармана и протянул:

– Подарок от фирмы постоянному клиенту.

– Не, не, – вмешался Чес, – это чаевые гарсону.

Он сам засмеялся над шуткой. Весельчак. Нож вытри, ему жалко железо, а на мой палец и на меня ему насрать. Я кивнул в знак благодарности. Хотя помнил, что Дельный не сильно перечил, когда Чес загонял меня в «разрядку».

– Да не менжуйся! Ты сейчас в обморок рухнешь! – зашумел бандит.

– Давай расскажи ему обстановку, – предложил Дельный, – а то он в неведении, думает, что все пропало. Сам себя накручивает, еще со страху натворит глупостей.

– Сам и рассказывай. Трепаться у вас, торговцев, это за милую душу. Я так, на подхвате, добавлю если чё, – ответил Чес. Он слепил себе бутерброд и принялся его уплетать. Оказывается, руки не отсохли, сделать самому. Хотя Дельного за гарсона он поддел.

– Ты ж у нас, вожак стаи, который планы Барбаросса разрабатывает. Хотя, тут скорее линия Мажино, – не остался в долгу торговец.

– Да нет укрепленной линии, – вяло отмахнулся Чес, – у нас на настоящей зоне, когда скучно становилось, мы назначали чтеца. Вот он и пиликал про историю Второй мировой. Так что ты, продавец просроченных товаров, меня такими названиями не запугаешь.

Дельный потянулся, достал до чистого края платка, который я намотал на большой палец, и вытер руки.

– Тогда ты за фризов, а я за наших, в кожанках, – предложил компромиссный вариант торговец. Он провел по выбритым щекам, снимая мелкие крошки, налил воды в стакан и, слегка откинувшись, принял позу аристократа. Замашки у него явно не простого рабочего с завода. Этакий скрытый герой, который не высовывается в первые ряды, но надежнее таких, как урка.

– Чё так? – не понял смысла Чес.

– Из нас, ты самый неадекватный, – сказал Дельный, и сразу же аргументировал: – Трофимыча завалил, военных на блокпосту убил...

– Чё за Трофимыч? А это, дядя нашего гарсона! – Чес был явно не в настроении затевать ссору. Да, понравилась ему Франция в моем лице. Гарсон и гарсон. А вот почему он не реагирует на издевки торговца? Что-то ждет? Нет, дело не только в этом. Или изменилась расстановка в нашей дружной группе? Блин! Унылого не хватает, подхалима Чеса, который боготворит его, делает из него кумира, копирует повадки и мечтает стать таким же жестким, как и Чес.

Я поддел из банки рыбку. Консерва долго протянула на этом свете, и рыба начала разваливаться на мелкие части. Меня это не остановило. Банка не бомбажная, не вздутая. Срок годности – запас еще месяц. Нормально.

– Не ешь с ножа, – предупредил Дельный. Я отца вспомнил, он с такой же интонацией произнес фразу.

– Злым стану? – уточнил я про примету.

– Да.

– Тогда ешь всю банку, тебе не хватает злости, – посоветовал Чес.

Я вмешался в их беседу, чтобы себя показать. Тут главное, пусть меня слушают, привыкают к моим разговорам. Это как в курилке части, если тупо молчишь, тебя начинают подкалывать. Потом, каждая твоя фраза становится причиной смеха, даже верные вещи.

Так что пусть внимают:

– В этой примете заложен здравый смысл. Кровоснабжение языка чрезмерно обильное, и главное, в случае поре-

за, пережать сосуды не представляется возможным. Лишь при наличии хирургических инструментов и нужных знаний, можно попытаться спасти человека, – изрек я.

Они оба уставились на меня, точно в их присутствии заговорил манекен.

– Уважуха, ботва, – через некоторое время произнес Чес. Дельный наигранно начал хлопать в ладоши, словно вызывая на бис.

Не самая плохая реакция на лекцию в моем исполнении.

– Так что там с фризами? – вернул я разговор в интересное для меня русло.

– Смотри и вникай, любознательный, – начал Дельный, – у нас Ферма состоит из двух зданий. То здание, которое с крышей и забором, как четвертая буква алфавита, это наш штаб. Вокруг самодельный забор из поваленных Всплеском деревьев, склепанный из старых досок. Там же навалены шины и большие блочные ящики, в метр высотой. Еще перевернутый грузовик, который является нашим основным постом, типа контрольно-пропускной пункт, это в стиле военных. Ты должен помнить, где они находятся, и за ними прятаться.

Я помнил:

– У ворот находится стопка шин, вторая ближе к зданию, чуть в стороне от костра, на котором жарился наш обед и ужин.

– Молодец, возьми с полки пирожок, – похвалил меня Чес.

Дельный же продолжил инструктаж:

– Это расположение. У нас есть проблема и есть преимущество.

– Проблема, это вооружение, – начал Чес, – у местной швали беда с пукалками. Ты сам видел, основное оружие – это пестики Макарова, «Форты». Дальность никакая, скорострельность и того хуже. Есть еще итальянские «Марта» под патрон девять на девятнадцать. Это уже лучше, пробивная способность значительно превосходит ПМ. Дальше, ружья. «Вертикалки» «ТОЗ» под дробь и жакан. Обрезы. Дальность метров пять, они мне по душе. На близком расстоянии он и человеку в бронике нанесет урон. Что радует, на нас будут нападать такие же полубомжи.

Я посмотрел на Дельного в бронежилете. Запасливый.

– Этот, автомат, как у Борзого?

– «Гюрза». Пистолет-пулемет. Хорошая вещица. Легкая, скорострельная. Неточная. Словно пьяная, но хорошая. Ну и приплюсуй наши три ствола. Тяжелая артиллерия, епт. Дельный, сколько выходит у нас стволов?

– наших получается девять, плюс Борзый, плюс двое ушли сталкерить. нас трое и Унылый. На шестнадцать человек, три «калаша» с наличием двухсот сорока патронов, одна «Гюрза». У остальных обрезы и пистолеты, – скрупулезно выдал торговец. Не удивлюсь, если у него где-то это записано.

Я ожидал большего.

– И это все?

– Ты чего ждал? Это Зона, тут больше четырех человек, уже много, – спокойно сказал Дельный.

– Не ссы, – сказал Чес.

– Что означает, будь безмятежен, как цветок лотоса у подножья храма истины, – закончил за него торговец.

– Фризы. Одежонка у них, куртки и плащи. Защита слабая, скорее от дождя, чем от пуль. Ждем человек двадцать. Борзый закинул, что спонтанно тут все происходит. Ферма раньше базой нейтралов была, да вышла. После последнего Всплеска мутантов резко поубавилось, вот и захотел Борзый обосноваться. Вернее, его Гунч сюда прислал. Место хорошее, пересечение Границы и Полигона отходов. Типа, он границу частую поставит и будет бабки собирать, – объяснил политику банд Чес.

– А фризы?

– Аналогично мыслят. Тут как плацдарм, надо закрепить-ся, а потом все пойдет как по маслу. Хотя странно все это, слишком резко они вычислили приход Борзого. Может кто-то слил информацию? Не знаю, да и нам это без разницы, – сказал Дельный.

– Реально, Кузьма, расклад не такой унылый, как кажется. Да, у них есть наемники. Они-то и будут штурмовой группой. Знаешь, что это такое?

– В общих чертах, – соврал я.

– Смысл такой, нас обложат с холма и начнут стрелять из

пукалок. Вот наемники пойдут в обход и попытаются войти с тыла в здание. Выбор у них небольшой: за каменным забором – аномалия. Значит, через здания попрутся. Наша задача их завалить, – Чес потянулся, хрустнули суставы.

– Реально, Кузьма, мы бы на безнадежное дело не подписались, – спокойно сказал Дельный.

Я почесал лоб, оставляя на нем масло и кровь.

– В чем наше преимущество?

– Как в чем? В инициативе. Мы знаем, что они нападут, и ждем их в гости, – сказал Дельный и оптимистично добавил: – Совет, если фризы все же возьмут верх, то сразу себя убей. Поверь, когда начнешь гореть, облитый соляркой, то все отдашь за пулю в голову.

4

Возле входа раздался шорох, и я вздрогнул. Чес направил в ту сторону автомат, Дельный сел поудобнее.

– Свои, братухи, свои, – раздался противный голос Борзого. Местный бугор темным пятном приблизился к нам, недовольно поморгал, привыкая к свету.

– Пора тушить. Ночь на дворе.

Борзый застегнулся наглухо, и черная кожаная куртка доходила ему до горла. На плече висел автомат, стволом вниз, на плечах – лямки рюкзака. Он держал ворох одежды и сверху, как вишенка на торте, скотч красного цвета. Он сдвинул со стола еду на край и бросил принесенные вещи.

– Это от деда Мороза.

– Подарил? – спросил я.

– Нет. Я встретил его по пути, дал в морду и отжал. Я чего, ботва что ли, подарки принимать, – оскалился Борзый. Его переломанный нос вызвал желание провести операцию. Выравнивание носовой перегородки. Кстати, можно и без наркоза.

Чес, отложив оружие, вытащил кожанку из вороха тряпья:

– А чё, плащей нет? Мне понравилось в нем шастать. Длинный, оружие скрывает, от дождя защищает и в задницу не дует.

– Нет, тут в чем приколы. Фризы плащи страх как любят.

И еще балаклавы. Натянут на уродливые бошки и ходят, пугают сталкеров.

– И чего, сильно пугают? – уточнил Дельный.

Борзый толкнул меня в плечо, намекая, сходи с насиженной табуретки. Чес занял его место, Дельный же – единственный стул. Можно пересесть на ящик из-под патронов, на котором мы умещались с Унылым. Блин, надо как-то выпросить, зачем их отправили на блокпост под мостом. Насколько знаю своих ребят, военных, теперь они лютые. В такой ситуации плевать они хотели на указы сверху, жажда мести за парней их разъярит сильно. Теперь стреляют сразу, на поражение. Да и времени пролетело немало, я успел вырубиться на воздухе, позаниматься с ножом, послушать жизненный треп от урки и даже заточить рыбку с собственной кровью.

А Унылый, дядя Сева и Правша все не возвращались.

Борзый еще раз толкнул:

– Двигайся.

Я так и сделал, слегка привстал, схватил табурет и по-крабьи переполз в сторону.

– Ботва, не наглей, сам двигайся, табурет оставь! – возмутился Борзый.

Чес с Дельный одобрительно смотрели за моими действиями. Молодец, поддел бугра, конечно, на мелочи, но из таких моментов и состоят отношения. Как все меняется, вроде и попали в плен, а теперь Борзый в нас нуждается, как и мы в его проводнике.

– А! Не понял, – притворился я. Встал, стряхнул пылинки и поставил табурет перед Борзым. Напротив Чеса, который из нескольких курток выбрал самую новую.

– Нормально сидит, как влитая, – надев ее, сказал Чес. И начал подкатывать рукава. Размерчик явно большой.

– Извини, родной, судьба выбирала, – ответил в тон Борзый.

– В смысле судьба? – осведомился Дельный. Он не стремился рыться в шмотье, а вот красный скотч его заинтересовал.

– Ну кого завалили, с того и сняли. Вот эта, – он поднял куртку с явными рыжими пятнами на подкладке, – фартовому пацану принадлежала. Мой братишка, все делал: за спиной стоял, прикрывал, делишки разруливал.

– Так если фартовый, то чего погиб? – задал еще вопрос торговец.

– Пуля – дура, особенно если по пьяни. Поспорил, что его курточка выдержит попадание из «макарова». Расстояние – двадцать метров.

– Не выдержала? – посочувствовал Чес. В новой куртке, даже большей по размеру, он стал еще больше походить на Борзого. Оба лысые, глаза горят, скулы заострились. Трындят ни о чем, отгоняют страх. Или у них нервы, от водки и жестокости, превратились в стальные нити и им нипочем приход гостей. Я присел на краешек ящика, вздохнул, вмещающая всю накопившуюся грусть за эту неделю. Заболели реб-

ра, предупреждая, хозяин, все еще будет. Буду надеяться, что не будут сегодня будить. И так хватит проблем и почему они продолжают сыпаться на мою голову? Надоело!

– Кто?

– Куртка.

– Да кто ее знает. Этот идиот, который стрелял, в шею попал братишке. Вот он и залил всю подкладку, точно кабана в ней потрошили.

– Судьба, – прокомментировал Чес, – а что с этим, снайпером?

– Да ни чё. Братишка мой успел гранату кинуть. Типа подарок, последний в его жизни.

В чьей жизни, я не понял. То ли фартового, то ли снайпера-бандита, а может и обоих сразу. Грустно у них все, бесперспективно.

Чес осмотрелся, нашел бутылку, на дне которой плескалась прозрачная, как слеза младенца, жидкость.

– Я не буду, хватит. Прицел собьется, – покачал головой Борзый.

– Согласен, харе бухать, – сказал Чес.

Я удивился. За весь вечер ни разу он не выпил. Усиленно готовится к приходу фризов, значит надо искать укромное место.

– Я вот что мучу, – продолжил Борзый, – тот хрен – снайпер – был из фризов, и теперь они мне все должны за смерть братишки. Немало должны...

– Как пить дать, должны, – сказал Чес, – даже торгаш согласится.

Дельный перестал крутить скотч и серьезно заявил:

– Даже с процентами, Борзый, даже с процентами.

Что ж над смертью своих шутить не стоит. Даже над такой глупой и странной.

Борзый кинул мне окровавленную куртку:

– Носи. Фартовая. Заслужил сегодня, толстого не бросил, как надо махался. Левша тебя нахваливал, говорит удар, как молотком.

Мое отношение к крови известно, но после такой истории не взять – значит не уважить здешнего бугра. Это не мелкий прикол с табуретом. Встал, скинул куртку Унылого, серо-коричневую, с соплями на рукаве. Расту в иерархии бандитов. Так скоро балаклаву выдадут и нормальную кличку дадут. Стану дезертиром-бандитом, пойду на вольные хлеба. Сколько гоп-стопов сделал за сутки – столько и заработал. Эх, житуха начнется!

Я нахмурился от такой перспективы. Борзый воспринял это по-своему:

– Чё мнешься? Еще скажи, что не по нраву!

Я молча натянул черный куртяк, подвигал плечами. Сидит как влитая, ворот у нее слегка срезанный, стоячий, закрывает шею.

– Вопрос в другом, – сказал я и сделал паузу, – не знаю, чем отблагодарить. Что есть на мне – этого мало, за такую

куртку.

Видимо ответ понравился, всем троим. Нет, реально, как на экзамене. Только тут вместо пересдачи дадут по морде. Если не хуже. Ничего, черти, придет и мое время.

– Отработаешь, – оскалился Чес. Я не понял, каким боком он относится к обновке, но свое слово он вставил.

– Отработаешь, да, – повторил за ним Борзый, – завалишь «фризовца» и долг погашен.

– А пока, Кузьма, оттащи ящик на место, под окно, – распорядился Дельный.

Я повозился со змейкой, которая покрыта ржавыми точками. Реально, старая курточка, ношенная-переносенная, а дырок в ней незаметно. О крови на подкладке старался не думать.

Схватил ящик за ручку и начал его тащить. Блин, а он не такой уж и легкий! Утром, когда с Унылым его несли, проблем не возникало. Одному всегда труднее. Гнилые доски жалобно стонали, но я продолжал волочить зеленое чудовище на место.

Окно, возле которого он стоял, выходило во двор, а вот глухие стены с другой стороны примыкали к Зоне. Странно, от мутантов и аномалии нас отделяла только кладка кирпича, старше меня по возрасту. Но казалось – за стеной другой мир. Совсем другой. Я тащил ящик, прислушиваясь к разговору. Фонарь медленно умирал, давая все меньше света. Лица подельников стали скрываться во тьме.

– Что с гранатами? – спросил Чес.

– Стоят на стрёме. Дядя Сева перед уходом все красиво сделал, – ответил Борзый. К еде он не прикоснулся. Так и сидел, на отобранном у меня табурете. Положив мой же автомат Калашникова на колени.

Самое интересное, точно так же сидел и Чес. Вот отыскали друг друга! Разные, хоть вспоминай спор про маслины и желуди, а подход к проблемам одинаковый. Местный бандит и урка из тюрьги. Дельный на их фоне выглядел, как судья на ринге: прилично одет, имеет аристократичные манеры и более высокий статус, чем у этих бандитов.

– Мало у тебя гранат, мало людей, – пожаловался Дельный.

– Зато они привыкли на своем настаивать, а не пускаться в бег, – сказал Борзый, – это только фризы привыкли толпой нападать, как стая вонючих псов.

– Не знаю, не нюхал, – честно ответил Дельный, – но тебе верю.

– Ты меня не поддевай, торгаш. Значит, мало в Зоне времени провел, если не нюхал. А она, таких как ты, любит, чистоплюя, который следит за одежкой, за харей своей – выбрита она или нет. Ох, как любит, особенно ломать, неожиданно, с той стороны откуда не ждешь, – обозлился Борзый.

Я наконец-то дотащил ящик, и осталось закинуть его наверх.

Лунный свет мягко ложился на покорёженную радиацией

землю. Из окна, которое уже забыло, что такое стекла, было видно дворик Фермы. Как раз то место, где жарился кабанчик, чуть дальше – ворота и забор, возле которого мы мессились с бандитами. Вот почему так быстро притопали наши бугры! Услышали шум, выглянули и двинулись раздавать нам люлей. Интересно строится судьба. Не сними мы ящик с Унылым, чтобы примостить свои задницы, то и нас не было бы видно. Как бы дальше развернулась и, главное, чем закончилась бы драка, неизвестно. Одно ясно, что не в нашу пользу. Надо научиться проектировать события, рассчитывать каждую деталь. Помню вопрос, что самое ценное в нашем мире? Немало ответов сыпалось на преподавателя, от банального – деньги, до идиотского – воздух.

Ответ оказался простым – информация. Кто владеет в нужный момент информацией, тот руководит судьбой.

Я усмехнулся, провел по отрастающей бороде. И то верно. Вот сейчас, мы знаем о нападении, и к нему готовимся. Наша инициатива, наш первый ход пешкой. Или конем.

Я внимательно всматривался в темноту, разбавленную лунной. Небо, небо оставалось прекрасным. Темные тучи, как грузовые машины, ползли по нему. На холме, деревья извивались на ветру, казалось, они стараются зайти во двор.

Я напрягся, закинул ящик на его собрата. Теперь их стопка доставала мне до груди. Черт, что ж в них натолкали? Заглянул. Так и есть, земля. Ясно. Самая дешевая защита от пуль.

Голос Борзого долетал издалека, будто бы за кухне забыли выключить телевизор.

– Фризы – это отбросы. Везде, нормальные пацаны повыгоняли алкашей и дегенератов. Зачем убивать сталкера, если он не первый раз несет хабар? И будет приносить. А они сталкеров убивают. Пытают. Вот их и выбросили с Полигона отходов, как вшивых котят. Видимо их стало много, и они объединились в банду. Отморозки тупые, о завтрашнем дне не думают.

– Критическая масса, – задумчиво сказал Дельный, – а что Гунч?

– Гунч, дай ему никогда маслину не поймать, нормальный бугор. Он с этими фризами не то, что за стол, срать в поле не сядет. Гунч их гнобил и я буду гнобить. Это не люди, это мутанты, – разбушевался Борзый.

Дельный махнул, подзывая. В руках он держал скотч.

– Если я правильно понял, обмотай на плече с каждой стороны.

– Да, верняк, – сказал Борзый, – в темноте не поймешь, где чужой. Я своих снять заставил балаклавы, а эти фризы, ой как любят морды под ними прятать. Обмотать надо, обязательно надо.

Я сплюнул. Нет, реально гарсон. Принеси, унеси, обмотай. Скотч, треща, начал обматываться. Сначала Борзый, потом торговец, следом Чес. Клеился он хорошо, туго прилипал к курткам.

– Ты по чесноку скажи, – начал Чес, – Севу спецом отправил?

Дядя Сева, повар и бывший сталкер, бывший урка. Хотя бывших не бывает.

Ага, получается он и есть наш проводник.

– Врать не буду. Поэтому тоже. Так я уверен, что утром вы на Ферме будете. Да и он, единственный, кому сталкерить у нас не запахло. Старый, опытный. Предлагаешь двоих молодых отправить, чтобы они все дело завалили?

– Не доверяешь? – сказал Чес. – Ну-ну, братишка...

Он потянулся к фонарю, и свет погас. Наступила тишина. Я нащупал ружье, и старался неглубоко дышать. Ферма бес-печно уснула, под песню ветра и шелест листьев.

Будильником сработала растяжка на холме.

– Окрысились, – четко произнес Чес.

– Я их сейчас свинцом нашпиговую! – Борзый оскалился.

– Пригнулись. Голова у нас одна, запасные дома оставили. Кузьма, тебя это в первую очередь касается, – буднично произнес Дельный.

Мы разлетелись по комнате, как кегли от страйка. Борзый, пробираясь быстрым шагом под стеной, выглянул во дворик. Чес, неспешно, насвистывая мелодию бандитского шлягера, присел возле окна, спрятался за ящиками с землей. Не зря я его тащил! Щелкнул затвором автомата, загоняя патрон в ствол. На лице появились морщины. Он стал похож на охотника, который выскивает жертву, высматривает в чаще леса добычу.

Я растерялся. Присел возле стола. Самое плохое, это не знать, что делать и куда бежать. Спрятал голову, а что дальше – непонятно. Именно это и настораживало, приводило в уныние, нагоняло страх. Сердце начало чаще стучать, требовало от меня активных действий.

Бежать. Бежать как можно дальше, от взрывов и выстрелов. Надо преодолеть страх, пустить его в правильное русло. Бежать нельзя, некуда. Но и нельзя торчать здесь, как мишень.

Мы сидели в глухой части здания, с двумя окнами. Зако-

лоченные досками и железным листом, заложенные уже приевшимися ящиками и с Чесом на стрёме.

Единственный выход был с выломанной дверью, и разрушенной коробкой. Словно через него пытались вытащить что-то большое, и, недолго думая, просто вынесли куски стены. Или наоборот, что-то огромное ломилось в помещение Фермы, и, не обратив внимания, повыврывало кирпичи.

Вот в него и проскользнул Борзый, лишь на долю секунды засветился на белом фоне. Дельный же, показав на окна и вход, произнес:

– Там не лажь.

Сам он не спеша встал, кинул мне медицинскую сумку и быстрым шагом подошел к выходу. Присел на одно колено, занял позицию.

– Лепила, ты задачу свою не забывай. Главное нас лечи, – просипел Чес.

Я схватил медицинскую сумку и пополз к окну. Длинное ружье мешало, сползало с плеча. Нет, так не пойдет. Я приполз на корточках к Чесу, прислонился к стене. Она отдавала холодом, аж мурашки поползли.

– Может то мутант? – с надеждой спросил я.

– Нет, просто твари. В большом количестве, – ответил Чес. Он привстал, выглянул и продолжил:

– Харе болтать, сейчас в атаку пойдут.

Вот этот момент растянулся. Будто кусок масла намазывали, и комок превратился в тонкий слой. Я сидел, тупо вты-

кая в ружье. Прижал ствол ко лбу, собираясь с мыслями и, главное, пытаясь унять дрожь.

И тут я все понял. Как в кубике Рубика, сложились все грани. Я осознал, мысли о побеге надо отложить на самую дальнюю полочку. Именно они мешали сосредоточиться на главном – как выжить в эту замечательную ночь.

Не зря нас учили: принимая решение, сомневайся, а вот приняв его, действуй без колебаний.

Есть у командования такой интересный момент. На планерке командир и его заместители обсуждают и даже спорят, но как только командир произносит сокровенную фразу: я принял решение, то все споры тут же прекращаются.

Так и я. Принял решение. С бандитами жить, значит, по-пацански говорить. Плавно сдвинул предохранитель.

– Нормуль, я-то кумекал, ты уже от страха бледного поймал, – прошептал Чес.

– Не, задумался просто, – соврал я.

– О чем?

– Ну... Это... Почему они не нападают?

– Так в начале шныри шастали, – Чес нахмурил лоб, – разведчики, по-вашему. Вот он и задел сигналку. Теперь они черепушку ломают, что дальше. Поняли, что их ждет прием не хилый.

– Уйдут? – с надеждой спросил я.

– Ага. Мечтай молча.

– У нас много растяжек?

– Нет. Гранат штук двенадцать надыбали. Три там, и остальные вокруг заборов, деревянного и каменного, который к зданию прилегает. Короче, они тут бедно живут, как бомжи.

Чес перестал высовываться, поудобнее перекинул автомат. Достал сигарету, но зажигать не стал. Просто перебрасывал из одного угла рта в другой. Пока он доставал сигарету, заметил, что нож, которым я тренировался и вскрывал банки, уже в ножнах. Когда он успел его схватить, ума не приложу.

– Шансов, что их шнурь попадет на растяжку, катастрофически мало, – резюмировал я вслух. Тля, да что ж за напасть. Почему приходится играть за слабые команды?

– Не бойсь. Все обмусолили. Заметил «колючие тряпки» на деревьях и железном хламе?

– Это на холме?

– Верняк. Мочалки эти жгут как сто медуз.

– Да, – вспомнил шутку бандита, и сработал ассоциативный ряд.

– Так мы на так заложили растяжки, со смыслом. В «тряпки» этот шнурь не полезет, значит в обход. Как слышал, сработало.

– А если бы нет? – спросил я. Странно или нет, но треп помогал. Успокаивал. Чес перебрасывал сигарету, и без тюремных фишек просто беседовал. О том, что он рассказывал, можно и потом поговорить. Правда, потом наступит не для

всех.

– Не умничай. Нет, так нет. Зря, что ли все на ушах, и никто не дрыхнет? Мы готовы их принять, да так, что кровушка зальет их морды, – обозлился Чес.

Я попытался примостить сумку. Мешала, зараза. Тон урки мне не понравился.

– Чего нервничаешь? Вопрос нормальный, со смыслом, – строго сказал я.

Тот чуть сигарету не проглотил. Вытащил ее, сломал и кинул в меня. Я отклонился, но куда бежать, сидя на карачках? Сигарета попала в фартовую курточку.

– Где ж ты взялся такой, с гонором как у пахана? Ты лучше провякай, что в этой ситуации мыслишь?

– Про фризов? – уточнил я.

– Нет, про тушенку на завтрак, – съязвил Чес.

Однако я чувствовал маленькую победу. Над собой и над ним. Вот уже перечить стал, притом по делу. Чес это понимал и не пошел на обострение. Хотя, ситуация изменилась. Появилось понимание, он мне в спину не станет стрелять.

– Да все просто. Я им что-то сделал плохое по жизни? Нет. Так с какого перепугу они меня убить хотят? Так что пусть получают в ответку, – высказал я все наболевшее.

Чес замолчал, прислушался к происходящему на Ферме. Кроме шума ветра никого, словно вокруг и нет десятка бандитов. Притаились. Фризы знают, что мы знаем, что они знают...

– Верняк мыслишь, Кузьма. Смотри, будет шанс, не промахнись. Тебе же повод нужен, так вот – поверь, у них душа черная, как уголь. А душар надо мочить не раздумывая, – сказал Чес и достал следующую сигарету. Нервы сдают у нашего бугра.

Наступила душная тишина. Прохладная ночь, а пот каплет с меня солеными ручейками. Я провел по лбу, вытирая его, снова поправил сумку. Надо хоть мышцы размять. Я привстал, на полусогнутых ногах, сделал шаг к окну и высунул любопытную рожу.

– Да сядь ты, боевик, тля, – беззлобно ударил меня Чес.

– Ноги затекли, – объяснил я маневр.

– Это твои проблемы. Что зафиксировал?

Луна, как прожектор у нас в части, освещала Ферму. Гротескные тени от машин, забора и стопки шин струились по земле. Трава в ночное время приобрела странный вид, будто стала хищницей и под ветром колыхалась по земле.

Борзый и еще несколько бандитов притаились за перевернутым грузовиком. Вроде с краю у ворот, под защитой сваленного дерева, я заметил черную кожанку. Чуть дальше, где начиналась спорная территория, стояли тополя и вроде один, дальний, покосился. Наверное, там и сработала растяжка.

– Крика не было, – пробормотал я.

Бандит, мало того, что разобрал сказанное, так еще и понял, о чем это я.

– Насмерть. Счет открыт и пока он в нашу пользу. Не ле-

зут еще, отмороженные?

– Неа.

– Ждем, – буднично заявил Чес. Реально, он словно каждую неделю участвует в разборках. Что у нас сегодня по расписанию? Перестрелка с фризами? Хорошо, тогда на завтра запишите поножовщину с солдатами, а на послезавтра перестрелку со сталкерами.

Ничего, я уже выучил повадки этого зверя. Часть жизни, проведенная в конуре, сделала из него бомбу замедленного действия. Сейчас начнется замес, и он взорвется. Главное, рядом не оказаться.

Ждать было неприятно. Муторно, аж до тошноты. Хотелось поскорей начать, чтобы поскорее закончить.

Майка промокла насквозь. Фартовая курточка для похудения, сто ручьев сойдет за эту ночь. Я похлопал по нагрудным карманам, засунул руки в боковые. Не, и тут ничего. Хотя, их глубина навела меня на хорошую мысль.

Я скинул сумку, поставил ее на пол. Ружье аккуратно приставил к стене, боясь издать резкий звук. Хотя до холма метров сорок, никто не услышит. Глупо конечно, подсознание странная штука.

– Куда? – лениво спросил Чес.

– «Иппешки» переложу из сумки в карманы, – ответил я.

Расшнуровал сумку, достал на ощупь серые пакеты и начал рассовывать их по карманам.

– Видел эту штуковину, – вяло сказал Чес. Хотя глаза у

него даже в темноте загорелись как два фонаря, – помогает?

– Угу, – тихо ответил я, – особенно если есть жгут и обезболивающие препараты.

– Дай, – потребовал он.

Я протянул сразу жгут и индивидуальный перевязочный пакет номер восемь. Чес схватил, и если жгут его не заинтересовал, то «иппешку» он начал крутить, как обезьяна гранату. Странный интерес. Хотя, да, если он провел в тюрьме юношеские годы, то тогда все ясно. Заметил, в Зоне больше бинты идут на перевязку. Ну и аптечки, желтые коробки, в которых прячется спасение от боли.

Чес потряс сбитым пакетом. Серый с сизыми надписями, он напомнил мне татуировки на его теле.

– Как бинт?

– Почти, – я взял один, и сделал то, что запрещают всем солдатам. Надорвал край пакета, потянул вниз и тонкая полоска отделилась.

– Он в прорезиненной упаковке. Используется при ранении грудной полости, когда начинается пневмоторакс...

– Да утихни, сам разберусь. О! Булавка! Язык подкалывать к воротнику, – обрадовался бандит, забирая у меня «иппешку».

Я не стал его разубеждать. Чтобы его язык кто-то приколот? А то, как чесать слово за словом, то он просто герой.

– Вот и бинтец, – продолжал изучать он пакет.

– Да, две марлевые подушки, на длинном бинте. При ра-

нении в живот тампонируем рану, чтобы кровью не истек.

– Вот... Рану в животе можно замазать, а если как учил, – он провел ребром ладони по горлу, – то все.

– Угу, – согласился я.

Мы замолчали. Чего «фризовцы» ждут, непонятно. Я затолкал жгуты и пакеты по карманам, собрал сумку, подогнал ремень и повесил за спину. Теперь не мешает. Патронов мне маленькую горсть насыпали, кот наплакал. Я повертел один, красного цвета, и распределил остальные по боковым карманам.

– Ты стрелять умеешь? – не выдержал Чес. Что ж, часик точно пробежал, пока мы тут сидели в засаде.

– Конечно, – ответил я.

– Хорошо, – Чес встал во весь рост, покряхтел, как старик, и направился к столу. Взял стакан с водкой, опрокинул в себя залпом.

– Главное. Не стреляй сразу с двух стволов, – посоветовал он, не опуская стакан, – спускай курки по очереди.

Послышался хлопок со стороны дверей.

Это Дельный деликатно привлекал наше внимание. Чес кивнул ему, потом пожал плечами. Типа сами не знаем. Я ощутил горький привкус во рту. Пойти бы и мне водички выпить. Поднялся, но сделать ничего не успел.

Черная туча закрыла медовую луну. Чес прыжком оказался под стеной и выдохнул:

– Вот теперь начнем понты колотить.

Пролетели минуты, ничего не происходило. Выглянул в окошко. Холм ожил, зашевелились кусты, и словно пробежала рябь по воде. Я не успел высунуть любопытную морду, как раздался первый выстрел.

6

– Ты быстрый, – усмехнулся Чес. Я за секунду отскочил от окна, но хоть и был прикрыт глухой стеной, взял и присел. Инстинкт! Бандит-урка еще комментировал мои действия, но я не слышал. Выстрел, а за ним еще несколько хлопков. Да именно хлопков, как будто на улице взрывают петарды.

– Ружья, – услышал я, и новая волна выстрелов накрыла нас с головой. Начала работать «тяжелая» артиллерия, уже знакомые до боли выстрелы из автомата. Слева, справа, со всех сторон.

Глаза начали привыкать к темноте. Секунда, и Чес вско-чил, прижал к плечу приклад. Ответочка! Автоматная очередь порвала воздух в клочья.

– На, тля! – заорал Чес.

Он короткими очередями стрелял и стрелял в темноту. Я дернулся, и выставил ствол – «ТОЗ» сейчас себя покажет!

– Тупой солдафон! – присаживаясь, крикнул Чес и дернул меня за штанину. – Ты так только нашим в спины попадешь!

Я не успел ответить. Зато оценил обстановку: наши, три раза ха, наши бандиты, затаились возле деревянного забора и начали гасить в ответ. Пистолетные щелчки, будто ломали сухие ветки, раздались с нашей стороны.

– Граната, пацаны!!!

Истошный вопль перекрыл все остальные звуки нападе-

ния. Темная туча коварно полетела по небу Зоны, бесстыдно открывая луну. Свет мне показался настолько ярким, словно я очутился на оживленном автобане.

Фризы. Я ошалел от их количества, показалось, их больше, чем у нас на построении в части. Хотя на плацу в несколько рядов помещалось двести человек.

Что-то маленькое пролетело над импровизированным забором. Чес ударил в ребро, и я вышел из оцепенения. Присел...

Бахнуло. Гулко бахнула граната. За ней следующая. И еще один взрыв.

– Ааа! Ранили! – вроде тот же голос, что и предупреждал о гранате.

– Шмаляй в них! – раздался крик Борзого. Этого даже в такой суеде не перепутаешь. Вот мама с папой наделили голосовыми связками!

Чес подобрал сигарету, которая упала на пол. Затянулся. Только потом выполнил приказ Борзого. Гильзы падали, выстукивая чечетку на гнилом полу.

Я вздохнул, появилась резкая боль, похожая на удар кнутом. Это хорошо. Я знаю цель, знаю – где враг. Меня учили убивать с самого рождения. Убей птичку, убей из лука, убей из игрушечного пистолета. Все мое детство – это убийство, пусть даже за компьютером и не настоящих людей. Эту привычку в меня насильно вгоняли, давали привыкать к этой мысли, раз стреляют – пали в ответ.

Боль стала стартом, и я выдохнул ночной воздух, а вместе с ним остатки страха.

– Подпаливай!

Я высунулся. Света луны не хватало, но я заметил раненых. В куртках, с полосами красного скотча, они лежали на прошлогодней траве. Один бандит не двигался, но второй пытался перевернуться.

Не знаю, кто отвечал за подпал, но он сработал четко. Сначала появилась тонкая полоса пламени, которая змеилась по земле. Через миг она разделилась на несколько огненных ручейков, нырнула за забор и вскоре запылала огни. Бледные, немощные, они тухли под порывом ветра, набирающего силу, и все же освещали подход к Ферме.

– Много, – резюмировал я.

– Нормуль! Сейчас мы им рты порвем! – свирепо сказал урка. Самое интересное, я был с ним согласен.

Раздался взрыв возле деревьев со жгучим налетом.

– О, вот и сработали наши растяжки, – довольно произнес Чес.

Я выстрелил. Просто вдаль, стараясь попасть по темному силуэту в длинном плаще. Зараза! Чес не зря предупреждал, пальцы сами судорожно вцепились в спусковые крючки, и получился дуплет.

Бандит заржал, как от хорошей шутки.

– Пострелять хочешь? Красава! Тебя бы на зону, вместе париться, и мужиком бы стал! Задатки есть!

Я слышал впервые такую похвальбу за недолгую жизнь.

Мы присели, начали перезаряжать оружие. Чес дернул магазин, вставил другой. Я все никак не мог переломить ружье. Вроде все делал правильно, и паники не наблюдалось, но не получалось... Разломил, потряс, выбрасывая патроны. Они отлетели к гильзам от «калаша», оставляя за собой легкий дымок, почти не различимый в ночи. Запах, приятный запах стреляных патронов заполнил комнату.

Чес терпеливо ждал, доставая из кармана патроны и набивая ими отстреленный магазин. Но все же, не так плавно, как получалось у Трофимыча, который обращался с автоматом как с ложкой в столовой.

Стрельба не утихала. Хлопки и глухие выстрелы, крики, приказы. Все смешалось в водоворот из шума.

– Обходи шелуху!

– Слева давят, слева!

– Стреляй, пацаны!

Я справился с непослушным ружьем. Чес этого и ждал:

– Пошли, ботва, шкуру продырявим уродам местным. А то раскидывают мне тут фигню всякую, о крутости отморожков.

Он бегом направился к Дельному. Я поколебался, бросать сумку или тащить с собой. Пусть будет, нет времени теперь ее снимать. Вперед за уркой! Я втягивал голову в плечи, хотя и бежал за глухой стеной. Приблизился к торговцу. Эх, прощай стол, на котором я ел вкусное кабанье мясо!

Чес у входа присел, выглядывать не торопился.

– Чего прибежали? Все под контролем, сзади никого, на крыше наши, – сказал Дельный и тут же высунулся, выстрелил в сторону ворот. Одиночными. Нет, себе он не изменяет даже при опасности. Бережет патроны. Хотя, может это и спасает его в экстремальных ситуациях. Чес рожок спалил, даже я пальнул в никуда, хотя дулет прибавил мне уверенности.

– Ты глазки открой! Слева ломятся, тля! Вон как наседают! Пацанов-то немного, а этих, как тараканов в зоне! – громко возмутился Чес.

Дельный улыбнулся, и даже я не вытерпел:

– Так Чес, мы и есть в Зоне.

Тот резким движением отпустил мне леща:

– Смотри, посередине ворота, за ними машина. Там Борзый держит центр. Справа – второе здание, не пробьются. А вот слева, где контейнеры и шины – беда. Вот мы к контейнерам и двинем.

Я выглянул. Каждое действие может привести к получению свинца. Каждая секунда отделяет от попадания. Тут не угадаешь, рикошет такой гад, что его не просчитаешь.

Я думал. Волна фризов добралась уже до забора. Нет, оказывается в жизни все медленней. Точки из огня освещали подход к Ферме, и к нам, как и говорил Чес, двигались три группы. Они прятались за одинокие деревья, падали мордой в землю. Некоторые навсегда.

– Что ж их столько... – возмутился я, – человек двести!

– Не гони, не больше сорока, – отмахнулся Чес, – Дельный подтверди.

– От тридцати четырех до сорока пяти, – ответил тот.

Врет, наверное, но мне приятно от таких кривых подсчетов.

– По очереди, сначала ты, – потряс меня за плечо бандит. – Дельный, прикрой и не жалея патронов, а то словно торгуешь ими на базаре!

Торговец подмигнул мне:

– Давай, на три... – И тут же сказал: – Три!

Я рванул к контейнерам. Только не оказались бы они пустыми! Пусть хоть земля будет, хоть хлам, чтобы останавливать пистолетные пули и дробь.

Расстояние до костра, которое мы с Унылым преодолевали шагов за тридцать, я пролетел стрелой. Земля вырывалась из-под берцев, точно из-под копыт жеребца. Тусклые пятна огня за забором мелькали светящейся полосой. Проклятая сумка била по спине, казалось, пот пропитал насквозь всю одежду.

Я перепрыгнул через черное полено... Нет, это оказался бандит. Жалобно тянул в мою сторону руку и кричал. В общем гвалте я не слышал. Затормозил, резко повернулся. Дурацкое ружье так и норвило выскочить.

– Пацаны, аптечку! – разобрал я слова бандита.

После разворота увидел наше здание. Из раскуроченно-

го входа, стоя, стрелял Дельный. Прищурился, и методично вколачивал по пуле поверх моей головы. Чес тряс кулаком, и по искаженному лицу – явно крыл матом. Не трудно догадаться кого. Я замер. Помогать раненому мой долг, пусть даже он бандит со стажем. Хотя тут все познается в сравнении, после историй о фризах, местные пацаны скорее походили на милицию. Поймают, обернут как липку, дадут по шее и отпустят домой.

С другой стороны... Я снова побежал к контейнеру. С разбегу не успел затормозить и впечатался в него, да так, что ребра застонали от боли. Контейнер устоял, даже не шелохнулся от моего удара. Это хорошо, это плюс. Набили его под завязку. Не думаю, что «кожаные», скорее еще со времен присутствия нейтралов на Ферме.

Оглянулся. Чес стрелял, Дельный спрятался, наверное перезаряжает. Раненый так и протягивал ко мне верхнюю конечность. Один кроссовок с него спал, синие спортивные штаны покрылись грязью. Жалко. Однако надо выполнить задачу, поставленную бандитом. Хоть он и урка, здоровые вещи говорит. Иногда.

Чес вдруг посмотрел на меня, прицелился и открыл огонь. Я видел направленный на меня ствол Калашникова, вспышки выстрелов. Клянусь, услышал, как рядом со мной пуля попала в контейнер!

– Вот урод! – заорал я. Отлип от стены, высунул ствол и выглянул на несколько сантиметров из-за укрытия.

Сразу же нажал на оба крючка. «Фризовец» в черном плаще до пят, с маской на лице не успел пройти несколько шагов. Он целился из здорового пистолета, то в Чеса, то в раненого. «Марта», что ли?

От выстрела дуплетом он отлетел, упал на землю сломанной куклой. Словно его ударили в живот огромной кувалдой. Блин! Высунься я на прямых ногах, мог получить маслину в башку! Я завалился на пятую точку, прижался к контейнеру. Чертова сумка за спиной мешала и злила. Весь мой мир сузился до ружья и патронов, которые я лихорадочно искал в кармане. Нет, выберусь, найду себе патронташ. Полезная оказывается вещь, очень полезная.

Зараза! Из кармана вывалилось сразу несколько патронов, упали на траву. Я вставил один, щелкнул ружьем. «Завалил, завалил первого человека в жизни!» Мысль пронеслась назойливой мухой в черепной коробке. Не время сопли распускать. Я его к контейнеру не звал. Он сам виноват. Чес, перекатываясь как селезень, бежал ко мне, размахивая автоматом.

Дельный выполз из здания и теперь, присев на корточки, вел стрельбу. Найти в себе силы высунуться еще раз я не смог, а вот стрельнуть слепо из ствола – пожалуйста. Ружье дернулось. Тут же рядом оказался Чес. Он прилип к контейнеру с другой стороны и сразу выдавил длинную очередь.

– На! На!!! – орал он не переставая.

Уже не сам я и то хорошо. Я высунул любопытную го-

лову. «Фризовец» лежал на земле без движения, а чуток за ним еще бандиты. Кто-то с красным скотчем, кто-то в балаклавах. За забором я рассмотрел несколько живых, которые стреляли в нашу сторону. Видимо ринулись на прорыв, раскидали наших бандитов на этом фланге. Вовремя заметил Чес, вовремя мы прибежали и теперь они жрали землю, боясь попасть под пули урки.

Я стал различать, когда пули попадали в контейнер. Специфический звук, напомнил мне тир в части. Мишень из толстой фанеры выдавала такие же стоны при попадании.

Автомат Чеса так же ругался матом, как и его хозяин. Звучные, хлесткие выстрелы.

Опять заряжаться! Меня это начало нервировать. Не успел стрельнуть, переламывай ружбайку и вставляй патроны! Нет, это не автомат, с тридцатью маленькими кусочками металла. Справился. Патроны уместились в ствол, и я окинул взглядом двор Фермы.

Бой-то еще и не начинался. Основные силы фризов подходили к холму, засели на нем и методично шмаляли. Слева их атака захлебнулась, но, как оказалась, не только из-за нас с Чесом.

Верно.

– Сейчас попрутся по центру, олухи, – засмеялся Чес, и добавил: – давай стреляй!

Так и случилось. Пот тонкой струйкой стекал по спине. Я высовывался из-за контейнера, палил по фризам, которые

залегли за забором. Они же стреляли в контейнер. Движение есть – смысла нет.

Радовало, что пальцы стали слушаться и теперь я стрелял не дуплетом. Даже выискивал цель, хотя черные плащи при свете луны различать крайне тяжело.

Чес шевелил губами, подсчитывая запасы патронов, когда фризмы ломанулись по центру. Как будто стая «слепых собак», которым поставили цель пройти в узкий проход. Так и они, толпой хлынули на бедные ворота. Забор закачался, начал валиться на землю.

От выстрелов я оглох. Шумная какофония сверлила мозг, все начало смешиваться в большое темное пятно.

– Убью!

– Стреляй!

– Завалю!

– А! Пацаны!

Борзый с помощниками так и сидел за перевернутой машиной. Он терпеливо ждал, почти не отстреливаясь. И тут им поперла масть. Я видел, как наши отступают назад, и тут же Борзый начал кидать гранаты.

– Ответочка! – оскалился Чес. Мы упали на пузо.

Борзый кидал прицельно и точно.

– Братва, граната!

Истошный крик, но в это раз, наших противников. Получите, твари! Вот что значит ждали! Пока я спал, трое сообразили, как защищать Ферму. Я смотрел, как наступательные гранаты, с радиусом поражения тридцать метров, кладут фризов, как газонокосилка непослушную траву.

– Вот и наш запас, – услышал я Чеса. Он тоже не постеснялся поваляться на земле. Правильно. Осколки не разбирают, где свой, где чужой.

Правда, в отличие от меня, урка стрелял и по нападающим через ворота, и даже в сторону забора, через который пытались прорваться фризы.

К нам прибежали несколько человек от ворот. Потрепали их знатно, но они ждали сигнала от Борзого. Освободив сектор для стрельбы и гранат, Чес постреливал в обе стороны. Нас стало слишком много, чтобы прятаться за небольшим контейнером.

Я увидел Левшу. Ткнул его в бок:

– Как ты?

Он выпученными глазами смотрел на меня, и не узнавал.

Потряс его, приводя в чувство:

– Левша, ты цел!?

– Да... Да... пацанов там положило... там... Сволочи!

Рвать буду зубами! – начал он в состоянии амебы, а закончил в состоянии быка, увидевшего красный флаг.

Он встал на колено и начал палить в сторону забора. Попал или нет, но злости у него прибавилось.

– Отход!

– Назад!

Крик фризов был четко слышен в ночи. Луна становилась бледнее, и темное небо с тучами начало сереть. Сколько идет бой? Мне показалось, что уже ночь пролетела.

– Раненый! – крикнул я Чесу на ухо.

Тот, не отрываясь от прицеливания, коротко приказал:

– Добей.

– Нет, наш раненый. Вот лежит! Помоги донести до Дельного, – пояснил я.

– А! Ты ж, Кузьма, лечить должен! – словно вспомнив что-то важное, Чес поднял палец вверх: – Ну давай. Надоело мне тут под осколками лежать.

Последние слова он произнес очень тихо, повернулся к Левше:

– За главного назначаю, патронов не жалеи.

Я же, даже в суматохе, отметил: Чес перестал называть меня Пробиркой.

Борзый разбушевался не по-детски. Атака «фризовцев» захлебнулась, как алкаш, пытающийся выпить стакан бензина. Они, побросав раненых, отхлынули на холм, и даже за него – как я понимал ближе к зданиям-старикам, где нас сегодня поймали.

Борзый достал «Гюрзу». Он хладнокровно выбеливал черные плащи, которые корчились на земле, и добивал их короткими очередями.

– Двинули, солдатик!

Я так и сделал, мы одновременно с уркой подбежали к раненому. Он уже не просил помощи, а тихонько подвывал. Стиснул зубы, бледный, свернулся клубочком.

– Взяли! – сказал я.

Нагруженные бандитом, мы перешли на быстрый шаг. Он вскрикнул от боли, начал трясти головой:

– Бросьте, бросьте!

– Не пей компот, в нем повар ноги полоскал! Сейчас наш лепила тебя подлатает, все станет красиво! – шипел Чес.

Неудобно. Неправильно. Эх, мне бы носилки, хоть какие! На крайний случай, сделанные по старому способу скорой помощи. У нас дома есть, такие прямые носилки, что больного легче скинуть с балкона и подобрать на асфальте, чем на них вынести.

Но приходилось изгаляться. Шикарно, если есть мягкие

носилки: брезент с ручками. При отсутствии их – простое одеяло. Крепкое, простое одеяло.

Мы тащили его, а рядом свистели пули. В помещение ввалились, чуть не сбив Дельного.

– Кто это?

– Да мы чё, паспорт у него зыряли? Зацепило. Притащили, – тяжело дыша, ответил Чес.

Мы положили раненого на пол, Чес чиркнул зажигалкой и сразу спросил:

– Ну, че там?

Бледнеющий, будто его измазали белой краской. На животе темное пятно. Я достал «иппешку», рванул край, достал ватно-марлевую повязку. Раненый скулил, как щенок.

– Как зовут? – спросил я. Он не отвечал, я потрепал его за щеку:

– Как зовут!?

Нет, вопрос не важен, главное понять степень шока, сообщает он что-то или уже в ступоре.

– Серый, – прошептал он.

Узнал его, именно он стоял на воротах, у него Чес освдомлялся про размер обуви. Вот урка, накликал беду на парня.

– Значит Серега, – перевел кличку на нормальный язык, – слушай внимательно, Серега, ты сейчас убираешь руку от живота, и я накладываю повязку. Понял?

– Уууу... да, – прошептал он.

Зажигалка погасла, Чес выматерился, щелкнул еще разок.

Кишки сизыми червями выпирали из брюшины. Сильно посекло живот, разворотив мышцы, задев петли кишечника. Кровь почти не бежала, она уже просто заканчивалась. Я придавил марлевой повязкой, слегка налег, тампонируя рану. Сверху на мою кисть легла ладонь Сереги.

– Плохо, да?

Я сглотнул, чтобы прочистить горло:

– Нормуль, Серега. До утра дотерпи, а там как надо подлатаем.

Он попытался улыбнуться, попробовал поверить мне, незнакомому человеку.

– Я – дурак. Артефакт «кровостоп» продал... На той неделе... Выпить захотелось, а денег не было, вот и продал... – слабым голосом произнес он.

– Главное, лежи спокойно и не дергайся, – приказал я ему.

Он отпустил меня. Я ощутил, как капает кровь с пальцев. Чес глянул мне в лицо.

Я постарался незаметно покачать головой, и урка перестал держать зажженную зажигалку. Свет погас, оставляя на полу будущего покойника.

– Отступили, – сообщил нам Дельный.

Через минут пять мы сидели у входа. Торговец положил автомат и стоял, пуская струю мочи на стену. Нашел время, но видимо приспичило. Я пытался стереть кровь с пальцев. Получалось плохо. Чес закурил, выпуская в потолок кольца

дыма. От остова машины к нам двигался Борзый.

– Не отступили, а сбежали, как шавки побитые, – сказал он.

– Ненадолго, – так же спокойно сообщил Дельный, – сейчас перегруппируются и полезут.

Начинало светать, и весь мир теперь был в оттенках светлых цветов. Деревья приятного серого цвета, начинали сильнее шуметь, будто пытались перекрыть людей.

Напряжение пропало, как будто выключили рубильник, появилась уверенность в собственных силах. Фризы отступили, бросив тела бандитов, которые застыли мертвыми воронами на холме. Наши люди осторожно высовывались из-за заграждений, кроме Левши. Тот подходил к «фризовцам» и делал контрольный выстрел. Верный помощник Борзого... Этот единственный громкий звук нарушал утреннюю идиллию.

– Эй, братулишки, мы их уделали! – замахав автоматом, крикнул Борзый. Весь в грязи он приблизился к нам, вскинул голову...

Короткая очередь распахала ему грудную клетку. Борзый рухнул. Чес начал стрелять в потолок:

– Засада, тля!

Я не понял, при чем тут засада. Скорее – удар в спину. Я ринулся в здание, зацепился за Серого и упал. Ружье отлетело в сторону, сумка ударила по затылку. Нет, сознание я не потерял, она же легкая, но замер, пытаюсь понять, что

делать дальше.

Дельный, схватил автомат, попятился от стены.

– Наемник! – успел крикнуть он.

Раздались хлопки, и он рухнул на спину, отброшенный выстрелом. Ничего себе!словно в него машина въехала! Чес стрельнул еще разок, целясь на звуки шагов по шиферу крыши. Я попытался ползти, заскользил в луже крови, которая натекла из живота Серого, упал лицом в доски. Вдохнул запах гнили и болота. Когда ж мы до тебя дойдем, грязная лужа!

По нам палили в ответку. Крыша, и так страдающая старостью, теперь стала похожа на дуршлаг. Кроме выстрелов на крыше, где-то на холме или за ним, раздались взрывы и ожесточенный автоматный огонь. Наступление «фризовцев» новыми силами? Если их человек сорок, то положили мы максимум десять... Математика жизни.

Чес матюгаясь давил на курок, а вот патронов у него в магазине не осталось. Он выглянул на двор, где в грязи застыл Дельный. Тот выгнулся дугой и пытался снять с себя куртку, чтобы дотянуться до бронежилета.

– Дельный, тля, где урод?! – закричал Чес.

Я заметил, как впереди уменьшилось количество света, падающего из окна. Клянусь, в гвалте смог вычленить звук – кто-то наступил на битое стекло. Получается, хорошо, что бандиты разбили об стену бутылку! Там кто-то есть, однозначно, кто-то есть! Замер, вытянув окровавленную ладонь,

другую прижал к груди. Кто мог так хладнокровно и слаженно действовать? Фризы? Нет. Я понял – это же наемники! Про них упоминал Борзый!

Значит, гость с крыши успел бесшумно метнуться по шиферу и проскочить в узкое окошко. Блин! Да что за невезуха! – Дельный! Отвечай! – кричал Чес.

Торговец хрипел, пытался встать. Чес не выдержал, кинулся к нему, выхватил у того автомат.

А если их несколько? Этих, наемников? Главное, успокоиться и не дышать, как загнанный зверь. Это оказалось тяжело, организм требовал кислорода, требовал полностью наполнять легкие воздухом. Я старался походить на Серого, который свою норму кислорода уже израсходовал. Эх, ему бы капельницу, и оказать помощь на хирургическом столе, а не на полу с минимальным количеством медикаментов. Да и то не факт, что удалось бы спасти. Хуже ранения в живот только попадание в голову.

В ушах стучали маленькие молоточки, ребра, от удара об пол, болели. Еще и сумка по-дурацки легла!

Интенсивность выстрелов усилилась, стали слышны очереди из автоматов, а не щелчки пистолетов. Стены здания приглушали звуки, Чес возмущался возле Дельного, но я их не видел.

Нет, больше ничего не слышно. Показалось? Ладно, тень в сумерках, да еще в такой суматохе – согласен. Однако звук стекла, характерный звук, когда наступаешь берцами...

Вставать и бежать к нашим, хватит разлеживаться?!

Нет, это оказался не берц, а тактический ботинок. Я чуть не вздрогнул, когда он появился перед лицом. Высокая шнуровка, упитанная подошва. Дальше я не видел, боясь даже пошевелить ресницами. Хорошо, что глазенки прикрыл, собираясь с силами. Да и сумка помогла, скрыла часть лица. Я еще жаловался, что она неудачно упала.

Наемник. Местная элита, эскадрон смерти. Рассказывали, как в беспокойные времена, когда блокпосты стояли намного ближе, чем сейчас, как раз на блокпосте случилась беда. По скудным сведениям, побывали в гостях профессионалы. В противогазах и с иностранным оружием. Погостили и оставили раскуроченный блокпост. И трупы, много трупов. Да, каста еще та, неприкасаемых.

Убили не только военных, а случайных свидетелей, стелкеров, которые оказались рядом. Полетели с должностей командиры... А что сделаешь? Найти их дом очень тяжело, живут они в Зоне, с чужими не общаются. Только... Да, только с бандитами! Блин, фризы подписали несколько наемников, значит, нам легче застрелиться.

В любом случае, нам крышка. Крышка гроба. Это профессионалы и они не допускают ошибок. Как машина, с четким алгоритмом действий. Тактический ботинок замер, казалось, на целую вечность.

– Дельный, да давай уже, к стене, к боковой стене! – орал Чес.

Крикнуть им, что сзади уже надвигается смерть? Схватить за ногу наемника, попытаться повалить? Умирать-то не хочется. Думай, Кузьма, думай. Ружье рядом, заряженное, только дотянуться. Не зря ж я за него кровь проливал, отмывался от бандитов!

Наемник оценил ситуацию. Бледный мертвец, рядом еще труп бандита с сумкой и на ней красный крест. Значит, оказывал помощь и погиб. Логично.

За стеной жертвы, испуганные жертвы, которые палят во все стороны. Ждут нападения с крыши, расстреляли почти все патроны. Да, на каждого хитрого урку и торговца найдется профессиональный солдат.

Тактический ботинок сдвинулся, без малейшего шума. Не скрипнула кожа, не ударились мелкие металлические детали. Все подогнано и разношено, все продумано до мелочей. Я уже не мог сдерживать воздух в легких. Чуть приоткрыл глаза, искоса смотря на наемника. Комбинезон, скроенный по западному образцу, бронежилет и капюшон. Он двигался грациозно, как тигр. Наемник перешагнул через труп Серого и замер на секунду. Я понял, больше не выдержу, вздохну полной грудью.

Часто в жизни мешают мелочи, доводят до бешенства и портят все удовольствие. Сумка свалилась на бок, ремнем схватила меня за горло, пытаюсь задушить. Липкая ладонь, дурацкая куртка. Казалось, все мне хочет помешать.

Все же я успел. Рванулся всем телом к ружью, схватил его и упал на спину. Длинный ствол, как стрела башни, медленно поворачивался в сторону наемника. Мне, лежащему на полу, он казался огромного роста. Бронежилет сидел на нем как влитой. Он успел среагировать на шум, развернулся ко мне боком. Оружие у него странного вида... Нет, не автомат, а штурмовая винтовка. На бедре кобура, бронежилет набит до отказа патронами, по бокам – сумки черного цвета.

Он не успел. Я нажал на спусковые крючки, так сильно, что заболели пальцы. Главное, не промазать! Ружье бабахнуло, наемник пошатнулся, но устоял! От прямого попадания с двух стволов! Я попытался отползти, ноги скользили в крови Серого, а странная винтовка начала свой лай. Пули попали в стену, еще чуток, и наемник меня зацепит...

Чес появился резко, вбегая в помещение. Слегка пригнулся, он, как знал, что происходит. Автомат нацелен на уровень пояса. Интересно, он успел перезарядиться? Горечь у меня во рту зашкаливала. Успел или нет?

– На, тля!!! – заорал Чес.

Звук автоматной очереди наполнил помещение.

Наемник задергался, словно его подключили к высоковольтному проводу. Он начал падать вперед, оперся на винтовку, развернулся гибким движением и выбил автомат у Чеса. Тот орал, как сумасшедший. Четкий удар в лицо заставил урку заткнуться. Не знаю, пробил ли бронежилет автомат Калашникова с патронами семь шестьдесят два, но наемник выглядел живчиком. Да, часть пуль попала в ноги, вырвав ключья из комбинезона, однако он оставался стоять!

Нож вылетел стремительно. Урка расплосовал ему плечо, широким движением попытался достать горло противника. Наемник отклонился назад, и нож пропахал по пластинам бронежилета. Неприятный звук меня спровоцировал, как будильник с утра. Я вскочил и ударил наемника... Нет, промахнулся, зацепил ружьем его оружие, и пули полетели в потолок.

С него спал капюшон. Блондин с волосами, зачесанными на бок, и глазами, полными удивления. Не просто удивления, а с пониманием того, что он просчитался. Он меня ненавидел, проклинал и презирал.

Он почти достиг цели. Пробрался на крышу, тихо убил наших бандитов-охранников, расстрелял Борзого и красиво воспользовался окном. Оставалось зайти со спины, убрать еще двоих и все, бандиты без руководства – это стадо баранов.

Помешал грязный бандит, который притворился трупом.

Ошибка всей его жизни, которая теперь подходила к концу.

Чес черной молнией подскочил к нему сзади и повис, как медведь на дереве. Наемник попытался нагнуть голову, коснуться подбородком груди. Не успел, урка чиркнул по шее, и открылась кровавая рана. Темная кровь брызнула, заструилась водопадом. Кожа, шейная фасция и мышцы разошлись, сосуды перерезаны. Из последних сил наемник попытался выстрелить, и Чес не собирался ему мешать. Он наслаждался процессом убийства, процессом отнимания жизни у сильного противника.

И плевать он хотел на изрыгающую пули винтовку. Спасение сталкера в руках самого сталкера. Я бросился вперед и чуток в сторону. Перелетел через мертвого Серого, рухнул на пол, и тут же вылетел из здания. Серега, спасибо тебе, отвлек наемника. Уверен, притворись я сам мертвым, ничего бы не получилось. А так, два трупа в крови... У порога я замер. Силы закончились. Подполз к стене, прислонился к ней, как к матери.

Чес держал стальной хваткой наемника. Тот обмяк, опустился на колени, но хитрый урка продолжал пилить ему шею. Я порадовался, что больше не вижу эту ужасную рану.

Чес хрипел, ругался и пытался балаболить:

– Слышишь, тля!? Слышишь, стреляют!? Мнишь, это твои хозяева наступают, собираются нас в землю закопать? Да? Хрен тебе есть столовой ложкой!

Чес отпустил наемника и тот упал. Как раз сверху на Се-

рого, задохлика, у которого сорок первый размер кроссовок. Символично. Нанятый бандитами, и теперь его труп будет лежать на другом бандите. Вот такой поворот судьбы, за которым оказался тупик.

Чес повернулся ко мне. Безумный взгляд, нож потемнел от крови. Он оскалился и довольно спросил:

– Чё, Кузьма, страшно?

Меня мутило. На улице светало, лучи солнца робко пытались пробить толстые тучи Зоны. Стало светлее, и лужи крови отчетливо виднелись на земле.

Я выполз во двор. Дурацкая сумка, которая так хорошо прикрыла лицо, волочилась следом. Я раздраженно снял ее, отбросил.

– Живой? – раздался знакомый голос.

Я перевернулся на спину, упал на влажную траву. А что, реально куртка счастливая! И не только для меня – Дельный сидел, поджав ноги. Бронежилет валялся рядом, он аккуратно массировал живот. Как будто рядом не происходило убийство, не перерезали горло.

– Угу, – сказал я. Тошнота медленно отступала, и я рискнул сказать:

– Там наемник. Я притворился мертвым, он поверил, а теперь он труп.

– Молодец, Кузьма. Еще чуток с нами побарахтаешься и сам научишься убивать, – спокойно констатировал торговец.

Я хотел сказать, что уже, что шмальнул возле контейнера

во «фризовца».

– А если он не один!? И что за выстрелы за холмом!? – вылились из меня вопросы.

– Расслабься. Мы победили, – выходя на свет, произнес Чес.

– Будь он не один, мы бы уже сдохли, – ответил Дельный. Он приподнялся, отмахнулся от Чеса, который попытался помочь:

– Борзый. Надо к нему.

Я не понимал, что происходит. Калейдоскоп событий менялся слишком быстро. Становилось светло, а вместе с ночью отступали и враги, но меня напрягало непонимание процесса. Что-то утаивали от меня бандиты, и пазл не собирался. Злило!

– Будут еще нападать?! – громко спросил я.

Чес сплюнул на землю и, вытирая нож о свой свитер, пошел к расстрелянному Борзому. Он даже не стал подбирать автомат, а начал насвистывать мелодию из репертуара шансона.

Я встал, земля шаталась, как при землетрясении. Дельный, опираясь на автомат, начал приподниматься, и я подхватил его за локоть. Приподнял.

– Нормально, Кузьма, сейчас главное поговорить с Борзым. Правду он нам про дядю Севу наплел или соврал, – пояснил торговец.

Дядя Сева! Который знает территорию Большой Топи!

– Это наши стреляют?! – уточнил я свою догадку.

Мы ковыляли к Борзому, возле которого столпились остальные бандиты. Все без балаклав с открытыми лицами. Нормальные мужики, решительные, не побоялись остаться на Ферме. Я их начал считать. Раз, два... Пять и нас трое. Не хило выкосило пацанов. Левша приподнимал бугра, и тот глядел на нас ясными глазами.

Я удивился, почему никто не зовет медика, но понял – случай тяжелый, как и с Серым. Грудь Борзого была распихана пулями, губы прокушены от боли.

Чес растолкал бандитов:

– Заняли позиции возле машины. Перезарядиться, собрать патроны и оружие.

Пацаны не пошевелились и угрюмо наблюдали за Борзым. Тот слабо махнул и произнес:

– Все верняково. Фризов добивают... Но вдруг дурак к нам залетит...

Бандиты послушались его, все, кроме Левши.

Тот с фингалом на скуле, играл желваками. Я присел возле Борзого, достал «иппешку».

– Не стоит. Тут больнички нет, а так... Продлишь и все, – просипел Борзый. Странно, у него даже голос поменялся. Стал нормальным, таким бы песни петь под гитару.

Чес присел рядом, отодвинул край куртки бандита, оценил пулевые раны.

– Он один. Был, – произнес он, как бы отчитываясь перед

старшим, – теперь у него два горла. Не успел я раньше, не заметили мы его, Борзый. Как крыса со спины забежал.

– Хе, – просипел тот, – больше нанять наемников денег у фризов не хватило... Хотя, когда их поперло немерено, ку-мекал, нам всем каюк. Лежать в земле радиоактивной... Вру. Скормили бы собакам или на болото кинули...

Как для раненого, он много болтал. Как для умирающего – это его последняя возможность наговориться.

– Топи, Борзый, Топи, – спокойно произнес Дельный. Чес недовольно пшикнул, но Борзый его остановил:

– Тоже верно... Долг платежом красен... Я не чепушила. Сева может и не вернется... Он мне план раскидал на картонке. Не точный, после Всплеска аномалии поменялись...

Борзый закашлялся, кровь с новой силой полилась, пачкающая подбородок. Мы молчали. Теперь каждое его слово на вес жизни. Задачу Гунча с нас никто не снимал, как с меня – дожидаться момента для рывка. Я начал крутиться, прицеливаясь, куда дать стрелкача. Бежать надо, бежать!

Борзый полез во внутренний карман, достал сложенный кусок картонки, которым оказалась расправленная пачка от сигарет.

Чес взял ее и небрежным движением отдал Дельному.

– Нет, Борзый, ты не чепушила, ты настоящий пацан. Я не буду тебе врать, мы сейчас уйдем. Ты чуешь звуки стрельбы? Слышишь, как сработал наш план? Трое наших «бомжей» прикинулись сталкерами, которые сбежали от банды фризов.

Только представь, Борзый, какой лапши они навешали военным!

Тот захрипел, видимо, смеялся:

– Да, план хорош, Чес. Ты верно просчитал...

– Да что тут считать? Людишками двигают эмоции. Скупость, страх или гнев. Военный спецназ притопал на пост, увидел своих парней порванными. Кровь играет, жажда мести, а директива держит, не пускает. Тут удача, приходят сталкеры, падают в ноги и говорят: те, кто обстрелял пост, сейчас будут Ферму штурмовать. Прикинь?

– В натуре...

– Им только с километр вглубь войти и в спину ударить. Как мыслишь, что злые военные сделают с убийцами своих ребят? В клочья порвут, в клочья!

– Фризы... – просипел Борзый.

– Что, фризы? А, понял! Да, против них сыграла репутация. Будь простые разборки бандитов, фиг бы вмешались, а так, отморозки, – тараторил Чес.

Теперь мне стал ясен план бандитов. Да, все сыграно тонко, на психологии. Хотя я, как военный, могу подтвердить, урка четко прочувствовал момент. На миг представил, как военный спецназ осматривает трупы под мостом. Злость переполняла их, а тут подарок судьбы. Три сталкера! Двое побиты, как вшивые собаки, а дядя Сева, на правах старшего, им смог втереть байку. Чуток дальше банда фризов, которые нас держали в плену. Да и хвастались они, как военных под

мостом убили...

Борзый повернулся ко мне:

– Завалил?

Я кивнул, и добавил:

– В живот. Этого, наемника покровсали чуток. Куртка счастливая, Борзый. Точно, счастливая.

Он улыбнулся, откинулся назад. Глаза его медленно закрылись.

Левша, осторожно, словно мог разбудить бугра, положил его на землю. Мы встали вокруг него, молча встречая рассвет. Вот был правильный бугор Борзый, и теперь его уже нет.

Чес заметил бегущих к нам людей.

– Левша! Счастье у тебя. Иди брата встречай.

Дельный крутил картонку, морщил лоб:

– Вроде верно. Мы, когда от Полигона отходов шли, то через верх к Хибаре попали, а тут, отсюда путь. Нам за забор возле здания, дальше по холмам и выйдем между тополями.

Чес потянулся:

– Что-то жрать охота. Эй, Унылый, давай шевелись скорее!

К нам направлялся Унылый, что для меня самое приятное, в моем бушлате. Лицо превратилось в отбивную, но он улыбался. Впервые на моей памяти.

– Я это! Я им сказал, что сталкер-новичок и меня били! Вот сюда, по лицу! – возбужденно произнес он и даже пока-

зал, как кулак попадает в скулу, – они поверили. Дядю Се-
ву оставили у себя, как самого знающего, а он нас отмазал!
Сказал, что знает военную бюрократию и нечего молодым
пацанам жизнь портить. И военные поверили!

– Много?

– Не! Вернее, да!

– Унылый, ты определись, – попросил его Дельный.

– Их только десять, зато в брониках, с оружием. Короче,
крутые ребята. Они там кладбище устроили. Перестреляли
всех, – Унылый осекся, погрузился и уже обычным унылым
голосом спросил: – А где мое ружье?

– Потеряли, – сказал Чес.

Веселое выражение как смыли с лица грузного. Мне стало
его жалко. Я толкнул его:

– Да все нормально. Выручило твое ружье. Вон в здание
войди и забирай. Только там кровищи много, неприятно, –
сказал я.

Он ринулся к зданию, как голодная собака за куском мяса.

– Ты его кровью не испугаешь, – усмехнулся Чес.

Радостные крики раздались над Фермой. Левша крепко
обнял брата. Тот слегка отстранился, радостно щебетал, ви-
димо рассказывая, как получилось привлечь военных к нам
на помощь.

Их головы находились на одном уровне и разлетелись
одновременно. Как спелые арбузы, брошенные на асфальт.
Мозги брызнули во все стороны, кровь оросила траву. Куски

черепу упали корками, а вслед за ними и тела братьев-близнецов.

– Тварь, – выдохнул Чес.

У меня перехватило дыхание. Казалось, мой мозг ошпарили кипятком. Я замер, не в силах поверить. Еще выстрелы и еще! Бандиты, которые собирали трофеи, падали мертвыми.

– Ноги! – закричал Чес. Я заметил, как на холме, возле тополя с «колючими тряпками», застыла черная фигура. Огромная, с проводами и жесткой арматурой по контуру, с закрытым противогазом лицом. Он стрелял как в тире, наводя ствол автомата и отнимая очередную жизнь.

Дельный и Чес рванули к забору за нашими спинами.

И я остро понял, что больше не хочу оставаться на Ферме.

Часть шестая

Топи

1

Выстрел. Он подгонял, как щелчок кнута, заставлял паниковать и совершать ненужные движения. Я кинулся к зданию, которое стало нам приютом на сутки, врезался в перепуганного Унылого. Он тащил ружье, в глазах удивление и страх. Мы же победили, так чего в нас стреляют?

– Ботва! Свалили! – проорал Чес. Он успел забежать в здание, видимо поторопил Унылого и теперь нас выталкивал. Мы высыпались, как чипсы из перевернутого пакета.

– Тут стреляют! – крикнул я. Как в подтверждение раздалась пушечная выстрелы и виртуозный мат. Незнакомый мне бандит, так феерично крыл фигуру с дьявольским автоматом, что я запнулся на секунду.

– Да не стой ты, Кузьма! Сдохнем! – толкнул меня сильнее Чес и тут же добавил подсрачник Унылому: – Ты тоже шевелись!

Я все пытался проникнуть вовнутрь, схватить сумку и оружие, но против двух выбегающих бандитов, я как волна против волнорезов. Меня отбросили, закрутили. Раннее

утро не радовало нас солнечными лучами. Свинцовые тучи начали кружить хоровод над головами. Зуб даю, скоро начнется дождь. Хотя, что дождь, что ливень, ерунда. Сколько дней минуло от крайнего Всплеска? Когда я ринулся в темный омут, под названием Зона? Под новый Всплеск нет желания попасть.

Убраться бы отсюда, как можно быстрее. Подальше и, главное, быстрее!

Забор. Единственный каменный на всю Ферму, он начинался от стены здания, и его построение походило на ход конем, несколько метров прямо, потом поворот и еще чуток. Потом каменный забор переходил в самодельный. Как раз возле самодельного забора и контейнера я застрелил человека. Хотя не факт. Скорее просто ранил, а вот добил уже Левша. Пусть на его совести лежит печальный груз. Ему и брату уже все равно, одним убитым «фризовцем» больше или меньше.

Дельный уже сидел сверху на заборе, словно воровал яблоки в соседнем дворе. Он успел надеть куртку, за спиной висел автомат.

– Быстрее!

– Да бегу уже, – подскочил к забору урка, – а эти тупни пусть тут гниют.

Ага, вот чего он возился в здании – штурмовая винтовка наемника, как литая, сидела в его руке. Он торопливо засовывал магазин в карман, крутился, осматриваясь.

Унылый помирать не хотел. Он подскочил к забору, попытался перелезть. Кинул ружье через забор и тут же получил от Дельного ногой в голову.

– Ты что делаешь? Тут растяжки! Думаешь, мы спины свои не прикрыли?!

Судя по проникшему наемнику, прикрыли плохо, но я не стал отвлекаться на такие мелочи.

Нет, забор-то выше меня, где-то под два метра. Если у нас в части забор сделан из плит с удобными ромбовидными узорами, то тут дело обстояло похуже. Унылый попытался зацепиться носком за гладкую поверхность и, конечно же, сорвался. От злости он ударил кулаком. Умно.

Я тоже попытался прорваться в первые ряды. Чес толкнул в меня в грудь. Боль разлилась по телу.

– Стой. Не боись, не бросим.

– Так чего стоять, Чес? – спросил я с наездом.

Тот кинул винтовку Дельному, оперся грязной подошвой о мое бедро и взлетел на верхушку.

– Толстого закинь!

Хорошо им командовать, сидят уже на заборе. Получается: перед ними бескрайние Топи, а тут мы, как спиногрызы, мешаем уйти им в свободное плавание.

Выстрелы. Четкие, хлесткие и уже близкие. Крики злости сменились на предсмертный вой. Новый наемник беспощадно убивал всех бандитов?! Их и осталось-то чуть, да ничего, а тут он, острой косой по нашим рядам.

Что ж этот наемник не зашел за спину? Тогда бы точно всех нас вырезали!

– Что ждешь!? – зло просипел я на Унылого. Кричать не хотел. Вдруг вражина услышит.

Унылый ошарашенно крутился, пытаюсь залезть. Даже попробовал еще раз самостоятельно, но грузно упал.

– Че там? – с усмешкой спросил Чес. Ну да, он теперь на свободе, а мы тут срок мотаем.

– Глянь по-тихому, – внезапно попросил Дельный.

– Шутишь? – зло спросил я. – Уматывать надо!

– Нет, не шучу. Надо знать, где он. Давай, быстрее, – пояснил Дельный.

Чес добавил:

– Ну чего стоим? Унылый, давай прыгай, может похудеешь, а ты, Кузьма, помни, билеты заканчиваются, поезд на Топи тронется без тебя.

Слов нет, только мат. Унылый прыгнул, почти зацепился за протянутую руку Чеса. Вес, который помог ему в драке, сыграл с ним мечеными картами. Урка не смог его даже подтянуть до верха забора.

Я же прилип к стене, продвигаясь к углу здания. Так, мелкий шажок и выглянуть на секундочку, оценить обстановку во дворе Фермы.

Человек-гора наступил бандиту на грудь. Черная маска, система дыхания, трубки, идущие по контуру тела. Он казался запаянным с головы до пяток в металл и резину. Я такое

даже представить не мог, такую боевую машину. Как будто с завода, на котором штампуют солдатиков в броне.

Он что-то говорил, наклонившись над бандитом. Вроде это тот, что забрал у нас ружье и потом получил еще от Борзого. Вот чуток ближе ко мне лежит бугор, который умер с надеждой на победу. Суток не прошло, как мы его встретили, а он и его пацаны уже мертвы.

«Машина» спрашивала бандита. Поддавливая ему ступней на грудь. Мне показалось, я слышу, как хрустят его ребра, и мои заныли в знак солидарности. Все ясно, выпытывает, кто еще есть на Ферме.

Бандит что-то прохрипел, «машина» убрала ступню. Бандит же поднял руку. Сейчас покажет на здание. Винить его я не собирался, перед возможностью сдохнуть сразу начинаешь мыслить другими категориями. Инстинкт самосохранения иногда делает из человека животное.

Бандит, имя которого я даже не знал, показал машине для убийства знакомую по американским фильмам комбинацию из пальцев.

Выстрел. Я ощутил, как потекли холодные капли. Начиная моросить дождь, оплакивая бандитов. Машина для убийства резко повернулась к зданию. Нет, глаз я его не видел. Спрятанные под толстыми линзами странного противогАЗа с раструбами. В защитной каске, он напоминал насекомое. Хищное насекомое, которое любит полакомиться мясом. Сходство добавляла расцветка костюма. Черного цвета,

с коричневыми пятнами на груди и шлеме.

Выстрел. Куда я уже не видел, но догадывался, в какую сторону. Здание приняло на себя смертельный металл. Да, ему с той точки неудобно целить, я вне поля его зрения. Это ненадолго.

Унылый чудом подтянулся до верхушки забора, повис на нем, как рекламный плакат. Чудо в лице Дельного и Чеса тянуло его вверх, когда я с разбегу поддел его, как бык матадора. Он подлетел, зацепился за верхушку. Его ботинки мелькнули перед моим лицом, Унылый улетел за забор. Громко упал, запричитал, что его не поддержали.

– Аккуратней, рядом проволока от растяжки! – напомнил Дельный.

Еще выстрелы и четкий звук. От камня отскакивали пули. Чес подмигнул и спрыгнул. Судя по новому возгласу, точно на Унылого. Я подпрыгнул в лучших традиция баскетбола. Слегка мокрая, стена не дала возможность на нее залезть. А еще над грузным смеялся!

– Быстрее, – произнес Дельный.

Шаг назад дался тяжело, как прыгнул с десятиметровой высоты в бассейн. Я почти ощущал, как в спину входят пули, дырявят хребет, разрывают мышцы. Смотреть не стал, да и счет шел на секунды.

Прыжок, цепляюсь за верхушку. Блин! Скользко!

– Да залазь ты уже, – прохрипел Дельный. Он опасно перегнулся, на грани фола. Крепко схватил меня за куртку и

рывком затащил на каменный забор. Тут же соскочил, увлекая меня вниз. Я успел слегка сгруппироваться, но земля со всей твердой любовью приняла мое тело.

– Тля, – выругался я, вставая на карачки. С губ текла кровь. Удары кнутом посыпались на стену. Я вздрогнул. От смерти нас отделяла каменная преграда.

– Да, что это за тварь!?! – воскликнул Чес.

– Бежим, просто бежим, – сказал Дельный. Он тяжело дышал, щеки его покраснели. Хоть чем-то проняло торговца. А то я думал, он как свежемороженая рыба. Эмоций, кот больше плачет, когда еды не получает. А тут – проняло. Узрел тварь, которая по нам стреляет, проникся всеобщей паникой?

– Ты куда?! – Чес схватил Унылого за бушлат. – Ты что, решил стать самым тупым?

Унылый собирался свернуть направо, к углу забора. Логично, земля под нами твердая, а вот впереди – начинались лужи и грязь.

– Там вроде сухо, – ответил он и тихо добавил: – я ботинок потерял.

– Если бы существовал проход через разваливающийся забор, фризы бы еще ночью проскочили. А там аномалия. Проверять будешь? Нет? – затараторил Чес.

Мои нервы не выдержали такого напряжения. Идиоты. По нам стреляют, а они рассуждают, куда бежать! Дельный мне нравился больше, он рационально думал. Правда, идти пер-

ВЫМ ОН НЕ ХОТЕЛ.

– Прямо? – уточнил я у него.

– Да, – сказал он.

Я ринулся вперед. Земля еще не успела размокнуть от капель дождя. Трава стелилась под берцами. Я даже хотел побежать, но уговаривал себя, что широкого шага будет достаточно. Темную лужу, в которой не увидел отражение деревьев, я резко обошел. За мной топали остальные и безо всяких слов повторили маневр. Страшно, товарищи бандиты, по Зоне ходить? Это не перестрелка и метание гранат.

Я оглянулся. Забор и Ферма выглядели сиротливо. Старики, которые остались одни в забытой всеми деревне. Тут все здания – старики, начиная от моей части...

Вокруг только холодный ветер и хищники. Кстати, хищника в странной броне я не видел. Далеко же мы забежали. Сзади пыхтел Унылый, хромая без ботинка.

Хлопок! Как будто шарик проткнули иглой. Несильный. Просто Ферма уже далеко. Я еще разок посмотрел на нее – забор проломлен и маячила фигура в странном бронезилете. Далеко? Только не для пули.

– В овраг! – выкрикнул Чес.

Я ринулся в спасительную выемку земли. Шарик и еще шарик. Хлоп, хлоп.

– Быстрей, – просипел я сам себе. Деревья. Ветка хлестнула меня по лицу. Попался дурацкий камень, я чуть не упал. Меня опередил урка, первым нырнул в овраг. Нет, криков

не последовало. Эх, окажись там аномалия и я бы избавился от головной боли. Жаль, нет таблеток под названием «Анти-Чес».

Бурелом. Ветки, поваленные деревья, странного вида коряга. Я только благодаря удаче не напоролся на нее и не распахал туловище.

– Да что это за тело!?! – опять заорал Чес, и обложил всю родню преследующего. Даже вспомнил мамонтов и первобытно-общинный строй со взглядами на групповое владение женщиной.

Мы сбились в кучку. Чес со штурмовой винтовкой полез наверх. Дельный снял автомат со спины, достал монокль, принадлежащий Трофимычу. Унылый, с озлобленным лицом, глядел на свой мокрый носок и на мои берцы. Тут ход мыслей грузного понятен.

– Не стреляй, тупица, – услышал я торговца.

– Ты за тупого в голову получишь, – зашипел Чес.

– Рот закрыл, надоел уже командовать, – так же спокойно произнес Дельный.

– Че!?! Че ты сказал?

– Ты еще и глуховат? Повторить? Не стреляй в него. Если он нас поймает, то мы сдохнем, как шавки, – продолжил Дельный, – и не сопи мне на ухо. Отвлекаешь.

Я замер. Сейчас точно станет минус один в нашей дружной компании.

Чес демонстративно плюнул и почти попал в Дельного.

Потом высунул винтовку и выстрелил. Идиот. Попал или нет, я не знал, а вот Дельный сразу же бросил монокль в карман и стал сползать на дно оврага. Я ожидал взрыва эмоций или жестких действий со стороны торговца. Если я прав, то он флегматик, чем-то похож по характеру на Трофимыча. Флегмы, они такие, как слоны идут себе по жизненному пути, спокойно, уверенно. Монотонно решают проблемы. Ссоры и скандалы им претят, но... Рано или поздно, как и каждый человек, они срываются. Ярость переполняет их сердца и выплескивается на окружающих. Раненый слон затопчет даже царя зверей да еще и кучу деревьев поломает на своем пути.

Дельный искоса посмотрел на стреляющего урку. Подлый взгляд, тяжелый, как удар топором. Урка ходит по грани, еще чуток и переступит ее.

Чес шмалял, пока не закончились патроны. Отстегнул магазин:

– Да плевал я на него...

Тут же стволы деревьев застонали от пуль преследователя.

2

– Двинули!

Дельный указал на Унылого. Тот скривился:

– У меня нет ботинка.

– У тебя совести нет, и повторять не буду, – сказал торговец.

Я встряхнул головой. Капли дождя уже катились за шиворот. Посмотрел на небо. Красиво! Тонкие серебристые струи связывали тучи с Зоной. Как нити, которыми привязывали марионеток, дергает за них небо, а мы и рады плясать.

Тля. Скулеж Унылого меня раздражал. О чем можно прекаться, когда рядом щелкают пули?

– Вот гнида! Как он нас вычислил? – на полном серьезе спросил Чес.

Адекватный человечеще. Холерик чертов. Костер, облитый бензином, рядом с которым пальцами щелкнуть нельзя! Сразу же вспыхнет, обожжет до костей.

Я встал рядом с торговцем. Помял его побег с Фермы. Курточка с пятнами грязи, без бронежилета и рюкзака. Лицо посерело. Да, получить почти в упор из штурмовой винтовки – это не на пол упасть. Повезло, наемник попал в бронежилет, а не в голову.

– Куда? – спросил я.

– Возьмем правее и потопаем. Сразу к Хибаре идти смыс-

ла нет, – сказал Дельный. Он смотрел на меня, как на равного. Да, он единственный, кто остался на заборе и помог перелезть.

– А чего так?! – раздался вопрос Чеса. – И меня не спросили...

Идиоты. Я тоже идиот. Ринулся к камышам, стараясь не распахать голень об острые ветки. По пути схватил Унылого, встряхнул:

– За мной топай.

Он скорчил лицо, будто его заставили пить рыбий жир. Я перестал на них обращать внимание. Пора брать ответственность на себя. Плевать на грузного. Боится идти – пойду я. Плевать на Чеса, который готов хоть сейчас вернуться и навалить противнику. Мыслишки простые у него в голове. Одного наемника завалил и другого застрелит. Крутой урка! Киллер Чес! Обиделся, что с ним не посоветовались!

Плевать и на Дельного, скрытого вожака стаи. Пусть сначала урку поставит на место.

Плевать на все, кроме Зоны. Я двигался тяжело и не только от пережитых ночных событий. Упругая трава, разбавленная грязными лужами, превращалась в податливую поверхность. Вот и камыши. В человеческий рост, приятно желтоватые. Нет, даже бледно-желтые, но в суровой Зоне даже этот оттенок казался праздничным. Вот наше спасение, вот наше укрытие. Чавкнула вода под берцами. Перед нами новая местность со своими законами и аномалиями. Чиркнула

в моей жизни военная часть, колхоз, Граница и Ферма. Куда же несет меня судьба!? Теперь вот, болота. Я всего лишь хотел дойти до бара и вернуться в часть.

– Топаем, топаем! – донесся приглушенный шепот Чеса. Командир выискался. Интересно, наших тоже подняли по тревоге из-за убитого солдата и сержанта?

Я резко свернул влево, почувствовал, как нога проваливается во что-то вязкое. Хлюпнуло.

– Осторожно, – предупредил я.

– Поздно, – буркнул Унылый. Видимо, вляпался.

Шершавые листья камыша, который на самом-то деле не камыш, царапали физиономию. Борода спасала.

Меня не покидало чувство опасности, а только усиливалось. Тревожно. Кто или что нас преследовало?!

– Кузьма. Давай в сторону! – Это уже Дельный.

– Там провалимся, – ответил я.

– Что?

Я остановился. Сколько протопали непонятно, тут на болоте каждый метр за три считается. По времени, минут двадцать, перескакивая через водные преграды, и ощущая с каждым шагом, как земля становится подозрительно мягкой.

– Там провалимся, – повторил я.

– Так, Пробирка, значит нам надо по доскам и настилу топтать? – это уже Чес.

Я остановился. Дождь усиливался, да и ветер не унимался. Камыш качался, шуршал со всех сторон, создавая иллюзию

– вот он настоящий океан, не из воды, а из тростника. Волнуется, сбивает с понимания, где берег левый, берег правый. Переправа, переправа...

– Топи знаешь? – спросил я урку.

Мы стали в круг, на маленьком островке твердой суши. Чес с автоматической винтовкой черного цвета. Лицо урки с заостренными чертами, словно за ночь скульптор подточил его нос, скулы, подбородок. В расстегнутой бандитской куртке, большой ему по размеру... Бандит, самый настоящий бандит.

Дельный же, наоборот, застегнулся, повесил на плечо автомат. Дождь умыл его, он стал чище, да и щетина только начала проступать.

Унылый злился на меня, на небо и всех остальных. Он сжимал кулаки, дергалась раненая щека. Виноваты, что затащили его в болота? Конечно, он злился на меня, а его кумир урка – эталон справедливости. Мой бушлат на нем стал грязной тряпкой, в одном ботинке...

– Хлеборезку закрой, – угрюмо проговорил Чес, – много понтов, солдатик. Запомни, твое место в жопе и оттуда не вылазь. Понял?

Он слегка пригнулся. Окрысился. Я снова стал солдатиком.

Я показал на длинные листья. Тонкий стебель, который заканчивался коричневым початком. В детстве мы срывали его, сушили на солнце. Вечером, когда наступала темнота,

выходили мальчишеской толпой, поджигали кончик початка. У него, как будто специально, выступала маленькая верхушечка стебля. Нет, початок не горел, а просто тлел. Набитый спрессованным пухом, красиво светился огненно-красной каймой. Любимое развлечение, махать им, вытворяя сложные фигуры. Красота.

– Что это? – спросил я.

Чес молчал, не замечая, куда я показываю. Это молчание не вело ни к чему хорошему. Наплевать. Жизнь ценнее.

– Камыш, – произнес Унылый. Попался. Наивный.

– Нет.

– Рогоза, – усмехнулся Дельный.

– Да, рогоза. Вот чуть дальше, тростник. Камыш с метелками на верхушках, да и ростом он поменьше, – сказал я.

– Знаток? – выцедил из себя слово Чес.

– Бывал на Пинских болотах. Возле Лунницы. Их еще лет сто назад пытались осушить, прокопали каналов на многие километры. Не получилось. Тут так же, осока, тростник, кусочки суши и почти все покрыто водой. Я знаю, как ходить по болотистой местности, и главное, видел от кого надо убежать.

– Что, струсил, солдатик, – язвительно сказал Чес и сделал шаг ко мне. Я не стал дергаться. Да и Дельный слегка повернулся к урке, перекрывая ему дорогу.

– Пацан дельно говорит, – произнес он.

– Да мало ли что он там насочинял?

– Стоять и ждать не выход. Пусть топает дальше. Сделаем крюк, вернемся к мостику и дальше к Хибаре, – хладнокровно продолжал Дельный.

Чес сплюнул. Провел по лицу, смахивая капли дождя.

– Сговорились, тля. Топаем, ботва, – разрешил он.

– Мне бы берцы, – произнес Унылый. Вовремя.

– Где мы их тебе возьмем? – огрызнулся урка.

Унылый втянул соплю и сказал:

– У него. Пусть без них ходит.

Я ошалел. Вот же человек! С ним за ружье с бандитами бьешься, на забор подсаживаешь, по топи первый бежишь, молясь, чтобы не залезть в аномалию, а он, сволочь, берцы требует.

Хотя я ошибся, что не вовремя. Как раз, Чес злой на меня и хочет отплатить за дерзость. Цаца какая, слова поперек не вставишь, этому урке.

– Хочешь еще шрам? Для равновесия, чтобы щеки носить удобнее, – прищурился я. Небесная вода стекала по ресницам, капля зависла на миг и сорвалась на куртку. Унылый слегка отступил.

– Все равно тебя в расход пустим, – злобно пообещал он.

– Рот завали, – устало произнес Чес и добавил, уже обращаясь ко мне: – а ты снимай берцы.

Дельный молчал. Я ожидал от него помощи, но видимо он выдал мне весь кредит.

– Решено? Да?! – Ярость разгоралась в груди, молоточки

застучали в ушах. Идиот, надо было валить их на Ферме, а потом валить самому! Застрелить падлу-урку! Или ножом порезать!

Кого тут винить кроме себя? А что сейчас? В карманах жгуты и индивидуальные перевязочные пакеты. Из оружия – булавка.

– Чес, ты слово дал, я вас на Топи провожу, а ты меня отпускаешь. Или твое слово – звук пустой? – я сплюнул на рогозу. – Тогда стреляй сразу.

Чес отстранил Дельного, размахнулся и залепил оплеуху. Голова Унылого дернулась.

– Трепло тупое, – заявил Чес, – а ты не психуй. Я свое слово всегда держу. Клянусь. Сказал, отпущу, так и будет. Но берцы снимай.

– Угу, уже разогнался, – сказал я смело.

Я резко повернулся и нырнул в просвет рогозы. Хотя, какая разница, камыш он и везде камыш. Только высокий, зараза. Это я так, про рогозу и тростник понты колотил, показывая, что нужен. Да, тут в расход пустить человека за милую душу. И костей не найдут, потопят тело и гуляй потом смело.

От такого поворота сердце накалилось до предела. Я раньше себя уговаривал, что отпустят. Самообман. Самые тяжелые душевные травмы мы причиняем себе сами, своими же мечтаниями и фантазиями.

Теперь придется изображать из себя сталкера, который

знает болота. Я успел далеко уйти, когда за спиной послышалась ругань моих подельников. Будь они неладны!

Зашуршал камыш, что-то большое, как бегемот, неслось, плюхая по воде.

– Эй, я сейчас стрельну! Берцы снимай! – Унылый. Кто ж ему дал такую кличку четкую! Не в бровь, а сразу в глаз, потом в пах и по затылку!

Я отмахнулся, выбирая, куда поставить ногу, ускорился, заметив чистый участок. Унылый попытался обойти меня, наверное, хотел потыкать ружьем в живот.

Зря. Упругая поверхность провалилась под ним, сразу же всосав его до пояса. Он занервничал, запаниковал и начал пытаться вылезти на твердый участок. Получилось только хуже! Он провалился уже глубже, по грудь, открыл рот, чтобы закричать. Бульк, и набрал воды по самое «не хочу». Я впервые лицезрел, чтобы так сильно засасывали Топи! Как живое ненасытное существо, они просто втягивали Унылого.

– Хватай! – крикнул сзади урка. Я так и сделал. Нагнулся, схватил за цевье ружья, которое не выпускал Унылый. Брызги, вода с горьковатым привкусом. Я потянул, напрягая мышцы.

– Эххх! – вырвалось у меня.

Унылый вынырнул, забился как пойманная рыбина.

– Стой! Успокойся! – прикрикнул я на него.

Он затих с расширенными от ужаса глазами. Дельный и Чес подошли, именно подошли. Ну да, зачем спешить,

вдруг не топь, а простая аномалия. Аномалия, которая может убить.

– Пощупай ногами, – произнес я. Ружье мы держали вдвоем.

Унылый так и сделал. Нашупал что-то твердое, встал. Вода ему доходила до груди.

– Это не топь, просто глубоко, – объяснил я и потянул за ружье. Заряженное ружье.

– Помогу, – сказал Дельный и взялся за цевье.

Через минуту мокрый Унылый был выловлен.

– Отдай, – приказал Дельный, не отпуская ружье. Мы так и застыли. Чес щелкнул затвором, намекнул:

– Я все цинкую, дезертирчик. Бросай ствол, не дури.

Что делать? Может стрельнуть? Довернуть резко ружье. Упереть ствол в голову Унылого и бабах!

Я отпустил, развел руки, показывая, что и мысли плохой не было. Мы подхватили его под мышки и подволокли к островку. Твердая суша вместила здоровых мужиков.

Унылого рвало. Болотная вода с запахом погнившей тины вырвалась из него струей. Весь мокрый, он стоял на четвереньках, и еще дождь усиливался, теперь он падал крупными каплями.

Самое странное, он потянулся не к ружью, которое перекочевало к Дельному, а в карман штанов. Достал тетрадь, завернутую в кулек, стряхнул влагу и спрятал за пазуху. Я онемел, вот это творческий человек, бережет свои рисунки

больше своего здоровья.

– Унылый, ты просто гонишь! – крикнул Чес. Он собирался наорать на грузного, но снова вмешался торговец.

– Не кричи. Нас преследуют.

– Да ты заколебал меня своей притыренностью! Ни один наемник сюда не сунется! Фризов уже нет! Борзого нет! Зачем ему за нами прыгать по радиоактивной воде?!

– Не ори, – сказал Дельный и провел рукой по волосам. Они легли назад, открывая широкий лоб.

– Тля, вы меня, ботва, заколебали. Станьте возле Унылого. А ты так и стой, на карачках!

Чес взъярился, провел пальцами по уголкам рта. Вскочил на спину Унылого, от чего тот крякнул, но не упал. Страшно уронить урку.

– Ну, чего стоите? Сейчас проверим, кто там нас преследует! Психов всех Зона убила! – нервничал Чес.

Дельный кивнул, и я решил – это верно, пусть лучше Чес выглядывает из камышей, чем снова меня заставят. Хотя нет, уже не посмеют.

Он оперся на нас, поставил грязные кроссовки в сомкнутые в замок руки. Хорошо, что он самый заморышный из нас!

– Выше! Тут этот камыш высокий, как Кузьма, – проворчал он. Мы держали его несколько минут.

– Ну, – выдохнул я.

– Не нукай, – ответил самоучка-эквилибрист, – нет нико-

го!

– Еще выше, – проворчал Дельный, и мы приподняли урку.

– Все чисто!!! – крикнул он и захохотал. – Вы тупые! Ту...

Он заткнулся, будто рот ему заклеили скотчем.

– Да что за тля... – успел произнести он.

Раздалась автоматная очередь над Топями.

– Это что за урод?!

Мы двигались настолько быстро, насколько нам позволяло болото. Дождь стоял стеной, и теперь мы все оказались мокрые. Куртка спасала, кожа оказалась настоящей, а не дерматином. Что ж согласен, счастливый подарок от Борзого. Меня занимала проблема, как снять с Унылого бушлат и, главное, находится ли еще в скрытом кармане артефакт. Понятное дело, будь он не в потайном, то грузный его бы нашупал. Наверняка, похвастался, начал бы тыкать в меня своим пальцем с грязью под ногтем.

Унылый позади меня, вцепился в ружье, как в поручень сиденья при обгоне на большой скорости. Страшно ему, воды наглотался. Он даже задал вопрос:

– Я теперь сдохну?

– От чего?

– Говорили, вода вся радиоактивная, – с печалью в голосе произнес он.

– Сдохнешь, – прошипел Чес.

– Но не сегодня, – произнес я. Думал, не услышит, все же топал сзади, а нет – слух хороший.

– А когда? – наивно спросил он.

Я промолчал. Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Откуда я знаю, когда он умрет? Может лет в

пятьдесят от инфаркта, а может и дольше небо покоптит. А вот разговор мне что-то смутно напомнил, словно я его уже чуял и овладел этой логической цепочкой от начала до конца. А! Трофимыч мне рассказывал про траву и радиацию. Как все течет. Иногда и за неполную неделю взрослеешь, больше чем за год.

Я смахнул с лица воду – струи дождя текли за шиворот и неприятно бежали по разгоряченному телу.

– Когда надо, тогда и сдохнешь, – прошипел Чес и остановился.

Мы к этому времени много отмахали и, двигаясь по прямой, наверняка достигли середины болот. Тут пути коварные и труднопроходимые. Им нравится хватать, втягивать в мрачные воды.

Камыш шумел, грозно выговаривая нам за непрошеное вторжение. Я уже несколько раз пожалел, что в овраге зря потратил время. Надо бы найти длинную жердь. С ней отлично двигаться по Топи. Не успел. И все из-за этого нервного урки...

Он снова подал голос, но тихо.

– Так что это за урод?

– Не слышу тебя, Чес, – сказал Дельный, – ты как всегда говори. Вернее, покричи громче, а то тихо как-то стало.

Я провалился по колено в темную воду. Ботинок наполнился водой, и я с усилием вытащил брэнное тело на островок.

Остановился. Сил не хватало, и это обидно. Я понимал, скоро проблемы встанут во весь рост, главное, сохранить себе жизнь. Я не верил урке, хоть он и твердит все время о желанности своего слова. На этом он и строит судьбу, строит отношения с другими. Но что это дает мне, когда через несколько дней я стану дезертиром? Начмед обещал прикрыть только на шесть дней.

Я плюхнулся на землю, и так штаны уже все промокли. Сильно хотелось вылить воду из берца. Охота, пуще неволи. Держат меня бандиты на коротком поводке, а хлюпать сил не осталось.

Дельный с Чесом выясняли отношения, раскладывали все по полочкам. Что ж, чем дальше в болота, тем больше они начинали ругаться. Или дело не в Топи, а в приближении к Хибаре, где скрывается их странный человек-билет?

Унылый встал чуть дальше и начал осматривать камыши. Зато я получал удовольствие от конфликта.

– Ты рамсы не попутал? – Чес повернулся к торговцу.

– Умешь по-русски говорить или только на своем, приплетенном-неправильном? – спокойно спросил Дельный. Он не собирался отвечать на вопросы урки. Или пока не хотел. Видимо, он знал больше нас и теперь показывал, что становится главным в стае.

– Маслину всегда можешь схлопотать, – с угрозой произнес Чес. Ого! Уже маслина! Перекрашивается урка, хочет стать бандитом из Зоны. Нет, не получится. Вот Борзый на-

стоящий бандюга, по настоящим мужским правилам жил, и помер, не отступив от принципов. Пусть земля ему будет пухом и без радиации.

– Я люблю оливки, без косточек, – Дельный уже открыто насмеялся над бандитом, – думаешь, только у тебя есть нож? Я же тебе не простой торгаш и не наивный сталкерок...

– Не простой. Настолько не простой, что с тобой не хотят общаться и руки не подают. Знаю, слухи ползали, ты торгуешь всем, что судьба послала, – Чес провел по уголкам рта, – слышь, торгаш, а мамку тоже продашь?

Я уже вылил воду из берца и начал расшнуровывать следующий. От дождя, сильно затянутый узел на шнурках не хотел поддаваться и не развязывался. Я вдруг понял, что сижу на линии огня. Начни Дельный стрелять, и все – схлопочу я парочку кусков свинца. Без разницы мне будет, как их называют: пули или маслины.

Я начал отползать в сторону, когда Унылый резко ворвался в спор:

– Там это, домик маленький. Ну не домик, а с крышей!

– Топаем, – произнес Чес.

– Дельно, – сказал торговец.

Никто из них не ринулся первым, не подставил спину. Капли дождя летели со свинцовой тучи, разбивались о наши тела.

– Это, так идем, да? – уточнил Унылый.

– Угу, – одновременно ответили оба.

Чес усмехнулся, толкнул в плечо Дельного:

– Да ладно, торгаш, не нервничай. Сначала порешаем проблемы, а потом узнаем, кто и чего стоит.

Он повернулся, показывая бесстрашие, и двинулся в указанном Унылым направлении. Попытался по пути с носка поддеть мой берц, но я ловко его выхватил и, натянув, покакал следом.

Дом оказался простым навесом. На трех подгнивших от воды опорах еле держалась крыша. Перекошенная, она бойко отбивала дождь и сохраняла стол от капель. Он состоял из тонких стволов, связанных веревкой, на которых зелеными пятнами порос грибок, но меня это не смущало. Скамейки, видимо, были не предусмотрены конструкцией.

– А вдруг она радиоактивная, – завел старую песню Унылый.

Я приблизился, внимательно осматривая навес.

– Вон вырезано: «Сделано второго октября девятого года. Приятного укрытия, братья-сталкеры!».

– Хоть какая-то польза от сталкеров, – сказал Чес. Интересно, вот от него какая польза этому миру?

– Отдыхаем и решаем, что дальше, – сказал Дельный.

Мы окружили стол, начали скидывать шмотки. Я прислонился к столбу, мечтая снять обувь. Он опасливо начал крепиться, и я резко отлип. За несколько лет сгнил навес. Так и люди в этой проклятой Зоне, гниют быстрее. Вот, сколько Трофимычу лет, я не узнал, а выглядел он лет на пятьдесят

с крюком.

– Что за урод? – в очередной раз спросил Чес. – Он весь, как в консервной банке и по бокам наклеплены трубки.

Мне тоже интересно узнать. Меня одного пугало это «насекомое»?

Унылый разделся весь, заманчиво скинул бушлат рядом со мной. Он аккуратно вытащил тетрадь, завернул ее в сопливый платок и положил под бушлат, как самую дорогую вещь на свете. Свитера полетели на стол. Я начал выжимать из майки воду и пот.

– Мутант? – спросил и понял, что сморозил глупость.

– Нет, – Дельный усмехнулся, – это экзоскелет. Скелет... Разработка местных ученых. Военный заказ. Идея, сделать внешний скелет, который позволит переносить больше груза и, главное, броню. Он, как ходячий танк, несокрушимый и его крайне сложно остановить.

– Откуда знаешь?! – удивился я.

Унылый тоже закивал головой – интересно.

– Я же уже шепнул, наш торгаш всем торгует. Да? Ты скажи, наркоту только взрослым толкал или детям тоже? – спросил Чес.

Мы замерли. Я полуголый, без оружия. Унылый продолжал возиться со своей дурацкой тетрадью, перекладывая ее туда-сюда.

– Тебя мой бизнес волновать не должен, – спокойно ответил Дельный, – а если родители не смотрят за детьми, то это

только их вина, что наркоту жрут. Про Скелета, продолжим.

– Ну-ну, – произнес Чес. Я сплюнул, помогая дождю за-тапливать болото. Лишь Унылый не отреагировал на наркотики. Зато спросил:

– Этот... Скелет, может не пойдет за нами? Он же тяжелый, а тут топи. Я вон провалился и наглотался.

– Если это наемник, то будет нас преследовать. Хотя, какой нормальный пойдет в радиоактивные топи? – Чес похрустел шейей, начал натягивать куртку.

– Что-то не стыкуется, – сказал Дельный, – наемники редко ходят по одному. Да и в топи лезть, так нагло... Заказ надо выполнить, так что могут. Экзоскелет смущает. Это дорогая и стильная штукавина. На окраинах Зоны в ней лазить, это все равно, что из «Тополя М» по воробьям стрелять.

– Да, – почесал затылок Чес, – и если наемник, то заказ поступил от фризов. Мы-то краями, и они о нас не знали...

– Невозможно сделать заказ, если не знаешь на кого, – закончил я за него мысль.

Чес не отреагировал. Значит, стал больше уважать или уже списал с этого света. Или это ничего не значит. Дождь начал затихать, будто бы высказал все, что хотел. Ветер усилился, казалось, рогоза и тростник ломаются. Нет, того, кто гнется, сломать невозможно. Пистолет Макарова и ружье заманчиво лежали рядом на столе, который сделали сталкеры.

– Я когда сидел на блокпосту, чуял разговоры военных. Ну, перед тем как Сева договорился, что останется с ними, а

нас отпустят. Так вот, военные сталкеры залетели им в спину и хотели легко покрошить, как капусту, – Унылый разговаривался. Мы слушали его с интересом, и это прибавляло ему решительности. – Короче...

– У кого короче, тот сидит дома и отращивает, – рявкнул Чес.

Унылый обиженно замолчал.

– Продолжай, внимательно слушаем, – сказал я. Как показалось, сорвал фразу с языка у торговца. Правду же говорят, с кем поведешься, от того и наберешься.

– Так вот, там еще два наемника за фризов воевали. Они хорошо отстреливались, даже убили кого-то и вроде успели смыться. По крайней мере, среди трупов «фризовцев» их не обнаружили, – это самый длинный разговор, который я услышал от Унылого. Он начал гордиться, что стал полезен. Эх, ему бы в армию, в нормальную часть, а не с урками лазить по Зоне. Не зря ж говорят, девушка превращается в женщину за ночь, а парень становится мужчиной за годы в армии.

– Значит, не наемник, – произнес Дельный, – и тогда его мало интересовал Борзый со своей Фермой...

– Точно, – добавил я, – когда выглянул, то он у бандюка выпытывал. Скорее всего, про нас.

– Креститься надо... – начал Чес. Я же за него закончил:

– Когда кажется. Могу хоть сейчас.

Чес оскалился:

– Наглый. И откуда ты ж взялся на мою лысую башку?

– Туша загнала, – ответил я.

– Не наемник, – повторил Дельный, прерывая наш спор, – значит, не отстанет.

– Убьем его, в чем проблема? – удивился Чес.

– Еще раз, экзоскелет обладает высокой степенью защиты от пуль и осколков. А у нас что? Даже гранат нет, – возразил торговец.

– Понаделали уродов, даже валить их нечем, – произнес Чес, – а вот эта красавица?

Он потряс черной винтовкой наемника.

– Это «Энфилд». Номер не помню. Американская детка, под патрон пять пятьдесят шесть. Магазин из тридцати патронов. Смешно, но вроде у Скелета тоже такая модель. Ее ученые очень любят. Высокая точность, но она плохо продавалась.

– Почему? – не вовремя спросил я.

– Капризная. В Зоне с ней тяжело, она любит лениться, а не пахать в грязи.

– Так что не пробьет? – поинтересовался Чес.

– Не знаю. Хотя этот Скелет не отстанет. Надо делать за-саду.

– И без тебя понятно, – угрюмо сказал Чес.

Унылый начал натягивать свитер, я же наслаждался ветром. Он приятно обволакивал тело, снимая усталость, и подзаряжал меня.

Дельный достал карту от дяди Севы.

– Мы почти уперлись в рукав ручья. Там мостик...

– Ясно, не тараторь, торгаш. Завалим мы этого Скелета, – произнес Чес. Он взял «Энфилд», схватил за шиворот Унылого и как котенка поволок за собой. Прикрывается от возможного выстрела в спину? Да и «отмычка» нужна, не самому же разведывать нахождение моста.

Дельный, наверное, думал так же. Усмехнулся, произнес:

– Опасается. Сам привык исподтишка, и на других так думает.

Я промолчал. Всем моим вниманием завладел черный от грязи бушлат. Даже не обратил внимания на умолкший дождь, сейчас главное узнать, там ли артефакт.

Или все же попытаться выхватить «калашников» у торговца, расстрелять его и удрать? Пусть Скелет преследует не меня, а оставшуюся парочку.

– Не мечтай, Кузьма, не стоит рыпаться.

Я не ответил. Наркоту толкать детям, это достойный бизнес. Ладно, с оружием, без него в Зоне тяжело. Хотя вспомнил, как Трофимыч считал цены на патроны, и понял, бизнес-то прибыльный.

– Молчишь? Обиделся? Думал я дюймовочка и, как и ты, случайно попал в компанию плохих людей? – спросил Дельный.

Я натянул куртку и сделал вид, что не слышу. Дельный провел рукой по волосам, зачесывая их назад, печально ухмыльнулся.

– Гляну, вдруг Скелет уже нам в затылок дышит. – Он повесил автомат на шею, и двинулся в камыши. Ветер радостно запел.

Что ж, я медлить не собирался. Теперь нащупать, есть ли артефакт в бушлате, и бежать насколько хватит сил. Я начал рыпаться, попал не в тот карман, ощутил, как похолодело в животе. Нет, вот он! Лежит!

– Ты чего там лазишь? – раздался голос.

Быстро он вернулся. Я начал лихорадочно думать, что со-
врать. Качественно, так чтобы поверил самый хитрый чело-
век в нашей группе. Сказать, что хочу забрать свой бушлат,
но возникнет вопрос – зачем? На мне-то куртка, не промо-
кает, да к тому же чистая, без грязи.

– Ностальгия по службе заела? – спросил торговец. Если
они поймут, что я не дезертир, мне лучше не станет.

Думай, думай!

– Нет. Что мне с нее? Только тычки от офицеров, – начал
врать я. Вот оно!

Я повозился с бушлатом, залез под него и нащупал тол-
стую тетрадь.

– Хочу узнать, насколько красиво рисует Унылый. Может
ему надо выставку открывать, а не по болотам бегать, – ска-
зал я.

– Уверен, что хочешь, – торговец приблизился и схватил
тетрадь, с другой стороны. Она намокла, по краям набухла
от воды. Все же купание не прошло даром.

– Дай сюда, – произнес Дельный.

– Что бесплатно смотреть нельзя? – нехорошо усмехнулся
я.

Дельный резко вывернул тетрадь, вырвал ее, оставив ош-
метки бумаги в моих пальцах. Раздраженно бросил ее на

стол. Автомат он закинул за спину.

– Ты дурак, Кузьма. Вот сделал выброс информации урка, а ты ведешься, как последняя шестерка. По складу характера ты на уровне бандита, а по уму – выше Унылого. Думаешь, я урод? Нет, Кузьма, я просто умею считать. Сначала, я окончил математический институт, где нас учили вышмату. Однако мне это стало неинтересно, особенно, когда появилась семья. Ребенок начал требовать большего комфорта. У тебя же нет детей? Молодой еще, а у меня девочки. Я тогда понял, надо сложить то, что сложить невозможно.

Я поднял ворот куртки и начал заниматься берцем. Наконец-то развязал шнурок, вылил воду. Разговор торговца меня не волновал. Все ясно, сейчас все сведет к достатку и не для себя, а для семьи. Но у меня начал намечаться план, в голове появилась дикая идея, как реализовать которую я не знал. Для этого надо поговорить с Дельным.

– Это что же?

– Людскую жадность и товар. Знаешь, что получилось? Достаток! Для меня, для моей семьи! Самое интересное: товар по жизни менялся, а жадность – величина постоянная. Я продавать начал с гнилых окорочков. Не прибыльно. А вот дальше – лучше. Наркотики, хотя это сложно. Я перед их продажей десять лет мытарился, имидж среди бандитов зарабатывал. Порошок и таблетки...

– Детям? – уточнил я.

– Может. Я занимался крупными моментами, а кому они

доставались – это уже не моя схема. Да и без разницы. У меня две девочки и ни одна не курит, и не колется. За детьми просто смотреть надо, а не бегать на дурную работу, где платят копейки.

– Так зачем в Зону полез? Мало заработал?

– Не ерепенься. Мало. Мне старшую надо в Европу отправлять учиться... Да и младшая растет. А тут таких идиотов, как Чес, много, а толковых людей мало. Филиппович, старый хрыч, сидит в подвале. Гунч хороший вариант предложил...

– И ты повелся? – спросил я, чувствуя, что наглею.

– Кузьма, весь мир стоит на купи-продай. Это и есть смысл жизни.

– И чем ты лучше Чеса и Унылого? – задал я вопрос. Эх, сейчас меня попробует ударить. Я не понимал, как можно спокойно рассуждать о наркоте.

В меня полетела тетрадь.

– На, смотри внимательно, пока она вся не потекла. Все познается в сравнении. Кто-то жалуется, что в булке мало изюма, а кто-то бородинскому рад. Глаза шире распахни.

Я успел удержать тетрадь от падения в болотную жижу, зато уронил ботинок. Что ж такое! Ладно, хочет тетрадь мне показать, обелить свою репутацию, указав на проблемы Унылого. На что способен грузный парень со шрамом от ножа? Хуже, чем продавать наркоту? Это надо сильно постараться. Да и бандит из него начинающий, явно не успел заработать

авторитета в мире преступности.

Я начал листать мокрые листы. Они слиплись, линии разбухли и исказились. Хотел открыть на последней странице, там, где Унылый рисовал сидя на бревне. Не получилось, сразу влез в середину.

– Не понимаю, – честно произнес я, – Унылый что, тоже в медицинский мечтает поступить?

– Кузьма, не расстраивай меня, – произнес Дельный, – как думаешь, почему я с ним так паскудно общаюсь?

На странице нарисованы развороты с атласов по анатомии. Вот фигура с распоротым животом, тонкий кишечник, вытасченный в сторону. Нет, любительский рисунок, показано не с того ракурса. Следующий лист – вскрытая грудная клетка, выломаны ребра. Странно, анатомический инструментарий позволяет делать вскрытия аккуратно, а тут, как будто плоскогубцами ломали. Зазубренные обломки, сердце, еще и аорта.

– Бред, – произнес я, листая страницы.

Показались цветные картинки. Видимо ранние работы, когда Унылый мог выбирать цвет карандашей и ручек. На рисунках, почти везде он ярко выделял вторичные половые признаки – особенно женскую грудь. С какой-то нежностью он прорисовывал лица.

– Обычно в анатомии настолько детально лица не рисуют, – произнес я и замолчал.

Подписи. На предыдущих страницах они, нанесенные

внизу листа, потекли. Тут же я смог разобрать.

– Девочка в лесополосе, брюнетка, лет двадцать. Очень красивые глаза, – тихо прочитал я.

Подпись не врала, на рисунке девушка с вырванными глазными яблоками. Их же Унылый нарисовал рядом, наколотыми на тонкую проволоку.

– Это что за тетрадь ужасов? Он что, псих, такое рисовать? – спросил я. Нет, понятное дело, что не с натуры, но все равно мерзко.

– Он – да. Лечился даже в больнице. Помогло, как всегда, сокращение коек, мало денег у государства, – Дельный усмехнулся, и поправил сам себя, – мало денег у государства на нужды людей. Вот его и выпустили.

– Он опасный. Если рискнет и на самом деле кого-то вскрыет? – удивился я.

– Кузьма, ты тупой? Это рисунки с места преступлений. Расчлененка. Девочки от пятнадцати и старше, почти все – вскрыты, как тушки мяса на базаре.

– Врешь, – вырвалось у меня. Наверняка хочет очернить Унылого!

– Нет. Я бы сам не поверил, но последняя жертва, это уже возле Зоны. Я же больше живу на Границе Зоны, вокруг нее всегда сбываю товар. Девочку обнаружили в лесу, голую и без мышц на ногах. Срезал он их, до костей. Потом уже, у Гунча другие нашептали, и я порылся в его тетрадке. Все совпало.

Я начал лихорадочно листать, страницы рвались, как-будто тетрадь не хотела мне больше ничего показывать. Я раздраженно рванул, вырвал листы и наконец-то добрался до крайнего рисунка.

Девушка, подвешенная на ветке, связанная, как муха, попавшая в цепкие лапы паука. Левое бедро превратилось в мышечные лохмотья. Будто мясник разозлился и чикал в ярости, пытаясь добраться до кости. Подпись – «Лес. Рыжая. Тощая, сопротивлялась, неудобно резать».

Я выругался. Еще раз, повышая голос. Вспомнил, как Унылый стоял над порванным солдатиком, с торчавшей плечевой костью. Я думал ему плохо! Вот почему Чес говорил, вид крови грузного не пугает, и что на ножах он фору даже бандитам даст. Нет, Унылый не пугался, а стоял и любовался кровью: и солдата, и наемника. Я бросил тетрадь на стол, резко потянулся к автомату. Дельный ожидал такой реакции, успел отдернуть, но не до конца. Я крепко схватил за ствол:

– Дай. Мамой клянусь, в тебя не буду стрелять.

Голос у меня стал злой. Дельный замешкался, дернулся назад, пытаясь вырвать автомат.

– Дай, – угрожающе произнес я.

Под черепной коробкой у меня творился ураган из ненависти и злости. Урода надо убить. Это даже не обговаривалось, это норма, правильная норма.

– Бешеную тварь надо пристрелить! – выкрикнул я.

– Не ори, мы не сами тут, – ответил Дельный. Кого именно

он имел в виду, человека в экзоскелете или двух уродов, я не понял. Да и без разницы. Пусть уже привалит этот Скелет и расстреляет нас всех. Главное, чтобы завалил Унылого.

– Ты знал и ничего не сделал, – обвинил я торговца.

– Да. Это человек Гунча и Чеса. Они его отыскиали. Легко получилось. Унылого, как вонючую крысу, загнали следаки и он решил, что в Зоне его найти не смогут. Почти верно. Полиции тут нет, а вот Гунчу он приглянулся. Знаешь, чем?

– Толстой жопой? – остервенело спросил я, и резко дернул за ствол. Дельный почти его выпустил, губы его недовольно поджались. Со всей дури он ткнул стволом мне в грудь. Ребра запели песню боли. Я на секунду ослабил хватку, и этого хватило хитрому торговцу вернуть под свой контроль автомат.

– Расчленители – товар штучный. Он дороже, чем пять экзоскелетов. Понимаешь, Кузьма, нормальный человек не сможет отрезать другому голову. В природе так заложено, что убить может, а вот издеваться – нет. Это противоестественно, это только моральные инвалиды способны на такие действия.

Я вспомнил, как нас водили на вскрытие. Сначала срезали кожу с головы и натягивали на лицо умершего. Все равно, уровень мерзости зашкаливал. Нет, понятное дело, мы между собой хорохорились, старались корчить серьезные лица. Однако жалость к умершему и понимание, что человека не вернуть, угнетала сознание.

– Вы что, его продаете?

– Чес над ним главный. Даже наш урка не любит людей стругать, хотя ножи обожает. А тут, ссыкливое создание, которое может резать связанных людей. Еще и удовольствие получает, даже денег не просит, только дай ему жертву.

– А как, много в Зоне жертв?

– Не знаю, Кузьма. Вроде он только по девочкам, но Чес обещал Гунчу его переучить и на сталкеров.

Я плюнул на ладонь. Дельный, выдирая ствол, насадкой разорвал кожу, и теперь красные капли выступали, собираясь в ручеек и стекая по линии судьбы.

Дождь прекратился, зато ветер начал гнуть стебли рогозы с такой силой, что они шумели не слабее дубового бора. Ветер старался нагнуть их, прижать к темной воде болот, словно наказывая, за то, что камыш пропустил нас на эту территорию. Тучи сменили свинцовую окраску на светло-коричневый цвет. Я провел ладонями по волосам, пытаюсь смахнуть вонь и грязь. Потом отдернул руки. Я ж касался этого уroda! Мне стало мерзко, будто держал в руках собачьи экскременты.

Навес жалобно стонал под ударами ветра, еще чуток и один из столбов завалится окончательно. Так, надо вычеркнуть эмоции, и просто думать головой, а не мягким местом.

Я нервно натянул берц, поправил куртку, привел себя в порядок. Болото-то болотом, но я не желал опускаться до уровня бомжей. Да и привычные действия успокаивали мозг.

Нет, теперь все, надоели они мне, три моральных урода!

– Так чего ты его не грохнул? В темноте бы, зарядил в спину, сказал, что кто-то чужой. Дельный же вариант. – Вереница мыслей в голове, тяжело думать, что дальше делать.

– Еще раз, товар штучный, значит ценный. Ты вообще слушаешь, что я тебе заявляю? Продается все в этом мире, – чуть ли не по слогам изложил Дельный.

– Все продается... – повторил я. В мире, но не в Зоне. Она такого не потерпит, сама порвет уroda на части.

– Дай, – твердо сказал я.

– Чего опять? – не понял Дельный и подальше отодвинул автомат.

– Зажигалку дай, – пояснил я.

Дельный усмехнулся, покачал головой.

– Нарываешься?

– Твое какое дело? Жалко огня? Тот же урка говорит – когда огонь просят, нельзя жлобиться, – сказал я. Упоминание про урку сработало, Дельный медленно достал зажигалку в металлической оболочке. Хорошая, не китайская пластмасса, как у Чеса.

Я поднял тетрадь. Такое ощущение, что с пола взял таракана. Чиркнул, появился веселый огонек. Тетрадь не хотела гореть, сопротивлялась. Да и там, где она намокла, смысла уже не имелось, а вот сухую середину огонь начал пожирать с яростью. Я опасался, что будет сильный ветер – потушит, но нет, будто бы сговорившись, две стихии устроили суд над

бумагой.

– Знаешь, Кузьма, ты, когда ему щеку вскрыл тем ножичком, я тебя уважал... – начал Дельный.

– Мне твое уважение за забором лежало, – зло ответил я. Огонь приятно согревал, и по пальцам поднималось тепло.

Дельный зачесал волосы назад, усмехнулся, будто я рассказывал веселую историю.

– Тяжело тебе будет жить, – произнес он.

Ответить я не успел, да и не хотел. Во мне бродила злость, она требовала выхода. Чего ее срывать на плохом человеке, если рядом есть моральный урод?

Только о нем вспомнишь, он и появится.

– Ты что наделал!?

Унылый, хлюпя по воде, неся к столу. Он попытался схватить тетрадь, но я оттолкнул его изо всех сил. Он упал, снес телом столб. Мы с Дельным еле успели выскочить, аж пришлось нагнуться.

Ружье упало в воду, Унылый на карачках пополз к нему, но Чес наступил на приклад:

– Утихни!

И повернулся к нам:

– Зачем огонь развели?

– Греемся, – ответил я, потирая затылок. Все же зацепила меня крыша, хорошо, что она легкая.

– Шумели вы не слабо, а еще на меня гнали, – произнес с обидой Чес, – хотя нормально. Так и надо, увлекайте Ске-

лета.

Унылый завыл, попытался поднять ружье. Чес, не прекращая беседу, оттолкнул его, а Дельный еще добавил.

– Зачем его звать? – спросил он Чеса.

– Отыскали хорошее место, там и засаду смастерим, – произнес урка, и пнул коленом лицо Унылого, – да хватит выть! Потом еще нарисуешь!

Я сдерживал ярость, стараясь не наброситься с кулаками на них. Почему-то мне показалось, я понял Чеса правильно – еще будут жертвы.

– Ненавижу! Сталкер недоделанный! – бурчал Унылый.

– Убью, убью! – он начинал твердить по новой.

Дельный присел на корточки. Он гладил широкий лист рогозы, наслаждаясь шершавостью. Унылый и Чес сорвали крышу и приспособили для сидения. Все равно, не в кайф оказалось ждать Скелета.

Камыш, то собирался в непроходимые заросли, то отступал, отдавая на откуп небольшие островки различной формы. Сейчас, продолговатый, как огурец, остров стал нашим владением.

– Ну как на карте. Только у него дальше все перечеркнуто, значит, нет дороги, – задумчиво сказал торговец.

– Ага, в натуре, не соврал. Получается, идет речушка, слегка делает поворот и течет дальше... Куда там? – уточнил Чес.

– Южный холм. Нам, не доходя до него, чуть вглубь свернуть. Там и есть наша Хибара.

– Ненавижу! – вклинился Унылый.

– Да заткнись уже. Ненавидеть надо молча, чтобы потом смачно ударить в спину, – посоветовал урка и продолжил: – значит, мостик тут и если бежать вниз, то как далеко новый мост?

– Не знаю, масштабы очень условны. На пачке сигарет

трудно их определить, – поддел Дельный и обратился ко мне: – Давай выглядывай. У тебя хорошо получается. Можно сказать, вы уже нравитесь друг другу.

Смешно до колик в животе. Хотя Чес погоготал, а Унылый, сверля меня взглядом, крепче схватился за ружье. Чес заметил его движение, наклонился, начал что-то нашептывать ему на ухо. Унылый закивал. Что, кончать меня решили?

Я поднялся, демонстративно наклонился, разминаясь, и сказал:

– Хорошо, что у меня берцы не промокают. Могу и слезать, посмотреть.

Лицо Унылого стало мне напоминать морду псевдотуши. Те же жирные куски, маленький нос, злобное выражение глаз. А я еще его жалел! Что ж, асфальтная дорога в ад вымощена благими намерениями.

Небо давило на нас, как бетонная плита. Такое же серое. Тучи уже не кидались каплями дождя, но и не расходились. Странная погода в Зоне, будто сглазили. Хотя нет, над блоком, под железным полотном, небо развиднелось, показывая голубую изнанку. Красота!

Я продвинулся по полосе. С одного края прятал жирное тело в рогозе Унылый и остальные гаврики. С другой – находился мостик. Мостик – это громко сказано. Несколько досок, перекинутых через поток воды. Под нами доски хрипели и норовили сломаться. Я понимал, что убежать не полу-

чится. Плевать уже на фото в телефоне урки. Будут стрелять. Однозначно будут, если я сейчас рыпнусь.

Мне не нравилась наша задумка. Она какая-то простая, детская. Речушка в этом месте не очень глубокая, но ниже по течению она расширялась. Где-то там находился второй мостик.

Послышался шум камыша, словно сюда ломилось стадо «туш».

Нет, человек в экзоскелете находился еще далеко, но я ощутил, как в груди остановилось сердце. Хотелось спрятаться, зарыться с головой в камыши и перестать дышать. Если надо, то и на час, лишь бы этот хищник не заметил.

Я медленно двинулся к засаде из трех человек. С жалким ружьишком и автоматами, стволы которых наставлены на меня, родимого. Ожесточенный Дельный, после разговора со мной, с блестящими глазами Чес, на кураже, жаждущий адреналина, и озлобленная морда Унылого.

– Камыш ломался, потом затих. Видимо Скелет навес обнаружил, – кратко доложил я, обращаясь по большей части к Дельному.

– А дальше? – уточнил урка, недовольный моим игнорированием.

– Сюда направился. Камыш гнется и хрустит, за километр слышно, – ответил я.

– Странно, как же он нас находит? – тихо, скорее сам для себя спросил Дельный.

– Да кто его знает, этого мутанта? – ответил Чес.

Я ринулся им за спины, собираясь спрятаться. Не получилось. Дельный без слов отдернул меня чуть в сторону.

– Расходимся по парам и начинаем стрелять, как только он окажется в пределах видимости, – строго сказал он и добавил: – Чес, аппаратуру надо выбросить. Наверное, хакер Зону взломал и знает, куда мы движемся.

– Так давно скинул, еще на Ферме, – буднично ответил Чес. Легонько ударил Унылого:

– Прекращай сопли о рукав бушлата вытирать. А, это Кузьмы бушлат? Тогда продолжай, не останавливайся.

Выискался, внук юмориста. Хотя я заметил, Чес часто шутит перед опасностью. Подбадривает себя и окружающих? Мы плюхнулись на пузо, и я ощутил, как вода проникает под куртку. Хоть дождь и прекратился, но ветер так же разбивался о высокую рогозу.

– Кузьма, – требовательно сказал торговец.

– Что? – раздраженно ответил я. Нет, надо сохранять выдержку, однако нервов уже не хватало.

– Не смотри, что я тебя по имени называю и забочусь о тебе. Попытаешься сбежать от нас, застрелю.

Я посмотрел на него, заботливого. И почему мне каждый раз угрожают расстрелом при попытке бегства?

– Даже мысли такой не имел. С чего мне сбежать от такой приятной компании?

На мой сарказм Дельный ответить не успел. Он припал к

автомату, прицелился в раздвигающийся тростник и нажал на спусковой крючок.

Чес успел чуть раньше, и звук выстрелов начал переключаться с ветром.

– На, тля! – заорал Чес. Я же уронил голову, носом пропахал борозду в песке островка. Стрелки, блин, ворошиловские. Нет, я напряженно думал, старался под выстрелами найти решение проблемы – как выжить в Зоне? Особенно без оружия, с напарниками: уркой, расчленителем девушек и торговцем, который продает все, что продается.

Думать, когда по тебе стреляют! Фонтанчик земли – это Скелет неторопливо выполз, как тяжелый танк, и начал стрелять по нам.

– Вот урод! – продолжал орать Чес. Бабахнуло! Это уже Унылый стрельнул. Зря. До противника метров тридцать. Я приподнял голову и тут же мокрый песок полетел в глаза. Хорошо, хоть островок выгибается горбом посередине! Это нас и спасало.

– Не берут его пули! – это уже Дельный. Впервые на моей памяти он так орал. Истерика! Понял, что сейчас этот человек-танк нас раздавит. Не знаю, берут или нет его пули, но Скелет от попадания из «калашникова» и штурмовой винтовки качался, как пьяный на льду. Выстрелы. Каждый автомат рычал по-своему, рывкал на противника и как мне казалось, все они были недовольными. Им хотелось крови и убийств.

Гарь от пороха была по ноздрям. Я смотрел на огромного, обтянутого броней исполина. С моего положения лежа, он казался высокой башней.

На нас с торговцем упала срубленная пулями рогоза. Извинялась, что не смогла помочь. Теперь она пыталась спрятать нас от гнева Скелета. Мне почудилось, он что-то возмущенно декламировал. Глюки. Во-первых, далеко, а во-вторых, нормальный человек не будет рассказывать стихи при обстреле. Или это молитва?

Меня начало слегка трясти, как при ознобе. Нет, не от того что лежу в воде. Просто я понял, проблема не в том, что я боюсь человека в экзоскелете, похожего на хищное насекомое. А в том, что я без оружия. Это давило на мозг, раздражало. Инстинкт самосохранения искал выход, с безумной скоростью перебирал варианты, как профессиональный крупье тасовал колоду карт.

– Перезарядка, – крикнул Дельный и начал отстегивать магазин.

Со стороны Скелета выстрелы прекратились. Тоже меняет магазин? Я высунулся чуток вперед, рискуя схватить маслину.

Скелет медленно топал к речушке. Мостик под ним прогнулся и, треща, расползся, как старая ткань. Он погрузился по колено, дергая за затвор автомата. Чес привстал на колено и начал прицельно вести огонь. Я заметил, как искры посыпались при попадании в каску.

– Это же тоже «Энфилд», – Дельный заорал, – его часто клинит! Отходим! К следующему мосту!

– С чего... – начал я задавать вопрос. Хотел узнать, чего вдруг заклинило оружие у человека-танка? Это казалось невозможным и странным. Однако инстинкт уже ввел вводную, и я рванул подальше от Скелета.

– Даже не думай, – прохрипел Дельный и для усиления слов тыкнул меня в спину.

Мы разбежались по двое, как перепуганные зайцы. Хлюп, засосало мою ногу, и я рухнул в воду. Следом навалился Дельный и я услышал приглушенную автоматную очередь. Вовремя упали.

– Вставай, не по нам! – услышал я Дельного.

Рогоза затрещала, жалобно всхлипнула.

– Теперь по нам, – возразил я, – бежим, как только...

Договорить не успел, «только» наступило. Выстрелы прекратились и мы ужами поползли в камыши. Тут главное не залезть на глубину и не вылезти под огонь Скелета. Вода хлюпала уже в желудке, я промок до костей, но вот странное дело, в крови бурлил адреналин. Я не останавливался ни на секунду, двигался вперед. Выбрались на более твердую поверхность, встали согнувшись. Выстрелы прекратились, и мы выпрямились. Вот и эволюция человека, от сторбленного под пулями, до прямоходящего.

– Куда теперь? – спросил я. Очень не хотел получить от торговца случайную пулю. Решит, что я дернулся в сторону,

настроился на побег и все – пишете письма мелким почерком, вспоминая Кузьму Новикова.

– Левее бери, еще с километр протопаем, а там мост.

– Еще? – удивился я. Ничего себе придают ускорение чужие пули! По болотистой местности с такой скоростью. Да еще и в Зоне. Я же взял правее и тут же получил окрик.

– Ты что, не знаешь где лево? Сено и солому привяжи.

Я не понимал, но указал на странного вида белену:

– Странный туман. Нигде нет, а здесь есть.

– Странный ты, Кузьма.

Дельный с брезгливостью вытирал лицо, стараясь убрать грязь. Сам он выглядел как я в начале пути, он блеска и чистоты не осталось и следа. Я же убедился, что стрелять сейчас не будут, и рванул дальше, ко второму мосту. Небо смотрело за нашими потугами выжить.

– Дошли, – через минут пятнадцать выдохнул Дельный, – первые дошли.

– Может и крайние, – сказал я.

– Нет, Кузьма. Так легко от Чеса с Унылым ты не отделаешься, – усмехнулся Дельный.

Я не обратил внимания. Стоял, внимательно изучая мост. По сравнению с предыдущим, с узкими досками, перекинутыми через неширокий ручей, этот выглядел солидно. Да и рукав ручья расширялся метра на три. Тростник с этого края рос очень близко, будто пытался занять весь берег. А вот на противоположном большом островке, наоборот – отступил.

Раздался шум, и по знакомому мату я узнал урку.

– Не убеги, Кузьма-то, – выбираясь из воды, произнес он.

Чтоб он так о себе переживал!

– Даже не пытался, – спокойно ответил Дельный, – а где твой?

– Да вон плюхает, как протухшая свинья.

Хорошо, что Чес предупредил. От таких зычных звуков можно подумать, что Скелет наступает нам на пятки.

– Почему он нас не догнал? – спросил я задумчиво.

– Сервомоторы. Короче, настоящий комплект стоит очень дорого. А тут, экономный вариант, но он бегать не позволяет, – просветил меня Дельный. Он с раздражением закинул автомат за спину и начал расшнуровывать ботинок. Я начал делать так же, есть минута отдыха, надо подготовиться к дальнейшей дороге.

– Это все ладно. Он тяжелый и ползет, как раздавленный таракан, – сказал Чес. Да, сравнения у него те еще, отменные.

Чес продолжил:

– Почему оружие плохое?

– Ты заметил, у него магазин расположен перед курком? Это «Энфилд», как и у нас. Замечательная винтовка при стрельбе одиночными. Сам видел, как черепушку близнецам разнес с одного выстрела. А вот надежность низкая и мало пригодна для такого климата, – провел лекцию Дельный. Подставил ладонь к небу, которое, как будто специально, начало плакать холодным дождем.

– Чё за фигня? – возмутился Чес.

Я вылил воду из одного берца и взялся за другой. Унылый начал подбираться ко мне – все не оставляет мысль завладеть моей обувью. Капли дождя упруго били по водной глади. Что-то меня смущало, при взгляде на тот берег...

– Если ты про оружие, то на открытом пространстве нас бы уже завалили. Там прицел четырехкратный. – Дельный замолчал на минуту. – Скелет странный. Будто он труп ходячий.

– Ну не гони, – протягивая гласные, сказал Чес.

– Я же сказал, словно, – Дельный провел по волосам. – Я думаю, нас преследует адепт Черного Куба.

– Кто? – удивился Унылый.

Чес же добавил:

– Какой адепт?

Лишь я смотрел на красные пятна на камыше. Аккурат на другом конце моста. В Зоне мало ярких красок, очень мало. Одежда. Красная нитка. Аптечка. Или чья-то кровь. Что там Трофимыч мне рассказывал, когда пытался вбить знания? Я настороженно созерцал местность. Чуть ниже по течению лежали куски слепой собаки. Значит...

– Надо топать, – произнес Чес.

Я же, не отрываясь, смотрел вперед. На аномалию «тиски».

6

Все как учил сталкер со стажем. Я помнил, что над аномалией еще должен подниматься легкий дымок. Нет, однозначно марева не наблюдалось. Может близость ручья и сильный ветер сносит мглу? Вероятно, я просто ошибаюсь, пытаюсь выдать желаемое за действительное. Если же это «тиски», то в моей голове сложился кубик Рубика. Все его стороны стали одноцветными, и я понял, что надо делать.

Я стянул берцы, вылил воду и поставил их поближе к Унылому.

Дельный же объяснял, кто такие адепты:

– Фанаты. Религиозные фанаты, зацикленные на существовании Черного Куба.

– Ну и что? Вот в других религиях тоже есть камень, которому поклоняются, – удивил Чес знаниями.

Я же выжал носки и начал их натягивать.

– Угу, только черный камень исполняет желание. Захотел стать богатым – будешь.

– Точно психи. Всем же известно, без труда только в мышеловке можно кусок сала получить...

Закончить урка не успел. Унылый радостно гукнул, подхватил мои берцы.

– Все! Что упало – то пропало! Теперь мои, мои берцы! – затараторил он.

Я рыпнулся для вида, но он наставил на меня ствол ружья.

– Нельзя! Плохой солдатик.

Я склонил голову, опасаясь, что эмоциями на лице выдал себя. Ветер затих, и даже гул камышей перестал надоедливо давить на уши.

– Потопали, я сказал! – это Чес показывает свою крутизну.

– Пошли, – покорно согласился я. Встал за спиной Унылого и добавил: – Теперь твой черед водить.

Тот, завязывая шнурки, аж открыл рот. Вытер соплю о бушлат:

– Ни фига, ты как всегда первый.

– Нет. Без берц я первый не полезу. Да и внимание уже не то, с самого утра шпарю как локомотив. Давай, Унылый, топай.

Чес резко подскочил и двинул меня прикладом в область печени. Больно! Это как засунуть пальцы в кипяток, вот только высунуть их не получается. Боль жгла бок, и я припал на колено. Вдохнул, выдохнул. Встал. Я смотрел в глаза урки.

– Еще? – тихо спросил он.

– По фи... – Договорить не смог, теперь удар в область селезенки. Тут я успел отклониться и корчился скорее для вида, чем от сильной боли.

Встал.

– Топай, больше повторять не буду, – угрожающе произнес Чес.

– Он надел берцы? Путь теперь поработает первым номе-

ром или ты за ним и говно вытирать будешь? – спросил я.

В голове взорвалась бомба. Такая красивая, как фейерверк. В глазах потемнело, я завалился. Вот это нокаут. Хороший удар в голову получился у бандита. Я собирал себя в единое целое, собрав все силы, встал. Мир вращался, словно я на карусели, а не на твердой земле.

– Еще?

– Сразу пристрели. Чтобы меньше мучились, – я сплюнул красным на землю, – он трусливая тварь. Я за него горой стоял, когда ружье у него отнимали. А он, как крыса, берцы спер.

Дельный стоял у моста, но не переходил, ожидая окончания спора.

Унылый молчал, вроде у него язык затянулся в морской узел. Чес дернулся, наметил прикладом мой пресс.

Не ударил.

– На испуг, – прокомментировал он свои действия. – Кузьма... Ну тля, упрямый... Унылый, топай. Замерзнем стоять.

– Это чего? – удивился грузный парень.

– Это того, что надо силой забрать, берцы-то. Ты ж с ружьем. Тырят только падлы, – пояснил Чес. Толкнул его в сторону моста, потом добавил мне, для ускорения. Понятно, я следом.

– Убью, убью... – твердил Унылый. Я брел за ним, бессознательно наступая на его же следы. Земля с четкими отпечатками сменилась упругими досками моста. Он гнулся под

нашим весом, но еще имел запас прочности. Я поежился, от холода. Ветерок пробежался по больным ребрам, заныл побитый бок, голова пульсировала тупой болью. Если это аномалия, Унылому конец. Вот его последние шаги. Остановить! Надо его остановить! Внутренний голос звучал слабо и не убедительно. Я вспомнил рисунки. Остановить? Нет, лишь бы не спалиться и не подтолкнуть урода в аномалию.

Мостик закончился. Я непроизвольно остановился. Какая там аномалия, гравитационная? Унылый сделал шаг. Его просто подбросило в воздух. Он отлетел, разбрызгивая кровь. Грузно упал на землю, закричал. Крик порвал унылую тишину. Унылый орал, как резанный. Да так оно и есть. Подскочил к нему, перепрыгнул с моста на безопасный клочок суши. Унылый выглядел ужасно. Он пытался встать, но кровь хлестала, как из свиной туши. Длинные, линейные разрезы по всему телу, ошметки кожи на лице. Смотреть на него страшно, хотелось отвернуться. Я пересилил себя, нагнулся над ним. Сколько у меня есть времени? Минута?

– Ботва! – сзади орал Чес. Матюгался он знатно.

Я вытащил «иппешку», разорвал ее и нагнулся над грузным парнем. Он понял меня неправильно, прекратил кричать. Глаза с расширенными зрачками, полные боли, вместо соплей по губам струилась кровь.

– По-по-помоги... – заикаясь от шока, просипел он. Я оглянулся. Дельный аккуратно искал, куда прыгнуть, не попав в зону действия аномалии. Чес, не прекращая гнуть ма-

ты, сиганул в воду, просел по грудь.

Шанс. Я кинул ватно-марлевую повязку ему на грудь и залез в карман. Резким движением вытащил артефакт, сунул в большой карман бандитской куртки на боку.

– Ты что... – удивился в очередной раз Унылый. В очередной и последний в жизни. Странно, так мало коптил небо, а столько зла принес людям.

– Ничего, – сказал я, – ответочка тебе от судьбы. За всех девчонок, ответочка.

Унылый завыл, выгнулся дугой и попытался ползти ко мне. Раны были настолько глубокими, что я видел подкожный жир и распаханные мышцы. Странная аномалия. Подействовала на Унылого, как будто его глубоко почикали острым ножом.

Меня мутило. Тошнота поднималась по пищеводу, хотелось вырвать и забыть, что сейчас видел. Морда Унылого стала бледнеть, он еще дергался. От его движений стал заметен нож на разрезанном поясе.

Вспомнил Чеса, с его сарказмом про нож и настоящего мужика. Вспомнил легенду, боевую традицию, передаваемую из поколения в поколение. Оружие врага служит долго. Что же, буду считать, что я переиграл Унылого, убил врага, не нанеся ему удара.

Сдернул с пояса нож, тот самый, странный на вид, не похожий на наш, армейский. Рукоять удобно легла в ладонь. Странное ощущение, неприятное, будто она сделана не из

твердой пластмассы, а из мягкой, липкой консистенции. Нож просил освободить его из ножен, дать волю. А дальше резать и рубить. Он уже знал вкус крови и хотел продолжения. Бред. Просто психика уже не справлялась с навалившимися проблемами. Я успел перекатиться на бок, когда Чес ударил прикладом. Ничего не меняется. Как и Трофимыча, со спины в затылок. Нет, со мной так не получится.

От следующего удара, размашистого, стволom, я тоже успел уклониться.

– Да я тебя на куски порву, – прорычал мне в лицо Чес. Урка в гневе страшен. Глаза на выкате, блестят от злобы. Жилы на шее вздулись, как канаты. Сам он стал резким, движения отточенные. Привык драться в камерах два на два. Привык рвать других в клочья.

– Я при чем? – окрысился я, припав к земле. Теперь Чес казался выше меня на голову.

– Ты его туда толкнул?! – зашипел урка.

Раз спрашивает, значит, не уверен. Он человек действия, и если начинает разговор, то это для меня шанс. Я вдруг понял, что хотя сердце стучит, как поршни в моторе, а руки трясутся, я контролирую себя. А главное, ситуацию. Я знаю, что сказать и когда это лучше сделать.

Унылый бился в агонии, а я уже понимал, буду жалеть, что подставил его под аномалию. И самое странное, зная об этом, свое решение не поменял. Моральный урод должен умереть. Это аксиома.

– Все, заколебал ты меня, солдатик, – Чес передернул затвор штурмовой винтовки.

– Его бы никто не спас, – ответил я и выпрямился. – Чего ты на меня злость срываешь?

Чес замер, сверля меня взглядом, словно дырявя циркулем. Сейчас он взвешивал, убивать меня или нет. Ярость в нем требовала найти виноватого, найти козла отпущения. С другой стороны, ходить по Топи, как оказалось, по очень опасному болоту со смертельными аномалиями, стрёмно. Одна «отмычка» делала предсмертные вздохи, и ему явно не хотелось терять последнюю. Но это Чес. Он сначала чудачит, а потом включает мозг.

Надо ему помочь сделать правильный выбор. Правильный для меня.

– Какие претензии? Он сам берцы свистнул. Оставь он их мне, я бы даже не подумал толкать его впереди себя. Да и тут мост. Безопасно. Какой ему доктор, если судьба такая, на ровном месте подстроила проблему?

Я старался говорить спокойно, уверенно произнося каждое слово. Не срываясь на крик, не мандражируя. Надо убедить урку.

– Гонишь, – произнес он.

Я развел в сторону руки, точно призывая Небо стать свидетелем.

– Я его не толкал. Помочь не могу, посекала его аномалия, сильно посекала. Что еще хочешь? Пристрелить меня? Давай.

Только не за этого, – я кивнул в сторону агонизирующего. – А за дело. Давай, за то, что ударил тебя на блокпосту. Или за то, что выстрелил в наемника, и он вас с Дельным в спину не расстрелял, как мишени в тире. Или давай за то, что подкинул Унылого на стене.

Холодный дождь падал нам на лица. Мне показалось, что у Чеса покатались слезы. Обман, конечно, но это придало мне уверенности. Капли на моих ресницах мешали нормально смотреть на урку, но я опасался их смахивать. Сейчас любое неправильное движение, или слово, может стать для меня последним.

Выручил Дельный.

– Ты точно не знал про аномалию?

Он стоял возле тела Унылого. Правда, смотрел в нужную сторону – на тот берег, где остался наш преследователь. Чес провел по уголкам рта, не убирая ствол от моей груди.

– Про эту нет, – спокойно ответил я, – конкретно, нет. А то, что тут есть аномалии – знаю. И да. Я устал уже «отмычкой» шарить по камышам, внимание ослабло, поэтому и пропустил вперед...

Я хотел сказать «Унылого», но передумал. Даже упоминать его нет желания, даже настоящего имени знать. Я вспомнил его рисунки, за каждым из которых – убитый человек. Или я пытаюсь сам себя убедить, что поступил верно? Чес усмехнулся, своей фирменной, нервной улыбкой.

– Нож чего схватил?

– Так ты сам намекал, пацан без ножа – не пацан. А он мой по праву, – я покрепче схватил стальное жало в ножнах. – Я в схроне его порезал, значит победил.

Дельный к этому моменту повертел остатки ружья. Оно было как будто распилено на станке и развалилось на несколько частей. Словно вместе с хозяином решило остаться на болотах.

– Оставь его, Чес. Не нам же первыми бежать по зарослям. Чес засомневался, и это была моя победа. Он ткнул мне в щеку стволом:

– Давай я этого солдатика тут уложу? Пусть вместе на перегной пойдут, а Скелет... Вдруг ими займется?

– Скелет – это проблема, – Дельный кинул кусок ружья в аномалию. Она сработала, и на землю упали порезанные куски.

– Он уже близко, крики Унылого слышны за километр, – продолжил он задумчиво. Как пить дать, понимает, что не чисто.

– Я знаю, как убить Скелета.

Дельный повернулся ко мне, провел по волосам. Чес заулыбался еще сильнее, показывая подгнившие зубы.

– Ну как, раскинь старикам тему, – попросил он ласково и сильнее надавил автоматом. Еще чуток и пора записываться к стоматологу.

Я начал рассказывать, махал руками, указывая на рогозу и на свежий труп. Потом на мост. Дельный перебил меня

несколько раз, уточняя. Чес же просто убрал ствол от моего лица.

– Это шанс, – добавил я в конце.

– Решаем. Или бежим, надеясь, что Скелет нас не найдет, или... – сказал Дельный.

– Это тупой план, как и ты, Кузьма, – произнес Чес, – но он мне нравится. Знаешь, чем?

– Нет, – покачал головой. Капли сорвались с ресниц, разбились о фартовую курточку бандита, в кармане которой лежал артефакт.

– Тем, что мы уьем уroda, – произнес Чес, – а теперь быстро по местам.

Я приблизился к куче мяса и жира. Еще недавно это был живой человек, дышал, ненавидел меня, строил свои планы. Теперь его нет. И виноват в этом только я. Как не уговаривай совесть, что он злодей, смерть-то на моих грязных руках.

– Ты чего там застыл? – одернул меня Чес.

Я поднял голову, наслаждаясь порывами ветра и холодным дождем. Небо, которое я просил помочь отомстить, довольно глядело на нас.

– Как, чего? Берцы же свои должен забрать!

Я упирался темечком в гнилые доски моста. Старался дышать носом, опасаясь напиться речной воды. Дрожь бегала по телу, я понимал, если не появится Скелет, то можно получить переохлаждение. А за ним, пневмонию, с надсадным кашлем и мокротой зеленого цвета. Или заболевание почек, с мочой бордового цвета и болью в спине. Перспектива не радовала, как и сам план. Рогоза даже перестала сильно шуметь, удивленная нашими приготовлениями. Уверен, таких идиотов она давно не встречала, если вообще такие забредали на болота.

Ветер затихал, а вот дождь усиливался. Если сравнивать его с водой в ручейке, то он казался обжигающе горячим. Блин. Было видно, как рядом бьют ключи. От холода пальцы свернулись. Я напрягал мышцы на ногах, надеясь, что судорога не схватит меня за голень. Хорошо, что вода проточная и не радиоактивная. По крайней мере в этом меня убеждал Дельный. Чес же вообще сказал по-простому:

– Твой план, ты и лезь под мост. Не хочешь, будут два трупа лежать.

Я зафыркал, как тюлень. Вода попала в нос. Вот чего в моем предложении не существовало, так это лезть под мост. Во-первых, место, где можно стоять и дышать, отыскалось только в начале моста, а дальше он проседал к середине,

опасно черпать холодную воду. Во-вторых, такая дурость могла прийти в голову только урке, для которого человек не человек, а так, функция.

Конечно же, из нас функцией оказался я.

Что успокаивало, одежду я успел сдернуть за несколько минут. Сработало умение, которое нам вбивали «деды» в части. Старый прикол. Утром звучала команда подъем, сержант чиркал спичкой о коричневый бок коробка. Огонь быстро съедал тонкое дерево, а мы за это время успевали одеться.

Сейчас наоборот, но вместо спички меня подгонял Чес.

– Давай, быстрее! Тебе еще куртки набрасывать!

Это да, самый слабый момент в плане, но я не знал, как еще отвлечь внимание Скелета. Труп Унылого привлекал, однозначно, но как нормальный человек, Скелет должен высматривать – нет ли засады.

Она его ждала. Я продвинулся вперед метров на десять, яростно приминая рогозу, и в конце каждого прохода аккуратно побросал наши куртки. Даже подмял под них тростник и камыш, делая их более заметными и объемными.

На самом деле не я один плавал в воде, рискуя сдохнуть в короткой перспективе. Чес засел сзади, погрузившись по самые ноздри и прикрыл винтовку листьями.

На противоположном берегу, слева, чтобы не попасть под огонь урки, разместился торговец. Опасная точка, самая заметная из трех. Мы надеялись, что Унылый сможет хоть по-

сле смерти сделать что-то полезное.

План, который отвлек Чеса от моего убийства, начинал нравиться мне все меньше и меньше. Устроить засаду, расстрелять Скелет, и отволочь его в аномалию.

Тут мнения разделились. Если урка, настроенный кровожадно, сказал:

– Бросаем. Жаль мало патронов схватил у наемника. Осталось меньше рожка...

То Дельный предупредил:

– Экзоскелет сначала снимем, а потом кинем в аномалию.

– Чтобы наверняка тварь покрошить, – уточнил Чес.

Все же наивность – это порок. День вступил в свои владения, но Зона оказалась против. Тучи плыли низко, мешая солнечным лучам радовать нас. И то верно, зачем при такой жизни ярко светить?

Я еще раз фыркнул. Зараза. Стою-то минут пять, а такое ощущение, что сейчас схохну от холода. Кости уже покрылись инеем. Глубина ручья приводила в уныние. Я-то думал, что не влезу со своим ростом под него, а оказалось, что теперь стою на цыпочках.

Нет, это явно рукотворный рукав, прорытый еще в старые, до Катастрофы, времена.

Если Дельный соврал и радиация присутствует, то все, можно заказывать гроб. Хотя, как бы не лечь трупом рядом с УНЫЛЫМ.

Я постарался не думать о том, что довелось сделать. Мо-

жет Чес и прав, мне нужна причина для поступка. Если бы Дельный не раскрыл секрет тетради, если бы я не увидел распаханные тела девчонок, то, наверное, не набрался бы злости. Не хватило бы сил смотреть, как человек идет на верную смерть. Даже когда Унылый грозился убить, забрать берцы, то все мои мысли сводились к банальному мордобою. Поставить его на место и будет.

Мерзко, настолько, что слышится хруст разрезанной одежды. Нет, это шум камыша. Ломилась наша жертва, ломилась, боясь не успеть за беглецами. Вода опять попала в нос, я старался не фыркать, затаил дыхание.

Шум прекратился. Только вода плескалась о мостик. Я кожей ощущал приближение большого и страшного.

– Братья, я верен Черному!

Голос доносился искаженно. Да, понимаю, еще бы, в противогазе полного цикла. Да еще и ручей на уши давит, но чувствую точно – голос странный. Не живой, а посеревший. Как у людей, впавших в состояние религиозного помешательства, их показывали по телеку. Судя по голосу, вот их точная копия.

– Братья, вы далеко, Он далеко! Я теряю связь с Ним, но я верен Ему до конца...

Что еще кричал этот сумасшедший, я не расслышал. Меня начало тряси, как при ознобе. Это что за псих!? Кто дал ему оружие, одел в новейший экзоскелет, о котором нам, простым солдатикам, и мечтать вредно – сразу в дурдом спла-

вят!

Мостик прогнулся, затрещал под тяжестью Скелета. Деревяшка больно ударила меня по темечку, и я погрузился с головой. Хорошо, что рот не открыл, а то наглотался бы, как покойный Унылый!

По плану Чеса, я должен вынырнуть сзади Скелета и толкать в аномалию. По плану Дельного, я просто валю его, а мои хозяева накидываются, как муравьи на гусеницу.

– Братья, я вижу одного!

Я не вытерпел, сместился в сторону и вынырнул из-под моста. На самый миллиметр, чтобы вдохнуть воздуха...

– Братья, я вижу их всех!

Скелет громко бубнил отмороженным голосом. Он успел сделать несколько шагов и теперь стоял на середине моста. Тот жалобно трещал, прогнулся, так что ступни Скелета ушли под воду. Еще чуток и мост разломается пополам.

Я смотрел на его спину. Высокие ботинки, черного цвета штаны, сверху – усиленный бронежилет с коричневыми полосами. Гофрированный, будто шланг пылесоса. Коричневого цвета каска, приплюснутая, точно за основу взяли каску из Первой мировой. И основное, внешний каркас, из прочных трубок и сочленений.

– Братья, я стреляю! – проурчал он, вскинул винтовку и открыл огонь.

Как мне показалось, сначала он расстрелял труп Унылого, потом переместил огонь на курточку в пятнадцати метрах.

Где же этот торгаш!? Нервы у него что ли из сверхпрочных нитей? По плану он первый должен...

Скелет прекратил стрелять и неожиданно быстро повернул голову в мою сторону. Неестественно выгнув шею, он уставился на меня. Тут я понял, вот какое оно, лицо смерти. Широкие линзы и воздуховодные трубки придавали ему безумный вид. Вид не человека, а машины для убийства и поклонения неправильному богу.

От автоматных очередей заложило уши. Дельный начал прицельно стрелять. Не в Скелета, а в штурмовую винтовку американского производства с четырехкратным прицелом. Я же просто нырнул на дно ручья, молясь об одном – да минует меня случайная пуля.

Звуки пропали, исказились линии. Я видел сквозь толщу воды, как дергается Скелет от попаданий – это уже должен Чес начать стрелять ему в спину.

Меня же унесло течением под мост. Воздуха от страха я не успел набрать достаточно, легкие разрывались. Все, над головой мелькнули доски моста. Что-то плюхнуло в воду. Оружие Скелета! Все же попал Дельный, да еще и выбил его из рук! Я не успел достать упавшую в ручей винтовку, оттолкнулся от скользкого дна, вылетел на поверхность.

– Кузьмааа!!!

Так мог орать только Чес. На пределе голосовых связок! Скелет покачивался на мостике, вскинув руки, прикрывая голову. Я успел оглянуться – грязный урка бежал к нам, раз-

махивая «Энфилдом». Патроны кончились?!

Дельный, заметив мою башку, перестал стрелять. Теперь осталось всего-то затолкнуть Скелета в «тиски»!

Оперся на доску, ракетой взлетел на мост. Скелет все еще стоял спиной. Нет, гора из металла! Я врезался в него, уперся всем телом в область поясницы.

Мост заскрипел еще жалобней, но Скелет устоял. Кажется, его вообще не беспокоят мои попытки толкнуть его вперед.

– Вали! – это уже Дельный.

Эта мысль появилась одновременно в наших головах. Я попытался обхватить, не получалось, сильно широкий Скелет попался. Я вовремя пригнулся еще ниже, научил, блин, Чеса, неожиданным ударам. Металлический локоть просвистел над головой. Еще чуток, и раскроил бы череп на куски.

Так, мостик выполнить с этим чудовищем явно не получится. Зато его пояс меня вдохновил, я вцепился в него и со всех сил потянул в сторону. Мост решил помочь мне в нелегком деле, или просто избавиться от тяжести. Он зашатался, как палуба корабля при шторме в девять баллов, и мы со Скелетом рухнули в ручей.

Забурлили пузыри вокруг нас, поднялась муть со дна. Я держал его за пояс, стараясь не выпустить, когда получил хороший удар по ребрам. Нет, по касательной прошелся локоть одетого в экзоскелет, но мне этого хватило с головой.

Крик вырвался, и тут же вода попала в рот. Больно! Зара-

за! Ударит он в полную силу, и все, кости переломаются, как сушняк при урагане!

Я вынырнул, выплевывая гадостную на вкус воду. Горечь разливалась аж до дна желудка.

– Не дай ему встать! – орал Дельный.

Я не знаю, как он оказался рядом за несколько секунд. Тут же в ручей прыгнул Чес. Он с разбегу ударил прикладом в поднимающуюся коричневую башку Скелета.

Глухой такой звук, как будто рельсом ударили по бетонной плите. Невысокий урка сразу же отправился с головой под воду. Вынырнул, попытался снова ударить.

Скелет уверенно поднимался на ноги. Металлическая башня, на которую налетели бакланы.

– Да валите вы его! – это умный Дельный. Он вбежал на мостик и, упав на колени, продолжил нелегкий труд Чеса. Монотонно бил адепта по коричневому шлему.

Где же урка? Я нырнул и в мутной воде еле увидел, что делает Чес. Он схватил за ногу Скелета и пытался его опрокинуть.

Надо помочь. Вместе! Такое ощущение, что мы пытались перекинуть двухсоткилограммовую бочку. Не знаю, что помогло, удары Дельного или наши старания, но Скелет медленно завалился на спину.

Чес вынырнул первый, я за ним. Не хватало еще получить удар от адепта! У него, кроме автомата, наверняка есть еще оружие!

– Топи его! Тля! Топи! – орал Чес.

– Сними маску! Противогаз! – в ответ орал Дельный.

Согласен, надо стащить эту черную резинку. Я вцепился в фильтр, пытаюсь снять. Нет, не респиратор. Неужели облегченный противогаз с полным циклом фильтрации? Скелет дергался, понимая, что попал в ловушку. Как загнанный медведь, он пытался расшвырять мелких псов.

– Не... – смог только сказать я. Брызги воды стояли с телеграфный столб. Скелет понял, кто его бьет по голове и попытался достать Дельного. Это было тяжело, с учетом того, что я вцепился ему в морду. Но он достал, скинул торговца в воду. Зато Чес сориентировался. Штурмовую винтовку он потерял в борьбе, зато нож прекрасно пробежался по резине. Слетел шлем, располосованный противогаз слез с лица Скелета.

Да какой же он Скелет? Широкие скулы, голубые глаза. Высокий лоб и испуг на лице. Я думал, что увижу бездушную маску, словно сделанную из пластмассы.

Нет, на меня смотрел нормальный человек. Он разбросал меня и Чеса, попытался встать и вылезти на берег.

– Убегает! – радостно заорал Чес и повис на плечах адепта. Я на инстинктах последовал его же примеру, и Скелет не успел дойти до берега. На полметра, но решающих полметра. Как говорит начмед: какая разница, сколько метров ты не допрыгнул, прыгая через пропасть.

Он углубился вниз, погрузился в мутную воду. Хорошо

же мы взболтали ручеек. И тут я понял, что топлю человека. Просто убиваю его, заставляя наполнить легкие мутной жижой. Да, это фанатик, полный странных идей, фанатик, который не понятно как нас находил и пытался убить.

Но держать всем весом человека под водой, ожидая, когда он перестанет сопротивляться...

Скелет медленно сдавался. У него не получалось встать, и он, опрокинутый на живот, опускался на дно. Видимо, тяжелый костюм, тяжелые мы с Чесом. Зачем я предложил устроить засаду? Надо бежать, бежать он него как можно дальше.

Я оттолкнулся от Скелета, схватился за мост. Тот, почувствовав, что вес стал меньше, стряхнул урку, который заорал:

– Ты что творишь, гнида?!

Я хотел сказать: пусть теперь он убегает от нас. Пусть бежит куда хочет, главное – живой. Может от страха смерти в его голове просветлело и фанатичные идеи слились, как отходы в унитазе? Не может же пустой человек смотреть глазами, полными страха. Скелет так и сделал, достиг берега, попытался залезть.

Выстрел. Голова дернулась, кровавые ошметки полетели на камыши. Он упал, как утром падали два брата-близнеца.

С другой стороны стоял Дельный с автоматом Калашникова.

– Безотказная машина, – прокомментировал он работу автомата.

Часть седьмая

Подстава

1

– Ты идиотина, – уже раз десятый за короткий период времени произнес Чес.

Я успел вытереться футболкой и выбросил ее в тростник. Натянул влажную одежду, мокрые берцы. Куртка, кстати, оказалась единственной не пробитой пулями адепта. Эх, Борзый, нормальный подгон сделал, чисто пацанский.

Напарники тоже оделись и теперь делили оружие. «Калашников», из которого застрелили Скелета, стал камнем раздора. Единственный автомат, который мог стрелять. Мало того, что к винтовке наемника закончились патроны, так они вместе с игрушкой адепта просто отказывались стрелять.

Как объяснил Дельный:

– «Калашников», это как пацан. Он вкалывает и ему без разницы, во что он одет, хороша ли еда. Главное, есть цель. А эти, винтовки, они как капризные девчонки. То джинсы у них маленькие, то в меню нет салата из свежих овощей.

– И чего? – спросил Чес.

– Ничего. Разбирать их надо, чистить. Умеешь?

– Нет.

– Значит, их берем с собой. Продадим.

– Ты еще экзоскелет хотел продать, – напомнил ему урка, – нырять будешь?

– Спасибо вам, не смогли вовремя вытащить на берег. Теперь пусть Кузьма ныряет, – ответил раздраженно торговец, и добавил: – Идиот.

Вот это слово и стал, как попугай, повторять урка, коверкая его на тюремный лад.

– Ты реально идиотина. Даже не тупой! – Он остановился и резко поменял тему разговора: – Короче, торговец, неси ты два ствола, а я с «калашом» за идиотом пойду.

Дельному такая перспектива не понравилась. Я же старался не смотреть на располосованный труп Унылого и на речушку, где на дне лежал адепт. Хотя, это для меня он человек, для Дельного же – экзоскелет. На ветру, после холодной воды, оказалось тепло. Дождь начинал капать сильнее и грозился перейти в стену ливня.

Дельный явно нервничал от потери денег.

– С какого перепугу? Надо за своим следить. А то схватил игрушку, не зная о ней ничего, как обезьяна с зеркальцем.

– Ты мне еще поболтай, – угрожающе рявкнул Чес.

– Да мне-то чего говорить? За меня это автомат сделал, – спокойно сказал Дельный. – А то вы бы его еще полгода топили. Или он вас. Как слепых котят.

– Идиотина просто в конце его отпустил!

Дельный окрикнул меня:

– Кузьма, ты чего хватку ослабил?

Я помолчал, наблюдая, как красиво гнется тростник на ветру. Я это вижу, а умершие – нет.

– Убивать не хотел, – четко ответил я.

Молчание за спиной. Только и слышно, как звякает металл автоматов.

– Знаешь, Кузьма, песню, «Пристрелить не поднялась рука»? Это про тебя. И не потому, что жалко, а потому что ты идиот, – сказал Чес.

– Дальше двинули, – наконец-то сказал Дельный, – хотя уже нет смысла.

– Чего? – спросил я.

На удивление мне ответили:

– Крадун – опытный сталкер. Вчера под вечер, или утром он наверняка уже достиг Хибары. Сейчас вечереет, а значит, он взял за шкуру Билет и рванул к Границе. Мы их не успеем догнать, а возвращаться – еще дальше.

– Всю малину эта тварь испортила, – согласился Чес.

Понял, меня спас здравый аргумент. Нет времени вылавливать труп в экзоскелете, а потом его еще и тащить. Чес нахмурился, Дельный же просто махнул в нужную сторону. Мы двинулись дальше, и я в очередной раз подумал, что просчитался. Надо было жердину сделать из ветки ствола. Она не сильно длинная, но хоть какая-то помощь.

Я не хотел вспоминать про Унылого, но какая-то сила заставила меня повернуться и посмотреть. Совесть что ли? Без берцев и оружия, в грязных лохмотьях, которые порвала аномалия и нанесла ему ужасные раны. Смертельные раны.

Ручеек, на дне которого покоится мертвец в экзоскелете. Вряд ли тут есть раки, которые охочи до падали. Будет гнить адепт с голубыми, как небо, глазами.

Я иду дальше. Надоело уже, до тошноты надоело. Зона, хлебнул я тебя не слабо, пора и честь знать. Вот только, я не знал, как же использовать артефакт, который лежит в кармане. Я запустил руку в карман, мысли крутились стаей ворон.

Сзади идут соглядатаи. Дышат мне в затылок, отпуская поводок на несколько метров. Попадешь в аномалию, туда и дорога, прямо за Унылым.

Что там рассказывал начмед про артефакт... Он от чего-то помогает. Блин, от радиации! От радиации он помогает. Мне показалось, что начмед врал про его стоимость. Теперь я понимаю, такой артефакт стоит не копейки. Я думал, он тысяч на шесть тянет, а получается, что значительно больше. Значит, я начмеду нужен живым и невредимым. Для чего не знаю, возможно, просто забота о своем подчиненном. Однако как артефакт может помочь? Не откупаться же им от этих уродов.

Предложить торговцу убить Чеса за этот артефакт? Нет, это уже бред, это уже усталость.

Я вытащил патроны к ружью Унылого. Странно, его нет,

оружие поломано, а бандиты, которые выдали мне патроны, уже как полдня мертвы. Вот и удача, про которую рассказывал Трофимыч.

– Ты чего встал, как овца? – грубо спросил Чес.

– Чего, чего, через плечо, – ответил я.

– Чего ты там шепчешь?! – насторожился урка.

Я кинул патрон. Тот, кувыркаясь в воздухе, наполненный струями воды упал недалеко от меня. Не дернулся, не полетел по кривой и не отскочил от земли.

– Показалось, – сказал я, не повышая голос. Странно, но теперь урка меня услышал.

– Хитрый, давай топай.

Я так и делал, сосредоточился на продвижении вперед. Я жаловался на наш блокпост? Да там шикарное поле с замечательным колхозом! А Граница? Замечательно посидели, поели горячего, удалось поспать. Да и сухо, тепло. Красота! Поход по болотам уже раздражал не по-детски. Нервная система перестала отвечать на мелкие раздражители. Дождь, ну и что, пусть падает. Холодный ветер, плохо конечно, можно и заболеть, но до этого надо еще дожить. Даже Всплеск стал казаться чем-то нормальным. Смешно. Я его боялся больше всего, считая гневом Зоны, а оказывается, это как благодать. Как финиш, к которому бежишь изо всех сил, понимая, конец мучениям.

Погода портилась. Начмед говорил, неделя между Всплесками. Хотя не факт. Может и через день накатить, да так, что

мало не покажется.

Просто, еще одна возможность умереть. Цепочка угроз преследовала меня с самого колхоза, утомила. Нет, странное дело, я не раскис, и рухнуть на землю в истерике мысли не возникало. Я встряхнул головой, брызги полетели во все стороны. Точно, как мокрая псина. Здоровая, голодная, злая псина, которая давит волков.

Еще один патрон полетел в Топи. И еще...

Я остановился. Соглядатаи же приблизились, встали по бокам.

– Слышите?

– Слышим, не глухие, – ответил Чес.

Звуки выстрелов, на самом пороге слышимости. Дельный достал размокшую картонку.

– Мы тут уже ходили с Чесом. Вот там Южный Холм. Видимо напала стая кабанов, вот и отстреливаются.

– Угу. Вот оттуда мы и двинули к вашему колхозу. За Крадуном, мать его... – Чес запнулся, – чтобы жила хорошо.

Не надо ругаться на мать. Зачем оскорблять человека?

– Так нам туда? – удивился я.

– Нет, нам туда как раз не надо. Нам надо вглубь, не доходя до Церквушки свернуть, и в Топи. Там домик есть, туда мы и отправили нашего солдатика.

Я запутался.

– Билет это и есть солдат?

– Да, – спокойно разъяснил Дельный, – а как по-другому

пройти ваш блокпост? С вашим новым командиром тяжело торговаться. Все связи порубил. Не дельный он, вояка простой.

Я вспомнил Трофимыча и крайне удивился. На него, что, закон не распространялся? Или он особенный?

– Угу, – продолжил за него Чес, – Крадун рванул на блокпост, а вот солдатик... Типа отказался. Мы ему пинок отпустили и отвели к Хибаре. Должен был доползти и там спрятаться. Дело у нас серьезное и светиться ему не нужно.

Странно, он даже прекратил ругаться. Что же получается, мы уже у точки, совсем рядом? Значит, наш безумный бег по болотам заканчивается. И это плохо. Я понял, на руках у меня нет больше козырей, одни шестерки. Тут они знают куда идти и Кузьма им уже не нужен. В расход меня?

Я постарался спокойно продолжить разговор.

– А этот, который в «разрядке» сгорел?

– Бандит, но не наш, – ответил Чес.

Да, тот, кого вы не похоронили, хотел добавить, но жизнь научила простому правилу – держать язык за зубами. Унылого тоже оставили под темным небом. Говорят, некоторые животные прикрывают ветками и землей умерших, оказывается, мы хуже них.

– А чего такая странная кличка у сталкера? Крадун. От слова красться?

– Нет, Кузьма, от слова украд, – пояснил Дельный, – не будем же мы при посторонних называть его кличку. Кстати,

Трофимыч, такого сталкера, как Семен Ток, не упоминал?

– Нет, – честно признался я, – только Семена Электрика...

Чес и Дельный одновременно посмотрели на меня.

– Вот тебя не поймешь, Кузьма, то ли ты дурак, то ли умнее всех нас, – с какой-то печалью произнес Чес.

Я вдохнул прохладного воздуха. Хорошо! Как же хорошо просто жить.

– Откуда я знаю, сколько у вас тут Семенов, – ответил я, – Ток и Электрик, как по мне, разные клички.

Мы стояли молча. Я упустил что-то важное, сбили мысли вопросом с этими объяснениями. Понятно только, группа из бандитов, сталкеров и торговцев проворачивала не простое дело. Для Зоны такое количество людей, да еще и разной специализации, не случайное совпадение. Спросить? Почему-то появилась уверенность – ответят. Ибо не видят меня уже в живых. Как там учил урка грузного паренька? Ненавидеть надо молча, чтобы потом смачно ударить... Так и сейчас, зачем тратить на меня нервы, зачем орать, если я уже списанный материал.

Мы стояли в ряд, трое мужиков со своими планами на мир. Дождь затихал, перестал быть плотной стеной. Вода стекала по лицу, затекала за воротник, но это последние капли небесного душа.

– Пойдем к Южному Холму или все же наведаемся к Хибаре? – спросил я.

– К Хибаре.

– К Южному.

Два разных ответа. Понятно, если Крадун, он же Семен Электрик, вернулся за солдатиком-билетом, забрал его и уже топает назад к моему родному блокпосту. Сказать им, что я не дезертир? Сохранит ли мне это жизнь?

Дельный печально выдохнул:

– К Хутору, успеем перехватить.

Чес вытер уголки рта. Нервничает.

– Чуйка у меня, надо на Топи.

– Это хороший довод, – сказал торговец, – рациональный.

Сейчас еще разделятся или погрызутся. Двое адекватных.

– Завали морду, надоел трещать, – ответил Чес.

– Я вот думаю, если Трофимыч знал Семена, то явно мог вывести нас на него. Он сталкер правильный и узнай, что Семен украл – помог бы, – начал рассуждать Дельный.

Я вспомнил историю, как Трофимыч вывел под Всплеск своего друга.

Дельный же закончил предложение:

– Только какой-то упырь его убил. Не знаешь такого, Кузьма?

Я хмыкнул и легко кивнул в сторону Чеса. Тот сплюнул, похрустел шеей:

– Слышь, Дельный, думаешь если у тебя «калаш», то стал царем? Да я тебя с ножа обстругаю, и станешь тоньше на размер, – прошипел Чес и неожиданно со всей силы толкнул меня в спину. Я полетел вперед, но не упал.

– А ты топай вперед, тупой!

Я задумчиво переставлял ноги. Шаг, другой... У меня возникла мысль, безумная и очень слабая в плане превращения в настоящий план. Да мне ясно, Чес решил завести нас к Хибаре и просто убить. Хотя, почему и не тут, болото жадное, все заграбастает. Или реально, у него чуйка.

Двигаться стало сложнее. Суши становилось все меньше, вода захватывала все больше пространства. Все время попадались настилы из тонких досок. Вечерело, становилось темнее. Я уверенно двигался по мостикам, лишь изредка выбрасывая из кармана патроны. Без ружья они не нужны, не жалко.

Раздвинув камыши, настоящие камыши, нижние, зеленоватые, я остановился.

– Дошли, – сказал я спокойно, хотя сердце забилось с удвоенной частотой.

– Угу, – сказал Чес, – я ж говорил вам, чуйка у меня. Дельный же молча глядел на свет в Хибаре.

2

Хибара стояла на большом участке суши. Относительно, конечно, размером с половину футбольного поля, что для болот удачная находка. Дождь упрямо заливал, поднимался уровень воды, и огромные лужи стояли от края до края участка. Исключение составлял пригорок, со спиленными деревьями. Ветки давно использовали в костер, а вот стволы, размером в бедро человека, так и остались нести караул. Вырежи умелец глаза и оскаленные зубы, получились бы замечательные идолы.

Умные люди построили Хибару. На четырех столбах, с широкой лестницей, с черными от времени перилами. Коробка из бревен и толстых досок. Даже зарешеченное окошечко, через которое и пробивался свет на волю, находилось на глухой стороне – противоположной от двери, к которой вела лестница. Этакий дом на ногах, защищенный от наводнения и дикого зверья.

– Как мы его вскроем? – поинтересовался Дельный.

Мы присели в камышах, не доходя метров десять. Как раз со стороны лестницы, прилегающей к стене, рассматривали внимательно Хибару.

– Обойдем и постучим. Какие еще варианты? – сказал я.

Чес почесал голову, вытянул шею. Что-то его смущало. Он отполз чуть в сторону, сплюнул:

– Там трупак в кустах и кровь на лестнице.

Я не знал, как он рассмотрел кровь на черном-то дереве. Что ли чуйка опять сработала. Дельный покрутил моноколь, выругался и снова покрутил кольца. Наконец-то навел на кусты и присвистнул:

– Все, игра окончена.

– Не будет фаталити? – уточнил я.

– Чего? – провякал Чес, вставая во весь рост. То ли мне, то ли нам обоим.

– Судя по камуфляжу, это наш Семен Крадун, – ответил Дельный. Я же промолчал, внимательно осматривая Чеса. Бандитская курточка, на несколько размеров больше, сидела на нем как тулуп.

– Чего на меня уставился? Кузьма, – не поворачивая головы, спросил Чес, – я ж тебе не сто долларов, чтобы мною любоваться.

– Думаю, если Семен лежит, то кто же свет зажег? – отморозился я.

– Так думай молча, а не на всю округу, – сплюнул Чес на камыши. Дельный же опустил ладонь в воду, поигрался с ней и потом провел по волосам. Стильно уложил их назад, осталось только пробор сделать и вылитая модель.

Я же провел по бородке. Хорош чертяка! В части не отрас-тишь, нельзя выйти небритым, сразу набрасываются. Даже наказание есть, дают вафельное полотенце, и ты им щеки трешь, трешь. Пока условно не побреешься или пока щеки

не отпадут. Слышал, что в Ирландии наоборот, перед выполнением боевых задач отращивают бороды. Маскируются, становятся однотипными. Да и борода придает уверенности. Это уже не мои мысли, делали эксперименты. Борода – это сила!

– Пойдем, проверим, – вальяжно заявил урка. – А то хрен поймешь, вроде еще день, а темнота наступает.

Это не темнота. Знакомое до боли явление природы. С этого все и началось. Скоро Всплеск. Еще нет красноты на небе, еще не будоражится мозг, но я чувствовал – он скоро будет.

На меня, как на осла, навьючили пустые штурмовые винтовки, и мы начали приближаться к Хибаре. Вода хлюпала под ногами, предательски нас выдавая. Дельный постарался предельно тихо передернуть затвор и даже Чес перестал корчить из себя дуру, достал пистолет Макарова.

А то все прикидывался безоружным. Я, как наемник, с крутыми стволами приблизился к лестнице. Лужи доходили до щиколотки, и я присел за одним стволом.

Чес же встал за другим, и высматривал покойника в камышах. Тот лежал между нами и Хибарой.

Урка провел по уголкам рта, потом уперся лбом в столб, точно собирался его повалить.

– Чё там? – осторожно спросил торгаш.

– Чё, чё... Семен там. Его форма, его берет, – ответил Чес.

– Блокнот ищи! Блокнот нам может жизнь спасти! Или

нам Гунч головы оторвет!

– Может, сбросил спецом одежду, – предположил я. Если это Семен, то дело подошло к концу. Что мне ждать от циника и урки, над которыми теперь висит кара в лице толстого Гунча, я знал прекрасно. Ничего хорошего. И даже, мрази, не похоронят.

– Нет, Кузьма. Чудеса только в детстве нам дарят родители, – серьезно сказал Дельный.

– Пошли, проверим, – сказал Чес. – Терять-то нечего. Вдруг блокнот найдем.

Он направился к труп. Театрально взвалил на плечо пистолет, словно он был по весу с противотанковое ружье, и начал насвистывать мелодию. Дельный, проходя мимо меня, похлопал по спине. Вот и все. Кроме одного момента, кто же есть в Хибарке?

– Точно Семен. Что с ним случилось? – с омерзением спросил Дельный. Его лицо аж перекосило, когда он посмотрел на труп.

Я сбросил винтовки у столба, поставил их крест-накрест и решил попытать удачу.

– Эй, есть кто жи...

И тут же рухнул лицом в мокрую жижу. Вслед за мной последовал Дельный и матюгающийся Чес.

Что ж, при появлении господина Выстрела, сразу начинаешь двигаться быстрее. Я, в отличие от них, заметил, как вылетели щепки из двери. Что же, радует одно, мутанты не

стреляют.

– Прочь! Мразь! Прочь!!!

Теперь короткая очередь. Дверь задергалась под таким напором пуль. Странно, из стен ошметки не летят. Крепко сделано!

– Я тебя, урод, сейчас гранатами забросаю! – заорал Чес. Он распластался с жалким пистолетиком, однако гонору не убавлялось. Бери от жизни все нахрапом.

Дельный же наставил ствол в сторону Хибары, но не стрелял. На удивление, после крика Чеса выстрелы прекратились.

– Тля! Гнида! Еще раз стрельнешь, порву! – продолжал окать урка и добавил красочное матерное описание.

– Подожди, – попросил его Дельный.

– Да отвали от меня, дай лучше автомат, я его застрелю через дверь, – прошипел Чес, и попытался забрать оружие. Дельный отмахнулся и попал по пальцам Чеса:

– Подожди! Включи мозг! Заколебал тупить!

Дальнейшую ссору прервал совершенно неуместный вопрос. В Зоне, на болоте в море камыша и тростника, где странные клочки тумана и гравитационные аномалии разбросаны вкривь и вкось. Хоть дождь прекратился и это радовало. А вот вопрос озадачил:

– Кто там?

– Твоя, тля, смерть! – выкрикнул Чес и добавил, изумительно играя матерными словами.

Следующий вопрос поверг уже и его в молчание.

– Чес, это ты?!

Тот ответил:

– Я! А ты кто?!

Дельный перевернулся на спину и захохотал. Он ржал как умалишенный, который попал в страшную аварию, вылез из покореженной машины, а на теле ни царапины. Довели мы нашего непробиваемого.

Он смеялся и смеялся.

– Чес... Ты тупой...

Чес встал, покачивая в руке пистолетом. Видимо ему очень хотелось пустить пулю в торговца. Глаза начали блестеть, он нервничал. Пересилил себя, сплюнул в лужу. Темного цвета плевков закачался на волнах.

– Повторять не буду! Кузьма, давай гранату! – продолжал врать Чес.

Я же прислушивался к разговору. Лежать неудобно, но вот голос даже мне показался знакомым. Не должно у нас с уркой водиться общих знакомых. Хотя почему бы и нет? Вот что я хотел узнать еще двадцать минут назад! Сбили уроды с мысли!

– Это же я! Чес! А ты точно Чес?!

– Да, – крикнул торговец, – это точно Чес.

– О! Дельный! Унылый с вами? Мужик, я рад!

– Это ваш Билет? – спросил я торговца.

– Он. Нервный что-то, обычно он не такой, – задумчиво

сказал Дельный.

Чес же заорал:

– На выход, тля, быстро! Голову мне забиваешь тополиным пухом! Быстро, я сказал!!!

– Не могу! – Билет закашлял, потом что-то еще крикнул. Но видно надсадил горло, и теперь его стало не разобрать. Я тяжело вздохнул. Знаю, как два моих прицепа решают такую проблему. И не ошибся.

– Кузьма, сходи позыряй, что с ним.

– Безальтернативный вариант, – добавил торговец, но без фирменной улыбки. Я посмотрел на нервного Чеса, который хрустел шеей, оценил Дельного, который из монолитной горы превращался в вулкан. Того и гляди взбукнет раскаленной лавой или просто, горячими пулями. Лишь бы не в меня.

– Да ясно... – спокойно ответил, – я ж не Унылый тени бояться.

Каждый шаг давался с трудом. Хотя это не по колено проваливаться в болотную жижу, но приятного тоже мало. Особенно понимая, человек с автоматом сильно нервничает. Я приблизился к лестнице. Да, кровь на ступеньках, несколько поломанных ступенек, как будто в пылу борьбы их продавили. Или, если кто-то постучал в дверь, получил в ответ автоматной очередью и кулем свалился по лестнице.

– Эй! Свои! Не вздумай стрелять! – крикнул я.

– Ты кто? – В голосе присутствовали истеричные нотки. Бойся, с автоматом, закрытый в крепком помещении, а бо-

ится.

– Я тебя не знаю!

– Зато я тебя знаю, – я спокойно ответил. – Давай выходи. Ты ж понимаешь, с Чесом шутки до добра не доводят. Ты же Чеса просек?

– Да, – ответил засевший. – Его да, тебя нет!

– Выходи! Выбора нет, – строго крикнул: – Чего ждешь? Гранаты!?

– Да не могу я выйти! Не могу! Нога сломана! – заорал тот.

Я повернулся к группе засады. Они стояли возле столбов. Вроде услышали, но Дельный настойчиво показывал: поднимайся по лестнице. Он так смешно перебирал пальцами, что я улыбнулся. Все, крыша едет не спеша. Над чем тут смеяться, впереди псих, сзади два психа. Тут их больше двух с половиной, однозначно.

– Я поднимаюсь! – предупредил я его.

Мне ответил лишь ветер. Аккуратно ступая, слушая, как скрипят доски под моим весом, я поднялся до середины. Сумерки начали ложиться на болота, вбирая в себя все краски. Желтоватый тростник стал сереть, вода становится чернее. Я схватился за крепкий поручень. День пролазили на болоте, а я соскучился по твердому дереву. Эх, посидеть бы возле дуба, прислониться к нему спиной и просто полюбоваться закатом.

– Я почти у двери, – негромко, но четко сказал я.

– Я не буду стрелять, – раздался голос.

– Так и запишем, – ответил я. Скрипнула еще ступень, проваленную я пропустил. Вот она, родимая дверь с пулевыми отверстиями. Немало в нее постреляли.

– Открывай! – сказал я и постучал три раза.

– Да как я ее открою! Нога поломана! Понимаешь?! – закричал стрелок.

– Молча. Взял стул, оперся и потопал, – резко выдохнул я, начиная терять терпение.

– Ты точно из моей части? – голос звенел, как у человека, загнанного в безысходную ситуацию. Спасение пришло! Он же и урку знает и Дельного. Или нервничает, потому что знает? Я посмотрел на низ лестницы – Чес тихо подкрался и теперь стоял внизу. Он приложил палец к губам. Не вовремя он приполз, змеюка псориазная.

– Да, – ответил я.

– Докажи!?

Я напрягся. Заколебал он меня, сил нет! Была бы граната, кинул!

– Оружейник у нас толстый дядька, – начал я перечислять, добавил фамилии и спросил. – Все? Допрос закончил!?

Чес медленно начал подниматься. Пистолет он не опускал. Дельный же застыл внизу, осматривая камыши. Мы работали слаженно, как группа захвата.

Послышалась возня, потом стон, как от резкой боли. Медленно протекла минута, и наконец-то открылась дверь.

Солдат, из моей части, прислонился плечом к стене и

оперся на автомат. Другой рукой он судорожно вцепился в косяк двери.

– Ну, здравствуй, Крыса, – сказал я, – зачем в своих стреляешь?

Маленький, тщедушный и вонючий, Крыса несмело улыбнулся. Признал.

– Пробирка...

– Для тебя просто Кузьма, – сказал я. Хватит мне уродов, которые надоедливо повторяли кличку.

Он судорожно кивнул головой, понял. Крыса, ростом мне по плечо, с заостренными чертами лица и выступающими вперед зубами. Реально похож на крысу, хотя кличку получил по прозаической причине, спер у своих же бутылку.

Он не успел порадоваться. Чес перемахнул через ступеньку, втиснулся между мной и дверью. Смачно двинул рукоятку пистолета Крыса по лицу. Тот отлетел, роняя автомат и крича от боли. Правая нога, вывернутая под неестественным углом, обращала на себя внимание.

– Тля! – заорал Чес. – Сейчас я тебе покажу Воронеж из бронепоезда!

– Ты что делаешь! – заорал я на него. Чес отбросил автомат ногой и схватил за грудки Крыса. Один дохлее другого, но Чес с рабочими конечностями. Он ударил солдатика еще раз, и обильная кровь потекла из носа.

– Чес, это же я! – голосил Крыса.

Я же просто схватил Чеса за плечо.

– Хватит!

Чес повернул ко мне морду. Слюна текла по его губам, срываясь вниз серебристой ниточкой. Лицо исказила гримаса ненависти. Он мало что понимал в таком состоянии. В пылу собственных эмоций он вел себя агрессивно.

– Отвали! – рявкнул он. Дернулся, вырвался и поднял Крыса на его полторы ноги. Пистолет упирался солдатику в шею.

– Значит, стрелять потянуло. Значит, ногу сломал, – шипел урка.

Закружил Крыса в мою сторону. Мы столкнулись, я отступил к стене. Чес с мрачной решимостью потянул солдата к лестнице. Я кинулся следом, но не успел. Чес толкнул Крыса и тот полетел по ступенькам вниз.

3

Крыса орал, как ошпаренный. Видимо наступил на сломанную ногу и дальше скатился кубарем. Чес ринулся за ним, как коршун за полевой мышью.

– Чмо, – выругался я, давая яркую характеристику урке. Как же он меня достал, своей набыченностью. Дегенерат из семейства хреновых! Я ринулся следом, собираясь столкнуть его через перила. Достал. Я понял, что перестал воспринимать урку, как человека. Раньше, он ныл, мешал жить, как затягивающаяся рана. Теперь, корка вскрылась и потек гной. Вонючий, сладкий гной, который душил нас всех, и я понимал, что рана гнилая. А что делать с гнилью я знал – вычищать.

Уже внизу, я почти повторно схватил Чеса, когда Дельный ударил стволом автомата мне в живот. Я успел напрячь прямую мышцу, но все равно получилось неслабо.

– Стой, – четко произнес он.

– На фига? Унылого тут нет, не кому любоваться кровью! – рыпнулся я.

Тот встал на моем пути, не давая двигаться дальше.

– Не паникуй!

Дельный повысил голос. Орал Крыса громко и перекричать его тяжело. В небе закаркали вороны. Блин, как я их раньше не замечал. Или они только над болотами летают, по-

жиратели падали, срок жизни которых зашкаливает за пятьдесят лет.

– Отвали, торгаш, – я же понизил от злости голос.

– Ты что, кашки-борзянки объелся? – спросил он и еще раз ударил меня автоматом. В этот раз прикладом. Я даже не дернулся назад, а начал наседать на него:

– Не будь таким же уродом, как урка, – четко произнес я, смотря ему в глаза. В них уже плескалась злость. – Такое же чмо и твоих дочерей изуродует.

Крики Крыса, после глухих ударов Чеса сменились скулежом. Я думал, самое мерзкое, когда тебя бьют. Оказывается, нет. Смотреть, как урка избивает солдатика с переломанной ножкой, в десять раз неприятнее.

– Кузьма, выстрелю, – пообещал Дельный.

– Стреляй, – я начал напирать на него, – ну?! Хоть не буду видеть этого пустозвона!

– Я все слышу, тупой ты Кузьма! – проорал Чес.

– И что с того?! – взъярился я.

Тот начал матюгаться. Он подтащил Крыса к столбу, добавил с носка в живот. Солдатик скрюченно лежал на мокрой земле и всхлипывал. Чес повернулся ко мне, показал фирменный жест.

Дельный же приблизился и зашипел:

– Слушай сюда, маленький гаденыш. Мы рискуем всем, включая нашими близкими. Гунч, если провалим операцию, такого не простит. Крыса, последний, кто пересекался с Се-

меном Током. Он может знать, где тот запрятал рюкзак. Дельно изъясняю?

– Торгаш, смотри, душу не продай. Чес нас всех сольет, чтобы самому владеть информацией. Даже если Крыса ничего не знает, он нас убьет. Убьет и перед Гунчом разыграет настоящий пацанский спектакль, – тоже понизив голос, сказал я.

– Чес урод, но слово держит, – неуверенно сказал Дельный. Убеждает сам себя, уговаривает. Я понял это, прочувствовал всеми порами кожи.

Чес сдернул цевье с винтовки «Энфилд» и выкручивал руки Крысе. Еще чуток и он привяжет его к столбу.

Я вздохнул свежий, вечерний воздух. Сколько времени пролетело от нашего появления на холме перед Хибарой? Уже стало хуже видно, тростник становился серой полосой. Я знал, что надо сделать, знал поэтапно, но боялся ошибиться в Дельном. Надо набраться решимости, хлебнуть настойку озверина.

– А если нет? – задал я вопрос.

Дельный нехорошо усмехнулся, толкнул меня не сильно в грудь:

– Если нет, я его спишу с этого мира. Поднимайся наверх, посмотрим, где нам придется ночевать.

Я старался понять, большие ли у меня шансы на победу. Как лучше сказать и действовать... Пока мне не хватало времени все продумать, совсем чуток, на полногтя. Я поднял-

ся наверх в помещение, которое стало убежищем для Крыса. Вот ведь судьба, как дорожки сплетает. Пересекаются пути людей, снова расходятся, оставляя в нашей памяти перекрестки. Крыса сбежал в Зону неделю тому назад. Как всегда, попросил прикрыть, взял еды и уже как опытный солдат рванул за Границу. В курилке потом судачили, что вроде Крысеныш уже полтора года прослужил и часто ходил в Зону. Так, по вершкам, но всегда что-то приносил. Про артефакты я не слышал, а вот чужие вещи, то да, всегда. То вещмешок притащит, полный мелких и нужных вещей, то автомат лишней.

Крыса, она и в Зоне серая тварь.

Маленькая комнатуха, сжатая со всех сторон, но с крепкими стенами. Крепко сбитые лежанки, табурет, который использовался вместо стола, пустые консервные банки, разбросанные по всему полу.

– Что ж так воняет? – поморщился Дельный. – Он, что в это ведро ходил?

Сам же нагнулся, поднял автомат Крыса, отстегнул магазин.

– Наверное, – ответил я, – если реально ногу сломал, то вниз ему никак не спуститься.

– Кузьма, главное желание. Не обязательно твое, иногда хватает желаний и учителя. Вон, Чес помог спуститься и нормально...

Я не стал отвечать. Воняло не слабо и хотелось выйти на

улицу. Да и мозг работал над другой проблемой.

– Берем консервы, – начал Дельный. – О, ты уже схватил? Тогда я лампу, и канистру. Надеюсь там горючий раствор...

– Костер будем жечь?

– Да, пока там, – ответил Дельный. – Захвати сухие дровяшки, нормально будут гореть. И еще. Медленно вытяни нож Унылого.

Я нервно выдернул нож, загнал его в доску. Дельный усмехнулся, вырвал его и сказал:

– Давай, вниз иди.

Я так и сделал, выгреб из ближайшего угла отломанные ножки, сухие ветки и даже кусок картона. Хорошая точка, подготовленная. Есть какая-то связь, между сталкерами. Явно натаскали дрова, и канистру с горючкой принесли. Даже лопата в углу стоит. Оставили, понимая, что пользоваться будут другие. Мокрые, замерзшие и желающие выжить. Забота о людях, которых никогда и не встретишь. Сталкерское братство, усилиями которого пользуются бандиты. Они, как глисты, паразитирующие и отравляющие своими действиями все вокруг.

Я выбрался на свежий воздух. Застыл на миг, осмотрелся. Красота. Под моими берцами колыхался камышовый лес, разграниченный водными преградами. Ручейки создавали замысловатый лабиринт. Покореженные телеграфные столбы и железные стойки линии электропередач, с грустно висящими обрывками проводов. Надо мной стояли тучи, и, ка-

залось, протяни руку, смогу пощупать их за темные бока. Вдалеке, кусочек чистого неба, как специально оставленный, для последних лучей солнца. Весна.

Крыса жалобно вскрикнул. Он сидел привязанный к столбу, вытянув нижние конечности. Чес стоял над ним и что-то втирал. С наездом, периодически хватая солдатика за волосы и ударяя голову об столб. Я быстро спустился. Подо мною прогибалась влажная земля, недовольная новыми гостями. Труп Семена так и лежал на спине. Здоровый мужик. На какой же результат ты поставил все, что имел за душой и даже ее, родную? Как и я, мелочевку, рискуя выиграть большой куш? Но если мелочь – это его жизнь, то, что же за приз? Я даже не смог представить. Миллион? Не наших? Зачем они трупу? Больше? Что-то другое? Эх сталкер, сталкер. Я остановился, поморщился. На груди следы от пуль, порванная военно-полевая форма британского образца. Берет лежал в воде и колыхался под порывами ветра. Словно не хотел уходить от своего хозяина. Хозяина, у которого не было мышц на шее. Кто вырвал ему гортань и мышцы, вызвав фатальное кровотечение? Или он сначала умер от пуль?

Может Чес и прав, имея вопросы к нашему Крысу. Громко каркнул ворон. Любят падаль, но еще не подъели труп сталкера, не выклевали глаза. Как-то странно.

Меня догнал торговец, и мы вместе приблизились к холму.

– Бросай, сейчас огонь разведем, – приказал он.

Я механически выполнил, повалил все в кучу. Присел, наблюдая за уркой. Столб находился в нескольких метрах от меня и теперь стало слышно их «беседу».

Дельный начал строить из древесины мелкий вигвам, потом щедро плеснул из канистры жидкостью. Станный для болот запах бензина шибанул в нос. Хотя мне в повседневной жизни запах и нравился, сейчас вызывал только раздражение. Или дело в урке, который злил меня все сильнее.

– Ты зачем его убил?!

Чес шипел, как гадюка. При свете едва родившегося огня, тени уродливо легли на его лицо. Казалось, он надел страшную маску. А вот Крыса так и выглядит перепуганным.

– Не убивал, – всхлипывал Крыса.

Чес глухо ударил столб его головой. Дельный недовольно поморщился, перестал греть ладони у разгоревшегося костра.

– Эй, Крыса, послушай меня. Ты попал в сложную ситуацию. Мы почти догнали Семена, а нашли его труп и тебя со сломанной ногой, – начал спокойно говорить Дельный, – у Семена на груди следы от выстрелов. Из твоего автомата. Или ты не согласен? А может ты блокнот взял?!

– Да, да, да... Вернее нет, – затараторил солдатик. Чес сплюнул и дал ему звонкую пощечину.

– Что да, что нет?

– Подожди, – не отрываясь от костра, сказал Дельный. Как мне показалось, он сжался как пружина. В голосе появились

металлические нотки. Заколебал его урка.

– Отвали, – отмахнулся Чес. Дельный глубоко вдохнул и выдохнул. Продолжил:

– Крыс, у тебя есть шанс, который мы даем только по старой дружбе. Ты не раз проводил нас через блокпост и еще много раз так сделаешь, при простом условии. Ты меня понимаешь?

– Да, да! Я готов!

– Расскажи, как все случилось, – попросил Дельный.

Чес сел на носочки и начал слегка покачиваться. Крыса с ужасом смотрел то на него, то в сторону камышей. Он оближал разбитые губы и начал:

– Я все расскажу. Только пойдем в Хибару. Пожалуйста, все что хотите, но не здесь...

Крыс даже попытался встать. Ремень держал крепко.

– Пойдем, – согласился Дельный. – Как только расскажешь.

Я взял длинную палку, которую не отдал на пожирание огню. Проверил карманы. Нежно погладил артефакт и из другого кармана достал перевязочный пакет. Чес заметил меня, попытался отмахнуться.

– Ногу посмотрю, – мрачно сказал я.

– Смойся, чтобы я тебя не видел, – промычал Чес.

Я присел, жалея, что у меня забрали нож Унылого. Чес напрягся, но в этот момент начал пищать Крыса.

– Всплеск был, Всплеск. Я бежал, сильно бежал. Мне ска-

зали затаиться и ждать. Я так и сделал. А там мостик, камень. Он мокрый оказался! А я бежал и на него запрыгнул, упал и нога так хрусь...

Крыса жалобно вскрикнул. Это уже я подтянул штанину и начал рассматривать отечную голень. Фиолетовая, как ба-клажан.

– Шину наложу, – сообщил я ему, игнорируя Чеса.

– Продолжай, – сказал Дельный. Он так и сидел у костра, наслаждаясь теплом. Не хочет сидеть рядом с уткой?

– После Всплеска, я хотел назад. А тут в камышах зверь. Странный зверь. Я знаю, что он там, а не вижу. Я дверь закрыл, а он по стене давай лупить. Сильно так, думал, что стену ломает.

– Чё за дичь ты мне втираешь? – поморщился Чес.

– Нет, Чес, реально! Он тут... Он в двери, я выстрелил. Он хитрый. Начал ждать, когда я выйду, а я тоже не дурак. Знаю, что он там, и не открываю. Так день и ночь сижу, день и ночь... Он злится, периодически бьет по стенам. Я почти не спал, страшно. Страшно! Вот даже один раз обоссался...

Он замолчал, и Чес незамедлительно вlepил пощечину. Я, накладывая туры, со злостью уставился на него.

– И тут снова кто-то за дверью. Да, я выстрелил! Я! Люб-бой бы выстрелил! А потом крик, я понял, что это Семен. Открыл двери, а там тварь на нем! Я по ней стрельнул, а она пропала! Растаяла в воздухе! И я кричал: «Семен, прости!» А он уже не двигался!

Крыс опустил голову и начал плакать. Скупое, как плачут мужики. Нет, мужчины не обижаются, мужчины огорчаются. Так и он, выдержал неделю страха, испытание Топью. Глупостей наделал, но Семена не вернуть с того света. Да и вместо спасения, знакомые ему мужики, бьют, привязывают к столбу. Это его и сломало. Всегда предательство ранит сильнее, чем проблемы впереди.

Чес усмехнулся и сказал:

– Ты что, головой ударился? Думаешь, мы в эту чушь поверим? Слушай, как было на самом деле. Семен тебя нашел в Хибаре. Он сталкер опытный, понимал, что с ногой тебя тащить долго придется. Заодно и покумекал с тобой, рассказал, что от нас бежит, а рюкзачок с артефактами у него за плечами. Ты решил, мы уже списанные, в расходе мы, Гунч наши кости обглодает. Через Границу ты и сам пройти можешь, солдатики все же свои, вот только зачем получать от Семена несколько артефактов, когда можно все забрать? Да, Крысеныш? Ты это дело любишь, воровать чужое. Стрельнул Семена, столкнул с лестницы. А там собаки его погрызли, и ты придумал страшную историю. Теперь осталось только дожждаться сталкеров, поплакаться им и все, они добрые, дотащили до Границы. Блокнот! Где блокнот!!!

– Нее... – ответил Крыса, – неееет...

Чес вскочил, двинул меня в плечо и со всего размаху прыгнул на ногу Крыса. Тот заорал от боли, попытался ее поджать под себя. Не получалось. Он дрыгался, как карась

на крючке.

– Что, шкура, шутить надумал с дядей Чесом!? На еще, тля!

Я же просто поднялся и со всей дури перекантовал урку.

С кем поведешься, от того и наберешься. Я стал даже думать, как урка. Чес, меньше меня сантиметров на десять, казался хорошим мешком для битья. При условии, что он не ожидал удара. Увлёкся, азартно доламывая голень Крысу. Конечно, со связанным соперником любой почувствует себя мастером спорта.

Удар костяшками кулака получился очень сильный. Я ощутил, как эмоции переходят в чистый адреналин. Это несравненное удовольствие врезать уроду. Как под мостом, но теперь до конца. Главное, если тогда получилось спонтанно, то теперь я четко знал. План составлен, цель намечена. Это упоительное ощущение. Когда преодолел себя, заставил переступить через страх и стойкое нежелание, начинаешь работу. Еще надо приложить много усилий, но к цели я уже на один шаг стал ближе.

У меня работа заключалась в выбивании зубов Чеса. И она мне нравилась, до того момента, как получил ответку.

За первым ударом, я еще успел залепить боковым слеза. Чес не ожидая, на инстинктах, успел пригнуться, вскинул руки, защищая голову. Но в боковой я вложился всем корпусом. Хорошо так, смачно. Кожа на костяшках лопнула, Чес же от ударов поплыл. Зашатался. Потерялся на мгновение, дал мне шанс на победу. Поединок года! Не хватало

только протяжно кричавшего конференсье, растягивающего гласные.

– Ку-у-у-у-узьма-а-а-а-а! – заорал Дельный. А вот и мечты, которые сбываются. Просил – получи.

Мысли пролетели за долю секунды. Мозг пытается побороть страх? Я понимал, переступил черту и теперь не будет возврата. Второй раз урка не простит такого к себе отношения, да и я не собирался валяться в его вонючих ногах, выпрашивая прощение. Я собирался его завалить, хотя и понимал, голыми руками это сделать нереально.

Да и не факт, что завалю. Цель другая, остаться в живых. Пусть он идиотам клиническим втирает про свое железное слово, и что оставит меня жить под этим Небом. Как вариант – безжизненное тело, в это я охотно поверю.

Мой козырь – неожиданность. Я понимал, секунда просто, Чес сориентируется и все пропало. Я начал молотить по корпусу, пытаясь поймать его печень на кулак.

– Ах, ты, тля малолетняя!!! – просипел урка и ловким движением закрылся от моих ударов. Он прижал локти, и теперь я молотил по его плечам, не пробивая живот.

Удар в ответ, который меня отрезвил. Хлесткий такой удар. Я его даже не заметил. Вот же жилистая тварь, точно сделан из железного прута. Зараза, быстро же он махает кулаками!

В голове взорвалась сверхновая, из глаз брызнула яркая краска.

– Урою падлу!

Урка озвучил мои мысли. Я вслепую выкидывал двойки, вроде даже снова попал во что-то твердое – значит в голову. Стало резко жарко, словно меня окунули в горячую ванну. Солнце зашло, поручив костру освещать нашу схватку.

Чес резко сблизился, ушел от прямого удара и ладонями ударил мне по ушам. Я успел дернуться, прикрыл одно ухо. Черт! Неужели порвал барабанную перепонку!? В левом ухе зазвенело, и возникла боль, как будто в слуховой проход загнули стальную отвертку.

Нет, падла, ты меня так легко не одолеешь! Оставь для других тюремные приемчики. Я схватил его шею в захват. Сжал со всей дури – казалось, я схватил цыпленка, настолько тонкая шея у Чеса. Он попытался меня еще раз ударить по ушам, но я дернул его на себя и смачно ударил коленом.

Хорошо ударил, в пах.

– Ох, тля!!! – завыл Чес от боли. Значит достал. Теперь он будет постоянным клиентом уролога. Крыса, опасно пытался спрятать переломанную конечность от нашего суматошного топтания. Пролетело секунд десять, что-то продолжал нам орать Дельный. Это замечательно, чуть ли не впервые он выбрался из кокона спокойствия. Покричал на Чеса еще возле «разрядки», на колхозе, нервничал при отговаривании на блокпосте. Именно там, ключевой перелом, после которого мы зависли на Ферме и потеряли время.

Чес дернулся, попытался выхватить нож, но я это предви-

дел. Конечно, настоящий пацан всегда имеет острый нож! Я, не выпуская урку из захвата, крутанул его, стараясь расшатать. Крыса заорал, как пожарная сирена. Мы ему наступили на покалеченную ногу. Прости, солдат, терпи боец. Если не получится у меня выполнить план, то будем гнить вместе с Семеном Электриком.

Я, пятясь назад, потащил за собой Чеса. Он упирался, как бычок на привязи, пытался вырваться. Еще миг, и он достанет нож! Я опять залепил коленом, попал в живот и со всех сил отшвырнул его в сторону. Страх получить десять сантиметров стали в сердце придавал силу и скорость. Организм истерил, осознавая, что натворил мозг, и теперь пытался выжить.

Масса тела имеет значение, и Чес кубарем покатился в зловонную лужу позади столба. Крыса орал, Дельный уже почти добрался до нас. Вот хитрый жучина. Хотел бы, за секунду преодолел короткое расстояние, но нет, он вычисляет. Что ж лучше для него.

Я ринулся за уркой, поднимая брызги воды. Он, еще в падении, выхватил стальное жало и на слепо им махнул. Почти попал. Я разминулся на несколько сантиметров. Чес, подняв еще больше брызг, плюхнулся в лужу. Эх, забрать бы нож да прирезать щуплого уroda! Нет, не судьба, и я от греха подальше, просто ударил берцем по его руке.

Попал. Нож серебристой рыбкой блеснул в тусклом свете костра и улетел под воду.

– Я тебя, мразь, на костре жечь буду! – пообещал Чес, поднимаясь на ноги.

Нет, это он пусть для других оставит дурные идеи и благородные схватки. Я же с ним буду поступать, как он со мной. Не дать ему встать! Удар правой, удар левой рукой. Чес уклонился, ужом попытался выскочить из-под ударов, но не успевал. Я молотил его как грушу в последние десять секунд работы. Без цели, суматошно, но частил, как вентилятор. Я бил его по голове, по груди, попадал в живот. Чес крутился юлой, каким-то быстрым движением сумел встать на ноги и дал в ответ.

Ох, неслабо. Из носа потекла кровь, а от боли заныла скула. Я пропустил еще удар в левый бок, и мир превратился в эпицентр страданий. Такую боль мне в жизни еще не приходилось испытывать. Показалось, что селезенка лопнула, как наполненный кровью пакет, а почка сразу опустилась в малый таз. Да что ж за беда! Маленькая худосочная тварь, а бьет как молотком! Я отшагнул назад, отдавая инициативу.

Зря! У него же еще и пистолет! Времени оставалось совсем ничего. Теперь только от моего актерского мастерства зависит, что будет дальше. Я мельком оглянулся, Дельный стоял в нескольких метрах справа. Это хорошо. Я засунул руку в карман куртки, ну давай, фартовая!

Артефакт замечательно лег в ладонь, и тут же Чес, как в регби, снес меня и приложил о землю. Я же схватил его за ворот куртки и сбросил в сторону. Воздуха в легких не хва-

тало, я рычал как бешеный пес. Чес крыл матом всех, включая Дельного, который прагматично замер. Поворот на земле, еще один. Мы превратились в одно черное пятно. Еще чуток, и Чес выхватит пистолет, передернет затвор.

Я схватился пальцами за его карман на груди. Тяжело оторвать хорошо пришитый карман? Тяжело. А если хочешь жить? Я повалил его под себя, на миг закрывая спиной от двоих зрителей, и резко вскочил.

Звук, с которым оторвался карман, я не услышал. В голове гудела сирена, левое ухо пищало, словно там поселилась мышь.

Зато артефакт красиво упал на землю и в свете огня заиграл красками.

Я попятился, точно Чес стал прокаженным, наставил палец на артефакт, заорал:

– Мразь! Ты от своих скрыл!!! Зажилил!

Теперь Дельный или встанет на мою сторону или я покойник. Хотел же он повод, искал его, стараясь подкопаться к урке. Если что, ответ ему держать не перед собой, где всегда можно соврать, уговорить совесть, а перед Гунчом. Серьезный бугор, ему просто не скажешь: я Чеса застрелил. Теперь же есть повод, даже поводище! Зажать от своих, это запахло. Это как стырить последний кусок хлеба и бутылку водки. Это даже хуже воровства.

Логика проста, для себя зажилил, спрятал от своих же пацанов. Это Гунч поймет. Тут главное, как Дельный отреаги-

рует. Судя по последним дням, он уже закипает, как чайник. Помнится, он расспрашивал меня детально, что же случилось на блокпосту под мостом. Перед этим – рядом с «разрядкой» сцепился с Чесом. Не сошлись в планах на будущее. Как и мой план – выжить, не совпадал с планом Чеса.

Я нанизывал их ссоры, как бусинки на нитку. Взгляд торговца в овраге, когда урка начал стрелять по Скелету, не сулил ничего приятного. Да и сейчас, они больше общались со мной, чем между собой. Разговор на лестнице укрепил мою веру. Повод. Вот что нужно Дельному. И я его дал.

Надеюсь.

Чес выхватил пистолет. Он громко щелкнул, получив пулю в ствол. Готов стрелять. Я сместился в сторону, сближаясь с Дельным. Все, ставка сделана. Ждем результат.

Грубо пролаял автомат. На болоте, в сумеречной тишине, каждый звук усиливается во сто крат. Короткая очередь, а казалось, что торговец расстрелял рожок. Пули ушли в землю перед уркой. Закружился в свежем воздухе плотный дымок и приятно разлилась автоматная гарь.

– Даже не пытайся, – четко предупредил торгаш. Он выставил вперед ногу, автомат держал уверенно. Сомнений нет, застрелит урку, застрелит и не поморщится.

– Ты чё, торгаш, рамсы попутал? Забыл, собака, кто тебе свет в будку провел?! – заорал Чес.

Однако замер, как статуя, припав на колено. Весь в грязи, со стекающими ручейками воды по искаженному от злости

лицу. Пистолет он не успел направить в нашу сторону, и теперь ствол «макарова» смотрел в темные камыши.

– Замер, – резко ответил Дельный. Судя по действиям и раздраженному голосу, он не шутил.

– Тля! Чё пристебался?! – продолжил орать Чес. – Чё за ерунду мне подкидываешь?!

Это уже мне. Артефакт лежал на траве. Зеленоватого цвета, странной формы. Артефакт раздора. Дельный же просчитывал ситуацию. Слишком неожиданно появился повод. Он покачал головой, будто не соглашаясь со своими мыслями:

– Чес, артефакта хватило бы заплатить за проход.

Чес меня не подвел. В гневе он не думал. Я, сопля для него, и посмел ударить!

– Отвали, торгаш! Я чё два раза повторять должен? Не мое! Кузьмы этот камень!

Он встал, не выпуская пистолета. Очередь. Дельный заорал в ответ:

– Урод! Мы бы пролетели пост! Без проблем и не застряли бы с этими уродами! Не потеряли время и сейчас Семен бы нам рассказывал, где товар и блокнот! Мудень ты лысый! Ты как кусок собачьего говна в бочке с вискарем – воняешь и портишь!

– Рот завалил! За мудака ответишь! – орал в ответ Чес. Он держался, но вперед ни на сантиметр не подвинулся. Ему бы просто все объяснить, но это не метод урки.

– Я перед Гунчом отвечу, – нервно произнес Дельный. – И

поверь, он за твою смерть и слова мне корявого не скажет...

– Еще раз вякнешь, я тебя зарежу. Мне, тупой, Кузьма подбросил эту хрень, – проорал Чес.

– Ты хочешь сказать, что Кузьма все это время незаметно носил артефакт? И теперь подбросил? Ты меня за идиота держишь? – понизил голос Дельный. Нехорошо стал говорить, по-злому.

– Ты и есть идиот. Чё, потекло уже по штанам? Боишься, что на нож напорешься? – Чес кинул пистолет. – Ну давай, ты ж давно нарывался. Давай на холодном решим, кто из нас мертвое чмо.

Дельный провел по волосам, усмехнулся.

– Кузьма, три шага назад и сел возле Крыса.

Я так и сделал. Голова кружилась, ноги дрожали, словно пробежал десяток километров.

– Давай, бросай ствол! Это тебе не наркотой торговать!

Дельный аккуратно поставил «калашников» у второго столба, предусмотрительно выдернул магазин. Вытащил нож, поворачивал кистью, разогревая мышцы.

– Давно хотел язык тебе подрезать. Мечты сбываются, – усмехнулся торговец.

5

– Чем резать будешь? – усмехнулся Дельный.

Его перекошенная улыбка напоминала оскал волка. Именно он, крепко сбитый, с легкой щетиной больше походил на серого хищника, чем лысый урка. У того борода росла клочьями, и торчала мерзким на вид кустиками.

– Наглый уродец нож вышиб, – объяснил Чес. – Чё торгаш, все в твоей вонищей жизни просчитано? Не выгодно мне ножичек давать? Знаешь, что я своим жаборезом любого переблю.

– Лови, – Дельный выхватил нож Унылого и кинул рукоятью вперед.

Чес не успел или побоялся на лету схватить острый нож американского производства. Нагнулся, не отводя глаз от торговца. Тот наблюдал, как удав за кроликом. Оценивал каждое движение Чеса.

– Ты дефект, Чес. Все что ты ни делаешь, не прибыльно. Я не говорю по-крупному, как с Семеном. Даже экзоскелет умудрился потерять.

– А ты что сделал?

Чес поднял нож и взял его странной хваткой: клинком вперед. Он выбрался из лужи, приблизился к торговцу. Выставил левую ногу и обе руки. В правой блестело стальное жало.

Дельный раздраженно ответил:

– Я-то автомат у него выбил. Да и свою часть сделки выполнил – нашел заинтересованных в товаре. Даже нашел паренька, который проведет через Границу...

Чес вытер уголки рта. Теперь он был готов к бою на ножах и его болтливость моментально пропала:

– Все же ты, торгаш, потрендеть любишь. Ничё...

Дельный стоял – правая нога выставлена вперед, нож в правой руке, а вот левая – выкинута далеко вперед. Колени слегка согнуты. Вес тела он распределил равномерно.

Черт. Выживу, научусь владению холодным оружием. Только бы выбраться! Я споткнулся на ровном месте. А нет, это две штурмовые винтовки, бросили их возле столба, видно урка в гневе отшвырнул. Ну да, надо же Крысеныша ремнем привязать. Я, шатаясь, присел возле солдатика.

– Давай ногу.

– Нет, не надо... Развяжи меня, прошу, развяжи, – повторял он. На его лбу выступила испарина, он весь дрожал.

– Сейчас, – произнес я, – сейчас нож найду.

– Нет, не ходи в камыши, там Зверь. Не ходи, Кузьма, просто развяжи, – перешел на шепот солдатик.

На меня смотрел загнанный зверек. Маленький, вонючий. От него несло мочой и хотелось поскорей отвернуться, настолько воняло изо рта.

– Да прекрати, – решил его успокоить. – Звери вон, дерутся.

– Не ходи, – вытаращив глазенки, сказал Крыса. – Прошу. Я замялся. С одной стороны, я знаю, как Чес управляет-ся с ножом. Победа за ним, и что, бежать в ночь? Пистолет лежит в их стороне, как и автомат. Порыскать в луже, найти нож Чеса? Но Крыса перепуган не на шутку, да и Дельный приказал сидеть возле столба. Кто его знает, сейчас перекли-нит, заметит, что я ищу оружие, и всю агрессию направит на меня родимого.

– Хорошо, – ответил я и аккуратно взялся за его голень. Крыса вскрикнул.

Я понял, занялся не тем, не самым важным. Я плюхнулся на задницу возле Крыса. Шикарный вид. Костер медленно горел, пожирая дерево. Сумерки сгущались, как будто кто-то разлил чернила. Рядом лежали винтовки. И плевать, что нет патронов, зато отмахиваться ими, одно удовольствие. При-клад тяжелый, попаду в голову Чесу и все, нокаут. Я потя-нулся и достал оружие. Оказалось, это английская штурмо-вая, черного цвета. Что ж, теперь легче. Поднимать я не стал, пусть лежит подле меня.

Урка и торговец замерли. Разговоры закончились, настало время действовать.

Разные стойки, разный хват. Однако хоть пытай, на мой взгляд, они оба выглядели профессионально. У урки есть ка-кой-то животный тик. Он, как ртутный, дергается, переми-нается. Не стоит на месте. Да и нож у него, не короткая пика, выточенная из ложки.

Зато Дельный, наоборот, выставил руки и застыл. Его сейчас, хоть на глянец любого боевого журнала. Показательно и гламурно. Нож в хвате клинком вверх, в сторону от большого пальца.

Чес сократил дистанцию, переходя с дальней к средней. Резкое движение. Он из положения левосторонней стойки выполнил небольшой шаг левой ногой вперед. Тут же подтянул правую ногу и вновь принял исходную стойку. Я понял, ножевой бой будет продолжаться недолго. А если не кривить душой, то очень быстро.

– Тут он, Кузьма, тут. Я его по вони уже вычисляю...

Я вяло отмахнулся. По вони! Насмешил. Что он может осязать? Сам же, как алкаш. Хотя говорят, человек такая падла, к любому привыкает, даже к собственной вони.

– Кузьма!

– Замолчи, – прошептал я. Отвлекает.

Дельный хитро сместился, оставляя за спиной костер. Перекрестный шаг. На миг его голени скрестились. Я так понял, что если Чес учил меня режущим ударам, то Дельный, как антипод – будет колоть. Ну да, колющий считается основным: от него не защитит даже бандитская куртка, можно поразить печень или сердце урки.

Чес взорвался. Только стоял, дергаясь, и тут же налетел на Дельного. Круговой удар, урка сразу отскочил и попытался ударить ногой.

Дельный правой рукой отбил первую атаку Чеса и ушел от

удара ноги. Метнулся вперед, как копьё выкинул вперед нож.

Нет, Чес не из фраеров. Выровнял дистанцию.

– Тля! Урою!

– Ну-ну, зарыватель, – на выдохе сказал Дельный.

Они остановились. Гладиаторы каменных джунглей.

– Он нас убьет, он нас всех убьет! – заорал мне на ухо Крыса. Блин! Отвлёк!

– Не факт, – ответил я. – Дельный расчетливый, с ним договоримся. Главное, повод ему нужен, чтобы урку прессануть по полной. Я конечно не ожидал, что дойдет до такого, думал, подубасят друг друга и торгаш возьмет власть в нашем дружеском отряде...

Крыса задрожал, попытался вжаться в столб.

– Нет, нет, не ешь меня, возьми других...

Кто о чем, а вшивый о бане. Я ему про проблемы, а он про выдуманного мутанта. Нет, я понимаю, Зона, и зверья надо опасаться, но костер светит, не слышно звуков угрозы. Бояться каждой тени, нет, не выход. Так легко с катушек съехать. Теперь бы понять, хвататься за винтовку, показывая агрессивность, или наоборот, сыграть в покорного баранчика с густым руном.

Чес не выдержал. Каждая секунда его толкала в спину, он не мог больше ждать. Резаный удар, теперь точно такой же, какой он показывал перед стеной. Быстро, очень быстро!

Дельный оказался готов, моментально перехватил руку урки с ножом и тут же ударил по ней – пробив кожаную курт-

ку, распоров мышцы. Кровь я не успел заметить, а вот острие ножа, которое вышло с другой стороны рукава, блеснуло в свете костра.

Нет, хвататься за штурмовую винтовку рановато. Вот и праздник на нашей улице, наконец-то перевернулся грузовичок с вискариком.

Нож Унылого упал в грязь. Чес покрыл матом всех, начиная от создателя ножа, и заканчивая каждой травинкой в Зоне. Он моментально разорвал дистанцию, и тем самым спас себя от колющего удара в грудную клетку. Он театрально упал на колени, пропустив над головой клинок. Сейчас ринется поднимать американский ножичек, и все, окажется в пределах власти торговца. Тяжело, когда нет выбора.

Чес не стал этого делать. Кувырком, как заправский акробат, он отлетел влево, к столбу. К столбу, где стоял автомат без магазина.

Чес, как обезьяна, на полусогнутых ногах сделал рывок к «калашникову». Дельный ринулся за ним, но мы оба понимали, он не успевает. Слишком резко рвал дистанцию урка, слишком контрастным оказался переход, от стоящего на коленях без ножа и до прыткого бега к столбу.

Дельный махнул ножом, без шансов попасть.

– Он нас убьет, – заикаясь, произнес Крыса.

– Хрен ему без сахара, – прошептал я и потянулся за винтовкой.

Сейчас урка схватит «калаш», начнет отмахиваться. Вот

что значит, мысли у гениев сходятся. Словно стырили план из моей головы.

Чес схватил автомат, который был без магазина, тот казался обрезанным. Развернулся, не вставая, нацелился в лоб Дельного. Металлическая палка, которая стреляет. Громко стреляет в ночной Зоне. Я смотрел, как на сцену театра. Сидящий урка с «калашом» в руках, Дельный почти догнал жертву и попытался остановиться. Он осознал, в чем прокололся. Я прекрасно видел в свете костра их лица. Оскал Чеса, разочарование торговца. Он просчитался на один маленький момент.

Выстрел. Патрон семь сорок семь пробивает железный лист толщиной с палец, а лобную кость торговца наркотиками разрывает на части. Доказано уркой Чесом.

Дельный упал сразу, как марионетка, которому отсекли все нити. Его умная голова уменьшилась на треть – пуля дура, но работу свою делает на зависть многим ножам.

– Тля, – прошептал я, – он же не передернул затвор...

Прощай, Дельный. Прощай моя надежда на будущее, пусть и не светлое, под темными тучами Зоны. Ты ж мне намекал, что порвешь урку на части, что не только из тюрьмы вырастают сильные мужики.

Так лопухнуться! Нет автоматизма, который приобретаешь с опытом, который вдалбливают в армии или в баре вольным сталкерам. Передерни затвор, вытащи патрон из ствола. Эх, Трофимыч же учил меня этому. Видимо, не у

всех такие учителя. Дельный! Так просрать свою жизнь! Какие ножи! Он же держал ситуацию в кулаке, мог просто посадить урку рядом с Крысом и до утра дать ему остыть. За это время разобрались бы с рюкзаком Семена, договорились бы о наших жизнях! Как!?! Как так можно потерять все в один момент! Решил поиграть в благородство с уркой. Те, кто выбирают самые безопасные варианты, не достигают высот. Дельный же, не испугался торговать в Зоне и...

Просчитался. Он красивым движением уже не зачесет волосы. Теперь его и похоронить некому, будет лежать напротив жертвы, за которой гнался последние дни. Последние дни своей жизни.

Теперь, мы остались один на один, с жаждущим крови уркой. Я решил, сдаваться не буду, сдаваться такому уроду, это как добровольно подписаться на пытки. Что он предпочтет на этот раз, сдирание лоскутов кожи раскаленным ножом? Накалывание глазных яблок или просто, отрезание языка? Нет, не все еще потеряно. Он ранен, у нас в руках по автомату. Без патронов.

Хотя, это у кого как. Не успел я еще вскочить, только схватился двумя руками за винтовку, как урка посмотрел в нашу сторону. Грязь, словно защитный слой, покрывала его одежду.

В большой куртке он выглядел как шпана с соседней улицы. Не хватало только козырных фраз: дай мобилен позвонить или ты чё, спортсмен?

Крепко зажатый в руке автомат, вторая же рука – менее подвижна. И все же он поднес ее к лицу, вытер уголки рта. Злится. Мне казалось в свете костра, он стал еще бледнее, и еще более опасно выглядел. Голодный удав видит кроликов.

Он не спеша нагнулся, понимая, что нам некуда деваться, да и драка не прошла для него даром. Я же не слабо его мутузил, а вот Дельный провалил дело, не смог закончить сделку, цена которой моя жизнь.

Собирается поднять нож торговца? Нет, все прозаичнее. Он порылся и вытащил из кармана бежевой курточки магазин.

Магазин, полный патронов.

6

Мне даже почудилось, что резко усилилась вонь. Гнилой запах, от которого захотелось вырвать все, что я ел за последнюю неделю. Он походил на вонь жареной селедки, специфическое блюдо, которое готовили в общежитии узкоглазые студенты. Даже хуже. Трупная вонища, со смесью прогорклого масла.

Вот он какой – парфюм смерти. Да, это не лаванда с можжевельником, а тошнотворная смесь. От него горечь растекалась по всей ротовой полости и ныряла вниз по глотке.

Возможно от сизого дыма, фигура Чеса начала расплываться. Я попытался вскочить на ноги, держа перед собой черную винтовку. Урка вставил магазин с характерным звуком, передернул затвор и нацелился в меня. За миг до этого, Крыса ударил меня здоровой ногой под колено, и я позорно завалился на задницу.

– Лови маслину, Кузьма, – громко сказал Чес, и нажал на спусковой крючок.

Я смотрел на урку с автоматом Калашникова, семидесятого года выпуска, и понимал, железка мало того, что пережила меня, так она еще беспрекословно выполняла поставленные задачи. Железный инструмент по отниманию жизней. Сколько же хранили автомат, лишая его возможности делать выстрелы. Это как человека заставляя не дышать.

Наверное, я устал, в глазах уже двоится. Нет, сердце билось ровно, и я осознавал цель – убить урку. Теперь выбора у меня не осталось, если я хочу дожить до следующего Всплеска и посмотреть на умытую Зону после него, то надо двигаться. Так, сначала влево, потом за столб. В Крыса он стрелять не будет, он не выпытал еще всей информации. Хотя, злой урка не думает, у него в голове мокрые опилки. А там кусты и нож, дальше труп Семена и Хибара.

Автоматная очередь порвала наступивший вечер. Темнота уже собралась залить все вокруг, сметая серые сумерки.
– Сгною! – заорал я.

Мой крик и звуки выстрелов перебил вой. Сильный, пронзительный вой, полный боли и обиды. Сизый дым перед нами зарябил, и я посмотрел в глаза мутанта. Красные, слегка прищуренные, словно он давно нас заприметил и решает, с какой стороны надкусить. От боли отростки вокруг ротового отверстия разлетелись, коснулись моего лица. Да еще и зубы, торчат в разные стороны. Заостренные зубы. Мерзко. Отростки – будто провели гнилыми рыбьими потрохами. Чес, не останавливаясь, выпустил еще несколько пуль. Теперь уже я не лицезрел урку, зато тварь приняла на себя куски свинца. Она заорала еще сильнее, и мое больное ухо чуть не лопнуло. Правду говорят, не принимай чужие пули близко к сердцу.

Вонь усилилась, и тварь полностью появилась передо мной, точно в нее сдернули невидимую ткань. Она выгну-

ла спину и теперь орала в потемневшее небо. Двухметровый мутант, слепленный из одних мышц, сверху покрыт серой кожей с вонючими наростами. Панцирь, природный или сконструированный в ходе экспериментов. Я вспомнил, как Трофимыч намекал про лаборатории и вмешательство в генетику человека.

Чертовы отростки, как куски кровавой бороды разлетелись в стороны – видимо, это самое яркое выражение боли у твари. Крик на удивление не стихал, а только усиливался. Длинные руки. Я не знаю, может от страха, вид этого мутанта будто выжгли каленым железом в моем мозгу. Я понял, что сейчас повторю мокрое дело Крыса. Вру. Нет, что-то надломилось внутри меня, в психологическом плане. Взмах! Не знаю, куда метила тварь, но столб за моей спиной хрустнул и разломился на две части. Я, даже не краем глаза, а интуитивно понял, верхняя часть улетела в темноту.

Сзади меня, упираясь ногой в спину, заголосил Крыс. Этот истерический крик, на грани ультразвука, составил хорошую конкуренцию воплю твари.

Я смог разобрать:

– Кровохлеб!

Автомат выстреливал горячие куски металла, когда тварь, молниеносно согнувшись, попыталась вцепиться зубами в мое лицо. Или горло!? Тогда понятны раны на шее Семена, тогда получается, Крыса твердил правду и ничего кроме правды?!

Спасибо, винтовочка! Спасибо, родимая! Я так и не выронил ее из рук, хотя страху натерпелся, и вся спина покрылась коркой льда. Но у меня явно вырос инстинкт самосохранения за дни похода по Зоне. Я не выронил винтовку, не ослабил хватку, так и сжимал в потных ладонях за ствол и приклад.

Башка, вытянутая, как у гидроцефала. Кровохлеб пытался цапнуть меня за горло, но винтовка не давала. Нет, сил рук мне не хватало, чтобы выдержать напор голодного мутанта. Чуть наискось, приподняв повыше правую руку, я уперся винтовкой в лоб и грудь. Кровохлеб и так голодный, столько дней ходил вокруг Хибары, стараясь выковырять оттуда Крыса. А Семен, так, для закуски!? Я скрипел зубами с такой силой, что попади между ними кусок рельсы, то однозначно бы перекусил. Поджал под себя ноги, закрывая мягкий живот.

Хотелось блевать от вони, оказаться подальше и сразу же вымыть со щеткой лицо. Тухлые потроха рыбы скользнули по мне, вцепились в винтовку. Нет, мать природа не могла сотворить таких монстров. Если он просто возьмет и ударит меня лапой, то это все равно что я котенка шмякну об асфальт.

– Вот уродина!

Чес не изменял себе, видит цель, значит надо ее убить. Инстинкт на высшем уровне, что у него, что у «кровохлеба». Правда, последний не прочь нами поужинать. Автомат

на секунду замолчал, но опомнился и начал дальше поливать свинцом болотную тварь. Прицеливался, что ли, урка, не знаю, но уже не хватало сил сдерживать натиск «крово-хлеба».

– По морде надаю, – прохрипел я на выдохе. Угрожать здоровой твари, которая не понимает человеческого языка, конечно глупо, но ярость требовала угрожать и бить. Помогло. Страх исчез, как туман на солнце, а я одновременно с выстрелами «калаша» выпрямил ноги. Тяжелый гад! Откормился на сталкерах! Нет, такую тушу самому не сбросить, силы неравные. Однако выстрелы помогли. «Крово-хлеб», дергаясь от боли, определил вектор угрозы. Он повернул башнеобразную голову, глянул через плечо на Чеса и сделал кульбит. Совпали мои усилия и усилия урки.

– Да что за хна! – заорал урка, и попытался повести ствол автомата за тварью.

Огромная масса, с неожиданной легкостью улетела в темное небо. Нет, это оказался гигантский прыжок назад, и крово-хлеб приземлился за уркой. Чуть не задел столб, наверное, слегка промахнулся. Неужели мой толчок ногами сбил его с намеченного расстояния? Он вертел мордой. Не может понять, почему инстинкты, наработанные за время охоты на сталкеров, его подвели, и он сейчас стоит не на маленьком человечке с кусающим автоматом в руках. Да, семь шестьдесят два это вам не пятерка, оказывается, размер имеет значение.

Урка сориентировался, понимая, что не успевает лихо проследить траекторию прыжка, просто упал на спину и начал стрелять из положения лежа. Костер затрепетал от волны воздуха и опасливо подбирался к Чесу. Будь у того волосы на голове, гореть им ярким пламенем!

Черт! Тварь оказалась даже выше столба! Причем она стояла на полусогнутых ногах, почти доставая до земли руками-лопатами. Кровохлеб заревел, вычислив маленькую жертву.

– Да сдохни, вонючая отрыжка! – орал Чес, стреляя из автомата. Не один я кричу при опасности, поднимая уровень злости в организме.

Урка не привык к Зоне, и от вида «кровохлеба» испытывал не меньше удивления, чем я. В отличие от Крыса, мы не потекли на землю. У него выработанная за годы тюрьмы, а у меня врожденная агрессия, как катализатор активировали инстинкт самосохранения. Теперь все стало очень просто и понятно, нашим жизням угрожает опасность в виде двухметровой болотной твари.

Не зря меня лупили. Оказывается, битье определяет сознание. Вскочил, отмахнулся от визжащего Крыса.

Урка часть пуль пустил мимо, полетели щепки от столба. Однако некоторые попали в мутировавшую грудь и этого хватило, чтобы окончательно разозлить тварь. Не знаю, сколько у нее сердец, другое создание уже бы сдохло от передозировки свинца в организме. А этому, хоть бы хны. Только

проявились ряби и через миг он исчез. Урка закрутил головой, пытаясь понять, что происходит.

– Стреляй, – заорал я. – Стреляй!

Он опоздал на секунду. Хороший бросок, урка перелетел через костер еще метра на три, плюхнулся в болотную жижу. Симметрия. Справа урка, слева труп Семена, а за мной визжит Крыса, привязанный к столбу. Пламя дернулось в испуге. Кровохлеб перелетел через него и снова стал видимым. Опалился что ли? Я смотрел, как над уркой-червяком возвышается гора мышц. Молниеносное движение мутанта, и автомат отлетел в сторону.

– Я тебя разорву!!! – заорал Чес. Хороший боевой клич. Шаг, другой, я подскочил к ним, и со всей дури ударил винтовкой. Держа ее как битую за ствол, прикладом зарядил по пояснице мутанта. Получилось как-то само по себе, сработало подсознание. То, что надо бить тварь, пока она не сдохнет, совместно с уркой сомнений не было ни капли. Бить в бетонный череп смысла я не видел. Интересно, у этой твари есть почки? Особенно меня волновала правая, в область которой я и заехал винтовкой. Как раз на уровне моих глаз. Пластмасса жалобно всхлипнула, и приклад рассекла здоровая трещина. Я, помня о столбе, который стал состоять из двух частей, упал на колени. Вовремя. Лапа-ковш мутанта просвистела надо мной, а вот мои ребра закричали, как ржавые петли, призывая остановиться.

«Болотный кровохлеб» дернулся, сделал шаг к Чесу. Тот

замер, шевеля губами. Ругается, ясное дело. Да, морда у твари не из приятных. Она внимательно посмотрела на урку, потом перевела взгляд красных глаз на меня, оценивая, с кого же начать. Жадность, секундная жадность твари. Не скажу, что мой удар ее сильно задел.

Зато сдвоенный выстрел из ружья заставил отвлечься от нас. Громкий выстрел! Я задержал дыхание, боясь поверить, что прибыла помощь. «Кровохлеб» повернулся к новой цели и начал исчезать. Сначала мощные нижние конечности, потом туловище. Видно, для ухода в режим невидимости ему надо было время на перезарядку. Он прыгнул в сторону фигуры с ружьем. Костер еле освещал ее, расстояние не меньше десяти метров. Только огонек зажженной сигареты позволял точно определить нахождение стрелка. По колено в воде, он переломил ружье, и патроны полетели в воду.

– Нечего маленьких обижать, – спокойно произнес стрелок, загнал новые патроны и резко отпрыгнул в сторону. С чем-чем, а с повадками твари он был явно знаком!

Брызги болотной воды поднялись в небо. Тварь приземлилась точно на оставленное стрелком секунду назад место. Невидимость почти полностью размазала очертание кровохлаба.

Стрелок пригнулся, избежав удара лапы, и из положения сидя выкинул вперед ружье и вломил стволом между вонючих щупальцев. Вломил сильно, загнав ствол глубоко в глотку мутанта.

Сдвоенный выстрел. «Кровохлеб» вздрогнул. В темноте мне показалось, что из его затылка отделились куски плоти и разлетелись в болотную топь. Он замер на секунду, не веря, как же так, человек с ружьишком и завалил его, прирожденного охотника за человеческим мясом. Стрелок выдернул ствол ружья и, не обращая внимания на тварь, направился к нам.

За его спиной рухнул в воду мертвый болотный кровохлеб.

– Тля!

– Тля!

Одновременно выдохнули мы с уркой. Автомат Калашникова лежал рядом и теперь достанется тому, кто первый успеет его поднять. Силы отсутствовали, хотелось просто упасть и не вставать. Чес перевернулся на живот и по-пластунски пополз к автомату.

Хорошо же я провожу ночи в Зоне! Темнота легла черным покрывалом. Я сделал рывок, поднялся и преодолел самые длинные два метра в моей жизни. Наступил за автомат, припечатав его в мягкую болотистую землю.

Чес вскинул голову. Лысый, мокрый, он походил на ящерицу.

Я покачал головой, показывая, не стоит и пытаться. Стрелок же, ускоряясь с каждым шагом, приблизился сзади к Чесу. Угасающий костер осветил его лицо, перебинтованную башку и старый бушлат с подпалинами на кармане.

– Гыч! – выдохнул стрелок и зарядил прикладом в затылок урки. Тот упал мордой в Зону.

– Долг платежом красен. Я же с процентами вернул, – произнес стрелок. Окинул меня взглядом, пыхнул сигаретой, которую не выпустил во время схватки с кровохлебом.

– Ну, чего уставился? – с ухмылкой спросил он.

Я чувствовал, как улыбка раздирает мне рот. Что ответить? Нет, неделю назад я бы так и заявил, что рад до потери сознания. Но это неделю назад, очень тяжелую неделю.

– Думаю, – произнес я, стараясь не засмеяться. – Где ж ты так долго пропадал, Трофимыч?

– Да, натворили вы шороху. Взбаламутили всю Границу.

Трофимыч приспособил ящик под сиденье и, выпрямив ноги, смотрел в костер. Я вытащил из Хибары все что горит, и костер запылал с новой силой. В Хибаре даже обнаружился топор и лопата со сломанной ручкой. Наступила глубокая ночь, хрупкий свет луны с трудом пробивался сквозь низкие тучи.

Крыса сидел на земле, согнув больную ногу, и качался, стараясь убаюкать боль.

– Одну открывать? – спросил я сталкера, держа банку тушенки.

– Давай две. Воды нет?

– Нет, – ответил я. – Две, это все банки.

– А куда ее беречь? Теперь путь только домой, на блокпост, – удивился Трофимыч.

Он постарел за эти сутки. Грязная тряпка украшала его голову, накрученная в несколько слоев, скрывала рану на затылке. Бушлат перестал служить примером чистоты. Ружье он прислонил рядом с собой и периодически печально вздыхал.

– Что к бару не пойдём? – удивился я.

Трофимыч усмехнулся. Прикрыл ладонью левый глаз, потом – правый. Еще раз вздохнул.

– Растешь. Еще в схроне, ты бы орал, идем в ночь, идем прямо сейчас. Сдадимся первому же патрулю.

Он помолчал и добавил:

– Хлеба тоже нет?

Я пожал плечами. Нож Унылого, оттертый от грязи, с визгом вскрывал жестяную банку. Саму банку я приставил на плечо Крысе. Не сильно удобно. Запах тушенки вырвался на волю, но вонь перебить не мог. Странно, «кровохлеб» лежит далеко, а несет от него не мерено. Беззлобно пнул солдатика.

– Крыса, что с едой?

– Все что осталось. Я от страха не ел, – он скукожился, ожидая удара. – А вот воду выпил.

Я отреагировал спокойно. Трофимыч придерживался такого же мнения:

– Ну и молодец. Меньше тащить будем.

Я протянул ему банку, но сталкер не спешил ее брать.

– Эй, Трофимыч, ты как нас отыскал?

Он повернулся, взял банку и подsunул ее к огню.

– А что искать? Шума от вас, как дыма от большого костра. Вовремя очнулся, собаки уже подбирались. Заполз в схрон, собрал мозги в черепную коробочку. Вот, перемотал рубахой... – Трофимыч замолчал на минуту. – Что скрывать? Сначала дурные мысли лезли, вернуться назад, рассказать, как что случилось. Вдруг за тобой бы выслали помощь.

– И что решил? – спросил я с усмешкой. Крайняя банка открылась и я протянул ее Крысу. Тот меланхолично взял ее,

но есть не стал. Бойтся, что бросим его на болотах?

– Шутник. Давай излагай, что ты испытал, и как докатился до такой жизни? – предложил Трофимыч. Что ж, я, конечно, имел к нему несколько вопросов, но он же спас меня, притопал и что самое главное вовремя.

Я постарался четко, без размусоливаний изложить, какие беды пережил. Странно, думал буду подробно описывать все нюансы и переживания, а начал говорить и получилось все сухо.

– Н-да, еще тот отморозок. Жаль я не раскусил его в схроне, повелся на слова торговца. Эй, ущербный, ты уже очнулся? Не притворяйся, мозга у тебя нет, сотрясаться нечему! – крикнул Трофимыч урке. Тот, привязанный к целому столбу, не отреагировал на окрик сталкера. Вот и судьба, совсем недавно он точно так же привязывал Крыса, даже тем же ремнем от винтовки.

– Молчит, – произнес сталкер. – Ну-ну. Знаешь, Кузьма, может бандит и прав, что я зря бросил своего пацана под Всплеск. Не прав я был, сгоряча рубанул. Не вернуть тех ребят, которые не смогли открыть двери, а я еще и друга потерял. Так и с Семеном, жалко, что так погиб сталкер, но... Тебя, как зовут?

– Крыса, – произнес солдатик.

– Нет, зовут тебя как? Как мама в детстве называла?

– Антон.

– Не бойся, Антон. Я уже твари отомстил за Семена. Тебя

трогать не буду, – пообещал Трофимыч.

Тот испуганно посмотрел на меня, ожидая подтверждения. Я забрал у него тушенку – все равно не ест – и сказал: – Он – надежный человек. Проверено.

Так мне его охарактеризовал чернявый прапорщик и оказался прав.

– Вы меня не бросайте, – затараторил Крыса, – я легкий. Если дать мне палку, я поскачу, только не бросайте.

Трофимыч ухмыльнулся:

– Это ты не меня спрашивай, а Кузьму. Ему тебя тащить. Я же просто проведу краями...

Я как раз поддел кончиком ножа плотный кусок мяса.

– Лучше расскажи, какими краями ты нас отыскал?

– Сложнее оказалось вспомнить, что ты, растяпа такой, уронил ружье и пачку патронов под ветрянкой. До него я успел добраться раньше, чем собаки до меня. Куда топать я знал, боялся, что эта троица тебя на месте застрелит. Шел за вами дыша в спину, когда вы устроили этот бедлам на блок-посту. Видишь, как получилось, ты потом смог использовать этот момент против бандита. Хорошо получилось сравить его с торговцем. А что, правда, толстый оказался расчленителем?

– Угу. Рисунки видел, – ответил я. – Они конечно не доказательство, но Дельный и Чес подтвердили.

– Да, он мне сразу глаз колол своим видом, но такого я даже не мог предположить. В Зоне все проще, мутанта видно

сразу, – Трофимыч плюнул на землю и продолжил: – Шум на блокпосту привлек внимание к деревне новичков. Я там покрутился, хотел найти оружие получше, но все попрятались, как мыши. Сунулся через нору, а там уже «фризовцы» крутятся, замышляют беду. Я ж не думал, что вы с другой стороны участвовать будете, а эвон оно как получилось. В банде оказалась пара наемников и дали они перцу военным. Это как в заводь гранату кинуть. В блокпост-то под мостом и раньше стреляли, а тут, помяли военных из группы зачистки. Наемники не промах. Удивлен, как вы смогли одного из них завалить.

– Как, как, – сказал я, вываливая остатки тушенки в рот. – Мы ж профессионалы! Трофимыч, ты тушенку будешь? А то я могу помочь.

Трофимыч засмеялся.

– Помогай, – он протянул мне подогретую банку. – Смотри, на рекорд идешь. Я больше двух без хлеба так и не смог съесть.

– Я не иду, я сижу, – прошамкал я с набитым ртом.

– Так что теперь по Границе не ходишь. Там репрессии, как в тридцать девятом. Устроили войнушку. А про Гунча я слышал. Плохой человек, очень плохой. Кстати, Борзого многие уважаемые люди на место Гунча хотели поставить. А теперь, получается, жизнь у Гунча наладилась, нет конкурента. Только вот не могу догнать, каким боком еще и «адептовец» за вами увязался? Они ребята странные. Правда, ес-

ли ты слова точно передал, он вообще безумный. Далеко забрался от центра, вот и твердил всякую чушь.

– Не наладилось. Эти для Гунча искали не только Семена, а, главное, его блокнот. В этом блокноте написано, где он столько артефактов нашел... Да эта информация сорвала ему крышу.

– Семен – сталкер старой закалки. Если он обнаружил такое, что бандитам на руку, то вполне мог сделать побег на рывок... Блокнота точно нет?

– Нет, – сказал я.

Самое главное, я промолчал про мобильник Чеса. Его-то я сломал и выкинул в темные воды.

Аппетит у меня начал пропадать.

– На, доедай, – чуть ли не насильно впихнул я банку Крысу.

– У меня черная мелькнула мысль, тебя уже завалили. Довел до болот и все, в воду. Костер помог. Я сместился в сторонку и тут почуял. Двинул к вам, а тут вы с болотной тварью развлекаетесь. Вопросов много. Что же Семен такое узнал?

– Рюкзак с артефактами?

– Хорош хабар, слов нет, но Семен непрост. Что-то не складывается. Буди этого, неадекватного, – произнес Трофимыч, намекая на урку. Вонь усиливалась, словно появился новый «кровохлеб».

– Трофимыч. А нового мутанта нам не ждать?

– Нет. Кровохлеб самый сильный на этой территории.

Его запах еще долго будет распугивать остальных. Страшная тварь. Сильная, зубами вопьется в горло и все, сосет кровушку. Да еще и эта чертова невидимость. Я его спецом в воде ждал, по брызгам вычислял.

– Рюкзак так и не нашли, – сказал я задумчиво.

– Чего его искать? В схроне он лежит, на колхозе. Семен сталкер не промах, засунул так, чтобы бандиты не догадались, – Трофимыч помолчал, и добавил: – Был сталкер...

Я взял банку тушенки у заснувшего Крыса. Тот от пережитого уже не выдержал. Доел. Резко кинул пустую банку в Чеса. Попал. Урка поднял голову. Кровь текла по лицу, но глаза – трезвые.

– Постарел я, не снес тебе башку, сталкерок вонючий, – четко проговорил урка.

– Угу, постарел. Помирать пора, – ответил Трофимыч.

– Ты что ли меня застрелишь? – оскалился Чес.

– Пулю на тебя тратить? Много просишь, – произнес Трофимыч.

Я насторожился. Что-то мне не нравилось в Трофимыче. Его поза. Как он сидит у костра, и намеки про будущее Чеса.

– Сам расскажешь из-за чего развели ор по всей Границе? – спросил Трофимыч.

– Думаешь, играть буду в разведчика? Только резон в чем, выкладывать вам, как следователю? – просипел Чес.

– Варианта два. Легкая смерть или оставим тебя под Небом. – Трофимыч поднял палец: – Чуешь? Нет? Ты же

слепой, как котенок. Для тебя Зона – это мусорка.

Я втянул воздух. Запах костра, вонь гниения, а за всей этой ширмой – прекрасный воздух Зоны. Чистый, не запятанный угарным газом и отходами заводов. Луна серебрила наш холм. Чуть дальше, в камышах светилась аномалия приятным синим цветом.

Я наклонился над разложенными в ряд автоматами. Мужские игрушки, которые спасают жизни. Или отнимают их. На самом краю лежал зеленоватый артефакт. Я взял его и начал подбрасывать в воздух. Появилась идея насчет Трофимыча и я захотел ее проверить.

– Выбор гнилой, сталкерок, ой, гнилой, – ответил Чес. Он отчаянно ерзал, стараясь высвободиться. Нет, он надежно связан.

– Что предлагаешь? До утра еще далеко, зачем удлинять ночь страданиями? – начал угрожать Трофимыч. Я же протянул ему артефакт. Слева. Он не реагировал. Я подвинул его, чуть не касаясь его щеки. Ноль реакции.

– Трофимыч! – позвал его.

Он рыпнулся и отдернулся от артефакта. Потом взял его, покрутил:

– Хорошая штука, дорогая. Мало того, что от радиации защищает, так еще и выводит, если ты нахватался ее в походе. Мыслю, чуток ты на Топях хапнул. Все же нормально собрал тебя в поход Сережа. Не пожалел, как для родного все сделал.

– Какой Сережа, – удивился я, забирая артефакт у сталкера.

– Начмеда твоего как зовут?

– Сергей Палыч... – проговорил я. Нет, не чисто. Что-то Трофимыч скрывает. Если сложить все моменты, то получается, начмед все заранее продумал. И артефакт дал не пустышку, а с пользой для организма, и проводников. Сначала прапор за мной присматривал, даже назад не отпустил сопровождать парня со сломанной рукой, потом Трофимыч, надежный сталкер. Получается, начмед меня не просто спровадил в Зону, а дал хранителя и проводника?!

– Ну, молодец, что помнишь.

Чес загоготал:

– Что, Кузьма, нежданчик?

Я поддел носком вторую банку и она полетела в урку.

– Привет от меня передашь, – сказал Трофимыч. Я хотел ответить, сам передашь, но наконец-то понял, что не так.

– Трофимыч, ты левым глазом вообще не видишь? – спросил я тихо.

– Совсем, Кузьма.

Тут я понял, откуда пованивало. Из повязки на голове доносился привычный запах гнилой раны.

– Трофимыч, давай перемотаю? – предложил я.

– Да что ее перематывать? Гниет башка, это и ежу понятно. Плохо, что левую сторону стал хуже чувствовать. Что скажешь, доктор?

Чес засмеялся еще сильнее:

– Не, все же я не постарел! Нормуль тебя покалечил! Короче, расклад такой, я вам накидаю план, что да как, – начал Чес ставить условия. – А вы меня или отпускаете в чем мать родила или пусть Кузьма по горлу чиркнет. Но только Кузьма, если не обделается от страха.

Я готов был стрельнуть в урку хоть сейчас, однако Трофимыч схватил меня за куртку. Счастливую куртку. Что ж получается, сталкер говорил, я фартовый. Вон, пример приводил с «кровохлебом», которого обнаружил молодой сталкер. А у меня что, «кровохлеб» есть, фарт есть, а вместо счастливого конца, трупы, трупы...

Зато я живой. Не просто живой, а целый. Конечности на месте, внутренние органы не отбиты, и если Трофимыч не лукавит, то и радиации мало наглотался. Это получается, что за фарт такой, для себя самого? Фарт эгоиста?

– Конечно, согласны, – ответил Трофимыч и дернул меня, намекая присаживайся. Я дернулся в сторону. Спасибо, что спросили. Чес хитрый, манипулятор человеческих душ. И правда, какой из Кузьмы убийца? Сослепу и от страха, как «фризовца» на базе, это еще получится, а вот лицом к лицу. Даже не смог помочь утопить «адептовца».

– Кровоизлияние. Пищит сосудик в оболочке мозга, – сказал я. – Вот и весь диагноз.

Трофимыч кивнул, словно поставил точку. Чес заржал, как сумасшедший конь.

– Нет, все же я обожаю вас, сталкеров. Какие же вы тупые. Как Семен. Он был смелый мужик, но наивный, как ребенок. Нашел он что-то в лаборатории. Кроме артефактов, целую россыпь... Он сумел спуститься вниз. Без шума и стрельбы. Вот там он стащил блокнот. А в том блокноте, то что ученые напридумывали. Что да чё, не ко мне вопросы. Семен обещал исключительно с Гунчом базарить на эту тему. Взамен попросил проход и денег, в обмен на рюкзак с артами и блокнотом с информацией, где эта лаба находится.

– Что не срослось? – спросил Трофимыч.

Я же нагнулся за лопатой с обломанным черенком. Осмотрелся, выбрал место, как раз рядом со столбом урки. Болотистую землю копать оказалось тяжело. Вода затекала, да и мокрая земля весила не хило.

Урка криво усмехнулся, наблюдая за моими действиями. Типа пугай, пугай, не на того напал.

– В блокноте беда. Вот и листал его периодически. Видимо что-то заумное прочел, подбил еще одного. Сказал: такая информация не должна попадать бугру. А дальше ты знаешь. Мы за ним сорвались, этого, – Чес кивнул на вырубившегося Крыса, – сюда отправили.

– Ученые... – протянул Трофимыч, – слухами Зона полнится, что адепты и ученые связаны. Может это они за вами и послали адепта...

Копалось крайне тяжело. Я уже проклял свой порыв, остановился, вздохнул чистого воздуха и продолжил отвоевы-

вать землю у болота.

Весенняя ночь обдала холодом, но пот катился ручейками по спине. Урка еще много чего рассказывал, как мы притопали сюда, как произошла стычка с Борзым, как я дрался с его ребятами. С каждой могилой, он становился все более словоохотлив, улыбка стала нервной.

Я отдыхал, присаживаясь подле Крыса, мечтая о воде. Простой, из-под крана, с резким запахом хлорки. Луна пробилась сквозь тучи и с грустью смотрела на нас. Я же, отдохнув, снова брался за поломанный черенок лопаты.

– Ты, это... Кузьма, – назвал меня по имени Чес, – не торопись третью копать. Вдруг нет смысла.

– Есть, – ответил я спокойно, – здравый смысл есть.

– Чё, вариант оставить меня под Всплеск – не вариант? Или как дружка своего, так можно, а меня сразу в расход? – окрысился урка.

Я промолчал, третья могилка давалась очень тяжело и даже не от усталости. Просто она копалась еще живому человеку. За меня ответил Трофимыч.

– Знаешь, ты тогда правду в схроне сказал. Не правильно человека оставлять под природной бурей, которая выжигает мозги. Я ошибся, наказывать нужно сразу.

– Так отпустите. Страшно, что пальну в спину? Так я так пойду, в берцах и трусах, – предложил Чес.

Я остановился, перевел дыхание.

– Ты нас за таких же уродов держишь, как «фризовцев»?

Нет, понимаю, их логика для тебя родная. Но не для нас, – произнес я. Постарался, чтобы голос не дрожал.

Чес сплюнул на землю и начал материться. Закончили мы одновременно, я копать, а он ругаться. Я вытер грязные ладони о штаны. От мата урки вынырнул из глубокого сна Крыса и испуганно озирался по сторонам, пытаюсь понять, что происходит.

Чес похрустел шеей:

– Слышь, на фига ты напрягался?

Я чувствовал пустоту внутри. Обычно мысли роем кружат в башке, спорят, выкрикивают новые идеи. Теперь же, пустота. Словно туман проник в мою голову и ничего в ней не осталось. Мой мозг хладнокровно высчитывал, заслуживает ли смерти урка или явка с повинной его спасет?

Чес продолжил:

– Только силы потерял. Хоронить дома надо, а тут надо на пределе спасать задницу.

Я промолчал. Поднял нож Унылого, оттер от грязи. Он как знал, что придется напиться крови. Радовался этому, игриво сверкал в отблесках костра.

Трофимыч по-стариковски побряхтел:

– Могу и я, если рука дрожит. Однако, он свою часть уговора выполнил...

– Угу, – кивнул я.

Крыса молчал, скукожился, постарался слиться с землей.

– Накрайняк, засунул бы трупы в Хибару и спалил, – вы-

крикнул Чес.

– Знаешь, в чем беда, Чес, – начал говорить я, подходя к нему. – Ты не думаешь о других. Есть только ты и весь мир, который тебе должен.

– И чё, это не так? – усмехнулся Чес. Он облизал уголки рта. Нервничает.

– Конечно, ты прав, – мне не хотелось говорить, но убивать привязанного не хотелось еще больше. – Конечно прав, пока не найдется более сильный зверь. Тогда, ты превращаешься в обычную дичь. Сразу вспоминаешь все моральные нормы.

– Ты мне что-то можешь предъявить? Только не шей фуфло про артефакт. Ты его мне сунул, гнида, – прошипел урка.

– Не буду. Хотя имей ты мозги, не дал бы развернуться конфликту. Даже не буду вспоминать адепта, это его путь, как и путь наемника. Забей даже на Трофимыча. Он сам виноват, что не раскусил тебя... – я остановился в шаге от урки.

Трофимыч за спиной крякнул. Я же продолжил:

– Даже не будем размышлять, скольких сталкеров и не только их, медленно кромсал Унылый под твоим чутким руководством.

Язык с трудом ворочался во рту. Шершавый, сухой. Я выталкивал каждое слово с большим трудом.

– Так чё?!

– Ничё. Пацана у блокпоста помнишь? Ты его просто

убил, стоящего на твоём пути. Мог застрелить сержанта и дать солдату по голове. Это не твой метод. Все в кровавую лепешку, всех убивать и грабить. Ты о его матери думал, которой придет похоронка?

Я искал зацепку, искал причину, чтобы не делать еще большего зла. Однако Чес не разочаровал:

– Да клал я на него и на его мамашу! Вы дичь, а я зверь! Надо было тебя прирезать, как свинью, сразу же видно, ты понты свои показал. Ну, режь! Чё стал!?

– Я не могу тебя отпустить, – сказал я. – Зато могу сделать две вещи. Позволить умереть тебе стоя и похоронить как человека, а не бросить как падаль.

Чес ухмыльнулся, самостоятельно начал приподниматься, опираясь спиной о столб. Он сорвался, попробовал еще и у него получилось.

– Жаль, Кузьма, мы раньше не встретились. Я б из тебя слепил настоящего бугра, – просипел он.

– Мне жаль, что в тебе пропал человек.

Шаг, резкое движение, и кромка ножа разрежала упругие шейные мышцы. Кровь брызнула во все стороны, окатив меня, как из шланга.

Я сделал заступ за столб и опустился на корточки. За моей спиной булькал урка, я же блевал в темные воды болота.

8

– Ты правильно сделал, что не сжег Хибару. Она строилась для укрытия и отдыха, а не для того чтобы делать из нее костер, – сказал Трофимыч.

– Знаю. Хотя теперь мозоли ноют, – ответил я ему.

Рассвет застал на марше. Марш команды инвалидов. Я успел положить тела в могилы, Трофимыч на столбе написал имена и клички, вырезал дату смерти. Крыса же, после имобилизации хоть и получил костыль из доски, тянул нас, как прицеп на сдутых шинах.

Мы залегли в кустах, настоящих кустах, а не в рогозе и камышах. Они остались в прошлом, как и болото, которое мы покинули с первыми сумерками. Теперь осталось сделать последний рывок, обойти нескольких военных, мы выходили на финишную прямую – к колхозу, за которым блокпост. Наш с Крысой блокпост.

– Скоро схрон. Должны успеть, – произнес Трофимыч, крутя монокль. Спасибо Дельному, тщательно его берег.

– Угу. Что делать будем, Трофимыч? Может, сдадимся?

– Если хочешь дезертиром прослыть, то давай топай. Крыса не забудь захватить, – хекнул как от шутки Трофимыч. – Хотя я знаю, приказ у военных, стрелять в любого, похожего на бандита.

– Понятно. На губу не хочу, в землю тоже, – задумчиво

ответил я. – Крыса, ты что выбираешь?

Крыса не ответил. Он кусал сложенную в несколько раз тряпку. Ножка у него болела – будь здоров. Однако я больше ничего не мог сделать. Как и не мог помочь Трофимычу. Жаль, что не успел взять сумку, там хоть антибиотики лежали.

– Черт, – произнес я с досадой.

– Нет, это просто Всплеск, – сказал Трофимыч. Как всегда, спокойный и уравновешенный. Видящий на один глаз, с жуткой головной болью и с плохим прогнозом на здоровье.

Я аккуратно отполз назад, перевернулся на спину. Почему-то мне казалось, в конце пути небо обязано разлиться синевой. Тучи разбегутся как можно дальше за горизонт, и над Зоной засияет солнце.

Наивно. Тучи, издеваясь, клубились над нами, наливались бурыми оттенками, как пятна крови на одежде. Тучи опустились ниже, мечтая раздавить нас о землю.

Всплеск. Чертов Всплеск начинался на сутки раньше прогнозов.

– О! Нам помогут кабаны. Вон кусты шевелятся. Сейчас пойдет гон, военные начнут стрелять в их сторону. Тогда и рванем.

– Крыса, слышал? Я тебя тащить буду, ты постарайся не кричать, как в туннеле с «разрядками», – сказал я солдатику. Странно, он служит в части на полгода дольше меня, а я оказался более подготовленным. Туннель, через который я не

мог провести бандитов, мы проскочили без проблем. Трофимыч знал расположение аномалии и провел нас за несколько минут. Опыт...

– Гон, – повторил Трофимыч. Он поправил автомат на плече, окинул меня взглядом:

– Может, мне ружье забрать?

– Нет, я обещал вернуть его начмеду, вот и верну, – угрожающе сказал я, и мысленно добавил. – И задам парочку вопросов.

– Смотри, у нас патронов... На раз, два...

Я нащупал в кармане еще несколько. Вот дурак, по болоту двигался и разбрасывался ими, как гайками.

– Двинули! – скомандовал Трофимыч сразу после первых выстрелов.

Мы вскочили и ринулись. Крыса, опираясь на меня, как на костыль, и бодро передвигая доской, продержался метров пятьдесят. Как раз толстые стволы тополей встали между нами и военными. Хорошие кабаны, хорошие!

– Ааюна, – жалобно протянул Крыса.

– Тихо, – попросил его Трофимыч. Сам он двигался шатко, все время оступался. Для сохранения равновесия приходилось ему ударять прикладом о землю. Не нравилось мне его состояние.

– Не могу, болит, сил нет, – пожаловался Крыса, но продолжил движение. Понимал, надо добраться до своего родного поста.

Выстрелы за спиной усилились, а с неба полил холодный дождь. Впереди замаячила ветрянка. Она, как огромная иголка, пронзала низко ползущие тучи.

– Это что, Трофимыч, Всплеск?

– Да! – громко крикнул сталкер. – Теперь нам надо успеть до схрона!

Смешно. Мне казался нереально длинным поход до колхоза. Это как первая поездка из своего города и неожиданное понимание, родной миллионник – это маленькая деревня.

Хромая мы топали к спасению. Слабость во всем теле, боль в грудной клетке и желание упасть прямо на месте. Дождь усилился и начал бить наотмашь, как ладонями по щекам. Не падать! Осталось чуток до счастья, и жизнь заиграет новыми красками. Что там упоминал Трофимыч? Рюкзак в схроне?

– Стой, – выдохнул сталкер за несколько метров до схрона.

– Тля, – выругался я. – Не может быть.

Из проема высунулись знакомые морды. Стая собак начала вываливаться из здания колхоза.

– Да сколько же их? – удивился я.

– Гон, Кузьма, гон, – произнес Трофимыч. – Ты это, Сергею передай, что проверку прошел...

– Ты о чем, – насторожился я. – Даже не думай.

– Давай, двинули, – толкнул меня в плечо Трофимыч. Он улыбнулся, широко, показывая целые зубы. Дождь намочил

его волосы и теперь сталкер выглядел моложаво. Он смотрел на нас и радовался.

«Незрячие псы», почувяв минутную заминку, ринулись к нам.

Трофимыч вскинул автомат и начал короткими очередями стрелять в мутантов Зоны. Я подхватил покрепче Крыса, и мы рванули вперед. Нет, так далеко не уйдем.

– Да, что ж ты меня не отпускаешь, – просипел я, думая о Зоне. – Бросай костыль, инвалид.

Бледный Крыса оказался тяжелее, чем я ожидал. Или может просто устал. Бежать не получалось, глина под берцами опасно скользила.

– Аaaa! – заорал Крыса, перекрывая звуки выстрелов. Что радовало, за каждой короткой очередью слышался предсмертный визг собак. Собаки теснили нас прочь от зданий.

– Бегите к посту! – раздался крик сталкера.

Я впервые оглянулся. Удалось немало протопать, мы вывернули на дорогу, по которой когда-то шли к ветрянке, «разрядке», «тушам». Колхоз и схрон остался позади, а вот Зона не хотела отпускать. Темные тучи, насыщенные бордовым цветом, наступали на нас сверху. Внизу же стая собак. Вру. Не может быть стая больше пяти-семи особей. Тут же – двадцать, облезло-гнилых старых знакомых. Они неслись группами и стекались со всего колхоза, точно Трофимыч стал вершиной треугольника.

Он повернулся, махнул рукой. Потерял зрение, потерял

здоровье. Сталкер со стажем и верным «калашниковым» выглядел сосредоточенно спокойным. Точно взамен он получил очищение от старых грехов, которые мучили его кошмарами, не давали спать. Может, видит во мне замену?

Я сбросил Крыса, но тот успел вцепиться в пропитанную кровью куртку бандита.

– Ты куда? Не надо! Не надо! Их много, много! Я никогда не видел столько «Незрячих псов»!

Он вцепился крепко, как репей.

Да, много. Черт. Конечно, тушки привлекли внимание голодных созданий, а Всплеск усилил их страх. Теперь они готовы наброситься на любого, обглодать его, сожрать. Хотя странно, почему они не разделились и не бегут к нам? Трофимыч начал стрелять. Экономно, прицельно, он гасил ненависть в глазах зверей.

Эти выстрелы и жалобный стон Крыса меня отрезвил.

– Я сам не дойду. Бросишь и меня точно съедят.

Я глянул в его белое лицо, покрытое липким потом. Его трясло, больную ногу он поджимал, как хромой утенок. Его окатывали холодные струи дождя. В тот момент я думал не про себя. Странно, мне снова вспомнился солдатик, которого обглодали собаки. Из-за него я боялся ходить в Зону. Ошметки лица, вырванные крепкими зубами куски кожи и мяса, оголенные дыры в теле, через которые был виден развороченный кишечник.

Это мое испытание от Зоны. Я мог кинуться к Трофимы-

чу, но с ружьем и пятью патронами мало чем помогу. Старый сталкер сделал выбор, и теперь я стал старшим в группе. Прощай жизнь «отмычки»!

Я поправил ружье на плече, так чтобы легко его было сдернуть для выстрела, незаметно погладил артефакт в нагрудном кармане.

Крыс за пару минут стояния потяжелел килограммов на десять. Или это чувство вины прибавилось на мои плечи, и теперь каждый шаг давался с трудом. Выстрелы. Они придавали мне сил. Значит, сталкер ведет бой, и, чем судьба не шутит, вдруг вырвется. Он же опытный! И плевать, что собак не мерено, и плевать, что патронов у него пара рожков, плюс пистолет Макарова.

Крыса подвывал от боли, но негромко, словно боялся привлечь внимание собак. Я же скрипел зубами и периодически крыл матом, проклиная тварей. Странно, я повторяю маты Чеса. Вот так, жизнь «отмычкой» не проходит даром. Понабрался от своих спутников. Чему ж меня могут научить старый сталкер, урка, торгаш и любитель расчленять молодые тела? Я не знал. Мне хотелось верить в себя, что из этого потока черного и белого я смогу впитать только правильные вещи. Верность от сталкера, который не побежал на Границу искать врача, ярость от Чеса, имя которого я так и не узнал, расчетливость Дельного... Даже Унылый пригодился, показывая, каким не стоит становиться. Выстрелы.

Грудная клетка трещала, в ушах появился свист. Ветер

усиливался и помогал нам, толкая в спину. Холодные капли текли за шиворот, остужая меня. Страх, нет, опасность придала силы, и я немало прошел. Выстрелы. Теперь тише и менее грозные. Это уже ругался пистолет. Вперед! Есть шанс! Ветер в нашу сторону, не учуют нас «слепые псы».

Я слышал визг, впервые визг собак. Выстрелы прекратились, остались где-то там, в зоне тумана и дождя. Громко треснуло небо. Предупреждает, скоро и Всплеск, так что беги, Кузьма Новиков, беги!

– Собаки! – заорал Крыса.

Нет, не отпускает меня Зона. Я вдруг вспомнил, как просил Небо дать шанс отомстить троице бандитов. Громыхнуло, свет ударил по глазам. Как в ответ от Неба: я выполнило твою просьбу. Теперь плати? Чем? Бросить Крысу? Или наоборот, это проверка на вшивость?

– Собаки! – повторно проорал Крыс. Мне кажется, он снова обоссался. Или это просто дождь?

Вот он, родимый холмик. Помню, как лежал, пробовал на вкус травинку. Горечь и сейчас оставалась во рту. Я сбросил Крыса, встал спиной к холму. Повернулся к колхозу. За пеленой дождя очертания построек остались смазанными, казалось, низкие тучи задевают ветрянку.

К нам приближались мутанты. Запах мокрой псины забивал ноздри.

Я сдернул ружье. Хорошая «вертикалочка».

– Не бойсь, Крыса, их только пять, – произнес я, не добав-

ляя, что столько же у нас и патронов. И что к нам двигается еще одна стая.

Я всматривался без страха в приближающиеся точки. Они обретали очертание, становились видны вытянутые тела.

Ружье из моих рук выдернули ловко. Крыса вцепился у него и тут же упал на спину. Два черных зрачка уставились мне в грудь.

– Прости, Кузьма, прости... – тараторил Крыса.

– Ты чего? – поднимая ладони к небу, спокойно сказал я.

– Я не хочу помирать, не хочу...

Я усмехнулся. Ружье дрожало, выводило восьмерки в тяжелом воздухе. Крыса трясло от страха и боли. Он опустил ствол чуть ниже, нацелив мне в живот.

– Они от меня отстанут? – уговаривал он сам себя. – Да, точно, отстанут. Займутся тобой, пусть тебя едят.

Его зрачки, расширенные до размера копейки, смотрели на меня и не видели. Страх заполонил его, заставлял творить глупости. Что ж, у каждого свой инстинкт самосохранения.

– Нет, без меня ты и дальше десяти метров не пройдешь, – спокойно сказал я. Где там собаки? Еще бегут или уже прыгает тварь мне на спину?

Я сделал шаг, ствол почти уперся мне в живот.

– Антон, не дури. Сам ты не...

Он нажал на спусковой крючок. На долю секунды, я резким движением убрал в сторону ствол, а сам отклонился вправо. Громко рывкнуло ружье. Ошметки куртки разлете-

лись по полю.

– Тупой, – произнес я со знакомой интонацией.

Выхватил ружье, переломил его. Дымящиеся патроны отлетели под дождь. Я повернулся спиной к Крысу. К нам неслась здоровая псина. Я видел ее желтые зубы, покоруженное тело. Странно, руки у меня не тряслись. Я вытащил два патрона, вложил их в ствол. Клацнуло ружье.

– Не бойсь, солдатик, сейчас прорвемся, – пообещал я Крысу. Провел по разорванной куртке. Нет, на теле даже царапины не отыскалось, мимо выстрелил солдат. Только зацепил счастливый, бандитский куртяк. Где-то внутри меня, ярость требовала застрелить предателя, снести ему башку и, оставив собакам, ломануться на блокпост, который очень близко.

– Пр... Прости, – заикаясь, ответил Крыса.

– Должен будешь, – с улыбкой ответил я. И засунул между зубами патрон. Единственный патрон. Нащупал нож Унылого. Готов. Холодный дождь приятно струился по бороде, Небо устроило карнавал цветов, умелой хозяйкой выставило перед дорогим гостем самое лучшее.

Первым выстрелом я снес полголовы жожаку. Он уже собрался прыгать, но вместо этого рухнул на землю. Спасибо, Трофимыч, за науку в схроне!

Второй выстрел, и слепой пес с развороченной грудиной упал, задрыгал лапами в воздухе. Перелом ружья. Новые патроны. Я стрелял точно и четко. В упор. С каждым выстре-

лом, за себя, за Трофимыча, за трясущегося от страха Анто-на.

Еще двое, вместо теплого куска мяса, нашли смерть. Последний, то ли самый опытный, то ли доходяга, начал поску-ливать. Он двигался к нам, не желая того, стараясь уйти в сторону.

Прозвучала автоматная очередь. Хлесткая, родимая. Со-бака забилась в агонии.

Я оглянулся, не веря своему счастью. На холме стоял чер-нявый прапор, Баранов и еще несколько бойцов. В полной амуниции, с автоматами.

Знакомый чернявый прапорщик посмотрел на Крыса и тут же толкнул Баранова:

– Чё? Проспорил, дурья башка? Меньше трех дней Нови-ков пробудет в Зоне, меньше трех... Берите их и бегом марш прятаться от Всплеска на блокпост!

Я вытер уголки рта.

– Ну что, дезертиры, с возвращением в часть, – произнес он с усмешкой.

Над моей головой клокотало Небо, довольное устроенным представлением от Кузьмы Новикова.

С лязгом открылась дверь в карцер. Я бросил под матрас веревку, которую крутил в руках. Хорошая, белого цвета и, главное, крепкая. Осторожно заглянул Баранов, не кидаюсь ли я на него с кулаками? Нет, сижу спокойно. Он недовольно поставил автомат на предохранитель.

– Встать, – приказал он вальяжно.

Я посмотрел ему в глаза. Порвать его, что ли, пополам? Баранов дернулся, как от удара током, сделал шаг назад. Открыл рот, но не издал ни звука. Я покрутил шейей, захрустели позвонки.

– Я встану – ты ляжешь, – ответил я ему.

Тот промолчал, пропуская солдатика с подносом. Тоненький, нескладный, наверняка из моего призыва, тот сосредоточенно смотрел на тарелку с жидким борщом и рисовой кашей, гордо именуемой пловом.

– Быстрей, – сказал ему Баранов.

Солдатик поставил поднос и, суетливо шурша берцами, метнулся из карцера.

Неужели и я такой перепуганный бродил по части? Я цыкнул, привлекая внимание Баранова, и сказал:

– Свободен.

Баранов взялся за ручку.

– Из того что, я слышал, тебе лучше сразу вены вскрыть, –

протяжал он и тут же лязгнули двери.

Хорошо. Мокрая от пота футболка липла к телу. Я пододвинул поднос к стене, проверил, качественно ли стоит. Легко скинул берцы, благо шнурки у меня забрали. Шнурки забрали, а веревку специально оставили под кроватью. Ничего, я отыскал ей достойное применение.

После сгибания и разгибания рук в упоре лежа наступил и ее черед. Веревка, с узелками на конце, превратилась в скакалку. Триста прыжков. Ребра ныли, просили прекратить пытки. Я не обращал внимания. Время на отговорки осталось в прошлом. Я помнил, как не мог завалить тщедушного урку. Помнил про блокнот, ради информации в котором погибло столько людей. Помнил, как советовали Трофимыч и Дельный – думай.

Пора меняться. Меняться в лучшую сторону.

Я остановился на цифре пятьсот. Бросил самодельную скакалку, посмотрел в небесную синеву. Умытое после Всплеска, оно сияло от счастья. Что ж, я пока прочно стоял на земле и не торопился на небо.

Весна 2015-26.08.2015